

**ЖАЛОЛИДДИН
МАНГУБЕРДИ**

**JALOLIDDIN
MANGUBERDI**

**ДЖАЛОЛИДДИН
МАНГУБЕРДИ**

“ШАРК” НАШРИЁТ-МАТБАА КОНЦЕРНИ
ТОШКЕНТ – 1999

- © “Шарк” нашриёт-матбаа концерни. 1999
- © Publishing and Printing Concern “Sharq”, 1999
- © Издательско-полиграфический концерн “Шарк”, 1999

ХАЛҚИМИЗНИНГ МИЛЛИЙ ҚАҲРАМОНИ

Ватанимизнинг минг йиллик тарихи эл юртимизни босқинчи, ёвуз кучлардан ҳимоя қилиш, миллатимизнинг озодлиги ва ор-номусини асраш йўлидаги буюк воқеаларни, буюк шахсларнинг жасорати ва мардлигини асрлар давомида ўз ёрқин хотирасида сақлаб келмоқда.

Жалолиддин Мангуберди – она Ватан ҳимоячиси, жасур саркарда ва давлат арбоби, халқимиз тарихида Спитамен, Муқанна, Нажмиддин Кубро, Амир Темур, Мирзо Улуғбек, Бобур Мирзо сингари ўчмас из қолдирган миллий қаҳрамондир.

Жалолиддин Мангубердининг парокандалikka юз тутган эли бирлаштириб, қурраи заминга даҳшат солган Чингизхон босқинига қарши мардона кураши ва мислсиз жасоратида кўҳна юртимиз ва эрксевар халқимизнинг маънавий қиёфаси ўз аксини топган.

Бор-ўйғи ўттиз икки йилгина умр кўрган бу баҳодир зотнинг мўътабар номи ўз замонасида дунё бўйлаб қанчалар доврўқ таратган бўлса, орадан кўн кўн асрлар ўтгач ҳам мардлик ва озодлик учун кураш, эл юртга фидойилик тилсоли сифатида яшаб келмоқда. Унинг қаҳрамонлиги келажак авлодларга, биринчи галда сиз билан бизга тарихий хотира олдида бошимизни мағрур тутиб яшамоғимиз учун тўла ҳуқуқ беради.

Дунёда ҳеч бир хайрли иш беиз кетмайди. Миллат руҳи, одамзотнинг озодлик сари интилиши абадийдир. Орадан бир аср ўтиб, соҳибқирон Амир Темур Жалолиддин Мангуберди бошлаган озодлик курашини янги шароит ва улкан миқёсларда давом эттирди. Она юртимизни босқинчилардан халос қилиб, марказлашган қудратли давлат барпо этди.

Тарихда ўлмас ном қолдирган халқимизнинг ўнлаб азиз сиймолари сизгари мустамлака тузуми даврида султон Жалолиддин шахси ҳам ноҳақ унутилишга маҳкум этилган эди. Лекин ўзбек халқи ўзининг қаҳрамон фарзандини асло унутмади, унинг хотирасини ҳамisha қалб тўрида сақлаб келди.

Халқимизнинг бугунги эркин ҳаёти, юртимизда амалга оширилаётган бунёдкорлик ишлари, давлатимизнинг куч қудратга тўлиб бораётгани — буларнинг барчаси Жалолиддин Мангуберди умрини бағишлаган эзгу гоялар тантана қилаётганидан, унинг олижаноб орзу умидлари рўёбга чиқаётганидан далолатдир.

Мангубердининг ўлмас ибрати бугунги кунда юртимизнинг тинчлиги, халқимизнинг омонлиги, сарҳадларимизнинг дахлсизлигини кўз қорачигидек асраб келаётган довурак аскарларимиз, эл юрт посбонлари, жасур ўғлонларимиз шижоатида намоён бўлмоқда.

Умид қиламизки, бизнинг буюк аجدодларимизга бўлган ҳурмат-эҳтиромимиздан, озод ва обод Ватан, фаровон жамият қуриш борасидаги бунёдкорлик ишларимиздан у муборак зотнинг ҳам руҳи поки шод бўлгай.

Жалолиддин Мангубердининг ўлмас номи, қаҳрамонлиги, шаън-шавкати миллатимизнинг фахру ифтихори сифатида авлодлардан авлодларга ўтиб бораверади.

Ислам КАРИМОВ,
Ўзбекистон Республикаси Президенти

NATIONAL HERO OF OUR PEOPLE

The great struggles for the freedom and sovereignty of the nation and the heroic deeds and courage displayed by great personalities are engraved on the bright memory of the history of our country for more than a millennium .

Jaloliddin Manguberdi was a protector of the Motherland, a brave warrior and statesman who left an unforgettable mark in our history like Spitamen, Muqanna, Najmiddin Kubro, Amir Temur, Mirzo Ulugbek, Bobur Mirzo and others.

Jaloliddin Manguberdi's efforts to unite a divided nation and his courageous and victorious struggle against Chingizhan who threatened to conquer the world reflects our ancient heritage and the spiritual image of our freedom-loving people.

Though he lived only thirty two years, after so many centuries have already passed, his name is as famous and popular as it was in his lifetime as a fighter for independence and as a symbol of devotion to his country and people. His heroism will serve the coming generation and all of us as a good example and enable us to live a proud life.

Good deeds never go without leaving a trace. National spirit and the aspiration of mankind for freedom are eternal. After a century Sokhibkiron Amir Temur continued the struggle for freedom which had been started by Jaloliddin Manguberdi in a new situation and on a greater scale. Amir Temur freed the country of its occupants and built a powerful centralized state.

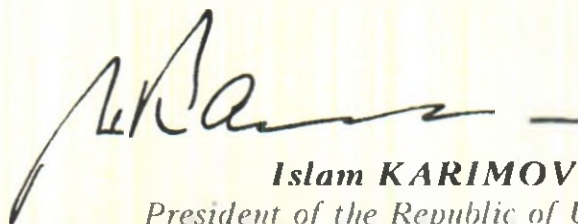
Like many outstanding personalities of our history, Sultan Jaloliddin's name was also unjustly forgotten in a period of occupation. But Uzbek people did not forget their brave son, they have always remembered him in the depth of their hearts.

Today's independence, the creative peaceful activities of our people, the evergrowing strength of our state is the proof of the realization of the dreams of Jaloliddin Manguberdi and the ideals for which he devoted his life.

Manguberdi's everlasting deeds are seen in the staunch activities of our soldiers who secure territorial integrity and guard the peaceful labour of our people.

We hope that our deepest respect to our great ancestors, our constructive work to build free and flourishing Homeland and prosperous society will please the spirit of this blessed personality.

The Immortal feats of arms and the name, courage and glory of Jaloliddin Manguberdi will forever be a part of our national pride and exploits.

Islam KARIMOV,
President of the Republic of Uzbekistan

НАШ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ

Тысячелетняя история нашей Родины хранит многовековую память о событиях, связанных с иноземным нашествием на эту землю, ее защитой от вражеских посягательств, освобождением народа от ига завоевания, сохранением его чести и достоинства, а также именах людей, проявивших мужество и героизм.

Джалолиддин Мангуберди – защитник Родины, великий полководец и государственный деятель – национальный герой, оставивший такой же неизгладимый след в истории народа, как Спитамен, Мукамна, Наджмиддин Кубро, Амир Темур, Мирзо Улугбек и Бобур Мирзо.

В самоотверженной борьбе и беспримерном подвиге Джалолиддина Мангуберди, сумевшего объединить разрозненные силы и дать решительный отпор нашествию Чингиз-хана, нашло свое отображение духовное совершенство свобододоблюбящего народа на древней земле.

Слава об этой достоимой личности, храбрце, прожившем всего лишь тридцать два года, распространилась в то время по всему миру. И ныне, по прошествии многих веков, его мужество и самоотверженная борьба за свободу символизируют собой яркий пример самопожертвования.

Его героизм дает полное право будущим поколениям людей, в первую очередь нам с вами, жить, высоко держа голову перед исторической памятью.

В мире ни одно благое дело не проходит бесследно. Вечными остаются национальный дух, стремление человечества к свободе. Спустя одно столетие, сахибкиран Амир Темур в иных условиях и более масштабно продолжил борьбу народа за свободу. Освободив Родину от иноземных завоевателей, он создал мощное централизованное государство.

Как и имена десятков наших великих предков, оставивших неизгладимый след в истории, личность султана Джалолиддина в период колониального строя несправедливо была предана забвению, однако народ не забыл своего героического сына, храня о нем память в своем сердце.

Свободная сегодня жизнь народа, осуществляемая нынче созидательная деятельность, приумножение силы и мощи государства – все это свидетельства воплощения мечты и чаяний Джалолиддина Мангуберди, его светлых надежд.

Бессмертный пример Мангуберди проявляется сегодня в мире и благополучии народа, смелых воинах, охраняющих, как зеницу ока, рубежи отечества, деяниях наших сыновей.

Надеемся, что душа этой великой личности радуется тому уважению, которое мы оказываем нашим великим предкам, созидательной деятельности по строительству свободной и процветающей Родины.

Бессмертное имя Джалолиддина Мангуберди, его героизм и слава в качестве национальной гордости будут передаваться от поколения к поколению.

Ислам КАРИМОВ,
Президент Республики Узбекистан

Ватан озодлиги йўлида жонини фидо қилган дов-
юррак курашчи, миллий қаҳрамон, жаҳон халқлари
тарихида ўчмас из қолдирган Жалолиддин Мангубер-
диннинг хотирасини абадийлаштириш ва тарихий адолат-
ни қарор топтириш мақсадида Вазирлар Маҳкамаси

қ а р о р қ и л а д и :

*Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси,
Хоразм вилояти ҳокимлиги, Маданият ишлари вазирли-
гининг 1999 йилда Жалолиддин Мангуберди таваллуди-
нинг 800 йиллигини кенг нишонлаш ҳақидаги таклифла-
ри маъқуллансин.*

**Ўзбекистон Республикаси Ҳукуматининг
“Жалолиддин Мангуберди таваллудининг
800 йиллигини нишонлаш тўғрисида”**

**Вазирлар Маҳкамасининг Раиси И. КАРИМОВ
1998 йил 24 сентябрда имзолаган Қароридан.**

In connection with the 800th anniversary of Jaloliddin Manguberdi — a national hero, fearless fighter who devoted his life to the freedom of his country, who left an unforgettable vestige in world history, in order to confirm his historical place and in order to immortalize him, the Cabinet of Ministers

r e s o l v e s :

To approve the suggestions of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, the Khokimiyat of Khorezm and the Ministry of Culture about the celebration of the 800th anniversary of Jaloliddin Manguberdi in 1999.

From the Resolution of the Government of the Republic of Uzbekistan “About the celebration of the 800th anniversary of Jaloliddin Manguberdi”.

**The Chairman of the Cabinet of Ministers I. KARIMOV
on the 24th September 1998.**

— * —

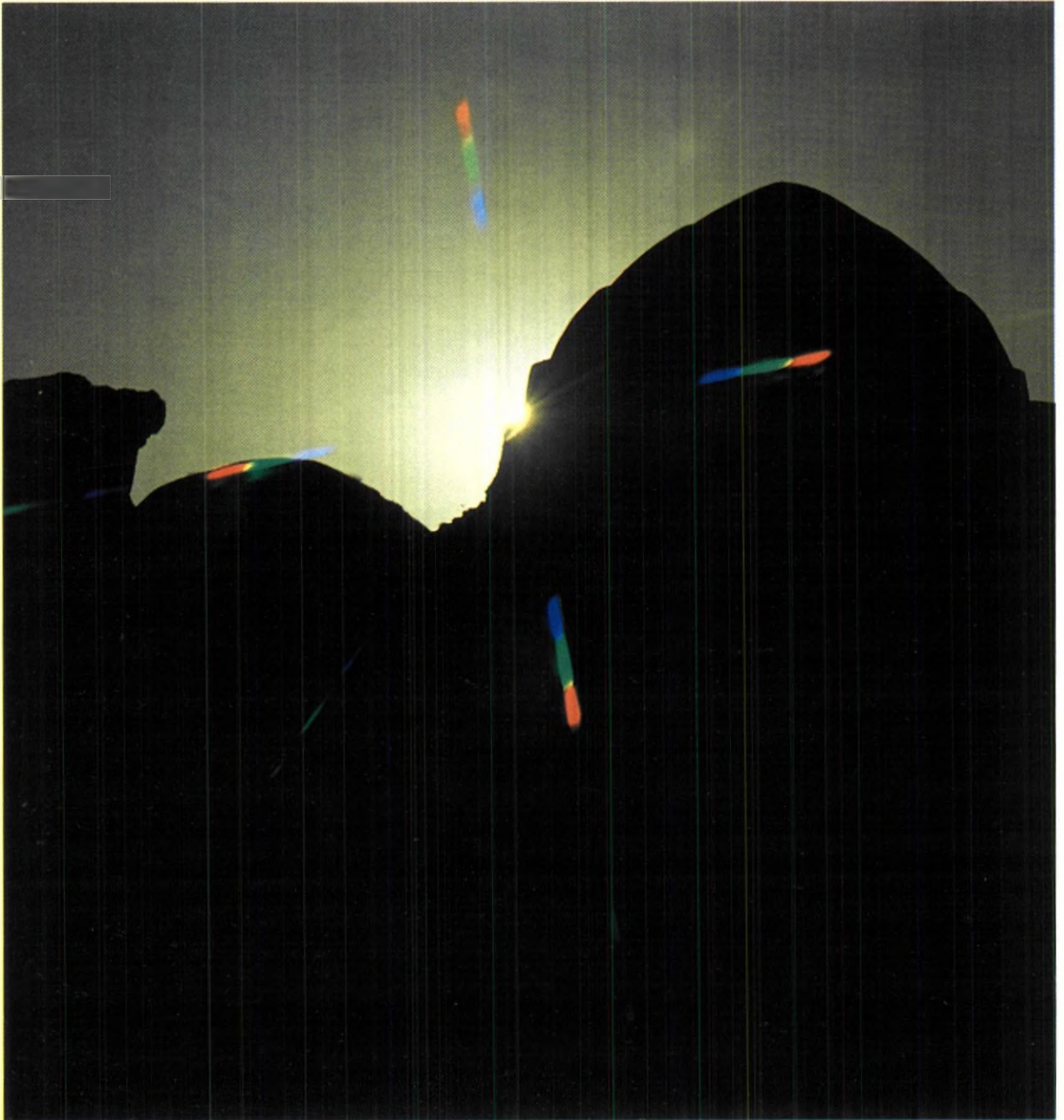
В связи с 800-летием со дня рождения Джалолиддина Мангуберди — национального героя, бесстрашного борца, отдавшего жизнь за свободу Родины, оставившего неизгладимый след в истории народов мира, в целях утверждения исторической справедливости и увековечения его памяти Кабинет Министров

п о с т а н о в л я е т :

Одобрить предложения Академии наук Республики Узбекистан, хокимията Хорезмской области и Министерства по делам культуры о широком праздновании в 1999 году 800-летнего юбилея Джалолиддина Мангуберди.

**Из Постановления Правительства Республики Узбекистан
“О праздновании 800-летнего юбилея
Джалолиддина Мангуберди”,**

**подписанного Председателем Кабинета Министров
И. КАРИМОВЫМ
24 сентября 1998 года.**

**ЖАЛОЛИДДИН
МАНГУБЕРДИ**

МУҚАДДИМА

Жамият таракқиёти ўзига хос мураккаб жараён бўлиб, унинг вақт аталмиш ўлчов воситасида қайд этилган салмоғида турли-туман тарихий кечмишлар акс этган. Ўзбекистон халқлари тарихи ҳам умумбашарий тарихнинг ажралмас қисмидир. Шу сабабдан унинг турли даврлардаги хусусиятини манбаларга таянган ҳолда холисанилло ёритиб бориш нафақат шу ўлканинг ўзи, балки жаҳон тарихи учун ҳам муҳим аҳамият касб этади.

Қолаверса, юртимиз тарихини муқаммал ўрганиш унинг мустақил давлат сифатида ривожланиши жараёнида бугунги сиёсий мавқеи, иқтисодий ривожини ва маданий юксалиши учун ҳам аҳамиятлидир.

Бугунги кунда мустақиллик шарофати билан тарихимизни ҳар томонлама ҳаққоний ёритиш имкони туғилди, шу пайтгача эътибордан четда қолиб келган буюк аجدодларимизнинг тарихий сиймолари тикланмоқда, уларнинг кечмишлари жаҳон халқлари тарихи китоби саҳифаларидан муносиб ўрин олмоқда.

Баҳоуддин Нақшбанд, Мирзо Улўғбек, Амир Темур, Имом ал-Бухорий, Аҳмад ал-Фарғоний каби буюк сиймолар юбилейларининг кенг миқёсда нишонланганлиги Ўзбекистон халқлари тарихига, кадриятларимизни тиклашга қаратилган катта эътибор белгисидир.

Ўзбекистон жаҳоннинг қадимий тарихга эга бўлган ўлкаларидандир. Ўтмишда бу заминда вақти-вақти билан йирик сиёсий бирикма — давлатлар таркиб топганини, уларнинг вужудга келишида айрим шахслар, хусусан, саркардаларнинг алоҳида хизмати борлигини биламиз. Жумладан, ўрта асрларда Ануштагинлар-Хоразмшоҳлар салтанатида Жалолиддин Мангубердиннинг саркардалик фаолияти, мустақиллик учун фидокорона кураши тарих зарваракларига битилган.

Республика Вазирлар Маҳкамасининг 1999 йилда буюк саркарда Жалолиддин Мангуберди таваллудининг 800 йиллигини кенг нишонлаш тўғрисидаги 1998 йил 24 сентябрда чиқарган қарори тарихимизга эътибор кўчайганлигининг яна бир ёрқин далили ҳисобланади.

Жалолиддин Мангуберди ўзининг ҳаёт тарзи, мустақиллик учун фидокорона кураши, ажойиб саркардалик фаолияти, шахсий жасорати, ватанга муҳаббати билан тарихдан муносиб ўрин олди. Унинг мўъуллар истилосига қарши олиб борган қаҳрамонона кураши ўша давр тарихчилари асарларида қайд этилган. Ибн ал-Асирнинг “Ал-комил фи-т-тарих”, Шихобуддин Муҳаммад ан-Насавийнинг “Сийрат ас-султон Жалолиддин Мангубурни”, Алоуддин Атомалик Жувайнийнинг “Тарихи жаҳонгушоӣ”, Рашидаддин Фазлуллоҳнинг “Жомеъ ат-таворих” асарлари шулар жумласидандир.

Жалолиддин Мангубердиннинг саркардалик фаолияти Ўзбекистон давлатчилиги тарихи китобининг энг ёрқин саҳифаларини ташкил этади. Зеро, саркарда Жалолиддин ўша кезларда ташкил топган ҳамда сиёсий, иқтисодий

ва маданий жиҳатдан ўз даври нуқтаи назаридан юксак ривожланган улкан давлат — Ануштагинлар-Хоразмшоҳлар салтанатида шахс сифатида шаклланди.

Ёзма манбаларда ҳам ўша замонларнинг хусусиятларини зиддиятлари қаламга олинган. Жалолиддин Мангуберди фаолиятига баҳо берганда ҳам даврни ҳисобга олиш, манбаларда қайд этилган тарихни қиёсий ўрганиш лозим бўлади. Демак, бу борада чиқариладиган аниқ илмий хулосалар унинг манба-шунослик асосларини кучайтириш билан боғлиқ. Мавжуд асосий тарихий манбаларда Жалолиддин Мангуберди жасур, ҳарбий маҳорати рақибиникидан устун келадиган, қийинчиликлардан қўркмайдиган, замондошлари орасида дўстларининг меҳр-муҳаббатини қозонган, ғанимлар эса унинг марди-майдонлигини тан олган, озодлик, мустақиллик учун толмас қурашчи сифатида таърифланган. Унинг ана шу хусусиятларидан бугунги кунда ҳам ёшларимиз ўрнак олсалар арзийди. Зеро, Жалолиддин Мангубердининг қаҳрамонлик тарихини кенг ёритиш ёшларимизни ватанпарварлик руҳида тарбиялашда катта аҳамиятга эга.

ЖАЛОЛИДДИН МАНГУБЕРДИ ЯШАГАН ДАВР

ХОРАЗМШОҲЛАР ДАВЛАТИДА СИЁСИЙ ВА МАДАНИЙ ҲАЁТ

Хоразм диёри Ўзбекистон ҳудудидаги қадимий маданият масканларидан биридирки, археологик тадқиқотлари ёзма манбалар бундан яққол далилат беради. Хоразмнинг географик ўрни, хусусан, унинг Амударё этагида жойлашганлиги бу ерда узок мезнйдан бошлаб суғорма деҳқончиликнинг ривожланиши, шаҳарлар барпо этилиши, давлат ташкил топиши, фан ва маданиятнинг тараккий этиши учун қулай имконият яратди. Қадимги Хоразм Амударё этагида иккала соҳил бўйлаб то Орол денгизигача, ғарбда Каспий денгизигача, жанубда Хуросон ерларигача бўлган катта ҳудудни ўз ичига олган.

Хоразм ҳукмдорлари тарихда хоразмшоҳлар номи билан машҳур бўлганлар. Ўрта асрларда Хоразмда давлатни хоразмшоҳларнинг тўртта сулоласи бошқарган: Африғийлар (305–995); Маъмунийлар (995–1017); Олтинтош сулоласи (1017–1034); Ануштагинлар сулоласи (1097–1231).

Ушбу давр хақида бирмунча аниқ тасаввур ҳосил қилиш учун Хоразм тарихига Маъмунийлар ҳукмдорлиги замонидан бошлаб назар ташлаш лозим. Зеро, X–XII асрларда Хоразм мураккаб сиёсий жараёнлар оқимида бўлган ва бу жараёнлар, умуман, бутун Ўрта Осиёда кечган сиёсий ўзгаришлар билан боғлиқ эди.

Маълумки, X асрнинг иккинчи ярмига қадар Хоразм сиёсий-маъмурий жиҳатдан икки қисмдан: пойтахти Кот шаҳри бўлган Жанубий Хоразм ҳамда пойтахти Гурганж шаҳри бўлган Шимолий Хоразмдан ташкил топган. Жанубий Хоразмни – шоҳ, Шимолий Хоразмни эса амир бошқарган. X аср охирида Шимолий Хоразм ҳукмдори Маъмун ибн Мухаммад мамлакатни бирлаштириб, ўзини хоразмшоҳ деб эълон қилди, Гурганж ягона пойтахт бўлиб қолди. Маъмунийлардан Маъмун ибн Мухаммад (995–997), Али ибн Маъмун (997–1009), Маъмун ибн Маъмун (1009–1017) ҳукмдорлиги даврида Хоразмнинг сиёсий, иқтисодий ва маданий мавқеи кучайди. Шу даврда Хоразмда илм-фан раванк топди, буюк ватандошимиз Абу Райҳон Беруний ҳам Хоразмшоҳлар давлатида етишиб чиққан. Хоразмнинг 1017 йилдан кейинги тарихи Ўрта Осиёда таркиб топган бир қанча сиёсий бирликлар тарихи билан бевосита боғлиқки, қуйида уларнинг қисқача таърифини келтирамиз.

Ҳазнавийлар давлати. Ўрта Осиёда 875–999 йилларда ҳукм сурган Сомонийлар давлати таркибида тобеъ вилоятлардаги феодал ҳукмдорларнинг мавқеи аста-секин ортиб борди. Шулардан бири сомонийларнинг Ҳазна вилоятидаги ноиб туркий саркарда Алптегин бўлиб, унинг Хуросон ва Мовароуннаҳрда қўплаб мулклари бор эди. Мустақиллик даъво қилган Алптегин 962 йили Ҳазнавийлар давлатига асос солди. Унинг Собуктегин деган қули иқтидори туфайли обрў-эътибори орта бориб, Алптегинга қуёвлик шарафига эришди ва унинг вафотидан сўнг ҳокимиятни бошқариб Ҳазна амири бўлди.

X аср охирларида қорахонийлар Мовароуннаҳрга бостириб кириб Сомонийлар давлатини тугатди. Собуктегин қорахонийларга қарши лашкар жўнатди, икки ўртада музокара олиб борилиб, Амударёдан жанубдаги барча ерлар Собуктегин ихтиёрига берилди. Шу асосда Ғазнавийлар давлати ташкил топди. Собуктегин (977–997) ва унинг катта ўғли Маҳмуд Ғазнавий (998–1030) ҳукмронлик қилган йилларда у Ўрта Шарқдаги йирик давлатга айланди.

Маҳмуд Ғазнавий 999 йили Хуросон ҳудудидаги барча вилоятларни эгаллаб, ўзини султон деб эълон қилди. У қорахонийлар билан бўлган жангларда ғолиб келди ва Мовароуннаҳрнинг жанубий қисмларини ўз давлатига қўшиб олди. Жанубга юришлар қилиб, Панжоб, Кашмир ва Шимолий Ҳиндистонни эгаллади. Хоразмдаги ички нотинчликлардан фойдаланиб, бу ҳудудни ҳам ўз давлати таркибига киритди (1017) ва Олтинтошни хоразмшоҳ унвони билан тақдирлаб ноиб қилиб қолдирди. Маҳмуд Ғазнавий нафақат Хоразм бойликларини, балки у ердаги кўнлаб илм аҳлини ҳам ўз пойтахти Ғазнага олиб кетди. Олимлар орасида энг машҳури ватандошимиз Абу Райҳон Беруний эди. Хоразм 17 йил Ғазнавийлар давлатига тобеъ бўлди.

Маҳмуд Ғазнавий ўлимидан сўнг (1030) Ғазнавийлар давлати заифлашди, ҳудуди қисқарди. Жумладан, Хоразмдаги Олтинтош сулоласи (1017–1034) салжуқийлар томонидан тугатилди. Сўнгра, 1040 йили Марв ва Сарахс ораллигида ғазнавийлар ва салжуқийлар ўртасида хал қилувчи жанг бўлиб, унда ғазнавийлар узил-кесил мағлуб бўлди. Лекин Ғазна ва, айниқса, Шимолий Ҳиндистонда Ғазнавийлар давлати XII асрнинг охиригача (1186) сақланиб турди.

Қорахонийлар давлати. Ўнинчи асрда Шарқий Туркистондан Етти-сувгача бўлган ҳудудда ташкил топган ана шу феодал давлатнинг барпо этилишида бир қанча туркий қабилалар қатнашиб, улардан асосийлари қорлик, чигил ва яғмо қабилалари бўлган. Бу қабилалар X асрнинг ўрталарида ислом динини қабул қилган эди. Қорахонийлар давлатининг асосчиси Абдулқарим Сотуқ Бугроҳон (Қорахон) яғмо қабиласидан эди.

Қорахонийлар давлатининг пойтахти вақт-вақти билан Қашғар, Баласоғун, Ўзган шаҳарларига кўчиб юрди. Кўпроқ Қашғар шаҳри пойтахт бўлган. Қорахонийлар Мовароуннаҳрга бир неча марта ҳужум уюштириб, 992 йили Сомонийлар давлатининг пойтахти Бухорони забт этдилар. Лекин ўша йили Сотуқ Бугроҳон вафот этиб, улар Мовароуннаҳрдан кетишга мажбур бўлишди ва 999 йилдагина уни қайта эгалладилар. Юқорида таъкидлаганимиздек, ички феодал тарқоқлик авж олган Сомонийлар давлати қорахонийларнинг ҳужумларига дош беролмай тугади.

Қорахонийлар даврида Мовароуннаҳр кичик-кичик мулк — иктоъларга бўлиниб, уларни қорахонийлар хонадонига мансуб шахслар — илекхонлар бошқарарди. Самарқанд марказий шаҳар эди. Илекхонлар ўртасида давом этган якка ҳокимиятчилик учун кураш бора-бора давлатни заифлаштирди. Қорахонийлар билан Ғазнавийлар ўртасида айтарли жиддий ҳарбий тўқнашув бўлгани йўқ. XI асрнинг бошида қорахонийлар икки марта Хуросонга чопқин ясаган бўлсалар-да, бироқ Маҳмуд Ғазнавий уларни қувиб чиқарди. Демак, каттагина ҳудудда ягона сиёсий-маъмурий бирлик ташкил топиб, у Шарқий Туркистон ва Мовароуннаҳрни ўз ичига олган. Ана шу ҳудудда иктисодиёт, фан ва маданият соҳаларида муштарак тараққиёт юз берди, ҳунармандчилик, савдо, фан, маданият, амалий санъат ривожланди. Тошкент, Самарқанд, Ўзган, Қашғар, Баласоғун, Бухоро, Урганч каби шаҳарлар юксалди, уларда кўпгина масжид ва мадрасалар барпо этилди; фаннинг турли соҳаларида асарлар яратилди: Гардизийнинг “Зайн ул-ахбор”, Байҳақийнинг “Тарихи

Байхакий”, Мажидиддин Адмоннинг “Тарихи мулки Туркистон”, Мухаммад Наршахийнинг “Тарихи Бухоро”, Низомулмулкнинг “Сийёсатнома”, Юсуф Хос Ҳожибнинг “Қутадғу билик”, Замахшарийнинг “Муқаддимат ул-адаб” ва тилшуносликка оид бошқа катор асарлари, Махмуд Қашғарийнинг “Девону лугатит-турк”, “Ўғузнама”, кўплаб шеърӣ асарлар шулар жумласидан. Хоразмдаги Гурганж амири ал-Маъмун 995 йили Кот шахрини эгаллаб, Хоразмни бирлаштирди. Амударёнинг ўнг сохил қисми то Махмуд Ғазнавий Хоразмни забт этгунга қадар (1017) ягона Хоразм таркибида эди. Ундан сўнг то XIII асрнинг бошларигача (1207), яъни Мухаммад хоразмшоҳ даврига қадар қорахонийлар ва қорахитойлар қўли остида бўлди.

Мовароуннаҳр султон Санжар (1118—1157) ҳукмронлиги даврида салжуқийларга, XII асрнинг ўттизинчи йилларида бу ўлкани қорахонийлар забт этганда эса, уларга тобеъ бўлди. Мухаммад хоразмшоҳ Мовароуннаҳрни 1212 йили узил-кесил эгаллаши билан Қорахонийлар давлати ҳам тугади.

Салжуқийлар. Тарихдан маълумки, IX асрдан бошлаб туркий қабилалар таркибидаги ўғузлар турли сиёсий-этник жараёнлар таъсирида ғарбга силжиб, X аср ўрталарида Сирдарёнинг қўйи ҳавзасида пойтахти Янгикент шаҳри бўлган Ўғузлар давлатини тузишга муваффақ бўлдилар. X асрда ички низолар ва шарқдан кипчаклар бостириб келиши туфайли Ўғузлар давлати тугади. Ўғуз қабилаларидан бир қисмига Салжуқ бошчилик қилган. Сиёсий бекарорлик даврида Салжуқ фарзандлари (Тўғрулбек, Чағирбек) ва қабиласи салжуқийлар деган ном олган ва улар Мовароуннаҳрга, аниқроғи, ҳозирги Нурота атрофларига кўчиб ўтган. Салжуқий турклар XI асрнинг 30-йилларида Хуросонга кўчиб, тез орада кучли мавкега эга бўлдилар ҳамда 1038 йили Тўғрулбек бошчилигида Нишопурни эгалладилар ва Салжуқийлар давлатига асос солдилар. Салжуқийлар 1040 йили Марв — Сарахс оралиғида Масъуд Ғазнавий бошчилигидаги ғазнавийлар лашкарини тор-мор қилдилар ва 1038 — 1044 йилларда Хуросонни тўла эгалладилар. Марв шаҳри Салжуқийлар давлатининг пойтахти қилиб белгиланди. Улар 1043 йили Хоразмни, 1040—1051 йилларда Ғарбий Эронни, 1054 йили Озарбайжонни, 1055 йили Ироқни, 1063—1072 йилларда бутун Кичик Осиёни забт этдилар. Салжуқийлар билан Мовароуннаҳрда ҳукмронлик қилиб турган қорахонийлар ўртасидаги муносабат XI асрнинг охириги чорагидан бошлаб кескинлашди ва бу ўлка, муайян даражада қорахонийлар ҳукмида бўлгани ҳолда, 1089 йилдан қисман ва 1130 йилдан бошлаб, яъни султон Санжар даврида, тўла (то Қашғаргача) салжуқийларга қарам бўлди.

Ануштагинлар. Юқорида қайд этилганидек, салжуқийлар 1043 йили Хоразмни забт этиб, бу ерда ануштагинлар-хоразмшоҳлар сулоласига (1097—1231) асос солдилар, Қутбиддин Мухаммад (1097—1127), Жалолиддин Отсиз (1127—1156), Эл-Арслон (1156—1172), Султоншоҳ Махмуд (1172—1193) ҳамда Алоуддин Такаш (1172—1200), Мухаммад хоразмшоҳ (1200—1221) мазкур сулоланинг ҳукмдорлари бўлганлар.

Дастлабки кезларда асли ўғузлардан бўлган Ануштагин салжуқий ҳукмдорларнинг Хоразмдаги вакили эди. Ундан сўнг ўғли Қутбиддин Мухаммад 1097 йили Хоразм волийси этиб тайинланди ва хоразмшоҳ унвонини олди. У ўзининг ўттиз йиллик ҳукмронлиги даврида салжуқийларга тўла қарам бўлиб, уларга садокат билан хизмат қилди, айни пайтда, Хоразм ҳам ўз мавқени мустаҳкамлаб борди.

Демак, XI—XII асрларда Салжуқийлар давлатининг маъмурий чегараси шимолий ва шарқий йўналишларда ҳам анча кенгайиб, Хуросон, Мовароуннаҳр ва Хоразм унинг таркибида ягона сиёсий-маъмурий бирлик доирасига

киритилган эди. Бирок, ануштагинлар-хоразмшоҳлар сулоласининг вакили Алоуддин Отсиз хоразмшоҳ (1127 – 1156) мустақил сиёсат юргизишга ҳаракат қилди ва шу сабабдан Салжуқийлар давлатининг ҳукмдори султон Санжар (1118 – 1157) билан узок муддат кураш олиб борди. Хоразмшоҳ Отсиз дастлабки пайтларда ўн йил давомида (1138 йилгача) султон Санжарга содик хизмат қилди. Сўнгра Манғишлоқни ва Сирдарёнинг қўйи ҳавзасидаги Жанд шаҳрини босиб олди. Султон Санжар бу ҳаракатдан ғазабланиб Хоразмга қўшин тортмоқчи бўлганда, Отсиз кучига қўзи етмай, қилган гуноҳи учун узр сўрашга мажбур бўлди. Лекин, кўп ўтмай, Отсиз янги чопқинларни бошлади. У 1139 йили Бухорони эгаллади, бирок султон Санжар бунга қарши чора кўра олмади, чунки Мовароуннахрни қорахитойлар аста эгаллаб, унинг ғарбий қисмига яқинлашмоқда эди. Султон Санжар 1141 йили Самарканд яқинида қорахитойлар билан жангда мағлубиятга учради ва Мовароуннаҳр қорахитойлар қўлига ўтди. Бу ҳол Салжуқийлар давлатининг заволини тезлаштирди. Фурсатдан фойдаланиб қолиш мақсадида, хоразмшоҳ Отсиз ўша йилнинг ўзидаёқ Салжуқийлар давлатининг пойтахти Марвга бостириб кирди; шаҳарни эгаллаб, кўплаб олимларни Хоразмга олиб кетди. Султон Санжар сўнгги кучларини йиғиб 1143 йили Хоразмга юриш бошлади ва Гурганжни қамал қилди. Хоразмшоҳ Отсиз узр сўраб, улар яна ярашдилар. Шундай курашлар билан 1156 йили хоразмшоҳ Отсиз ва 1157 йили султон Санжар ҳаётдан кўз юмдилар. Султон Санжарнинг вафоти билан салжуқийларнинг Хуросондаги давлати ҳам барҳам топди.

XII асрнинг бошларида, дастлаб, Или дарёси ҳавзасига, сўнгра Иссиққўл атрофига қорахитойлар келиб Қорахонийлар давлатининг пойтахти Баласоғун шаҳрини эгалладилар ва у Қорахитойлар давлатининг бош шаҳри бўлиб қолди. Бу ердан қорахитойлар Мовароуннаҳрга чопқинлар уюштириб, 1138 йили Хўжанд яқинида қорахонийларни ва 1141 йили Самарканд атрофида султон Санжар лашкарини тор-мор қилдилар. Мовароуннаҳр қорахитойлар қўли остига ўтди, лекин Қорахонийлар давлати бу ерда номига бўлса-да, сақланиб қолди, марказ Самарканд шаҳри эди. Чунки қорахитойлар Мовароуннаҳрда қолмадилар ва ўз вакиллари орқали ўлпон олиб туришнинг ўзи билан чекландилар. Султон Санжарнинг мағлубияти тез орада Хуросонда Салжуқийлар давлатининг заифлашиб буткул туганишига олиб келди (1157). Мовароуннаҳр қорахитойлар қўл остига ўтгандан сўнг, хоразмшоҳ Алоуддин Отсиз ҳам қорахитойларга хирож тўлаб туриш мажбуриятини олди. Бунинг эвазига хоразмшоҳ Отсиз билан қорахитойлар ўртасида шартнома тузилиб, Бухоро хоразмшоҳ ихтиёрига ўтди. Отсиз бу билан чекланиб қолмади ва 1152 йили Сирдарёнинг қўйи ҳавзасида қорахитойлар босиб олган Жанд ва унинг атрофларига қўшин тортиб, у жойларни қўл остига олди. Натижада, Хоразм чегараси шимол томон анча кенгайди. Умуман, Отсиз бутун подшоҳлик даври давомида Хоразмни мустақил давлат қилиш учун кураш олиб борди, унинг мавқеени кучайтирди.

Алоуддин Отсиз вафотидан сўнг (1156) Хоразм тахтини эгаллаган ўғли Эл-Арслон ҳам қорахитойларга қарши кураш олиб борди ва бу сиёсатда, қорахитойларнинг норозилиги ва таъқибига учраб, Хоразмдан ҳимоя излаган қорлик қабилаларидан ҳам фойдаланишга ҳаракат қилди.

Хоразмшоҳ Эл-Арслон 1158 йили катта лашкар тўлаб Мовароуннаҳрга юриш бошлади ва Самарканд вилоятида қорахитойлар билан тўқнашувда ғалаба қозонди. Лекин, кейинчалик, қорахитойлар яна устун келиб, 1171 йили Хоразмга бостириб кириб, Жайхун дарёсидан ўтдилар ва Хоразм қўшинларини мағлуб этдилар. Эл-Арслон 1172 йили оламдан ўтди.

Эл-Арслон вафотидан кейин унинг ўғиллари Алоуддин Такаш ва Султоншоҳ Махмуд ўртасида Хоразм тахти учун кураш йилларида ҳам Хоразмнинг қорахитойларга ярим қарамлиги сақланиб қолди. Зеро, ака-укалар ўзаро низода гох бири, гох бошқаси қорахитойларга ёрдам сўраб мурожаат қилдилар. Чунончи, Хоразм тахтини дастлаб Султоншоҳ Махмуд эгаллайди ва мамлакатни бошқаришда унинг онаси Турконхотун бевосита ёрдамлашади. Бу вақтда Эл-Арслоннинг иккинчи ўғли — Алоуддин Такаш Жанд шаҳрида ҳоким эди. У укаси Султоншоҳга бўйсунмайди ва ўзини тахтга қонуний ворис деб билади. Турконхотун унинг устига қўшин жўнатади. Такаш ёрдам сўраб қорахитойларга мурожаат қилади ва эвазига тўлов тўлаб туришга ваъда беради. Ушбу шарт асосида, Такаш қорахитойларнинг лашқари билан Хоразмга келиб тахтни эгаллайди (1172); укаси Султоншоҳ Хўросон томон чекинишга мажбур бўлади. Алоуддин Такаш Хоразмда мустаҳкам ўрнашиб олгандан сўнг қорахитойлар қарамлигидан қутулиш йўлини излай бошлайди. Чунки қорахитойлар Хоразмда ўлпон олиш ва жабр-зулми тобора кучайтирдилар. Фазабга тўлган Такаш 1179 йили мамлакатдаги барча қорахитойларни қириб ташлашга буюради.

Султоншоҳ вазиятдан фойдаланиб, қорахитойлардан ёрдам сўраб Баласоғунга боради. Бироқ у бошлаб келган қорахитой қўшинлари Такаш қўшинларига бас кела олмас эди. Султоншоҳ улар ёрдамида Марв, Сарахс ва ўша атрофларни эгаллаш билан қаноатланади. Ака-укалар ўртасидаги тож-тахт кураши узок чўзилди ва Султоншоҳ Махмуд вафотидан кейингина (1193) Алоуддин Такаш Хоразмнинг ягона ҳукмдори бўлиб қолди. 1180 йилдан бошлаб хоразмшоҳ Алоуддин Такаш ўз давлатининг шимолий чегараларини мустаҳкамлаб, Жанд шаҳрининг мудофаа қобилиятини кучайтирди, уни мустаҳкам қўрғон ва йирик савдо марказига айлантирди. Айни вақтда, Такаш қорахитойларга қарши мурасасиз кураш олиб бориб, унинг қўшинлари шарқда қорахитойларнинг пойтахти Баласоғун атрофларигача чопқин ясадилар.

Хоразмшоҳ Такаш вафотидан (1200) кейин унинг тахтини ўғли Қутбиддин Мухаммад (1200—1221) эгаллади.

Хоразмшоҳ Мухаммад ўз давлати чегараларини кенгайтиришга интилиб, Хўросонга юриш қилди ва ғурийлар билан дастлабки тўқнашувда мағлубиятга учраб, қорахонийлар ва қорахитойлардан ёрдам сўрашга мажбур бўлди. Кейинги йилларда Мухаммад хоразмшоҳ ўз мавқени анча кучайтиришга эришди. Мовароуннаҳр ҳукмдорлари ҳам қорахитойлар асоратидан қутулиш учун хоразмшоҳга мурожаат қилдилар ва у 1207 йили Мовароуннаҳрга юриш қилиб, Бухоро ва Самарқандни эгаллади. Бироқ қорахитойлар билан каттик жангда унинг қўшинлари мағлубиятга учради. Хоразмшоҳларнинг гоҳида эришган ғалабаларини ҳисобга олмаганда, умуман, қорахитойлар устунликка эга бўлганлар ва Хоразм уларга ўлпон тўлаб турган. Лекин хоразмшоҳ Мухаммад бу мағлубиятдан кейин ҳам қорахитойларга қарши куч тўплай бошлади. Ниҳоят, 1210 йили икки ўртада каттик жанг бўлиб, хоразмшоҳ тўла ғалаба қозонди. Бу тарихий воқеадан сўнг Мовароуннаҳр ҳам қорахитойларга қарамликдан озод бўлди. Хоразмшоҳ Мухаммад 1212 йили Мовароуннаҳрда қорахонийлар ҳукмронлигини батамом тугатиб, ўз давлатининг чегараларини то Қашғаргача кенгайтирди. Қорахитойлар давлатининг шарқий қисмларини найман қабиласининг бошлиғи Кучлук эгаллаган эди.

Мухаммад хоразмшоҳ даврида Хоразм улкан давлатга айланди, унинг чегаралари Каспий денгизининг шимолий соҳилларидан Форс қўлтиғигача, Кавказдан то Хиндукуш тоғларигача етган эди, пойтахти Гўрганж (ҳозирги Кўхна Урганч) йирик сийёсий, иқтисодий ва маданий марказга айланди, бу ерда тасаввуф ривожланди. Бунинг сабаби, биринчидан, марказлашган йирик сийёсий

бирлик — давлат ташкил топишида эди. Иккинчидан, Салжуқийлар давлатида ҳам илм-маърифат, айниқса, Хуросонда тасаввуф кенг ривожланган эди. Бу давлатнинг пойтахти Марв шаҳри йирик маданий-маърифий марказга айланди. Хуросон тасаввуф мактаби ривожланиб, Абдуллох Ансорий (1006—1089), Аҳмад Жом (вафоти 1141) ва Юсуф Хамадоний унинг йирик намояндалари эдилар. Тасаввуфнинг қатор ёрдамчи тариқатлари: муҳосибия, қассория, тайфурия, жунайдия, нурия, саҳлия, ҳакимия, харрозия, хафифия, сайёрия ва бошқалар юзага келди. Ягона сиёсий бирлик заминида Хуросон тасаввуф мактаби бевосита Мовароуннаҳрда тасаввуф ривожига сабабчи бўлди. Жумладан, Юсуф Хамадоний тасаввуф мактаби асосида яссавия ва хожагон-нақшбандия тариқатлари вужудга келган.

Ислом дини пешволари — сайидлар, уламолар, машойхларга хоразмшоҳлар жуда катта илтифот кўрगाзганлар, элчилик муносабатларида ва турли низоларни тинч йўл билан ҳал қилишда улар билан бамаслаҳат иш тутганлар.

Демак, Хоразмшоҳлар давлатида ислом дини акидалари, тасаввуф таълимоти ривожини учун сиёсий, иқтисодий ва маънавий асос яратилган эди. Бу ердаги ҳар томонлама юксалиш Нажмиддин Куброни ҳам ажам ва араб мамлакатлари сафаридан ўз ватани — Хоразмга қайтишга жалб қилди. Муҳаммад хоразмшоҳ салтанатининг дастлабки йилларида Нажмиддин Кубро Хоразмга келди ва умрининг охиригача Гурганжда яшаб, ўз тариқатига асос солди.

Хоразмшоҳлар давлати таркибига кирган Бухоро, Марв, Самарқанд, Нисо, Исфажон, Ахсикат, Жанд, Журжон, Хўжанд, Марғилон, Хирот каби шаҳарларда ҳам илм-маърифат, маънавият юксалди. Мовароуннаҳр, Хуросон, Форс, Озарбайжон ва Ироқ ўлкалари ўртасида маданий алоқалар кучайди. Ўша даврнинг таниқли олимлари ва аҳли донишлари жумласига Рашидиддин Ватвот, Исмоил Исфажоний, Тохир Фарёбий, Абулфайз Ахсикатий, Сайфуддин Бухорий, Абулмажид Жандий, Али Хижозий, Исмоил Журжоний, Али ал-Хоразмий, Абулҳасан Хоразмий, Нажиб Бакрон, Маҳмуд ал-Чағминий, Муҳаммад Ахсикатий, Абу Абдуллох ар-Розий, Маҳмуд Самарқандий, Масъуд Хўжандий, Маҳмуд Замахшарий, Абдулкарим ас-Самъоний ва бошқаларнинг номларини келтириш мумкин.

Лекин бутун бошли гуллаб-яшнаб турган давлат Чингизхон бошлиқ мўғул лашкарларининг 1219 йили хоразмшоҳ Муҳаммад мамлақати ҳудудига бостириб кириши ва уни эгаллаши натижасида вайронага айланди. Хоразмшоҳ Муҳаммад мағлубиятининг асосий сабаби, ҳарбий маҳорат бобида Чингизхонга нисбатан заифлигида эди. У лашкарини кичик қисмларга бўлиб шаҳарларга тақсимлаб жойлаштирди ва ўғли Жалололдиннинг лашкарни бир жойга тўплаб душман билан юзма-юз урушмоқ керак, деган сўзларини эътиборга олмади. Чингизхон Сирдарёнинг куйи ҳавзасидаги шаҳарларни босиб олганидан сўнг, 1220 йил баҳорида Бухорони ва 1221 йил ёзида Самарқандни эгаллади. Чингизхон бу ердан ўғиллари Жўчи, Чигатой ва Угдейни лашкар билан Хоразм томон жўнатди. Муҳаммад хоразмшоҳ кўрқоқларча мамлақатни, тож-тахтни гашлаб қочди. Чингизхон унинг ортидан Жебе нўён, Субзей баҳодир ва Тукучак баҳодирлар бошчилигида илғор қисмни жўнатди ва қаерда бўлмасин, уни топиб йўқ қилишни буюрди. Улар хоразмшоҳни изма-из таъқиб қилиб бордилар. У эса фарб томон қочиб, то Бағдодгача борди, сўнгра у ердан Каспий денгизининг жанубий соҳилига келди; ундан денгиздаги бир кичик оролга ўтиб, ўша ерда ғам-ғуссали ҳаёт билан видолашди; ўлими олдидан ўғли султон Жалололдинни тахт вориси қилиб қолдирди. Муҳаммад хоразмшоҳ шу оролда дафн этилди. Орада бир неча йил ўтгач, султон Жалололдин отаси хокини Техрон яқинидаги Ардахин қўрғонига элтиб кўмдирди.

ХОРАЗМШОҲЛАР ДАВЛАТИ XII АСР БОШЛАРИДА

МУҒУЛЛАР БОСҚИНИ

XI аср охири – XII аср бошларида тарих сахнасида салжукийларга тобёъ давлат сифатида пайдо бўлган Хоразмшоҳлар давлати, сулола асосчиси Анушганининг Алоуддин Отсиз (1127–1156), Абулфатх Эл-Арслон (1156–1172), Алоуддин Такаш сингари иқтидорли ва сиёсатдон авлодларининг саъй-ҳаракатлари туфайли мустақилликни қўлга киритибгина қолмай, балки ўз даврининг йирик ва қудратли салтанатларидан бирига айланди. 1194 йили султон Тўғрул III (1176–1194) устидан зафар қучиб, Ироқи Ажам салжукийларининг мулкларини ҳам ўз тасарруфига киритган Такаш минбаъд “хоразмшоҳ” эмас, “султон ибн хоразмшоҳ” деб атала бошлади. Зеро, ғарбда Бағдод халифалиги сарҳадларидан тортиб Сирдарё бўйларигача бўлган катта ҳудудда унинг номи билан хутба ўкилар, Хоразм маҳаллий давлатдан жаҳон миқёсидаги салтанат марказига айланаётган эди. Қучли ва қўп сонли қўшин хизматга шай турар, бошқарув тизими пухта йўлга қўйилган, транзит савдо, шунингдек, ички ва ташқи манбалар асосида мамлакат иқтисодиёти жадал ўсиб борарди.

Аmmo, Хоразм хануз қорахитойларга ўлпон тўлар, забт этилган ўлкаларнинг ҳаммасида ҳам хоразмшоҳлар ҳокимияти мустаҳкам деб бўлмас, Ғурийлар давлати (ҳозирги Афғонистон ва Ҳиндистоннинг бир қисмини ўз ичига олган давлат) кун сайин кучайиб, жанубдан таҳдид соларди.

Шундай умидли ва, айни пайтда, ташвишли бир вазиятда, 1200 йил 3 август кун Такашнинг ўғли Қутбиддин Мухаммад пойтахт Урганчда Алоуддин Мухаммад номи остида тахтга ўтирди.

Янги хоразмшоҳлар халқаро сиёсат майдонидаги илк одимини Хуросондаги мулкларини қайтариб олиш сари ташлади! Зеро, ғурийлар Такаш вафотидан (1200 йил 3 июл) сўнг юз берган парокандаликдан фойдаланиб, Хуросоннинг катта қисмини хоразмшоҳлардан тортиб олган эди. Ғурийларга қарши курашда султон Алоуддин қорахитойлардан мадад сўрашга мажбур бўлди. 1204 йил кузидаги жангда Шихобуддин Ғурий (1203–1206) қўшини мағлубиятга учради. Орада, чамаси, бир ярим йил ўтгач, Мовароуннахрга юриш учун тадорик кўраётган Шихобуддин Ғурийни ёлланма котиллар ўлдирди. Натижада, хоразмшоҳларнинг мусулмон дунёсидаги энг қучли рақиби бўлмиш Ғурийлар давлати парчаланиб кетди.

Султон Алоуддин учун янги ерларни забт этиб, ўз салтанати ҳудудларини кенгайтириш имкони пайдо бўлган эди. Бу имконият бой берилмади: 1206 йили Хирот, Балх, Термиз, Толиқон, Андхуд, Исфизор, Сижистон, Мозандарон (Табаристон) каби йирик шаҳар ва вилоятлар бирин-кетин хоразмшоҳ ихтиёрига ўтди.

Хоразмшоҳлар давлатининг куч-қудрат ва нуфуз касб этгани сабабми ёки қорахитойлар зулмининг ортишими, ҳар ҳолда, Самарқандда ҳукмфармонлик қилаётган қорахонийлар сулоласининг сўнги вакили, қорахитойлар вассали Усмон ибн Иброҳим 1207 йилда султон Алоуддинга қорахитойлар истибдодидан халос этишни сўраб нома юборди. Мовароуннахрдаги маҳаллий сулолалар ҳар йили қорахитойларга катта миқдорда ўлпон тўлар эдилар. Тахминан шу пайтда Бухоро садрлари ҳам шаҳар хувармандларининг қўзғолонини бости-

ришда мадад тилаб хоразмшоҳга мурожаат қилишди. Бу илтимосларни айна муддао билган султон Алоуддин Мовароуннахрга қўшин тортиди. Бухоро ишғол қилиниб, султон Усмон ҳам хоразмшоҳга тобелигини тан олди.

Хоразмшоҳнинг қорахитойлар билан эртами-кечми тўқнашуви муқаррар эди, чунки Хоразм ҳануз уларга тобеъ ҳисобланарди. Аммо Мовароуннахр эгалланганидан сўнг қорахитойлар ҳукмдори Гурхон қўшини билан бўлган биринчи жангда хоразмшоҳ мағлубиятга учраб, хатто асирга тушди ва бахтли тасодиф туфайлигина нажот топиб, Хоразмга етиб олишга муваффақ бўлди.

Иккинчи, ҳал қилувчи жанг 1210 йилнинг эрта кузида Иламиш чўлида (Андижон вилоятининг шимолий чегарасида) бўлиб ўтди. Бу гал хоразмшоҳнинг қўли баланд келиб, Тароз ҳокими Таянгу раҳнамолигидаги қорахитойлар қўшини тор-мюр келтирилди, қорахитойларнинг бир қисм жангчилари ва Таянгунинг ўзи ҳам асир олинди.

Бу ғалаба ҳақидаги хушхабар бутун мусулмон дунёсига тарқалиб, катта шов-шувларга сабаб бўлди. Хоразмшоҳ Алоуддин энди ўзини “Искандари соний” (“Иккинчи Искандар”) ва Буюк салжуқийларнинг сўнгги вакили, 40 йил ҳукмфармолик қилган Санжар (1117–1157) номи билан “султон Санжар” деб атай бошлади. Сарой маросимлари ҳам шунга яраша янада дабдабали тарзда ўтказиладиган бўлди.

Хоразмшоҳнинг нигоҳи энди жанубий ва ғарбий ўлкаларга қаратилган эди. Қисқа фурсат ичида Эрон, Озарбайжон, шунингдек, айрим вилоятлар хоразмшоҳ тасарруфига ўтди. 1217 йилга келиб Хоразмшоҳлар салтанати шимолда Орол денгизидан тортиб жанубда Форс кўрфазигача, ғарбда Ирок чегараларидан шарқда Хиндистонга қадар бўлган бепоён ҳудудни ўз ичига олди. Айна вақтда Грузияга юриш учун 50 минглик қўшин шай этилган, Грузиядан сўнг Анатолия, Сурия ва Мисрга юриш қилиш мўлжалланмоқда эди. Бирок, Бағдод халифаси ан-Носир (1180–1225) билан бўлган низо ва кейинги воқеалар сабаб бу юриш амалга ошмай қолиб кетди.

Бағдод халифалиги билан муносабатлар султон Такаш давридан ёмонлаша бошлаган эди. У Аббосийлардан дунёвий ҳокимиятни тортиб олишга уриниб кўрган, бироқ унинг ан-Носир билан олиб борган кураши бесамар тугаган эди. Султон Алоуддин бир вақтлар бувайхийлар (935–1055) ва Буюк салжуқийларга насиб этган бу ишнинг уддасидан чиқишга қатъий бел боғлади. Аммо хоразмшоҳ фойдасига дунёвий ҳокимиятдан воз кечиш ва унинг номига Бағдодда хутба ўқишни талаб қилиб борган элчиларнинг барчаси рад жавобини олиб қайтишди. Муносабатлар тобора кескинлашиб, ниҳоят, 1217 йили хоразмшоҳ 400 минг кишилик улкан қўшин билан Бағдодга қарши юришга отланди. Лекин халифанинг бахтига Хоразм лашкари Ҳамадон билан Бағдод орасидаги Асадобод довонига егганда кучли қор ёғиб, кўпчилик жангчилар қорбўрон остида ҳалок бўлди. Хоразмшоҳ учун от жilовини орқага буришдан ўзга чора қолмаган эди. Табиийки, бу офат замондошлар гомонидан “Аллохнинг ғазаби ва жазоси” сифатида қабул қилинди.

Хоразмшоҳнинг Хитойни фатҳ этиш орзусининг рўёбга чиқиши ҳам даргумон эканлиги бу муваффақиятсизликдан бурунроқ маълум бўлган эди. Жузжоний маълумотига кўра, Хитойга юриш фикри султон Алоуддиннинг миясига қаттиқ ўрнашиб қолади ҳамда мулозимларнинг йўл узоқлиги каби мушкулотларни важ қилиб, уни бу фикрдан қайтариш борасидаги ҳар қандай уринишлари фойда бермайди. Хоразмшоҳ Хитойдаги аҳвол ҳақида мудом савдогарлардан сўраб-суриштирарди. Чингизхоннинг Хитойни босиб олганлиги ҳақидаги хабарнинг тўғри-нотўғрилигини текшириш мақсадида хоразмшоҳ Хитойга Баҳоуддин Розий бошчилигида элчилар юборди.

Элчилар 1215 йил ёзида Пекинга етиб келишди, Чингизхон уларни иззат-икром билан кутиб олиб, кузатиш чоғида уларга хоразмшоҳ билан тинчлик ва дўстлик муносабатларини ўрнатиш, давлатлар ўртасида савдо алоқаларини кенг йўлга қўйиш истагида эканлигини билдирди.

Чингизхон бу элчиликка жавобан Хоразмга кетма-кет икки марта элчилар жўнатди. Махмуд Хоразмий, Али хожи Бухорий ва Юсуф Канко Ўтрорийлардан иборат биринчи элчилик хоразмшоҳ қабулида бўлиб, унга Чингизхоннинг қимматбаҳо совғаларни ҳамда номасини топширди. Чингизхон дўстлик ва савдосотикни йўлга қўйишга урғу берган, факат бу гал Хитойни фатх этганини ҳамда хоразмшоҳни “азиз ўғиллари” каторида кўришини маълум қилган эди. Бу эса, тадқиқотчиларнинг фикрича, султон Алоуддинни вассал деб аташ билан баробар эди. Насавийнинг гувоҳлик беришича, султон тунда Махмуд Хоразмийни ҳузурига чакиртиради ва унинг хоразмлик эканлигини таъкидлаб ҳамда мукофот ваъда қилиб, Чингизхон ҳузурига жосус бўлишни талаб этади. Махмуд розилик бергач, Чингизхоннинг Хитойни забт этдим, дейиши ҳақиқатга қанчалик тўғри келиштигини сўрайди. Хоразмий тасдиғини олгандан сўнг султон Муҳаммад шундай хитоб қилади: “Сен мамлакатларим ва уларнинг бепоёнлигини, қўшинларим ва уларнинг беададлигини биласан. Менга ўғли сифатида мурожаат қилишга ҳадди сикқан бу лаъин ким ўзи? У қанча қўшинга эга?” Султон важоҳатидан қўрққан Махмуд унинг лашкари олдида Чингизхоннинг қўшини “худди тун зулмати қаршисидаги тутун” эканлигини айтади. Шундан сўнг султон элчиларни ижобий жавоб билан қайтаради.

1218 йили Чингизхон Хоразмга иккинчи марта элчилар юборди. Бу элчилар катта савдо қарвони билан йўлга чиққан эди. Қарвон Ўтрор (Сирдарёнинг ўрта оқимида) шаҳрига етиб келганда шаҳар ҳокими, султон Алоуддиннинг тоғаваччаси Инолчиқ Ғойирхон томонидан жосусликда айбланиб ҳибсга олинди ва қатл этилади. Факат бир киши – туяқаш омон қолиб, Чингизхонга юз берган фожиа хабарини етказди.

Элчилар алмашиш даврида хоразмшоҳнинг мўғуллар билан дастлабки, маълум маънода, тасодифий тўқнашуви юз берди. Манбалардаги маълумотларга қўра, султон Алоуддин мўғул қўшини таъқибига учраган меркит қабиласининг қипчоқлар юртига қочиб борганини эшитиб, 60 минглик қўшин билан Самарқанддан йўлга отланади ва Ирғиз дарёсидан кечиб ўтиб, Тўрғой чўлида (ҳозирги Қозоғистон ҳудудида) жанг бўлиб ўтган жойга етиб келади. Меркитлар батамом кириб ташланган эди. Бир ярадор жангчи мўғулларнинг жанг майдонини яқинда тарк этишганини маълум қилади. Хоразмшоҳ кейинги кун тонгда уларга етиб олади. Чингизхоннинг тўнғич ўғли Жўчи отасининг хоразмликлар билан жанг қилишни таъқиқлаганини айтиб, жангдан бош тортади, аммо хоразмшоҳ “Чингизхон сенга мен билан олишишни буюрмаган бўлса ҳам, Аллоҳ таоло менга сен билан урушишни амр этди”, дея жанг бошлайди. Кун охирига бориб, ҳар иккала қўшиннинг ўнг қаноти душманнинг чап қаноти устидан қолиб чиқади. Ушбу жангда хоразмшоҳ қўшинининг ўнг қанотига ёш Жалолиддин Мангуберди раҳнамолик қилган. У қуршовга олина бошлаган отасига зудлик билан ёрдамга келиб, душман ҳамласини даф қилди. Тунда мўғуллар ёқилган гулханларни қолдириб, ўзлари жанггоҳни тарк этдилар.

Бу жангнинг вақти ва натижасидан қатъи назар, Чингизхон Ўтрор фожиасидан сўнг дарҳол уруш очишни маъқул кўрмади, балки Ғойирхонни топширишни талаб қилиб, яна элчи жўнатди. Бирок, хоразмшоҳ элчи Ибн Кафраж Буғрони қатл этиш, уни кузатиб келган икки мўғулнинг эса соқолини қирқиб ташлашни буюрди.

Урушнинг муқаррарлигини яхши билган султон Муҳаммад жанг ҳаракатлари бошланмасидан бурунроқ ҳарбий кенгаш чақирди. Унда турли фикр-мулоҳазалар билдирилди. Хусусан, Хоразмшоҳлар давлатининг йирик арконларидан бири Шихобуддин Хивакӣ бутун қўшинни Сирдарё бўйига тўплаш ва фаним билан жангга киришишни таклиф қилди. Жалолиддин Мангуберди эса мўғулларнинг Мовароуннаҳр ҳудудига киришига йўл қўйиб бериб, кейин шу ерда уларни яқсон қилишни маъқул топди. Аммо پروвардида бу ва бошқа таклифлар рад этилиб, қарорни хоразмшоҳнинг ўзи қабул қилди. Унга биноан қўшин катта-кичик шаҳарларга бўлиб юборилди ва ҳар бир шаҳарга ўзини-ўзи ҳимоя қилиш вазифаси юклатилди. Жувайний сўзларига қараганда, Жалолиддин отасидан бутун қўшинни унга топширишни сўраган, аммо султон ризолик бермаган.

1219 йилнинг эрта кузида мўғуллар Ўтрор дарвозалари олдида пайдо бўлишди. Шу ерда Чингизхон ўз қўшинини 4 қисмга ажратиб, ўғиллари Чигатой ва Угәдейни Ўтрор қамалига, Жўчинни Сирдарёнинг қўйи оқимидаги шаҳарларни бўйсундиришга, яна бир катта бўлимини Банокат ва Хўжанд қалъаларини олишга тайин этди, ўзи эса кенжа ўғли Тули ва қўшиннинг асосий қисмини олиб, Мовароуннаҳрга от қўйди.

Хоразмшоҳнинг бемулоҳаза қарори билан қўшиннинг душмандан сон жиҳатдан устунлиги йўққа чиқарилган, шаҳарлар ўз ҳолига ташлаб қўйилган бир шароитда, гарчи ҳимоячилар қаттиқ қаршилик кўрсатган бўлсалар-да, 1220 йилнинг ўрталарига келиб мўғуллар бутун Мовароуннаҳрни, кейинги йили Хуросонни ишғол этдилар. Самарканд таслим бўлганидан сўнг Чингизхон хоразмшоҳнинг қўшини тўплаб, қаршилик кўрсатишига йўл бермаслик ва унинг ўзини қўлга тушириш мақсадида саркардалари Жебе ва Субәдейни, тахминан, 20 минглик қўшин билан султоннинг кетида жўнатди. Уларнинг таъқибига учраган хоразмшоҳ Хуросон ва Эрон орқали ўтиб, Каспий денгизидаги ороллардан бирига келиб қолади. Бор-будидан мосуво бўлиб, ғам-алам остида оғир касалликка чалинган султон Алоуддин онаси Туркон (Таркан) хотуннинг мўғулларга аспир тушганини эшитиб, валиаҳд тайинлаш борасидаги бурунги фармонини бекор қилади ва Жалолиддинни тахт вориси деб эълон этади. Бундан илгарироқ эса, Насавийнинг ёзишича, султон онасининг тазйиқи остида тўнғич ўғли Жалолиддин ва ундан кичиги Рукниддин Ғурсанчини четлаб ўтиб, ёш Қутбиддин Ўзлокшоҳни тахт вориси деб эълон қилади. Маълумки, Турконхотун иккинчи ҳукмдор сифатида иш кўрар, салтанатнинг барча ишларига истаганича аралашиб, ўғлига ҳукмини ўтказишга интиларди. У Жалолиддин ва унинг волидаси Ойчечакни ғоятда ёмон кўрар, ўзига қабиладош келинидан туғилган Ўзлокшоҳга эса доим ҳомийлик қиларди.

Хуллас, хоразмшоҳ ўлими олдида ўғиллари Мангуберди, Ўзлокшоҳ ва Оқшоҳни чақириб васият қилади: “Салтанат ришталари узилиб, давлат асослари бўшашди ва қулади. Фанимнинг мақсади энди аён: у тириқлари ва тишлари билан мамлакатга чанг солган. Мен учун ундан ўғлим Мангубердигина қасос олишга қодир. Шунинг учун уни тахт вориси этиб тайинлайман. Сизлар эса унга итоат этмоғингиз ва унга эргашиш йўлига кирмоғингиз лозим”. Султон Алоуддин Муҳаммад 1220 йил декабрида оламдан ўтди. Уч оғани отани дафн этгач, Урганчга йўл олдилар.

ЖАЛОЛИДДИН МАНГУБЕРДИ — МИЛЛИЙ ҚАҲРАМОН

ЎТ ВА СУВ ОРАСИДА

Урганчи бу пайтда чор аτροφдан душман ўраб олган, Жувайний таъбири билан айтганда, у “арконлари кесиб олинган чодирга ўхшаб қолган эди”. Бу ерда Ўзлок султоннинг тоғаси Бучи Пахлавон, Кучойтегин, Ўғул Ҳожиб ва Хўжанд мудрофаасининг қаҳрамони Темур Малик бошчилигидаги 90 минг нафар жангчи бор эди. Жалолиддин укалари ҳамда, тахминан, 70 нафар суворий ҳамроҳлигида шаҳар аҳолисининг олқишлари остида пойтахтга кириб, хоразмшоҳнинг васиятини етказди. Аммо Турконхотун тарафдорлари унга бўйсуншдан бош тортишди ва Турконхотуннинг укаси Хумортегинни тахтга ўтказишди. Улар Жалолиддинга қарши суиқасд уюштирдилар. Бундан хабар топган Ўғул Ҳожиб Жалолиддинни огоҳлантирди. Темур Малик ҳамда 300 нафар суворий ҳамроҳлигида Жалолиддин Гурганжни тарк этиб, шахзодалик пайтидаги мулкининг маркази — Фазнага йўл олади. Жалолиддин ҳамда шахзодаларнинг Урганчга қайтганидан хабар топган Чингизхон Хоразм билан Хуросон ўртасидаги чўлнинг жанубий чегарасини назорат остига олиш, пис-тирмада туриб, Хоразмдан сиқиб чиқарилган Жалолиддин ва унинг укаларини қўлга олиш учун қўшинининг бир қисмини бу ерга юборган эди. Қўшин чўлнинг Марвдан то Насо яқинидаги Шахристонгача бўлган қисмини ўраб олди. Жалолиддин ва унинг содик ҳамроҳлари Насо яқинида чўлдан чиқишди. Бу ерда мўғулларнинг 700 суворийси уларни кутмоқда эди. Икки ўртадаги жангда мўғуллар мағлуб бўлишди. Жалолиддин кейинчалик Шихобуддин Насавийга ушбу жангда ўлжа олинган отлар Нишопурга етиб олишида жуда асқотганини сўзлаб берган эди.

Жалолиддин Нишопурга келганидан сўнг бир ой давомида яқин аτροφдаги хокиму амирларга чопар юбориб, қўшин тўплаш ҳаракатида бўлди. Бундан хабар топган мўғуллар уни таъқиб эта бошладилар. 1221 йил февралда Жалолиддин ноилож Фазнага йўл олди. Султон Алоуддиннинг холаваччаси, Ҳирот волийси Амин Малик ўзининг қанғилардан иборат 10 минглик қўшини билан Кандаҳор яқинида Жалолиддинга қўшилди. Насавийнинг маълумотига қўра, улар йўл-йўлакай Кандаҳор қамали билан машғул бўлган мўғул қўшинини мағлубиятга учратишди.

Жалолиддин Фазнага етиб келгач, бу ерда халажлар сардори Сайфиддин Уфрок, Балх хокими Аъзам Малик, афғонлар раҳнамоси Музаффар Малик, қарлуқлар бошлиғи Ҳасан — ҳар бири 30 минглик қўшин билан Жалолиддин байроғи остида бирлашдилар. Уларга Ғур амирлари ҳам қўшилди. Шу ерда Жалолиддин Амин Маликнинг қизига уйланиб, қариндошлик ва иттифоқчилик ришталарини мустаҳкамлади.

Ниҳоят, ўз орзусига эришган Жалолиддин, ҳеч иккиланмай, душман йўлини кесиб, ўз ҳарбий даҳосини намоён этиш имконига эга бўлди. У қўшинини Фазнадан олиб чиқиб, Парвон томонга қараб юрди. Йўлда мўғуллар Волиён қалъасини қамал қилаётганларидан огоҳ бўлиб, уларга хужум уюштирди.

Мўғуллар енгилиб, Панж дарёсининг нариги соҳилига чекиндилар ва кўприкни бузиб ташлашди. Шу боис Жалолиддин орқага қайтишга мажбур бўлди.

Чингизхон Жалолиддинга қарши ўзининг номдор саркардаларидан Шики Хутуху бошчилигида 45 минглик қўшин юборган эди. Иккала қўшин Парвонда юзма-юз бўлди. Икки кун давом этган жангда мўғуллар яқсон этилди.

Парвон жангининг Жувайницў келтирган тавсифидаги мўғуллар ва Жалолиддиннинг ҳарбий усуллари ҳақидаги маълумотлар диққатга сазовор. Манбада келтирилишича, жангининг биринчи кунги нихоясида тунда Шики Хутуху ўз аскарларига кингиздан одам хайкалини ясашни буюради. Эрта тонгда жанг бошланган маҳалда Жалолиддиннинг жангчилари мўғул қўшинининг сафлари ортганини кўриб, душман мадад олибди, деган хаёлга борадилар. Аммо Жалолиддин уларга далда бериб туради. Султон суворийлари отларидан тушиб, душманини ўқ-ёйдан нишонга олади. Мўғуллар чекина бошлаган пайтда “бутун қўшин султон фармониغا биноан ноғораларни чалиб, отга минди ва бирданига хужумга ўтди, мўғул қўшини коча бошлади. Шу аснода улар қўқисдан орқага қайтиб, султон қўшинига ташландилар ва қарийб 500 кишини ер тишлатдилар. Султон чаңгалзор шерлари ва қутурган денгизнинг наҳанглари янглиғ шу ондаёқ етиб келди, мўғуллар маълуб бўлдилар”.

Мўғулларнинг биринчи хийласи ҳусусида ўша даврда Мўғулистонга саёҳат қилиб, аҳолининг ҳаёт тарзи ва урф-одатлари, ҳарбий санъати билан яқиндан танишган италиялик сайёҳ Плато Карпини, жумладан, шундай хикоя қилади: “Баъзан улар одам тасвирини ясаб, уларни отларга ўрнатишади. Бунга улар урушаётганларнинг сонини кўпайтириб кўрсатиш учун қилишади”. Мўғуллар бу жангда ишлатган иккинчи хийла — ёлғондакам қочиб ва баногоҳ ортга қайтиб, душман устига ёпирилиш усули кўчманчилар орасида кенг тарқалган ва не-не азим жангларнинг тақдирини ҳал этган.

Жалолиддин буларга қарши бутун қўшинини отлардан тушириб, душманини ўққа тутини ва сўнгра ялпи хужумга ўтишдан иборат тактикани қўлладики, жангининг натижаси унинг тўғри йўл тутганлигидан далолат берди. Жалолиддиннинг бу ғалабасидан сўнг бир қанча шаҳарлар аҳолиси мўғулларга қарши исён кўтариб, мўғулларнинг ноибларини ўлдиришди.

Жалолиддиннинг нечоғли хатарли куч эканига кўзи етган Чингизхон бутун қўшинини тўплаб, Ғазна томон юрди. Бирок бу гал ҳам Жалолиддинга Чингизхон билан тенг олишувда хатони тўғрилашга уриниш nasib этмади. Эҳтимолки, ўнлаб халқларнинг келажагини белгилаб берган бу йўқотишнинг сабаби ғоят арзимас бўлса-да, аммо ибратли эди.

Ғап шундаки, Парвон жангида қўлга киритилган ўлжани бўлиб олиш чоғида Жалолиддиннинг лашкарбошилари ўртасида низо чиқиб, Амин Малик Сайфиддин Уғроқнинг бошига камчи билан урди. Уғроқ билан бирга Абзам Малик ва Музаффар Малик ўз қўшинларини олиб Жалолиддинни тарк этишди. Уларни қайтариш йўлидаги Жалолиддиннинг барча уринишлари зое кетди.

Жалолиддин Чингизхон бошчилигида мўғул лашкари яқинлашаётганидан хабар топгач, Синд (Ҳинд) дарёсидан кечиб ўтиш, куч тўплаб, қурашни давом эттириш мақсадида Ғазнани ташлаб чиқиб кетди. Лекин Синд бўйида кемалар ҳозирланаётган бир пайтда Чингизхон қўшини орқадан етиб келди. 1221 йил 24 ноябр кунги тарихдаги энг ҳалокатли жанглардан бири бошланди. Жувайницў бу ҳақда шундай хикоя қилади: “Тонгда, кун нури тун бетидан кўтарилиб, тонг сути уфқ қўкрагидан отилиб чиққан маҳалда султон (Жалолиддин) сув ва олов ўртасида қолди. Бир тарафда — Синд дарёси, бошқа томонда — оташдек қуйдирувчи лашкар. Шунга қарамай, султон ўзини йўқотмади, балки мардлиқ кўрсатиб, уруш ва жанг оловини ёқди, интиком

отини эгарлаб, олишув йўлини танлади. Чингизхон лашкари Амин Малик қўл остидаги ўнг қанотга ҳужум қилди ва жойидан тўзғитиб, аксариятини ҳалок этди. Амин Малик омон қолиш учун Пешавар томон қочди. Мўғуллар чап қанотни ҳам мағлуб этдилар. Султон марказда 700 нафар жангчи билан тонгдан то қоқ пешингача қаттиқ жанг қилди. У чапдан ўнг қанотга от қўяр, ўнг қанотдан марказга ҳамла қилар ва ҳар ҳамлада бир неча кишини қулатарди. Аммо Чингизхон қўшини соат сайин кўпайиб суриб келар, султонга жавлон уриш учун майдон торайиб борарди. Аҳвол танглигини кўриб, нам дийда ва курук лаб билан шон-шарафни қурбон берди. Султоннинг тоғаваччаси Ажош Малик ялиниб-ёлвориб уни (ўз қароргоҳига) қайтариб юборди. Султон юракбағри куйиб, кўзлари ёшли ҳолатда фарзандлари ва жигарпоралари билан видолашди. Сўнг у захирадаги отини келтиришни буюрди. Унга миниб яна бир бор офат уммонида наҳанг мисоли жавлон урди; мўғул қўшинини чекинишга мажбур этиб, жиловни орқага бурди ва совутини ечиб ташлаб, отга қамчи урди. Қирғоқдан туриб 10 газ ёки ундан ҳам ортиқ масофадаги дарёга от солди. Довюрақ арслондек дарёдан кечиб ўтиб, нажот соҳилига етди. Чингизхон унинг дарёдан кечиб ўтганини кўриб, отини қирғоққа елдириб келди. Султон бир шамшир, найза ва қалқон билан дарёдан ўтган эди.

Чингизхон ва жамики мўғуллар ҳайратдан қўлларини оғизларига қўйдилар. Чингизхон бу ҳолатни кўриб, ўғилларига юзланганича хитоб қилди: “Ота ўғил шундай бўлмоғи лозим: сув ва оловнинг икки гирдобидан қутулиб, нажот соҳилига етдими, ундан беадад ишлар ва беҳисоб таҳликалар туғилажак”.

Насавий маълумотига қараганда, бу жангда Жалололиддин ҳатто душман қўшинининг марказига ёриб киришга муваффақ бўлган. Хоразм қўшини мўғулларни қуршовга олаётган бир пайтда “баходир” деб аталувчи сараланган жангчилардан иборат пистирмадаги туман (10 минг кишилик бўлинма) жанг тақдирини ҳал этади. Жанг вақтида Жалололиддиннинг 7—8 ёшлардаги ўғли асирга тушади. Уни Чингизхоннинг кўз ўнгида қатл қиладилар. Жалололиддиннинг ғаним қўлига асир тушмасин учун онаси, хотинлари ва бошқа ҳарам аҳлини дарёга чўктириб юборганини ҳам Жувайнийга қўшимча равишда шу тарихчи хикоя қилади.

Инглиз шарқшуноси Г. Раверти ҳамда рус сайёҳи ва олими Г. Е. Грумм-Гржимайлонинг ёзишича, Синд дарёсининг Жалололиддин кечиб ўтган жойи унинг номи билан Чўли Жалолий (Жўли Жалолий) деб аталиб, бу ном бизнинг кунларгача сақланиб қолган.

Жалололиддин Синд дарёсидан кечиб ўтганидан сўнг қолган-қутган жангчиларини тўплаб, Шимолий Ҳиндистон ҳудудидаги бир қанча давлатларнинг ҳукмдорлари билан муносабат ўрнатишга ҳаракат қилди. Улар билан бўлган қатор жангларда қўли банд келган бўлишига қарамай, бу ерда муқим ўрнашиш, иттифокчилар топиш мушкул эканлигини англаб, у ердан Эронга, 1224 йили эса Озарбайжонга келиб, уни эгаллади. Шу вақтдан эътиборан Жалололиддиннинг Озарбайжонга ва унга қўшни мамлакатлар (Эрон, Ироқ, Гуржистон, Рум ва ҳоказо) ҳудудларидаги фаолияти бошланди. Султон ҳаёти ва фаолиятининг бу мураккаб, зиддиятли даври ҳақида сўз борар экан, бир муаммо, яъни унинг дипломатиясига бир оз тўхталиб ўтиш жоиздир. Зеро, айрим тадқиқотчилар Жалололиддинни буюк саркарда ва беназир жангчи сифатида эътироф этганлари ҳолда, унинг қўшни мамлакатларга нисбатан тутган сиёсатига танқидий қарайдилар. Уларнинг фикрича, Жалололиддин дипломатияни ишга солиб, қўшни ҳукмдорлар билан иттифок тузиш ўрнига, уларга қарши урушиб, ўз ҳалокатини тезлаштирган эмиш.

Аммо манбалар билан танишар экансиз, бу ишнинг нечоғли мушкул

бўлганлигига ишонч ҳосил қиласиз. Жалололдиннинг Бағдод халифалари, Қунья султони Алоуддин Кайқубод, уч ака-ука Аюбийлар, Гуржистон подшоши Русудана ва бошқа ҳукмдорлар билан иттифок тузиш йўлидаги саъй-ҳаракатларининг бесамара тугаши қатор сабаб ва омиллар билан боғлиқ. Бу муаммо илмда ҳали яхши ўрганилмаган.

Бирок Жалололдиннинг амалга ошай деб турган кўплаб уришишларининг зое кетишига бир неча шахсларнинг биллиб-билмай қилган хатолари ва ошқора тўскинликлари сабаб бўлди. Улар орасида Жалололдиннинг сўнги вазир Шарафулмулк алоҳида ўрин тутади. Тарихий манбаларда айтилишича, унинг айби билан дастлаб халифа ал-Мустансир ва Алоуддин Кайқубод номидан келган элчилар бесамар қайтдилар. Шарафулмулк, ҳатто, Кайқубоднинг элчиларини таҳқирлашгача бориб етди. Натижада, Кайқубод Жалололдинга қарши 6 нафар ҳукмдордан иборат кучли иттифок тузди. 1230 йили Яссичамада иттифокчилар билан бўлиб ўтган жангда Жалололдин зафар қучишга яқин турган бир пайтда негадир сусткашлик қилиб, қаттиқ мағлубиятга учрайди. Бу пайтга келиб мўғулларнинг ғарбга янги юриши бошланган эди. Жалололдин Малик Ашрафнинг асир олинган укасини ўз элчиси сифатида Малик Ашрафнинг ҳузурига юбориб, ундан ёрдам сўрайди. Шарафулмулк у билан бирга махфий одам юбориб, бу тadbирни ҳам барбод қилади. Вазирнинг бўзғунчилиги узокка чўзилмади: унинг Жалололдиндан ҳокимиятни тортиб олишда мадад сўраб атроф ҳукмдорларга ёзган мактублари қўлга тушгач, у ҳибсага олиниб қатл этилди.

Жалололдиннинг кучсизланганидан хабар топган исмоилийлар бу ҳақда мўғулларга хабар бердилар. 1231 йил август ойида мўғуллар унинг қароргоҳига қўққисдан ҳужум қилишди. Жалололдин амири Ўрхонга душманни чалғитишни буюриб, ёлғиз ўзи тоғ томон от қўйди. Орқадан етиб келган икки мўғулни ўлдириб, йўлида давом этди. Диёрбакр кишлоқларидан бирида уни қурд қарокчилари қўлга туширдилар. Шулардан бири Жалололдиннинг султон эканлигига ишонмай ва Ахлот камали пайтида хоразмийлар томонидан ўлдирилган акасининг ўзини олиш мақсадида найза санчиб уни ўлдирди.

Кизиғи шундаки, Жалололдиннинг вафотидан сўнг одамлар орасида “Султон ўлгани йўқ, у лашкар тўплаб юрибди”, деган овоза тарқалди. Жувайнийнинг гувоҳлик беришича, йиллар ўтиб ҳам ҳар вақт-ҳар вақт халқ орасида “Султонни фалон жойда кўришибди” ёки “у хирқа кийиб, тасаввуфга берилибди”, деган гаплар тарқалди. 1236 йилда эса бир киши ўзини “Мен султон Жалололдинман” деб эълон қилиб, мўғулларга қарши бош қўтарди. Мўғул амирлари Жалололдинни танийдиган бир гуруҳ кишиларни олиб келиб, унинг ёлғон гапираётганидан хабар топдилар ва уни қатл қилдилар. Шу муаррихнинг ёзишича, 1254 йилда, яъни Жалололдин вафотидан 23 йил кейин бир гуруҳ савдогарлар Амударё бўйига етиб келишди. Улардан бири ўзини султон Жалололдин деб таништирди. Ва ҳар қанча қийнасалар ҳам ўз сўзидан қайтмайди, мўғуллар уни ҳам ўлдирдилар.

Жалололдин Мангубердиннинг мўғуллар босқинини тўхтатишга қодир қатта куч эканлигини унинг дўстларигина эмас, душманлари ҳам яхши англади. Мисол учун, Малик Ашрафга унинг вафот этганини хушхабар тарзида етказганларида, у шундай жавоб беради: “Сиз мени унинг ўлими билан муборакбод этмоқдамисиз? Аммо сиз ҳали бунинг оқибати азобини тортажаксиз, зеро, Аллоҳ номи билан қасам ичиб айтаманки, унинг ҳалокати мўғулларнинг ислом заминига бостириб кириши билан баробардир. Энди хоразмшоҳ каби биз билан яъжуж ва маъжуж (яъни мўғуллар) орасида қалқон бўладиган куч йўқ”. Дарҳақиқат, орада кўп ўтмай, шундай бўлди ҳам.

АНУШТАГИНЛАР-ХОРАЗМШОҲЛАР ФАОЛИЯТИ ТАРИХНАВИСЛАР НИГОҲИДА

АНУШТАГИНЛАР-ХОРАЗМШОҲЛАР ТАРИХИГА ОИД ЁЗМА МАНБАЛАР

Ибн ал-Асир

“Ал-комил фи-т-тарих”

Иззуддин Али ибн Муҳаммад ибн ал-Асир (1160–1234) Ироқда яшаб ижод этган араб тарихчиси, у ўзининг “Ал-комил фи-т-тарих” (“Тарих бўйича мукамал тўплам”) номли асари орқали фанда шуҳрат топди. Асар хижрий 628 (милодий 1230) йили араб тилида ёзилган бўлиб, 12 жилддан иборат. Дастлабки жилдларда, мусулмон тарихнавислигидаги мавжуд анъанага кўра, Шарқ мусулмон мамлакатлари тарихи қадим даврлардан бошлаб баён этилган ва охириги бобларда воқеалар баёни муаллиф яшаган давргача давом эттирилган. Табиийки, муаллиф ўзидан олдинги тарихий кечинмалар баёнида илгари ёзилган тарихий манбаларга, хусусан, Муҳаммад Жарир ат-Табарийнинг машҳур “Тарихи Табарий” асарига асосланган. Охириги бобларда, жумладан, мўғуллар истилосига оид воқеалар баёнида, Ибн ал-Асир қимматли тарихий маълумотлар баён этган. Хоразмшоҳлар тарихининг сўнгги йиллари ҳам батафсил ва изчил ёзилганлиги билан ажралиб туради. Жалолоддин хоразмшоҳ кечинмаларини қаламга олган тарихчи ан-Насавий “Сийрат ас-султон Жалолоддин Мангбурни*” асарини ёзганда Ибн ал-Асирнинг унинг асаридан фойдаланганини ва унда тарихий воқеалар жуда аниқ баён қилинганини алоҳида таъкидлаб ўтади. Шу сабабдан бўлса керак, бу манба фанда катта эътибор топди ва 1851–1876 йилларда Лейденда, 1873 йилдан бошлаб Мисрда бир неча марта унинг арабча матни нашр этилди.

“Ал-комил фи-т-тарих”дан тадқиқотчилар мунтазам фойдаланиб келмоқдалар. Ундаги айрим лавҳалар бошқа тилларга ҳам таржима қилинган. Бу манба XIX асрда Хива хони Муҳаммад Раҳимхон II (1844–1910; ҳукмдорлик йиллари 1863–1910) буйруғи билан ўзбек тилига ҳам тўла таржима қилинган. Мазкур таржиманинг бир қанча қўлёзма нусхалари Ўзбекистон Фанлар академияси Абу Райхон Беруний номидаги Шарқшунослик институти хазинасида мавжуд (№ 824, I–VI жилдлар; № 825, VII–XII жилдлар ва ҳоказо).

Ушбу асар 825-рақамли қўлёзмасининг ўн иккинчи дафтари (жилди)дан мўғуллар истилоси, Муҳаммад хоразмшоҳ ва султон Жалолоддин воқеалари ҳақида ёзилган баъзи лавҳалар эски ўзбек тили ва араб алифбосидан хозирги ўзбек тили, кирилл алифбосига ўтказилиб, таржима лавҳалар қисмида берилди.

* “Манбурни” – бурнида холи бор демакдир. Ўз даври манбаларида Жалолоддин шу исм билан аталган. Кейинги адабиётларда ва халқ орасида эса бу исм “Мангуберди” шаклини олиб, машҳур бўлиб кетган.

Шихобуддин Муҳаммад ан-Насавий

“Сийрат ас-султон Жалолиддин Мангбурни”

Шихобуддин Муҳаммад ибн Аҳмад ибн Али ибн Муҳаммад ал-мунший ан-Насавий (вафоти 647/1249–50) Нисо вилоятида, унга ота мерос Хурандиз қўрғонида давлат хизматчиси оиласида дунёга келган. Форс ва араб тилларини яхши билган, шеърятга ҳам қизикқан. Мўғулларга қарши бир неча жангларда қатнашган.

Ан-Насавий 1224 йили, султон Жалолиддин Хиндистондан Эронзаминга келганда, унинг хизматига ўтди ва котиблик вазифасида ишлади. Жалолиддин вафотидан (1231) сўнг Кичик Осиёдаги бир қанча ҳокимлар саройида хизмат қилди ва, ниҳоят, Халаб (Сурияда) ҳокими Салоҳиддин Юсуф хизматига ўтиб, умрининг охиригача ўша ерда қолди. Султон Жалолиддин ўлимидан сўнг ўн йил ўтгач (639/1241–42), ан-Насавий унинг ҳаёти ҳақида ёзишга қўлга қалам олади ва шу тарзда “Сийрат ас-султон Жалолиддин Мангбурни” номли араб тилидаги тарихий асар дунёга келди. Асардан муаллифнинг ўн беш йиллар чамаси воқеалар хотиротлари ўрин олган. У муқаддима ҳамда 18 боб (зикр)дан иборат. Асарнинг умумий мазмуни қуйидагича.

Дастлабки тўрт боб Чингизхон ва унинг тахтга келиши, шарқий мамлакатларни забт этгани ҳақида (асосан Ибн ал-Асирдан олинган). Бешинчи бобдан то йиғирма иккинчи бобгача хоразмшоҳ Алоуддин Муҳаммад тарихи, жумладан, мўғулларнинг Ўрта Осиёга бостириб кириши ва хоразмшоҳ Муҳаммаднинг қочиб кетиши, ҳаётининг охириги давлари ҳақидаги хикоялардир. Ўн саккиз ва ўн тўққизинчи бобларда Турконхотун ва унинг Хоразмшоҳлар давлати сиёсий ҳаётида ағаллаган ўрни ёритилган.

Асарнинг кейинги бобларида бевосита султон Жалолиддиннинг ҳокимиятини ўз қўлига олиб, мўғулларга қарши мардонавор курашлари лўнда баён қилинган. Асарни ёзишда, муаллиф ўз кўрган-кечирганларини баён қилиш билан бир қаторда, тарихий воқеаларда бевосита иштирок этганлар ёки уларни мушоҳада қилганлар ёки хоразмшоҳлар девонида масъул вазифаларда ишлаганлардан олган маълумотлардан ҳам фойдаланган.

Бу муҳим манба ёзилган давридан бошлаб олим аҳли наздида эътибор қозонди. Жумладан, Абу-л-Фидо (1273–1331) ва Ибн Холдун (вафоти 1405) каби машҳур тарихчилар ўз асарларида ундан парчалар келтирганлар. Шунга қарамай, “Сийрат ас-султон Жалолиддин Мангбурни” асарининг фақат иккита нусхасигина бизгача етиб келган. Улардан бири Париждаги Миллий кутубхонада ва иккинчиси Британия музейи хазинасида сақланмоқда.

Шихобуддин Муҳаммад ан-Насавийнинг “Сийрат ас-султон Жалолиддин Мангбурни” асари Хоразмшоҳлар салтанати тарихининг охириги йиллари ҳақида нодир маълумотларни ўз ичига олган муҳим тарихий ёзма ёдгорликдир. Шу сабабдан, бу асар XIII аср охиридаёқ (тахминан 1291–1300 йилларда) форс тилига таржима қилинди. Бирок, бу бирмунча қискартирилган таржима эди. “Сийрат ас-султон Жалолиддин Мангбурни” билан боғлиқ асосий тадқиқотлар XIX асрдан бошланди. Дастлаб, Париж нусхаси асосида, француз шарқшуноси Октав Удае (1860–1917) 1891 йили арабча матни ва 1895 йили унинг ўзи тайёрлаган французча таржимасини нашр эттирди. Париж нусхаси асарининг Британия музейи нусхасига қараганда анча тўлиқ бўлганлиги сабабли, О.Удае нашри кейинги нашрлар ва таржималар учун асос бўлиб хизмат қилди.

Ушбу нашрга таянган ҳолда, “Сийрат ас-султон Жалолиддин Мангбурни” Юсуф Зиё ва Аҳмад Тавҳид томонидан турк тилига қискартириб таржима

килинб, 1914 – 1916 йилларда Истанбулда чоп этилди. Асарни 1945 йили Мухаммад Али Носих форс тилига ўгирган ва у 1985 йили Техронда нашр бўлган. О.Удас нашридаги арабча матнини мисрлик олим Х.А.Хамдий 1953 йили Кохирада бостирди.

Насавий асаридан рус тилига, дастлаб, айрим парчалар таржима килинган. Рус тилига тўла таржима эса озарбайжонлик таниқли шарқшунос олим, хоразмшоҳлар тарихи бўйича йирик мутахассис З.М.Буниятов томонидан амалга оширилди ва 1973 йили Бокуда чоп этилди. З.М.Буниятов “Сийрат ас-султон Жалолиддин Мангбурни”нинг тўла, бошқа нусхалар билан қиёсий таҳлил килинган арабча матнини рус тилига таржима, сўз боши, илмий изохлар ва кўрсаткичлар билан тайёрлаб, 1996 йили Москвада “Шарқ ёзма ёдгорликлари” рукни остида чоп эттирди. Бу шарқшунослик соҳасидаги катта воқеа эди. Биз ҳам асарнинг мазкур охириги нашрига ёзилган сўз бошидан фойдаландик.

Алоуддин Атомалик Жувайний

“Тарихи жаҳонгушойи Жувайний”

Алоуддин Атомалик ибн Баҳоуддин Мухаммад ал-Жувайний 623/1225 йили Хуросон ғарбидаги Жувайн ноҳиясида зодагон оиласида таваллуд топиб, ёшлик йиллари ҳам ўша ерда ўтган. Отаси Баҳоуддинни хоразмшоҳ Мухаммад Хуросон вилоятига ҳоким этиб тайинлаган эди. Чингизхон қўшинлари Хуросонга бостириб кирганда, Баҳоуддин султон Жалолиддин хизматида бўлиб, мўғулларга қарши жанг қилган. Жалолиддин ўлиmidан сўнг, тақдир тақозоси билан, мўғуллар хизматига ўтди ва то 1253 йилгача, яъни вафотига қадар, Хуросонни бошқариб турган мўғул ҳукмдорлари хизматида маъмурий хизматчи – соҳиб девон (вазир) бўлиб ишлаган.

Баҳоуддин Мухаммаддан икки ўғил қолганлиги маълум. Каттаси Шамсуддин Мухаммад 1262 – 1283 йилларда Эрондаги мўғул ҳукмдорлари Хулоғухон (1256 – 1265) ва Абакахон (1265 – 1282) салтанатида соҳиб девон вазифасида хизмат қилган.

Алоуддин Жувайний оиласининг ўз даври сиёсий муҳитида анча юкори мавқени эгаллаб тургани унинг келажакда етук зиёли ва билимли бўлишига ижобий таъсир кўрсатди. У йигитлик чоғидаёқ Хуросондаги мўғул ҳокими Арғоноғо хизматида қабул қилинди ва 1246 – 1253 йиллар оралиғида мазкур ҳукмдор билан бирга Мўғулистонга ҳам бир неча марта ташриф буюрган. Маълум вақт Хулоғухон хизматида бўлиб, муншийлик вазифасида ишлаган, сўнгра 1259 йили Бағдод, Ироқ ва Хузистон вилоятлари ҳокими этиб тайинланган. Жувайний ҳижрий 681 йил 4 зулҳижжа (милодий 1283 йил 6 март)да Арронда вафот этди.

Жувайний ўз ҳукмдорлиги йилларида мамлакат ободончилигига катта эътибор берди, хусусан, илм аҳлига, адибларга мунтазам ҳомийлик қилиб келди. Айни вақтда, унинг ўзи ҳам рисоладагидек қалам соҳиби бўлган. Ҳаётининг охириги йилларида бошидан кечирган қийинчиликлар, жумладан, 1281 йили Абакахон буйруғи билан тафтиш қилиниб, қамокқа олинганлиги воқеаларини ўзининг форс тилида ёзган “Тасмийат ал-ихвон” асарида баён қилган.

Алоуддин Жувайнийнинг форс тилида 1260 йили ёзган “Тарихи жаҳонгушойи Жувайний” (қисқача “Тарихи жаҳонгушой”) машҳур асари

мўғуллар ҳукмронлиги даври бўйича муҳим манба саналади. Унда тарихий воқеалар баёни Чингизхоннинг ҳокимиятга келишидан тортиб то Худогухон ҳукмронлиги тарихининг 1256 (Хуросон тарихининг эса 1258) йилигача бўлган даврини ўз ичига олади. Асар дебоча, муқаддима ва уч жилддан иборат. Биринчи жилдда мўғуллар тарихи, истилоси, Жўчи ва Чингачи авлодлари ҳукмронликлари ҳақида сўз боради. Иккинчи жилдда хоразм-шоҳлар тарихи ва Хуросон ўлкасини бошқарган мўғул ҳукмдорлари кечинмалари то 1258 йил воқеаларигача етказиб баён қилинган. Учинчи жилдда ҳам анча муҳим тарих, яъни мўғуллар истилоси воқеаларининг давоми, исломдаги исмонлиқ йўналиши, Исмоиллийлар давлати (1090–1258) ҳақида маълумотлар акс этган. Юқорида қайд этилган икки асардан ташқари, Жувайний каламига мансуб бир қанча фармонлар, мактублар (муншаот) ҳам бизгача етиб келган.

Жувайний “Тарихи жаҳонгушой” асарини ёзишда жуда кўп ёзма манбалардан фойдаланган, табиийки, улардан кўпи ҳозирги давргача сақланмаган. Демак, асар бу жиҳатдан ҳам қимматли тарихий манба ҳисобланади.

“Тарихи жаҳонгушой”нинг қўлёзма нусхалари анчагина ва улар ҳозирги вақтда жаҳоннинг турли кутубхоналарида, кўп қисми Эрон китоб хазиналарида сақланмоқда. Ўзбекистон Фанлар академияси Шарқшунослик институти хазинасида ҳам мазкур асарнинг учта қўлёзма нусхаси мавжуд (№12148; 610; 4597). Бу манбанинг тўла илмий нaшри Муҳаммад ибн Абдулвахҳоб Қазвиний томонидан (биринчи жилди 1912 йили, иккинчи жилди 1916 йили, учинчи жилди 1937 йили; Лейден – Лондон) амалга оширилди. Асар 1933 йили Техронда Сайид Жалолиддин Техроний томонидан қўшимча маълумотлар илова қилинган ҳолда тўла нашр этилгани ҳам маълум. “Тарихи жаҳонгушой” Муҳаммад Қазвиний нaшри асосида Ж. А. Бойли томонидан инглиз тилига (Манчестер, 1958) ва биринчи жилди турк тилига (Истанбул, 1938) ағдарилган. Бу муҳим манба Нурёди Тошев томонидан ўзбек тилига таржима қилинапти. Қуйида берилган султон Жалолиддин кечинмалари билан боғлиқ давҳалар “Тарихи жаҳонгушой”нинг Муҳаммад Қазвиний форсча нашридан ўзбек тилига ўғирилган.

Рашидаддин Фазлуллох

“Жомеъ ат-таворих”

Рашидаддин Фазлуллох ибн Имоуддавла Абулхайр ал-Ҳамадоний хижрий 645 (милодий 1247–1248) йили туғилган ва нисбасидан келиб чиқиб, унинг туғилган жойи Ҳамадон бўлса керак, деб тахмин қилинади. Унинг ҳаёти мўғуллар ҳукмронлиги даврида ва уларнинг подшоҳлари хизматида кечган. Абақахон (1265–1281) саройида табиб, Ғозонхон (1295–1304) ва Ўлжайту султон (1304–1316) салтанатида вазир лавозимида ишлаган, султон Абу Саид ҳукмронлиги даврида ҳам то 1317 йилгача вазирлик мансабини эгаллаб турган. Бирок 1318 йили Ўлжайту султонни заҳарлаган, деган айб қўйилиб Табриз шаҳрида қатл этилди.

Рашидаддин Фазлуллох давлат ишларида олий мансабда ишлаган бўлишига қарамай, ўзидан кейин бетакрор, бой илмий мерос қолдирган. “Жомеъ ат-таворих”, “Мажмуат ар-Рашидия” (бу асар тўрт жилддан иборат: 1) “Тавзиҳоти Рашидий”, 2) “Мифтоҳ ат-тафосир”, 3) “Фавоид ас-Султония”, 4) “Латоиф ал-ҳақоик”), “Ал-осор ва-л-аҳе”, “Баён ал-ҳақоик”, “Ась-

ила ва ажиба’’ каби талайгина асарлар унинг қаламига мансубдир. Уларнинг мазмунидан англашилишича, Рашидаддин фаннинг бир канча (тарих, исломшунослик, кишлок хўжалиги, ботаника, меъморлик ва ҳоказо) сохаларида ижод қилгани маълум. Хитой ва мўғул табобати, доришунослиги, маъмурий бошқарувига оид тўртта асар бевосита унинг бошчилигида хитой тилидан форс тилига ўтирилган.

Рашидаддин Фазлуллохнинг илмий асарлари орасида “Жомеъ ат-таворих” тарих фани учун воят муҳим саналади. Муаллиф бу асарни 1300 йили Ҳозонхон буйруғи асосида ёзишга киришиб, 1311 йили Ўлжайту султон даврида ниҳоясига етказган.

Мазмун жиҳатдан тўрт қисмдан иборат бўлган “Жомеъ ат-таворих” асарининг биринчи жилди “Тарихи Ҳозоний” деб номланиб, икки бобга ажратилган. Уларда турк ва мўғул қабилалари, Чингизхон, унинг аждодлари, то Ҳозонхонгача ҳукмронлик қилган авлодлари ҳақида муҳим маълумотлар берилган. Иккинчи жилд ҳам икки бобни ўз ичига олади, унда умумий тарих (энг қадимдан бошлаб) ҳамда ўрта асрларга оид ғазнавийлар, салжукнийлар, хоразмшоҳлар, туркий ва бошқа халқлар тарихи баён этилган. “Шуоби панжгона” деб аталган учинчи жилд мазмунан иккинчи жилднинг давомидир. Унда, асосан, этник тарих – турк, мўғул, араб, яҳудий, фаранг ва хитойлар ҳақида тафсилотлар берилган. Тўртинчи жилд “Сувар ул-ақолим” деб номланган географик асардан иборат бўлиб, унда дунё тавсифи ва мўғуллар салтанатидаги йўллар ҳамда улардаги манзиллар ҳақида маълумотлар келтирилган. Бирок бу жилд бизгача етиб келмаган.

Рашидаддин Фазлуллохнинг “Жомеъ ат-таворих” асари нафақат мўғуллар давлати, балки умуман, турли халқлар, ҳусусан, туркий забон халқлар ҳақида нодир маълумотларни камраган энг муҳим манба ҳисобланади. Жумладан, хоразмшоҳлар тарихига оид келтирилган айрим маълумотлар бошқа манбаларда учрамайди. Асарнинг кўплаб ёзма маълумотлар тахлили асосида ёзилганлиги эътиборга лойик. Унинг яратилишида, муаллиф билан бир каторда, Ўлжайту султон саройида хизмат қилиб турган хитой, мўғул, ҳинд, фаранг тарихчи олимлари ҳам қатнашганлар.

Кейинги асрларда “Жомеъ ат-таворих”дан кўплаб нусхалар кўчирилди ва улар ҳозирда жаҳоннинг турли китобхоналарига тарқалган. Жумладан, Ўзбекистон Фанлар академияси Шарқшунослик институти хазинасида асарнинг биринчи ва иккинчи жилдлари қўлёзма нусхалари сақланмоқда.

“Жомеъ ат-таворих” шайбоний ҳукмдор Кўчкунчихон (1510–1530) топишириғи билан, бирмунча қисқартирилган шаклда Муҳаммад Али ибн Дарвиш Али Бухорий томонидан ўзбек тилига таржима қилингани ҳам маълум. Ушбу таржима уч жилддан иборат бўлган; унинг 1526 йили кўчирилган нодир нусхасининг биринчи ва иккинчи жилдлари Ўзбекистон Фанлар академияси Шарқшунослик институти хазинасида 25-ракам остида сақланади.

Бу манбанинг яхлит ва турли қисмлари бошқа тилларга, жумладан, Европа халқлари тилларига ҳам таржима қилинган. Ундан илмий тадқиқотларда кенг фойдаланиб келинмоқда. Асарнинг биринчи қисми М.Катрмер (1836), Э.Блоше (1911) ва чех олими К.Ян (1941) томонидан чоп этилган. И.П.Березин форсча матни ва уни рус тилига ўгириб нашр эттирди (1858, 1868, 1888). А.А.Ромаскевич, Е.Э.Бертельс, Л.А.Хетагуров, А.А.Ализода “Жомеъ ат-таворих”ни илмий изоҳлар ва кўрсаткичлар илова қилган ҳолда рус тилига ағдардилар.

Маҳмуд ал-Чағминий

“Ал-мулаххас фи-л-хайъа”

Абулфазл Маҳмуд ибн Мухаммад ибн Умар ал-Чағминий (вафоти тахминан 1221) Ануштагинлар-Хоразмшоҳлар салтанатида яшаб ижод этган танikli математик ва астроном олим. Манбаларда Чағминий ҳаёти ва ижоди ҳақида маълумот йўқ ҳисоби. Унинг исибасидан келиб чиқиб, туғилган жойини Хоразмнинг Чағмин қишлоғидан дейиш мумкин. Маҳмуд ал-Чағминий хоразмшоҳлар пойтахти Гурганж шаҳридаги илмий муҳитда ижод қилган. У араб тилида “Ал-мулаххас фи-л-хайъа” (“Қисқача астрономия”), “Сайланма”, “Тўққиз сонининг риёзиётдаги ўрни ҳақида рисола”, “Меросни бўлиш масалаларида риёзиёт усулларига шарҳ” каби асарлар яратган. Чағминий астрономия соҳасида етук олим бўлиш билан бир қаторда, риёзиёт (математика) соҳаси йўналишида ҳам ижод қилган. Астрономияга оид асарларида географияга дахлдор маълумотлар ҳам мавжуд.

Маҳмуд ал-Чағминийнинг астрономияга оид асосий асари “Ал-мулаххас фи-л-хайъа” 1205 йили Гурганжда Мухаммад хоразмшоҳ салтанатида ёзилган ва мадраса талабалари учун астрономия асосларидан қўлланма вазифасини ўтаган. Асарда мавжуд астрономик тушунчалар оддий, равои услубда баён қилинган.

“Ал-мулаххас”да пойтахт Гурганжнинг Макка шаҳри (кибла)га нисбатан географик ўрни берилганлиги ҳам Чағминийнинг ушбу шаҳарда ижод қилганига далилдир. Унда Макка шаҳрининг географик узунлиги Холидот оролларида $77^{\circ} 10'$ (шарқий узунликда) ва (географик) кенглиги $21^{\circ} 40'$ (шимолий кенгликда) эканлиги, шунингдек, Хоразм (Гурганж)нинг (географик) узунлиги эса, худди шу йўсинда, $94^{\circ} 0'$, (географик) кенглиги 42° дир, деб қайд этилган.

Чағминийнинг астрономия соҳасида дарслик яратганлиги ҳамда математикага оид асарлар ёзгани боис у хоразмшоҳлар пойтахти Гурганж мадрасаларида астрономия асосларидан ва риёзиёт илмидан дарс берган, деб хулоса қилиш мумкин. Чағминийнинг илмий меросида Маъмур — хоразмшоҳлар давридаги илм-фаннинг, хусусан, Абу Райхон Беруний асарларининг таъсири кузатилади.

Маҳмуд Чағминий “Ал-мулаххас фи-л-хайъа” асарининг мазмуни қуйидагича.

Асар муқаддима ва икки қисмдан иборат. Биринчи қисм осмон сфераси ва ёриткичларга бағишланган; иккинчи қисм эса Ернинг ҳолати ҳақидадир.

Биринчи қисм беш бобга бўлинган: 1) ёриткичларнинг шакли ва турлари; 2) осмон сфераларининг ҳаракати тўғрисида; 3) астрономия фанида маълум доиралар хусусида; 4) ёйлар ҳақида; 5) Қуёш, Ой ва бешта сайёранинг (Уторид — Меркурий, Зухро — Венера, Миррих — Марс, Муштарий — Юпитер, Зухал — Сатурн) ҳаракати.

Иккинчи қисм уч бобдан иборат: 1) маъмура — Ернинг обод қисми ҳақида; 2) экватордаги жойларнинг хусусиятлари; 3) амалий ва геодезик астрономия масалалари.

Чағминийнинг мазкур асарида астрономиянинг ва Ернинг ҳолати билан боғлиқ энг муҳим масалалар оддий, равои тарзда ифодалангани сабабли, у фанга кенг татбиқ этила бошлади, бу китобдан кўплаб нусхалар кўчирилди. “Ал-мулаххас”нинг мавжуд қўлёзма нусхаларининг аксарияти ҳали тадқиқ этилмаган. Масалан, Чағминий астрономиясининг жиддий тадқиқотчиларидан бири шарқшунос П.Г.Булгаков Ўзбекистон Фанлар академияси Шарқшунослик институти хазинасида “Ал-мулаххас”нинг фақат битта нусхаси бор,

деб хулоса қилган. Асарнинг танқидий матни ҳам ишланмаган. Ҳозирги вақтда Чағминий асарининг анчагина қўлёзмалари мавжуд ва улар дунёнинг йигирмага яқин давлатлари кутубхоналаридан ўрин олган. Ўзбекистон Фанлар академияси Шарқшунослик институти хазинасида “Ал-мулаххас”нинг 5 та қўлёзмаси бор (7761/III, 8796/II, 10417, 10417/XIII, 11599/III); улардан биттасини (10417) темурийлар даврида 839 (1435) йили Машҳадда котиб Бурхониддин Мухаммад кўчирган. Энг қадимгиси эса Истанбулдаги Лолелий кутубхонасидаги 2141/2 рақамли нусха бўлиб, у милодий 1246 йилга тааллуқлидир.

Асарнинг бошқа тилларга ҳам таржималари бор, жумладан, форсча таржимаси ҳам, улардан бири (XVI аср) Оксфорд кутубхонасида (№ 1524) сақланмоқда. Асарни XIX аср охирида Г.Рудлов ва А. Хохгайм немис тилига ўгириб чоп эттиришди. Айрим лавҳаларнинг рус тилидаги нашри ҳам мавжуд.

“Ал-мулаххас фи-л-хайъа” (“Қисқача астрономия” ёки “Астрономияга кириш”) асарининг номиданок унинг астрономияга оид эканлиги кўринади. Шу сабабдан, кейинги даврларда унга қатор шархлар битилган ва улардан дастлабкилари XIV асрга тўғри келади. Шамсиддин Мухаммад ибн Муборакшоҳ Мирак ал-Бухорий (вафоти 1340), Камолиддин ат-Туркманий (XIV аср ўрталари), Али ибн Мухаммад Сайид Шариф Журжоний (1340–1413), Абдулвоҳид ибн Мухаммад (XIV аср иккинчи ярми), Қозизода Румий (XV аср) шархлари шулар жумласидан. Мавжуд шархлар ичида темурийлар даврида Улуғбекнинг Самарқанддаги астрономия мактабида Қозизода Румий 1412 йили ёзган шарх кенг шухрат қозонган. Сабаби, бу шарх илмий жиҳатдан анча аниқ ва мукамал эди; ҳозирда унинг қўлёзма ва тошбома нусхалари ҳам кўп. Ўзбекистон Фанлар академияси Шарқшунослик институти хазинасидаги №3049/ I, 2655/II қўлёзма нусхалари асосида мазкур асар рус тилига таржима қилиниб, чоп этилди. Бу Чағминий астрономиясига ёзилган шархнинг дастлабки ва мукамал илмий таржимаси саналади. Чунки Қозизода Румий “Ал-мулаххас” матнини тўла келтириб, ўз шархларини мағн ичига сингдирган ва устига чизик тортиб ажратган.

Бу шархнинг тафсилотидан англашилишича, Чағминий “Ал-мулаххас”ни Хоразмшоҳлар салтанатидаги мадрасалар учун дарслик сифатида ёзган эди. Лекин бу асар мазмун-моҳияти билан кейинги йилларда ҳам узок муддат қўлланма вазифасини ўтаб келди. Уни Улуғбек астрономия мактабининг йирик намояндаси Қозизода Румий ўз шархлари билан тўлдириб, Самарқандда толиби илмларга астрономия асосларидан дарс ўтганда асосий дарслик сифатида қўллаган. Қозизода Румий ўз маърузаларини араб тилида ўқиган, шу сабабдан, Чағминий астрономиясига шархни ҳам араб тилида ёзган эди. Қозизода Румий вафотидан сўнг (1437) Улуғбек мадрасасида форсий асарларга ҳам эҳтиёж ортган кўринади ва Маҳмуд Чағминий “Ал-мулаххас” асарининг бу ерда форс тилига ўгирилгани ушбу эҳтиёж билан боғлиқ бўлган, дейиш мумкин. Бу форсча таржима Хусайн ибн ал-Хусайн ал-Хоразмий ал-Кубравий фаолияти билан боғлиқ.

Мухаммад ибн Нажиб Бакрон

“Жаҳоннома”

Мухаммад ибн Нажиб Бакрон ануштагинлар-хоразмшоҳлар даврида Хуросонда, аниқроғи, Тус шаҳрида яшаб ижод этган олим. Унинг ижод йилларининг бир қисми Нишопурда ва Хоразмшоҳлар давлатининг пойтахти Гурганжда ўтган.

Нажиб Бакрон битта дунё харитаси тузиб, уни Алоуддин Мухаммад хоразмшоҳга тортиқ қилгани маълум. Афсуски, бу харита бизгача етиб келмаган, фақат унга ёзилган “Жаҳоннома” номи билан машҳур изоҳнома сақланган, холос.

“Жаҳоннома” географияга оид қимматли ёдгорлик. Унинг мазмунидан Нажиб Бакрон ўз даврининг география соҳасидаги етук олимларидан эканлиги англашилади. Муаллиф ўз асарини ёзишда шахсий мушоҳадаси ва бошқалардан сўраб билганларидан ташқари, кўпроқ ёзма манбалардан фойдаланган. Унда: Ибн Хурдодбех “Китоб ал-масолик ал-мамолик”, ал-Истахрий “Китоб ал-масолик ал-мамолик”, Носир Хисрав “Сафарнома”, Абу Райҳон Беруний “Қадимги халқлардан қолган ёдгорликлар” (“Осор ал-боқия”) ва “Китоб аттафҳим” ва бошқа манбаларнинг номлари қайд этилган.

Нажиб Бакрон “Жаҳоннома”да ёзган тафсилотлардан у чизган харита ҳақида умумий тасаввур олса бўлади. Маъқур харита матога ярим шарлар харитасига ўхшатиб доира шаклида чизилган.

Хаританинг муҳим жиҳатларидан бири, унда градус тўри (параллел ва меридиан чизиқлари) ҳамда мамлакатлар чегаралари ўтказилганидир. Бошланғич меридиан Холидот оролларида ўтган. Харитада ифодаланган жой номларининг бир қисмига, аниқроғи, олти юзтасига “Жаҳоннома”да изоҳлар келтирилган.

Умуман олганда, “Жаҳоннома” кириш сўз ва лўнда ёзилган йигирма фаслдан ташкил топган. Унда географик узунлик ва кенгликлар. Ернинг обод чораги (рубъи маскун), денгизлар, кўллар, ороллар, дарёлар, тоғлар, чўллар, шаҳарлар, қабилалар, ер юзидаги ажойиб ва ғаройиб жойлар, маъданлар, халқаро савдо молларининг баъзи турлари каби маълумотлар ўрин олган. Кейинги асрларда яшаб ижод этган Ҳамдаллоҳ Муставфий Қазвиний, Хофиз Аbru, Султон Мухаммад Балхий ва бошқа муаллифлар ўз асарларида Нажиб Бакроннинг “Жаҳоннома”сидан фойдаланганлар.

“Жаҳоннома”нинг иккита қўлёзма нусхаси бизгача етиб келган, бири — Парижда, иккинчиси — Санкт-Петербургда. Замонавий илмий тадқиқотларда “Жаҳоннома” XIX асрнинг иккинчи ярмидан тилга олинган. Дастлаб Париж, сўнгра Санкт-Петербург қўлёзмаси асосида тадқиқотлар, таржима-лавҳалар чоп этилди.

Мухаммад ибн Нажиб Бакроннинг “Жаҳоннома” асари матнининг фото-факсимили 1960 йили Москвада рус шарқшуноси Ю.Е.Борщевский томонидан сўз боши ва кўрсаткичлар илова қилинган ҳамда мавжуд иккала қўлёзма нусха қиёсланган ҳолда нашр этилди.

МАНБАЛАРДАН ЛАВҲАЛАР

Ибн ал-Асир

“Ал-комил фи-т-тарих”дан

(687 а-варақ) Олти юз ўн еттинчи йили тотор (мўғул)ларнинг билоди исломга бостириб киргани баёни

Мазкур олти юз ўн еттинчи (1220) йили тотор (мўғул) тоифаси билоди исломга* юриш бошлади. Тоторлар турк жамоасига мансуб кўп тоифадан иборат. Уларнинг масканлари билан билоди ислом орасидаги масофа олти ойлик йўлдан ортиқроқдир. Уларнинг подшоеси Темучин, яъни Чингизхон ўз юртидан чиқиб Туркистон навохийисига юриш қилди. Ушбу юришда бир жамоа тўжжор ва атрок (турклар)ни олтин, кумуш ва яна бир қанча нақдиналар билан Мовароуннахрга юборди. Улар турк шаҳарларидан бири бўлмиш Ўтрор қалъасига етиб келдилар. Бу (шаҳар) Хоразм вилоятининг (шимоли-шарқий томондан) охири саналади. Тоифайи тотор мазкур қалъага келгандан сўнг, қалъа ҳокими хоразмшоҳга бу ҳақда маълум қилиш учун Хоразмга одам жўнатди. У одам хабар етказгач, хоразмшоҳ қалъа ҳокимига тотор жамоасининг ҳаммасини (687 б-варақ) қатл қилиб, барча молларини Хоразмга юборишни буюрди. Қалъа ҳокими фармонни бажарди ва молларини Хоразмга жўнатди. Баъзилар, у тоифанинг билоди исломга бостириб келишининг бошқа сабаби бор, дейдилар, лекин китобларда бу ҳақда аниқ бирор маълумот қайд этилмаган. Алқисса, жамоайи тотор вазабланиб билоди ислом томон юрдилар, бир қанча жойини забт этиб, таладилар, Бухоро ва Самарқандни ҳам олдилар

38

Жамоайи тотор хоразмшоҳ устига юриш қилгани, хоразмшоҳ қочиб Ҳамадонга бориб, ўша ерда вафот этганининг баёни

Ул жамоайи куффор Самарқандни эгаллагач, уларнинг улufe подшоеси лаънати Чингизхон йиғирма минг отлик баҳодирлари билан хоразмшоҳнинг изига тушди. Лашкарларига, хоразмшоҳни қайси маконда бўлса ҳам топасизлар, осмонга қочса ҳам тутиб келтирмагунингизча сизларни (тинч) қўймайман, деди.

Ул тоифайи куффорга “мағрибий” ва “ғайри мағрибийлар” ўртасидаги фарқни аниқлаш учун “тотори мағрибия” деб от қўйиларди. Чунки ул тоифа Хуросоннинг ғарбий қисмида юрарди.

Улар хоразмшоҳни ахтариб кетдилар... Хоразмшоҳ ул тоифанинг (келаётганлиги) хабарини эшитиши билан (отланиб) Нийсобурга борди; у ерда ҳам қўшим тополмай, изма-из готор етиб келиб, у ердан жўнаб кетди. Хоразмшоҳ нажот излаб Ҳамадонга бориб, ўша ерда вафот этди.

* Баъзи иборалар Ибн ал-Асир асарининг мазкур ўзбекча таржимасида берилган шаклда қолдирилди.

Хоразмшоҳнинг сифати ва сийратининг баёни

Унинг оти Алоуддин Муҳаммад ибн Алоуддин Такаш эди; подшоҳлиги йигирма бир йил; давлати жуда катта ҳудудни эгаллаган, тамоми олам унга итоат этган. Салжуқийлардан кейин бирор зот унингдек ҳукмдорлик қилмаган. Зеро, Ирок чегарасидан то Туркистонгача унинг мамлакати бўлган...

(689 а-варақ) Тоифайи тотор Бухоро ва Самарқандни олгандан сўнг Мовароуннаҳрда қилган ишларининг баёни

Чингизхон дарқаҳр бўлиб, авлодларидан бирини бош қилиб беҳисоб лашкар юборди. Улар Хуросон сари юриб, Жайхун дарёсидан ўтиб, Балх қалъасига етдилар. Қалъа аҳолиси тортиқлар билан чиқиб омонлик сўрадилар. (Мўғуллар) Балхни бўйсиндиргач, сана олти юз ўн бирда (1221) юриш қилиб Андхўй қалъасига етдилар ва уни эгаллаб, сўнгра Толиқон қалъасига ўтдилар. Бу ўта мустаҳкам қалъа эди, (мўғуллар) уни олти ой камал қилиб ҳеч нарсага эришолмадилар. Кучлари ожизлиги ҳақида Чингизхонга маълум қилдилар. Чингизхон аскарлари азим билан келиб қалъани ўраб олди, ёнида мусулмонлардан асир олинганлар ҳам кўп эди. Уларни аскарларнинг олдига солиб жанг қилмоққа буюрди, бош тортсангиз ўлдирамиз, деди. Тўрт ой давомида жанг-жадаллар бўлди. Сўнгра Чингизхон, қалъа атрофига тош, тупроқ ва ёғоч йиғиб (690 а-варақ) саркўб қилинган ва унинг устига чиқиб қалъага қиринлар, деб буюрди. Улар шу йўсинда қалъага кириб, қаттиқ жанг билан уни эгалладилар, аҳолисини қириб, бир қисмини асир олдилар.

Ундан сўнг, Чингизхон катта аскарлари билан Марв томон юришга азм қилди. У шаҳарни қуршаб олиб, тўрт кун қаттиқ жанг бўлди, иккала тарафдан ҳам кўп одам ҳалок бўлди. Бешинчи кунда (Чингизхон) қалъа ҳокимига хат йўллади ва таслим бўлса, унинг ўзини қалъа ҳокими қилиб қолдиражагини айтди. Марв ҳокими бу ваъдага алданиб, (Чингизхоннинг) ҳузурига келди. Чингизхоннинг ўғли уни иззат-ҳурмат қилиб, сарпо берди. Сўнгра у билан бирга қалъага бориб бир неча кун турди. У қалъа аҳлини рўйхатга олишни буюрди. Хатга олиш иши тугагач, барча аҳолини қалъадан ташқарига олиб чиқмоққа амр қилди. Аҳоли қалъадан чиқиб кетгандан кейин, ўзи аскарлари билан кириб қалъани эгаллади ва қалъа аҳлини қириб ташлашга ҳукм қилди. Бераҳм аҳли тотор тамоми одамларни қатл этди, уларнинг адади етти юз мингга етган эди. Ундан сўнг қайтиб қалъага кириб ночор ва атфол (болалар)ни аскарларга тақсим этиб, мол ва ашёларини талон-торож қилиб, уй-жойларга ўт қўйиб хароб қилди. Хатто (султон) Санжарнинг қабрини ёндирдилар...

Тоифайи тоторнинг Ғазна ва билоди Ғурияни (690 а-варақ) босиб олгани баёни

Чингизхон катта бир лашкарга ўғлини бош қилиб Ғазна томон юборди. Шаҳзода Жалолиддин ибн (Муҳаммад) хоразмшоҳ ҳам олтмиш (миш) отлик билан ўша ерда эди. Тотор лашкарининг келаётганини эшитиб, тамоми аҳли исломга бош бўлиб Балқ деган жойда гамоми мусулмонлар билан тўпланиб турдилар. Тоифайи тотор ҳам шу мавзеда туриб, икки тарафдан лашкар урушмоққа шайландилар. Уч кун давомида жанг қилиб тоторни роса кирдилар.

Аҳли Хирот бу хабарни эшитиб, тоторларнинг улар устидан ҳукмдор қилиб қўйган саркардасини, ёнидаги одамлари билан бирга тутиб қатл этилар. Бу воқеалар ҳақида Чингизхонга хабар етиб боргач, ўғлини катта лашкар билан

Хиротнинг устига юборди. У келиб Хиротни (кайта) босиб олиб хароб қилди, шаҳар волийси кочиб улгурди.

Энди шахзода Жалолиддиндан сўз эшитинг: у тоторни яқсон қилиб, қайтиб Фазнага борди. У ердан тоторга киши юбориб, урушмоқчи бўлишса кейинги жанг майдонини тайинласин, деди. Аҳли тогор Кобулда жанг қиламан, дейишди. Шахзода аскарлари билан Кобулга келиб, икки тарафдан (аскарлар) саф тортиб жанг қилдилар: кўп одам ҳалок бўлди, ниҳоят тоифайи тогор босилиб, мағлуб бўлди. Тоифайи тогор қўлида банди бўлган мусумонлар ҳам ҳалок бўлдилар.

Аmmo (Жалолиддин) лашкарининг ўзида ҳам фитна ва низо пайдо бўлди. Унинг тафсилоти қуйидагича: Фазнада амир бўлиб турган Сайфиддин (мўғуллар билан жангда қўлга киритилган) тамоми ашъ ва ўлжа менга тегишли, хоҳласам (бошқаларга) тақсимлаб беришим мумкин, деди. Хирот волийси Маликхон ҳам шу сўзни айтиб, ҳуллас, икковлари урушиб қолишди. Сайфиддин ўлжаларни уч минг отликдан (иборат) лашкарига тақсимлаб берди.

Шу пайтда, Чингизхон ҳам лашкари азим билан етиб келди. Шахзода (Жалолиддин)нинг кўмак берадиган лашкари тарқаб кетган бўлса-да, бироқ ноилж урушга шайланди. Сафларни ростлаб, илгариги (тўқнашув)лардан ҳам каттиқ жанг қилдилар. Хирот волийси Маликхон ҳам ҳалок бўлди. Ҳуллас, Чингизхон Фазна томон черик тортди, Фазнани эгаллади, шаҳар ва атроф кишлоқларни талон-торож қилди, одамларни қириб, мол-мулкларини ёрат айлади, кейин улар ўз вилоятларига қайтдилар...

(693 а-варақ) Шахзода Жалолиддин ибн хоразмшоҳнинг билоди Хузистонга ва Ироққа юриш қилганининг баёни

Мазкур санада (хижрий 621/милодий 1224) хоразмшоҳ Муҳаммад ибн Такашнинг ўғли шахзода Жалолиддин Хинд вилоятидан келиб билоди Хузистон ва Ироқ тарафига юриш қилди. Ундан сўнг Исфакхонга бориб, биродарининг гасарруфида бўлиб, у ердан билоди Форсга юриш қилди. Ундан ўтиб Хузистонни камал этди. Амир Музаффар деган киши Хузистон қалъасининг дарвозаларини ёпиб олди. У ердан Жалолиддин кетди ҳамда Бодриё ва Бокиёд деган қалъаларга ўтди, икки ой ўша ерда бўлди, сўнгра улар Бағтата деган қалъага бордилар. Унда халифанинг мамлуки Жалолиддин Кашмир аскарлари билан турарди, чиқиб жанг қилди ва устун келди. Жалолиддин аскарлари билан Яққубо деган мавзегга борди, у ердан Бағдод қалъасигача етти фарсах келарди. Бағдоднинг подшохи шахзода Жалолиддиннинг шу мавзегга келгани хабарини эшитиб, чиқиб жанг қилди ва ғолиб келди. (Жалолиддин) у ердан ўтиб, Дақўко деган қалъани камал қилди. Қалъадагилар неча марта чиқиб жанг қилдилар, бироқ енгилдилар...

(693 б-варақ) Шахзода Жалолиддин мазкур қалъадан ўтиб Озарбайжон боргани

Мазкур санада (хижрий 621/милодий 1224) шахзода Жалолиддин ибн хоразмшоҳ Дақўко қалъасини олиб, хароб қилиб Озарбайжондан кўмак келмасдан бурун ҳокимини ҳам ўзига тобеъ этди. Хароб бўлган жойларни иморат қилдириб юрганида Фиёсиддиннинг волийси амир Ойғон Толий эллик минг отлик билан Озарбайжон атрофидаги қалъаларни хароб этиб, кўп мол ва ашёларни талаб, чорваларни ҳайдаб кетмиш, деган хабар етди. Халифа Носи-

риддиннинг амири билан (694 а-варақ) шахзода Жалолиддин лашкарларни жамлаб амир Ойгон тарафига юриш қилди. Ул амир Хамадон йўлидаги қалъайи Дарон устига чопқин ясаб, уни талон-торож қилиб турган чоғида шахзода Жалолиддин етиб келди ва унинг йиққан ҳамма ўлжасини ва чорваларини талон қилдилар. Мазкур шахзода ўзи иморат қилгани Мароғина деган вилоятга бориб бир неча кун ором олгандан сўнг, Озарбайжоннинг ҳолини билмак учун юриш қилдилар. Шахзода Жалолиддин Озарбайжонга борган ҳамон қалъа аҳли тобеъ бўлди. Унинг ҳокими Ўзбек иби Паҳлавон кўркиб Озарбайжондан чиқиб Табриз тарафига борди; у ерда ҳам туropolмай Ганжа деган вилоятга борди. Шахзода Жалолиддин Озарбайжонда бир неча кун туриб хароб бўлган жойларни таъмирлади, ундан сўнг Табриз ҳокими ва тамоми амирларига, менга тобеъ бўлиб, лашкарларни йиғиб меншиг ёнимга келинглар, деган мазмунда хат йўллади. Табризликлар унинг сўзини қабул қилмадилар... Шахзода Жалолиддин Табризга етиб бориб, беш кун давомида кўпларни ҳалок қилди; шундан сўнг қалъадагилар омонлик сўрадилар ва элчи юбордилар шахзода уларга омонлик берди ва Табриз қалъасини эгаллади...

(698 а-варақ) Жамоайи тотор келиб шахзода Жалолиддин билан урушганининг баёни

Шахзода Жалолиддин билоди Исмонлияди қалъайи Гирдқўхни хароб қилиб турган пайтда, тоифайи тотор катта лашкар билан қалъайи Дамғонга келган эрмини, деган хабар етди. Мазкур шахзода лашкарини йиғиб жангга киришди. Иккала томондан ҳам кўп одам ҳалок бўлди. Ниҳоят, тотор аскарлари мағлубиятга учраб, (жанг майдонидан) юз ўгириб кочди.

(698 б-варақ) Шахзода Жалолиддин билан биродарининг ўрталаридаги ихтилоф баёни

Мазкур санада (621 / 1224) шахзода Фиёсиддин ва ёнидаги амирлар шахзода Жалолиддиндан кўркиб, хавфсираб ажралиб кетдилар. Жамоайи тоторга Чингизхон бош бўлиб ислом диёрига бостириб келган чоғда шахзода Жалолиддин лашкарларини йиғиб (унга қарши) чиқди. (Ўша пайтда) унинг биродари Фиёсиддин амирлари билан Ҳузистон томонга кетдилар. У ерда халифанинг ноиб қилишга рухсат бермади; у ердан Исфахонга борди (699 а-варақ), лекин қалъа ҳокими уни киритмади. Фақат билоди Исмонлияди уларга қилишга рухсат бердилар.

Жалолиддин билан тоифайи тоторнинг муҳораба қилганларининг баёни

Мазкур санада тоифайи тоторга Чингизхон бош бўлиб Рай қалъасига етиб келди... (Жалолиддин) барча лашкарини йиғди. Форс ҳокими Атобек ҳам лашкарлари билан келиб қўшилди. У анча куч йиғиб, улар Чингизхон тарафига юриш қилдилар.

Иккала томон ҳам сафларни ораста қилиб урушмоққа шай турганда, шахзода Жалолиддиннинг биродари Фиёсиддин лашкарлари билан (бошқа) бир томонга кетаверди. Тоифайи тотор кўриб, орқадан ўтиб қуршовга олишмоқчи, деб ҳам гумон қилдилар. Шунга қарамай, қаттиқ жанг бўлди, тотор мағлуб бўлиб Исфахон томонга кетдилар. Форс ҳокими ҳам уларнинг кетидан тўшди. Жало-

лиддин бориб укасини қайтариб, улар Исфажонга келдилар. Барча подшоҳлар тўпланиб аскарни азим билан тоторларнинг устига ҳужум қилдилар, кўп жанг-жадаллар қилиб, тоторлар устидан галаба қозондилар. Тоторлар қочиб қолдилар. Чингизхоннинг ўғли шаҳзода Жалолиддинга элчи юбориб, булар отамнинг қувган аскарларининг қилган иши эрур, деди. Шундан сўнг Жалолиддин хотиржам бўлиб Озарбайжонга борди, мусулмон мамлакатлари подшоҳлари ўз жойларида қарор топдилар. Тоифайи тотор ҳам ўз мамлақати томон кетди...

**(700 б-варақ) (ҳижрий) 628 (милодий 1231)
санада тоторнинг хуруж қилиб Озарбайжонга келганининг баёни**

Мазкур сананинг аввалида тоифайи тотор хуруж қилди... (701 а-варақ) Озарбайжон ҳудудидаги Мароға қалъасини ўраб олиб, атрофидаги барча қишлоқларни таладилар. Бирор киши қалъадан ташқарига чиқолмади, у ердаги аҳоли ноилож омонлик тилади ва қалъани таслим қилдилар. (Мўғуллар) қалъага кириб, маълум миқдор одамларни ўлдириб, у ерга ўзларидан шихна (бошлик) тайинладилар. Бу воқеадан Озарбайжон аҳолиси учун хавф зиёда бўлди.

**Шаҳзода (Жалолиддин)нинг жангда тотордан
енгилганининг баёни**

Шаҳзода Жалолиддин тоторларнинг Озарбайжон ҳудудидаги қалъаларни босиб олаётганидан хабар топгач, Халлот қалъаси томон кетди... (Мақсад) Халлот қалъасига бориб, Диёрбакр ва Жазира подшоҳлари билан иттифок тузиб, барча ислом подшоҳларига хат йўллаб, халифадан ёрдам сўрамоқ эди. Бундан тоторлар хабар топгач, бир кечада унинг устига бостириб келишди. Халлот қалъасининг яқинидаги Оmid деган мавзеда, (тунда Жалолиддин) ухлаб ётган вақтида (тоторлар ҳужум қилиб) кўп одамларни ҳалок қилдилар. Саломат қолган лашкарларнинг баъзилари қочиб кетдилар, баъзилари ҳамроҳ бўлиб қалъайи Харронга бордилар. Ўша кезларда, Малик Комил мазкур қалъага бир амирни ҳоким қилиб тайинлаган эди. (Қалъадаги лашкарлар) шаҳзоданинг лашқарини таладилар. Баъзи лашкарлар эса, тарқаб қалъайи Нисибин, қалъайи Синжор тарафларга ва бошқа қалъаларга (бош олиб) кетдилар. Лекин улар бирор жойда илтифот кўрмадилар. Шаҳзоданинг лашқарлари Диёрбакр қалъасига бориб, кўп жойларни ахтариб (чиқдилар, бироқ Жалолиддинни) тополмадилар, унинг қайси йўлдан кетиб, қайси маконга борганини ҳам билолмадилар.

Алоуддин Атомалик Жувайний

“Тарихи жаҳонгушой”дан (терма таржималар)

Султон Жалолиддин ҳақида (126-бет)

Васваса шайтони Жалолиддиннинг отаси султон Муҳаммад (хоразмшоҳ)-нинг юрагига қўрқув ва таҳликани шунчалик жойлаган эдики, у ўзини сон-саноксиз лашкарлардан четга олди; оёғини қочиш узангисига қўйиб, ерга (кириб кетиш учун) бирор тешик ва осмонга (учиш учун) бир қанот изларди. Тоторлар (билан жангдан) юз ўгириб Самарқандга кириб келганда, узок йиллар ва замонлардан буён шундай бир пайтга мўлжалланган ва ана шу кунлар

ушун йирилган сон-саноксиз лашкарлар ва марди-майдонларни ўзгартириш ва тарқатиб юборишга киришди; уларни тўрт томонга тарқатиб, турли жойларга тақсимлаб мамлакатни химоя қилишга белгилади. Унинг ёши улдуврок, ботир ва матонатли ҳамда шохлик боши узра тож (бўла оладиган) ўғилларидан (127-бет) султон Жалололдин шу ерда, отасининг ёнида эди, холос. У ҳақиқий мақсаддан ва тўғри услубдан узок бўлган бу мулоҳазани инкор этарди ва (шундай) дерди:

“Лашкарларни мамлакат бўйлаб тўзатиш ва бир жойдан қўзғалмай, ғанимга қарши туришдан юз ўгириш, бу ақлли соҳибдавлатнинг иши бўлмай, балки қандайдир бечорахоллик аломатидир. Модомики, султон мардларча курашга бел бошламоқ керак, деган қарорга келмас экан, у холда саноксиз лашкарлар ихтиёрини менга топширсин. Токи фурсат қўлдан кетмасдан, оёқ хайрат ва даҳшат балчиғига ботмасдан, элнинг маломат оғзидаги чайнаб ташланган сакичга айланмасдан, афсус-надомат селида чўкмасдан олдинроқ, ўткинчи ҳаётнинг (аянчли) ходисаларини бартараф этишга ва бахтсизликларининг чорасини топишга киришайлик”.

(128-бет) Аммо султон (Муҳаммад хоразмшоҳ) тахтни ўғли эгаллашга розилик бермасди ва уни мажбур қилиб ушлаб турарди. Маълум муддатдан сўнг султон Муҳаммад (хоразмшоҳ) бу дунёнинг кўхна саройидан ўқбо (охират) қароргоҳига етиб борди ва (унинг руҳи) бу замин ғавғоларидан поклик бўстони сари хиром айлади.

Султон Жалололдин ва унинг укалари бир оз кишилар ҳамкорлигида Обисқундан қайтдилар (129-бет). (Жалололдиннинг) замон бало масканидан қўзғабган фитна ғуборини бостириш учун мардлик майдонда жавлон ургиси ҳамда чархи фалакнинг гардишида ақл-фаросат (ила ши тутиб) устунлик қилгиси келарди. Бирок замон кечмишларидан хабардорлар ва ҳақиқат денгизи ғаввослари билсинларки, эр йиғитдан бахт юз ўгирса, унинг қайта келишига кўз тутмоқ бефойдадир.

(130-бет) Ана шундай вазиятда султон Жалололдин, мўғул лашкари Ирок сари юзланганини эшитгач, Манқилшоҳ (томон) борди. У ерларда қўлга киритган отларни йиғиб, (бу ҳақда хабар қилиш учун) хушxabар етказувчиларини (Гурганж)га жўнатди. Унинг укалари — Ўзлокшоҳ, у отасининг ўрнида валнаҳд эди (131-бет) ва Окшоҳ, шунингдек, аён амирлардан Бучи Пахлавон, Ўзлокшоҳнинг тоғаси Кучойтегин, Ўғул Хожиб ва Темур Малик тўксон минг муҳожир йиғитлар билан Хоразм (Гурганж)да турардилар...

Агар энг кучли таянч ва энг талабчан саналмиш султон Жалололдин султон бўлса, ҳар кимга аниқ бир мартаба белгиларди ва у киши ундан нарига кадам қўяолмаган бўларди... (132-бет). Лашкарининг аксари қисми, оддий халқ ва зодагонларнинг кўпчилиги султон (Жалололдин) томонга мойил бўлганликлари сабабли, ҳаётнинг аччиқ-чучугини тотиган оқил хос кишилар ҳам унинг хизматига рағбат билдирдилар ва у томонга ошиқдилар. Ака-укалар ўргасида мустаҳкам шартнома ва кучли аҳд-паймон мавжудлигига карамай, шум ниятли амирлар хўла билан Жалололдинни йўқ қилмоқ режасини туздилар. Уларнинг ичидан бир киши султонни ул аҳвол ҳақида хабардор қилди. Султон ул нобакорларнинг шундай (оғир) пайтда ҳамжихат ва иттифок бўлиш ўрнига, ёвуз ниятни қўзлаганини билгач, қулай бир фурсатдан фойдаланишга киришди ва Хоразм тахтини тарк этди ва Нисо йўли орқали Шодёх томон юрди. Устувога етганида Шойқон тепалигида тотор лашкарига тўқнаш келиб қолди ва озгина қўшини билан бир неча соат давомида уларга қарши жанг қилди, уларнинг кетма-кет ёпирилиб қилган ҳамталарини кечгача қайтариб турди (133-бет). Тунда уларнинг орасидан чиқиб кетишга муяссар бўлди.

Султон Жалолоиддин Шодёхга етиб келгач, икки-уч кун йўлга отланмокка хозирланди ва, ниҳоят, ярим тунда учар юлдуз мисоли чакнаб таваккал отига минди. Олти юз ўн еттинчи йили ўн бешинчи зулхижжада (1221 йил 10 феврал), отаси унга белгилаган Ғазнин томон йўл олди.

(135-бет) Ғазнинга етиб борганида, ўша ерда эллик минг кишилик лашкар билан турган Амин Малик пешвоз чиқди, барча лашкар ва райят унинг келишини хуш кайфият билан кутиб олдилар, ундан шу ерда қолиб ҳомийлик қилишни сўрадилар. Султон (Жалолоиддин) Амин Маликнинг қизини никоҳлаб олди ва ўша қиш Ғазнинда яшил майдонда яшаб қолди. Унинг келгани овозаси маълум бўлиб, донғи ёйилгач, қўшин ва уруғ-қабилалар гуруҳлари ҳар томондан йиғилди, жумладан, Сайфиддин Уғроқ қирк минг кишилик марди-майдон аскарлар билан султоннинг хизматига етиб келди; Ғур амирлари ҳам турли томондан келиб унга қўшилдилар.

Унинг ишлари ажойиб тарзда раванк топиб, қўшин ва лашкари кўпайгач, эрта баҳорда, гуллар чаман бўлиб (136-бет) очилганда, Ғазниндан отланиб Парвон томон юрди. У ерга бориб қўнганида, Тукучак ва Мўлғур бошчилигидаги мўғул лашкари Волиён қалъасини камал қилиб турганлари ҳамда тез орада эгаллашлари мумкинлиги хабари етиб келди. Султон (Жалолоиддин) юклари ва бошка анжомларини Парвонда қолдириб, лашкар билан Тукучак ва Мўлғур устига от сурди. Тоторларнинг мингга яқин кишидан иборат қоровулини ҳалок этди. Султон (Жалолоиддин)нинг лашкари сон жиҳатдан кўп бўлганлиги сабабли, мўғул лашкарлари сувдан ўтиб, кўприкни буздилар ва дарёнинг нариги бетига ўрнашдилар. Дарё иккала лашкар ўртасида тўсиқ саналарди. Иккала томон бир-бирларига камондан ўт отишга киришдилар. Кеч бўлгач, ярим тунда мўғул лашкари кўчиб кетди. Султон (Жалолоиддин) қайтди ва у ерга кўплаб захирани кўчириб келтирди; хазиналардан захираларни олиб лашкарга бўлиб берди, сўнгра Парвонга қайтди. Бу хабар Чингизхонга етиб боргач, султон (Жалолоиддин) аҳволи тикланганлиги ва изга тушганлиги унга маълум бўлди. У (137-бет) Шиқи Хутухуни ўттиз минг сара аскар билан жўнатди.

Султон (Жалолоиддин) Парвонга қайтиб келгач, бир ҳафтадан сўнг мўғул лашкари чошгоҳ пайтида етиб келди. Султон ҳам дарҳол отланиб, бир фарсанг йўл илгари юрди ва (лашкарни) сафлади; майманани султон Маликка топширди, майсарани эса Сайфиддин Малик Уғроқка берди; қалба эса ўзи турди. Унинг фармони билан барча лашкар пиёда бўлиб, отларини етаклаб олдилар ва ўлимга тик қараб борардилар. Ўнг томондаги кўп лашкар Амин Маликка топширилган бўлиб, улар мўғул лашкаридан сон жиҳатдан ортиқ эди. Ўн минг отлиқдан иборат марди-майдонлар майманага от солдилар ва майманани тўзитиб юбордилар. Қалб ва майсарадан узлуксиз ёрдам келиб турди ва мўғул лашкарини марказга суриб бордилар. Бу ҳамлаларда иккала томондан анча киши ҳалок бўлди, кўплар роса талашдилар, турли (харбий) хийла-найранглар ишлатдилар, матонат билан чидадилар, ҳеч ким ёвга орқасини ўгирмади. (Шу йўсинда) уфқ жоми шафақ кони билан қизарди ва ҳар ким ўз йиғингоҳига қайтиб қўнди.

Мўғул лашкари қасамёд қилди ва ҳар бир отлиқ биттадан қўшимча от етаклаб олди. Эртаси кун фалак қилич солувчиси қилични тун боши узра тик қилганда, иккала томондан (лашкар) яна саф тортди. Султон (Жалолоиддин)нинг лашкари мўғул лашкари ортида қўшимча сафни кўриб, уларга ёрдам келибди, деб ўйладилар ва хавотирга тушдилар. Улар қочиш ҳақида сўз қота-вошладилар ва баланд тоғлар ортида паноҳ топмоқчи бўлдилар. Султон (Жалолоиддин) бунга розилик бермади (138-бет).

Ўтган кундагидай (лашкар) пиёда бўлдилар. Мўғул лашкари (Малик) Уғроқ лашкарининг даҳшати ва қамровини (бир марта) кўрган эдилар. (Шу сабабдан) баходирларни саралаб, майсара сари юзландилар. Уғроқнинг мард (йигитлари) камонларга ўқни жойладилар ва оёқни тираб олдилар; ўқ отиб қайта-қайта ҳужум қилдилар ва ғаним ҳамласини қайтардилар. Мўғуллар ҳужумдан қайтиб ўз марказлари томон чекиндилар. (Шунда) султон новораларни ёппасига чалишга буюрди. Барча лашкар бараварига отга миниб олдилар ва ҳужумга ўтдилар. Султон (Жалолиддин қисми) чаңгалзор шерлари ва ҳайкириб турган денгиз наҳанглари мисоли етиб келди. Мўғуллар қочдилар ва иккала нўён озгина омон қолган аскарлари билан Чингизхон ҳузурига йўл олдилар.

Султон (Жалолиддин)нинг лашкари ўлжа йиғмоққа киришди. Шу орада Аминиддин Малик билан (139-бет) Сайфиддин Уғроқ бир (ўлжа) отни таллашиб жанжаллашиб қолдилар. Аминиддин Малик қамчин билан Малик Уғроқнинг бошига солди. Султон (Жалолиддин) эса, уни сўроқ қилмади, Сайфиддин Малик (Уғроқ) ўша куни сабр қилиб турди, тунда (Султон Жалолиддиндан) юз ўгириб Кирмон ва Сайқарон товлари томон жўнаб кетди. Малик Уғроқ ажралиб кетгандан сўнг султон (Жалолиддин)нинг (ҳарбий) қуввати заифлашди; у билан сулх тузиш ва келишишнинг ҳам иложи бўлмади. (Шу сабабдан, султон) Ғазнингга қайтди ва Синд дарёсидан ўтиб (Ҳиндистонга) кетишни мўлжаллаган эди.

Ўша кезларда Чингизхон Толиконни эгаллаб бўлган эди. У султон (Жалолиддин лашкаридаги) таркокликдан хабар топгач, интиком олиш пайига тушди. Ёмғир томчиларидан ҳам кўп лашкар билан султон (Жалолиддин) сари юзланди. Унинг бостириб келаётганлиги овозаси етиб келганда, султоннинг улар билан беллаша оладиган лашкари йўқ эди. Узил-кесил Синд дарёсидан ўтиб кетишга қарор қилди ва унинг бўйруғига қўра кемаларни тайёрлаб қўйдилар (140-бет). Чингизхон унинг кетишидан вокиф бўлди ва илгарироқ ҳаракат қилиб олдини тўсди; лашкар ҳам олдиндан, ҳам орқадан ўраб олди.

Тонг чоғи, тун нури кундуз жамолидан ёришганда, султон (Жалолиддин) сув билан ўт ўртасида қолган эди. Бир ёнда Синд дарёси бўлса, бошқа томонда оловдек куйдириб юборувчи лашкар турарди. Шунга қарамасдан, султон ўзини йўқотмади ва мардларча курашмоққа бел боғлади. (Чингизхон ҳам) интиком отини эгарлади; етти кишвар подшосининг жиноятлар қилмоққа фидойиларча ташлангувчи қолиб лашкари Амин Малик бошқариб турган майманага ёпирилиб, уни яқсон қилдилар, уларнинг аксари қисмини кириб ташладилар. Амин Малик қочди, ўзини Пешавар томон урди; аниқроғи, жонини ҳалокат пойи остига ташлади. Чунки мўғул лашкарлари йўлларни тўсиб олгандилар (141-бет) ва у ўша томонда ўлдирилди. (Мўғуллар) сўл қўлни ҳам йўқ қилдилар. Султон (Жалолиддин) қалбда етти юзга матонатли жангчилари билан эрта тонгдан то тушгача сўғишди; у чапдан ўнгга от сурарди, сўлдан қалбга ҳамла қиларди ва ҳар бир ҳамлада бир неча ғанимни қулатарди. Чингизхон лашкари эса тобора бостириб келар ва соат сайин кўпаярди. Султон (Жалолиддин) учун ет сурмоқ майдони тобора торайиб борарди. (Жалолиддин) кўрдикки, аҳвол жуда оғир, ор-номус қучлиликдан кўзда нам ва лаблари қуришган ҳолатда борарди. Султоннинг холаваччаси Ажош Малик унинг отининг жиловидан тутиб (майдондан) олиб чиқди. Султон бағри-дили қон ва кўздан ёшлар оқиб бола-чақа ҳамда яқинлари билан видолашди. Сўнгра хос отини келтирмоқни буюрди. У ушбу отга миниб, наҳанглар маскани бўлмиш бало уммонида яна бир марта жавлон урди ва душман лашкарини яна ортга сургандан сўнг жиловини буриб, совутини эғнидан олиб улоқтирди ва отига

камчи урди. Дарё бўйидан то сувгача бўлган оралиг ўн газча (6 метр) ё ундан кўпроқ келарди (Жалолиддин) ўша ердан отни дарёга солди (142-бет).

Чингизхон унинг дарёдан ўтиб кетаётганини кўргач, сув бўйига от сурди. Мўғуллар ҳам ўзларини дарёга отмокчи бўлдилар, бироқ Чингизхон уларни тўхтатди. (Ғанимлар камондан) ўк отмокқа киришдилар. Бу ҳолни ўз кўзлари билан кўрган кишиларнинг айтишига қараганда, дарёда (ўк захмидан) ҳалок бўлганлар қонидан сув кизариб кетган экан. Султон битта қилич, найза ва қалқон билан дарёдан ўтди.

(Назм):

*Жаҳонда бирор киши бундайини мардни кўрмаган,
Илгариги номдорлар орасида бўлганини ҳам эшитмаган.*

Чингизхон ва барча мўғуллар ҳайрат бармоғини тишлар эдилар. Чингизхон ул ҳолни мушоҳада этгач, ўғилларига юзланди ва: “Отадан ана шундай ўғил қолиши керак. Модомики, у иккита сел — сув ва олов селидан ўтиб саломатлик соҳилига етар экан, демак, ундан кўп ишлар ва саноксиз жанг-жадаллар зоҳир бўлажак. Унинг ишларига оқил киши қандай қилиб (143-бет) кўз юмиши мумкин”.

Жалолиддиннинг Ҳиндистондаги аҳволи ҳақида сўз (143-бет)

(148-бет) (Султон Жалолиддин Синд вилоятига боргандан сўнг, атрофига аста-секин ҳар томондан қўшинлар келиб қўшила бошлади. У атроф ноҳияларни ўзига бўйсундиришга киришди. (Жумладан) Хосхонни чопқин ясаш учун лашкар билан Нахрвола томон юборди. (Улар) Нахрволадан қўплаб туяларни (ўлжа қилиб) олиб келдилар. Султон (Жалолиддин) Дийўлдаги бутхона жойлашган ерда бир жомеъ масжид барпо этди. Шу (149-бет) пайт Ирок томондан, Фиёсиддин Султон Ироқда ўрнашиб олмиш, ул томондаги аксари лашкар султон Жалолиддинга хайрихоҳдурлар ва унинг келмоғини сўрамоқдалар, деган хабар келди. Шунингдек, Бароқ Ҳожиб Кирмон (вилоятида) ўрнашиб, Жавошир шаҳрини қамал қилмиш, деган хабар ҳам етиб келди. Айни пайтда мўғул лашкари султоннинг изига тушмиш, деган хабарни етказдилар. Султон (Жалолиддин) у ердан Макрон йўли орқали равона бўлди...

Т а р ж и м о н д а н: Шундан сўнг султон Жалолиддин Эрон, Ирок ва Кавказда жанг-жадаллар қилади, Рай шаҳри яқинида мўғуллар билан олишадди, бироқ укаси Фиёсиддиннинг хоинлик қилиб, жанг майдонидан лашкари билан қочиб қолиши туфайли, мағлубиятга учрайди. Жалолиддин шундан кейин ҳам катта лашкар тўплашга, катта-катта шаҳарларни забт этишга муваффақ бўлади. Табриз шаҳрини ўзига пойтахт қилиб олади; кейинги кезларда каттиқ бетоб бўлиб, анча дармонсизланиб қолган эди.

Султон (Жалолиддин), унинг бахти рухсорига тошган жароҳат хануз тўза-либ битмасдан, Жўрмоғун нўён Омўя сувидан ўтди, деган хабар етди. (Жалолиддин) вазир Шамсиддин Йилдарчинни Куброн қалъасини қўриқлашга тайинлади ва ўз ҳарамини ҳам ўша ерда унинг ихтиёрига топширди. Султоннинг ўзи эса Табризга келди. Боз устига у билан (183-бет) амиралмўминин (Бағдод халифаси), шунингдек, Шом ва Рум султонлари ўртасида келишмовчилик ҳам бор эди. (Шунга қарамасдан, Жалолиддин) уларнинг ҳузурига элчилар жўнатди ва подшоҳ (Чингизхон) лашкари етиб келаётганлигидан хабардор қилувчи пайғом йўллади:

“Пайғом шундан иборатки, тотор аскарларидан иборат сон-саноксиз лашкар, бамисоли чумолидай кўп ва худди аждарходай хайбатли (ёнирилиб келмоқда, улардан) на қўрғон ва на шаҳар (соғ) қолади. Бу томон жангчиларида улардан кўрқув ва даҳшат ич-ичларида ўрнашиб олган. Агар мен ўртадан йўқ бўлсам, сизлар уларга бардош беролмагайсиз. Мен сизлар учун бамисоли Искандар деворидурман. Сизлардан ҳар бирингиз бир тўп байроқдор лашкар юбориб мадад берсангиз, бизнинг иттифоқ бўлганлигимиз ҳақида улар (мўғуллар)га маълум бўлади. Шунда уларнинг тишлари ўтмас бўлиб қолади ва бизнинг лашкаримиз эса, рухан дадиллашадилар. Агар бу масалани эътиборсиз қолдирадиган бўлсангиз, у холда энангизни кўрасиз”.

Т а р ж и м о н д а н: Лекин Жалолиддинга ҳеч қандай ёрдам келмайди ва у мўғуллар билан урушмоққа заифлик қилиб, Табриз, Урмия ва Диёрбакр атрофларида қўчиб юради. 628 (1231) йили киш фаслида Диёрбакрда тўхтади.

(У ерда) икки-уч кун дам олиш билан ўтди. Шу пайт, ёлланган чўпон болалари – (мўғуллар қутилмаган) бахтсизликларни келтириб чиқардилар. Ярим тунда, ақл султонининг жойи жаҳл шайтонининг ўрнига айланганда, дил ғубори инсон савдоси марказига айланганда, жаҳонни безовчи бедовлар нафс балосининг жиловига жиловланганда, хорғинлик амир ва вазирни фикрлаш ва тадбир тузмоқдан холи қилиб, уйқу лашкари уларнинг миясини чулғаб олганда, барча баҳодирлар ва (188-бет) аксари донгдорлар бафлатдан оёк-кўллари қалтираб қолганда,

(Назм):

*Қоронгу туннинг бир қисми ўтиб бўлгач,
Осмоғни зим зие тун қамраб олгач,*

тотор лашкарининг (Ноймос бошчилигидаги) сараланган қисми (Жалолиддиннинг) қоровул қўйилмаган қўшинлари устига бостириб келдилар... Ўрхон уларнинг босқинидан хабар тошгач, бир амаллаб султон ухлаб ётган жойга етиб борди; у тунги уйқу оғушида ётарди. У зўрға уйқусираб кўзини очди ва ишонмасдан дарғазаб бўлиб ўрнидан турди. Шундагина, тадбир этаги қисмат чангалида маҳкам чангалланганига ҳамда раъй бедови қазо илгида ожиз эканлигига аниқ кўзи етди... (189-бет) У юраги бамисоли темирчининг ўчоғидай ёниб, кўзидан, худди дарз кетган кўзадай, (катралар) томиб, кичкина бир тўда (қўшин) билан равона бўлди ва тож-тахт маъшуқаси билан видолашди, аниқроғи, умиду иқбол майсазори билан видолашди.

(Назм):

*Тунинг хайрли бўлсин, эй ёшлик оми,
Қиёматга қолди энди висол замони.*

Мўғуллар етиб келиб, улардан қолган аркони давлат, аёнлар ва қўшинларни қириб ташладилар.

(Назм):

*Шу тарзда айланар, бу кўҳна дунё,
Гоҳ камон мисоли, гоҳ ўқдир гўё.
Шу йўсинда эрур айлангувчи бу даҳр
Гоҳ меҳру май берар, гоҳ адоват ва захр.*

Марҳум султон ўз орзу-истакларини қондиришдан маҳрум бўлган (холда),

(Назм):

*Дунёнинг ситам ва гуссасидан дили сўлиб,
Ўз жонини асраб қолиши гамида бўлиб.*

(190-бет) кетиб борарди.

Дунёнинг вафоси қанчалик бўлса, жафоси ҳам ўшанча бўлади, тўр домини жаҳон ва бахтсизликлар урчугини замон атамишлар, ғам-андухлар марказини дил ва ўй-хаёлларни эса жон демишлар...

(Султон Жалолиддин) ҳаётининг хотимаси ҳақида турли фикрлар мавжуд. Баъзилар айтадиларки, у тоққа қараб кетиб, ўша ерларда бир жойда тунаган. Кечаси кўрдлар келиб унинг кийимларини олмоқчи бўлганлар ва шу мақсадда унинг кўкрагига қаттиқ зарб билан уриб (ҳалок қилганлар) ва ўзлари ҳам нима нш қилиб қўйганларини, қандай кийикни овлаганларини билмаганлар (191-бет). Сўнгра улар унинг кийимини кийиб шаҳарга келганлар. Баъзи зодагонлар унинг кийимларини таниб қолганлар. Оmidнинг эгаси (ҳокими) бу воқеадан хабар топгач, ул жамоани ўлдирди ва бир гўр қазиб, ўлдирилган шахсни дафн қилмоқни буюрди. Шундагина, унинг султон (Жалолиддин) эканлигини билган эканлар.

Яна бировлар айтадиларки, бу кийимлар унинг аъёнларига тегишли бўлган. Унинг ўзи эса, суфийлар хирқа (жанда)сини кийиб олган тарзда юрт кезиб, зоҳидларни зиёрат қилиб юраркан. Хуллас, нима бўлсаям, барибир оламдан ўтди ва бу бераҳм дунёнинг захми эътиборсиз қолди.

Орада йиллар ўтиб, гоҳ-гоҳ халқ орасида, султон (Жалолиддин)ни фалон жойда кўрдик, деган овозалар ҳам тарқалиб юрарди. (Хатто) Ироқда вазир Шарафиддин Али Табарший маълум вақт ана шу ёлғон овозаларни аниқлаш билан ҳам машғул бўлган. Шундаям, одамлар шаҳар ва навоҳийларда султон (Жалолиддин) фалон қалъада ёки фалон жойда, деб юришарди. Олти юз ўттиз учинчи (1235–1236) йили Испидорда бир киши, “мен султон (Жалолиддин)ман”, деб даъво қилиб чиқди ва унинг овозаси тўрт томонга ёйилиб кетди. Жонтемур даврида султон (Жалолиддин)ни кўрган ва таниган кишилардан бир нечасини аниқлаш учун юбордилар. Улар бориб кўрдилар, ёлғон экан, у кишини тутиб ўлдирдилар. Олти юз эллик иккинчи (1254) йили бир гуруҳ савдогарлар (192-бет) Жайхун дарёсига етганларида, уларнинг орасидан бир киши кемачиларга: “Мен султон Жалолиддинман”, деган экан. Тутиб олиб суриштирганларида ҳам ўз сўзида қатъий тураверипти. Уни ҳам ўлдирмишлар. Девоналик ҳам бир санъат эрур. Хуллас, анча вақтгача ул овоза ва миш-мишлар тинмади.

Шихобуддин Муҳаммад ан-Насавий “Сийрат ас-султон Жалолиддин Мангбурни”

асаридан терма-таржималар

(286-бет) Султон (Жалолиддин) аҳволи ва
унинг хотимаси ҳақида сўз

(Мўғуллар) ҳужуми туфайли мен султондан ажралиб қолдим ва уч кун давомида (бир) горни макон қилиб ётдим. Ниҳоят, кўркув ва таҳлика билан Омидга етиб келдим. Икки ой Омид шаҳрида кўчага чиқа олмай беркиниб ҳаёт кечирдим, сўнгра у ердан Ирбилга ўтдим ва яна қанча азоб машаққатлар

чекиб Озарбайжонга бордим. У ердан катта қийинчиликлар ва бечорахолликда ҳамда оч-яланғоч ҳолда Майёфорикинга кетдим. Султонга қарашли вилоятларнинг қайси бир жойида бўлмайин, одамлар орасида ҳамма ерда, султон тирик, ўз лашкарини йиғиб юришга ҳозирлик кўрмоқда, деган овозалар юрарди. Бироқ бу овозалар ёлғон ва умидлар пуч эди; уларнинг барчаси (халқда султонга нисбатан) бўлган меҳр, садоқат ва итоаткорлик туфайли юзага келганди. Майёфорикинга келганимдан кейингина султоннинг ўлганига узил-кесил ишондим. Ўша кезларда мен ҳаётдан тўйган ва тирик қолганим учун тақдирдан ҳам норози эдим. “Эй Мухаммад (пайғамбарнинг) Аллохи! Шу (муаллиф) Мухаммад (ан-Насавий)ни яратмасанг нима қиларди!” деб афғон чекардим. Агар иложи топилиб, унинг ўлими муддатини чўзиш имкони бўлсайди, мен ўз ҳаётимни бахшида этардим ва (ҳаёт муддати учун) қуръа ташлаганда (камон) ўқининг қисқароғини танлаган бўлардим. Лекин (бандасининг) ихтиёр жиловни қўлидан юлиб олинган эди.

Тоторлар мазкур қишлоқда, бу ҳақда илгари айтиб ўтилди, султонга ҳужум қилган чоғда, унинг асир олинган ҳамроҳлари, (287-бет) султоннинг ҳам шу ерда бўлганлиги ҳақида тоторларга хабар бердилар. Тоторлар ўша заҳоти унинг изига тушдилар ва ўн бешта отликни унинг ортидан жўнатдилар. Улардан иккитаси етиб борди, бироқ султон уларни ҳалок этди. Қолганлари эса, уни тутишдан ожизлик қилиб орқага қайтдилар.

Шундан сўнг султон тоққа кўтарилди, у ерда қурдлар ўлжа қутиб йўлтўсарлик қилардилар. Улар ҳудди бошқаларни талагандай, султонни ҳам таладилар ва ўлдирмоқчи бўлганларида, (султон) уларнинг бошлиғига: “Мен, ҳақиқатан, султонман ва мени ўлдиришга шошилма. Сен учун иккита қулай имконият бор: мени Малик ал-Музаффар Шихобуддин ҳузурига элтгил, у сени арзигулик тақдирлайди. Ёки бўлмаса, мени ўзимга қарашли бирор вилоятга жўнатгил, у ҳолда сен ҳоким этиб тайинланасан”, деди.

У киши (султонни) ўз юртига юбормоққа рози бўлди ва қишлоғига олиб бориб, уйда қолдирди: ўзи эса тоққа от олиб келиш учун кетди.

Шу пайт бир бевурд, овсар қурд қўлида найза билан кириб келди ва уй бекасига: “Бу хоразмлик ким бўлди яна? Нега сизлар уни ўлдирмадингиз?” деб дағдаға қилди. Уй бекаси унга: “Сен йўлингдан қолма, менинг эрим унга раҳм-шафқат қилди, чунки у султон экан”, деди. Қурд унга қараб: “Сизлар унинг, мен султонман, деган сўзига ишондингизми? Хилотда менинг акам ҳалок бўлди, у бундан (минг чандон) афзалроқ эди”, деди. Шундан сўнг, у найзаси билан бир уриб (султонни) ҳалок қилди ва руҳини боқий дунё сари жўнатди.

Шу тарзда қароқчи ўз бошлиғини ҳам кўзга илмай, тупрокни муқаддас қон билан доларанг қилди. Бу ҳодиса туфайли замон бағри тилка-пора бўлди, тақдир шарбати тўкилди: дин ва диёнат байроқлари туширилди, мусулмончилик иморати барбод бўлди. Чақмоқларини дин ўғлонлари мушоҳада этган ва худосизлару кўрнамақлар қиличидан даҳшатга тушган осмон (гўё) парчаланиб кетди.

У турли ўлкаларда қанчадан-қанча жангу жадаллар қилди, (неча бор) ажал домидан омон қолди, фалокатлар панжасидан ҳалос топди! Ажали етганда эса, шундай баҳайбат шер оддий бир тулки қўлида ҳалок бўлди. Замон бедодлигию, тақдир тақозосидан буюк зот Аллоҳгагина арз-дод қилишдан бошқа иложи йўқ. Ҳа, худди шундай!

Маълум муддатдан сўнг, ал-Малик ал-Музаффар ўша тоққа ўз одамларини юборди, улар султоннинг нарсалари, оти, эгари, машхур қиличи ва сочига қистириб юрадиган чўшини олиб келдилар. Ўша мажлисда ҳозир турганлар ичида султон (Жалолиддин)га яқин, охирги пайтда у билан бирга бўлганлардан Утурхон, мирохўр Талбас ва бошқалар бу нарсаларнинг

хақиқатда унга тегишли эканлигини тасдиқладилар. Сўнгра у султоннинг хокини келтириш учун одам жўнатди ва унинг хокини келтириб дафн этдилар.

Хақиқатда, босар-тусарини билмаган бу аблах катта бахтсизлик келтирди ва дунёни усиз етим қолдирди.

(288-бет) Султон (Жалолиддин)нинг сийрати, сифати ҳукмлари, бошқалар билан муомаласи ҳақида сўз

У қорачадан келган, ўрта бўйли, туркий тилли (киши) бўлиб, форс тилида ҳам сўзлаша оларди. Унинг баходирлиги ҳақида сўзлайдирган бўлсак, у олиб борган жанглар ҳақида ёзганларим етарли бўлса керак, деб ўйлайман.

У шерлар ичра шер ва ўз донгдор чавандозлари ичида энг довюраги эди. У жуда ҳалим бўлиб, ҳеч қачон ғазабланмасди ва сўқинмасди ҳам. У ўта жиддий эди, ҳеч қачон (очиқлиб) қулмасди, фақат табассум қилиб қўярди, холос: камгап киши эди. У ҳақиқатни ёқтирарди, афсуски, ногинч замон барча умидларни пучга чиқарди. У раият ҳаётини яхшилашга интиларди, лекин тушқушлик даврида ҳукмдорлик қилгани сабабли зулм ўтказишга ҳам мажбур бўларди.

(289-бет) Султон (Жалолиддин) 628 йили шаввол ойининг ўртаси (1231 йил август ойининг ўртасида) ҳалок бўлди ва бу энг катта мусибат эди. Унинг учун тонг ўз чодирини бурдалаб ташласа ҳам арзийди, зеро, бу энг катта ғам-андухдур: бу ой ўз чехрасини тирнаб ташласа арзийдиган ва осмону фалак мотам либоси кийиб, юлдузлар ёниб қул бўладиган фалокат эрур.

Аллоҳ уни ўз раҳматиға олсин, руҳини шод этсин, қабрини мунаввар айласин: Аллоҳ йўлида, фақат Аллоҳ учун қилган жидду жаҳдини ўз даргоҳида қабул қилсин; Ўзининг охиратдаги (жаннат) неъматлари ила сарафроз этсин.

Рашидаддин Фазлуллоҳ

“Жомеъ ат-таворих”дан

Т а р ж и м о н д а н: Хоразмнинг забт этилиши воқеалари Алоуддин Атомалик Жувайнийнинг “Тарихи жаҳонгушой” (1260 йилда ёзилган) ва Рашидаддин Фазлуллоҳнинг “Жомеъ ат-таворих” (1302 – 1311 йилларда ёзилган) асарларида берилган. Лекин Гурганж шаҳрини мўғул лашкари камал қилиб турган чоғда Чингизхоннинг шайх Нажмиддин Куброни ўз ҳузурига сўраганлиги ҳақидаги маълумот фақат Рашидаддин асарида мавжуд. Қуйида ушбу асардан Гурганжнинг мўғуллар томонидан босиб олинганлиги воқеаларидан парча келтирамиз. Бу лавҳа асарнинг русча таржимасидан (1952) ўтирилди.

“Юқорида қайд этилганидек, Чингизхон Самарқандни эгаллагач, Хоразмни босиб олишни мақсад қилди ва 1221 йил кузи бошларида ўғиллари Жўчи, Чигатой ва Уғадейни чўл қумлари мисоли сон-саноксиз лашкар билан Хоразм сари жўнатди. Бу пайтда Мовароуннаҳр ва унинг ён атрофидаги вилоятлар (мўғуллар томонидан) забт этилган бўлиб, Хоразм — унинг дастлабки номи Гурганж, мўғуллар уни Урганч деб аташади — бамисоли (тортиб боғланган) арқонлари узилиб, ағанаб ётган ўтовга ўхшаб қолган эди.

Олдинги бобда қайд этиб ўтилганидек, султон Жалолиддин отасининг ўлимидан сўнг Хоразмга қайтди, бироқ баъзи амирларнинг унга қарши фитна уюштирганини сезиб қолиб, у ердан кетди. Унинг биродарлари ва султон ўрдасига тегишли Гурганжда қолган амирлардан бир қисми, мўғулларнинг Хоразмга бостириб келаётганлиги хабарини эшитиб, унинг ортидан Хуросонга

йўл олдилар. Бирок уларни йўлда мўғуллар кириб ташладилар, натижада, Хоразмнинг пойтахти султонсиз қолган эди.

(Гурганж) шаҳрида султоннинг онаси Турконхотуннинг қариндошларидан султоннинг туркий қўшинига тегишли нуфузли аъёнларгина (бошлиқ ўрнида) эдилар; жумладан, Хумортегин, Ўғул Ҳожиб, сипоҳсолор (лашкарбоши) Бучи Шаҳлавон, Али Марғини ва бошқалар. Шаҳар аҳолиси шунча кўп эдики, сановига етиб бўлмасди.

Ана шундай катта шаҳарда (одамлар) ишларини тартибга келтиришда ва юзага келган фавқулодда вазиятда турли масалаларни ҳал қилишда мурожаат этиш учун тайинли бирор-бир шахс йўқлиги сабабли, амир Хуморни, унинг султон хоним (Турконхотун)га қариндошлигини ҳисобга олиб, бошлиқ этиб тайинладилар. Кунларнинг бирида, тўсатдан мўғулларнинг кичик бир отлик гуруҳи (шаҳар) дарвозаси томон от суриб, молларни ҳайдаб кета бошлади. Калтафаҳм баъзи бирлар мўғул қўшинлари ҳаммаси шу деб, тасаввур қилиб, отлиқлар ва пиёдалар гуруҳи уларни таъкиб қилишга тушдилар. Мўғуллар шаҳардан бир фарсанг масофада жойлашган Боғи Хуррам (деган жой)гача улардан қочиб боравердилар. У ерда эса пистирмада турган жанговар мўғул отлиқ аскарлари отилиб чиқиб ҳалиги тўдани ўраб олдилар. Улар мингга яқин кишини ҳалок этиб, қочганлар кетидан таъкиб қилганча Қобилон дарвозасидан шаҳарга ёпирилиб кирдилар ва Тиўра деган жойгача етдилар. Қуёш ғарбга ўтгач, ёв қўшинлари орқага қайтиб чўлга қараб кетишди.

Эртасига улар яна шаҳарга от сурдилар. Илгари султоннинг лашкарини бошқарган Фаридун Фурий беш юзта отлиқ билан шаҳар дарвозасида туриб душман ҳужумини қайтариб турди.

Бу орада шахзодалар Жўчи, Чигатой ва Угэдей ҳам кўп сонли лашкар билан етиб келишди ва шаҳарга разм солиш мақсадида унинг атрофини бир айланиб чиқиб тўхтадилар ва аскарлар ҳам шаҳарни ўраб қўндилар. Сўнгра улар шаҳарга элчи юбориб бўйсунушга ва итоаткорликка ундадилар. Хоразм (пойтахти) атрофида тош бўлмагани сабабли, улар тошотар қурилмаларда тош ўрнига ишлатиш учун катта-катта тут дарахтларини кесдилар. Ўз одатларига кўра, ҳар кун шовкин-сурон кўтариб шаҳар аҳолиси дилига ғулғула солардилар, ваъдалар берардилар, таҳдид қилардилар, баъзан эса камондан отиб ҳам турардилар. Бу ҳолат то турли томондан (кўплаб) ҳашарчилар етиб келгунга қадар давом этди. Улар етиб келибқоқиб ишга киришдилар, биринчи навбатда, хандақни тўлдиришни буюрдилар; икки кун ичида уни теп-текис қилиб тўлдирдилар. Ундан сўнг Жайхун сувини шаҳардан буриб юборишни мўлжалладилар; шаҳарда бу дарёда тўғон кўприк қурилган эди.

Бу иш учун уч минг мўғул лашкарлари шайланиб тўсатдан тўғонга ҳужум қилдилар. Бирок шаҳар аҳолиси уларни ўраб олиб кириб ташлади. Бу ғалаба туфайли шаҳарликлар жангда дадилланиб, янада магонат билан қаршилиқ кўрсата бошладилар. Феъл-атворлари, истаклари тўғри келмаганидан ака-ука Жўчи билан Чигатой ўртасида келишмовчилик туғилиб, ўзаро мураса қилолмас эдилар. Натижада, уларнинг бир-бирига ҳусумати ва ўжарлиги туфайли уруш пайсалга тушиб қолди, Чингизхоннинг ясо-ҳукми барбод бўлди. Натижада хоразмликлар кўплаб мўғул аскарларини ҳалок этдилар; айтишларича, ўлдирилганларнинг йнғилган суякларидан тепалар ҳосил бўлиб, улар Кўхна Хоразм (Гурганж) теварагида ҳозиргача сақланганмиш. Шу аҳволда етти ой ўтди, шаҳар эса хануз олинмаган эди. Шахзодалар Самарқанддан Хоразмга лашкар тортиб жўнаб, Хоразм (пойтахтини) камал қилиб турган вақт ичида Чингизхон Нахшаб (Қарши)га келиб, маълум муддат ўша ерда бўлди. Сўнгра Термиз дарёси (Амударё)дан ўтиб, Балхга кел-

ди ва шаҳару вилоятни забт этди. Толиқон қалъасини камал қилишга йўл олди ва кўрғонни камал қилиб турган чоғида, Хоразмда турган ўғиллари ёнидан элчи етиб келди ва бунинг сабаби Жўчи билан Чигатой ўзаро мурося қилолмаётганида, деб етказишди.

Чингизхон бу сўзларни эшитгач, хафа бўлди ва уларнинг укаси Угэдей бошлиқ бўлсин, улар ва барча лашкар устидан ҳукмронлик қилсин, деб буюрди. Угэдей ақлу фаросатининг теранлиги, қобилиятлилиги ва зукколиги билан маълум ва машҳур эди. Элчи (Хоразмга) етиб келиб (Чингизхон) ёрлиғини етказгандан сўнг, Угэдейхон фармонга мувофиқ иш тутди. У одоб ва фаросат билан ҳар қуни акаларидан бирининг ёнига бориб турарди ва улар билан яхши муомалада бўларди, уларни бир-бирига иттифок қилишга интиларди. У барча хизматлари юзасидан зарур ишларни ўринлатиб адо эта бориб, лашкар ишларини тартибга солди, яқони мустаҳкамлади.

Шундан сўнг (мўғул) аскарлари ҳамжихат бўлиб жангга киришдилар ва шу куннинг ўзидаёқ кўрғон девори устига ўз байроқларини тикдилар: шаҳарга кирдилар ва қорура (нефть солинган снаряд)лар отиб маҳаллаларни ёндирдилар. Шаҳар аҳолиси дарвозаларга отилиб, кўча ва маҳалла бошларида яна жанг қила бошладилар.

Мўғуллар қаттиқ жанг қилдилар ва бирин-кетин маҳалла, мавзе ва кўшкларни қўлга киритдилар, уларни вайрон қилиб ўт қўйдилар. Шу йўсида етти кун давомида бутун шаҳарни босиб олдилар. Сўнгра улар барча (тирик қолган) аҳолини қўлга ҳайдаб чиқдилар ва уларнинг орасидан юз мингга яқин ҳунармандларни ажратиб шарқий вилоятларга жўнатдилар. Ёш аёллар ва болаларни асир қилдилар; қолган одамларни ўлдириш учун аскарларга тақсимлаб бердилар. Ҳар бир мўғулга йигирма тўрт киши тўғри келган ва мўғул аскарларининг сони эса эллик мингдан ортиқ бўлган экан. Хуллас, ҳаммаи қатл этдилар ва мўғул қўшинлари ёппасига (шаҳарни) талон-торож ва қолган уй-жойларнинг ҳаммасини бузиб яқсон қилдилар.

Чингизхон (Гурганж)да шайхлар шайхи, қутблар қутби Нажмиддин Кубро, уни Аллоҳ раҳмат қилсин, борлигини билиб, унинг ҳақида маълумотга эга бўлгач, унга қуйидаги мазмунда хабар юборди: “Мен Хоразмни қирғин ва талон-торож қилмоққа ҳукм этганман. Замоннинг табарруқ ул зоти шарифи (хоразмийлар) мухитини тарк этиб бизга келиб қўшилмоқлари лозим!” Шайх, уни Аллоҳ раҳмат қилсин, шундай жавоб қилдилар: “Мана, етмиш йилдирки, мен Хоразмда осойишта яшаб, шу халқ билан ҳаётнинг аччиқ-чучугини бирга тотиб келмоқдаман. Эндиликда, фалокат юз берган чоғда, мен уни ташлаб кочсам, бу виждонсизлик ва номардлик бўлади”. (Шаҳар босиб олингандан) сўнг уни ҳалок бўлганлар ичидан қанчалик ахтармасинлар, топа олмадилар. Унга Аллоҳнинг раҳмати ёғилсин! (214 – 217-бетлар).

(191-бет) (Мухаммад Хоразмшоҳ) ўз лашкарининг катта қисмини, уларнинг сони, тахминан, тўрт юз минг отлиқдан иборат эди, Туркистон ва Мовароуннаҳрда жойлаштирди. (Жумладан): Ғойирхон ихтиёрида Ўтторда йигирма минг; Қутлуғхон ихтиёрида Банокатда ўн минг; Бухорода эса амир Кушлу, мирохўр Ўғул Ҳожиб, лақабни Инанчхон, Ҳамидпур Таянгу ва бошқа амирларга уч минг кишини қолдирди. Самарқандда тоғаси Тўғанчўқхонни ва Ғур амирларидан Ҳармил, Ҳарзўр, Иззуддин Картнинг ўғли, Ҳусомуддин Маҳмуд ва яна баъзи-бир кишиларни қолдириб, уларга бир юз ўн минг кишини топширди; Термизда — Фахриддин Ҳабаш ва Сижистон лашкарини ҳамда Балхда — Маҳмудхон Ҳасан ўғли ва катта амақисини (химоя учун тайинлади). Асад паҳлавонни Жанд, Малик Дағулчўқни — Хутталон, Бўртосни — Қундуз, Аслабахонни — Ёркендга (мутасадди этди).

У Самарқанд кўрғони деворини қайта қуришни буюрди. Султон (Муҳаммад хоразмшоҳ) Нахшаб томон юрди (192-бет) ва йўл-йўлакай: “Ўзингиз бир иложини қилинглар, чунки мўғул лашкарига қаршилик кўрсатиб бўлмайди!” дер эди. (Хоразмга) одам жўнатиб, ўз ҳарамини ва онаси Турконхотун Хоразмдан Мозандарон йўли билан равона бўлишини буюрди. Каерга етиб бормасин, ҳар бир хос ходимдан бу фалокатдан қандай қутулиш чорасини сўрарди. Ҳар дақиқада шаҳарга бир-биридан ваҳимали хабарлар етиб келарди. Савдогарлар, хусусан, унинг ўғли Жалолиддин: “Мовароуннаҳр жуда танг аҳволда қолди, ҳеч нарса қилиб бўлмайди. Энди Хуросон ва Ироқ қўлдан кетмаслигининг иложини қилиш керак. Биз шаҳарларда қолдирган қўшинларни чақириб олмоқ лозим ва ҳамма орқага чекиниб, Жайҳун дарёсини (гўёки) хандаққа айлантирмоқ ёки бўлмаса, Ҳиндистондан паноҳ топмоқ зарур бўлади”, дер эдилар.

Султон Муҳаммад иккинчи, анча заиф маслаҳатни қабул қилди ва шу ният билан Балхга етиб борди. Шу пайт у ерга Совадан Имодалмулк келди, у илгари ўғли Рукниддинни совға ва тортиқлар билан юборганди. Хоразмшоҳ унга иззат-икром кўрсатди. (Имодалмулк) Султонни Ироққа таклиф қилди ва: “У ерда биз Ироқ лашкарини йиғамиз, сўнгра яхши кенгаш тузиб бир қарорга келамиз”, деди. Султон Жалолиддин бу таклифни рад этиб шундай деди: “Энг яхши йўл — бу иложи борица ўз қўшинларимизни тўплаб (мўғулларга) юзма-юз чиқишдир. Агар султон бунга журъат қилолмаса, у холда ўзи Ироққа кетаверсин. Менга эса лашкар берсин ва мен иложи бор ва мумкин бўлган ишни қиламан, яъни давлат сарҳадига бориб, (жанг қилиб) ғалаба қозонажаман. Ўшандагина биз Яратганнинг наздида ўзимизни оқлаган бўламиз. Режамиз амалга ошмаган тақдирда ҳам, маломат ўқига нишон бўлмаймиз ва одамлар: “Шу пайтгача улар биздан солиқ (мол) ва хирож ундириб келдилар, энди эса ана шундай (мудҳиш) вақтда биздан юз ўгириб ташлаб кетмоқдалар”, деб гаъна сўзлар айтмагайлар”. Ушбу сўзларни қайта-қайта такрорларди ва отасидан руҳсат олишга ҳаракат қиларди. Султон Муҳаммад эса, ваҳималарга чувалашиб, кўркувга гушганидан, ўғлининг тўғри фикр берганини (англаб етмади ва уни) болаларча эрмак деб билди ҳамда ҳозирги вазият бахт юлдузининг ботишини англатади, деб ўйларди.

(213-бет) (Султон Муҳаммад хоразмшоҳ мўғуллар таъқибидан қочиб) Мозандаронга келди ва у ердаги зодагонлар билан кенгаш тузди. Улар бир неча кун Обискун (Каспий) денгизидаги ороллардан бирида бекиниб туришни маслаҳат бердилар, султон бир оролга бориб, маълум муддат ўша ерда турди. Унинг бу ерда яширингани овоза бўлгач, бошқа оролга ўтди. Унинг изидан Жэбэ нўён Райдан жўнатган (мўғул) қўшини таъқиб қилиб борарди. Улар султонни топмагач, орқага қайтдилар ва султоннинг ҳарамини ва хазинаси қолган қалъаларни қамал қилишга киришдилар. Барчасини босиб олиб, Самарқандга Чингизхон ҳузурига юбордилар. Бу мудҳиш воқеа хабари султоннинг қулоғига етиб боргач, ҳарамининг номуси топталгани, ўғиллари қилич дамидан ўтказилгани, хурлико маликалар ажнабийлар асирга айлангани унга маълум бўлди; авзойи ўзгариб, қайғуга ботиб, дунё кўзи олдида қоронғулашди. У ана шу аламли воқеа даҳшати ва ғуссасидан дод-фарёдлар қилиб, охири бу оламдан кўз юмди.

Уни ўша оролга дафн этдилар. Орада бир неча йил ўтгандан сўнг, султон Жалолиддин унинг хоқини Ардахон кўрғонига (Техрон яқинида) олиб ўтишни буюрди. Хоразмшоҳ (Муҳаммад) дастлаб Ўзлок исмли ўғлини тахт вориси этиб тайинлаган эди. Обискун оролида бу қарорини ўзгартириб, подшоҳликни султон Жалолиддинга топширди ва уни ўзининг вориси деб эълон қилди.

ХОРАЗМШОҲЛАР ДАВРИ ЎРТА ОСИЁ МЕЪМОРЛИГИ

Мўғуллар босқинидан олдин Хоразмшоҳлар давлатида маданият гуркираб ривожланди, феодал шаҳарларнинг илдам тараққийси давом этди, хусусан, меъморлик юксак ривож топди. Одатда, тарихий воқеаларнинг тилсиз гувоҳлари бўлган меъморлик обидалари салобати билан бизга ўз замонининг моддий маданияти қай даражада ривожланганлигидан яққол маълумот беради.

Ўтмиш анъаналарини давом эттирган Жалолиддин Мангуберди даврининг Хоразм меъморлик мактаби мўғуллар истилоси арафасида Ўрта Осиёда баракали ижод қилди. Мазкур мактабнинг бой ижодий анъаналари ва имконияти мўғуллар ҳукмронлиги даврида ҳам Хоразм меъморлигининг анчагина ривож топишига имкон берди. Шу боисдан Жалолиддин Мангуберди даври меъморлигининг манбалари ва тадрижини биз ундан бевосита олдинги ҳамда ундан кейинги – то Амир Темур давригача бўлган замонни қўшган ҳолда, яъни Ўрта Осиёнинг XII–XIV асрлардаги меъморлигини таҳлил этамиз.

Мўғуллар истилосидан олдинги даврда Хоразмшоҳлар давлатининг улкан ҳудудига Ўрта Осиёнинг катта қисми ҳам кирган эди. Буюк Ипак йўлининг асосий тармоқларида жойлашган Бухоро, Марв, Самарканд энг йирик шаҳарлар эди. Ана шу халқаро йўлда гавжум транзит савдо масканига айланган Хоразмшоҳлар давлатининг ривожланган ва гуллаб-яшнаган пойтахти Гурганж ҳам ўз аҳамияти жиҳатидан бу шаҳарлардан қолишмас эди.

Гурганжнинг чўл бағридаги харобалари ҳозирги Туркменистон ҳудудида, Қўхна Урганч шаҳарчаси ёнида, яъни Ўзбекистон билан чегарада жойлашган.

X–XI асрлардаёқ Гурганж йирик маданий, савдо-ҳунармадчилик ва илмий марказга айланган эди. Хоразмшоҳ Маъмун даврида бу ерда Маъмун академияси ташкил этилган бўлиб, унда Ибн Сино, Беруний ва бошқа йирик олимлар самарали фаолият олиб боришган. Шаҳарнинг иморат қурилиб, обод қилинган ҳудуди 400 гектарни ташкил этган. Гурганж Амударёнинг ҳар икки соҳилида жойлашиб, чамаси дарёдан ғов билан тўсилган, бу ғовни мўғуллар бузиб юборган. Гурганжнинг мўғуллар истилосидан олдин гуллаб-яшнаганлиги ҳақида географ Ёқут Ҳамавий шундай ёзган эди: “Мен унда (Гурганжда) 616 йили (1219–20) унинг тоторлар томонидан истило этилиб, вайрон қилинганига қадар бўлганман. Бундан буюкроқ, бойроқ ва кўркамоқ шаҳарни кўрмаганман ва буларнинг бари тоторлар вайронага айлантирганидан кейин бутунлай ўзгариб кетди”.

Мўғуллар шаҳарни, гарчи, анча вайрон қилган бўлсалар-да, бироқ у тез тиклана борди ва Олтин Ўрданинг тўққизинчи хони султон Ўзбекхон даврида (1312–1340 йилларда ҳукмронлик қилган), шунингдек, унинг ноиб – Хоразм ҳукмдори Қутлуғ Темур даврида илдам ривож топди. XIII аср бошларида иморатлар қуриб, обод қилинган ва сераҳоли Гурганж ҳудуди мўғуллар истилосидан олдинги даврдигидан ҳам кенгайди. Шаҳарга 1333 йили ташриф бурган араб сайёҳи Ибн Батута Гурганжни шундай тасвирлайди: “Бу туркийларнинг улғувор, сўлим ва йирик шахридирки, унда гавжум бозорлар, кенг кўчалар, кўплаб иморатлар ва ажойиб кўркам манзарали жойлар мавжуд. Аҳолисининг кўплиги туфайли шаҳарда ҳаёт қайнайди ва у тўлқин мавж ураётган денгизни эслатади”. Гурганжда Хоразм мактабининг ҳашаматидан

гувоҳлик берувчи меъморликнинг шох асарлари – XII асрга оид Фахриддин Розий ва султон Такаш мақбаралари, XIV аср ёдгорликлари – Тўрабекхоним мақбараси, Кутлуғ Темур минораси ва бошқалар сақланган. Уларни, шунингдек, Ўрта Осиёнинг XII–XIV асрлардаги бошқа энг муҳим иншоотларини кейинроқ кўриб ўтамиз.

Кўхна Урганчга яқин жойлашган Миздахкон шахри XII–XIV асрларда муайян аҳамият касб этган. Бу ерда ҳам ўша даврга оид бир қанча меъморий обидалар сақланиб қолган.

Умуман, мазкур давр Ўрта Осиё шахарларининг аксарияти уч қисмдан: қалъа, шахарнинг қадимий қисми – шахристон ва шахар атрофи – работдан иборат бўлган. Шахарнинг ана шу қисмларидан ҳар бири паҳса ва хом гишдан қалин мудофаа девори билан ўралган эди. Шахристон ва работларнинг деворларига бир нечтадан дарвозалар ўрнатилган бўлиб, шу дарвозалардан бошланган асосий кўчалар шахар марказига, унинг мухташам иншоотлари жойлашган ижтимоий ва маданий марказларига олиб борган.

XII–XIV асрлар Ўрта Осиё меъморлигининг мухташам қурилишларида асосан ўта қаттиқ коришмалардан тайёрланган пишиқ гишт ёки баъзан олд томонига пишиқ гишт терилган ҳолда хом гишдан ҳам фойдаланилган. Сувдан мухофазалаш ва биноларнинг зилзилабардошлигини ошириш учун баъзан 6–10 сантиметр қалинликдаги қамиш тўшалмалар ҳам қўлланган. Нам тупроқли шароитлардаги бино ва иншоотлар (пойдеворлар, ҳаммомлар, сардобалар ва кўприклар) қурилишида сувга чидамли оҳак-қулли коришмалар қўлланган.

Ҳажмий тузилишида кўпинча пештоқ-гумбазли ва юқорига бўй берган шакллардан фойдаланилган. Бинолар киффаси ва шаклига улдуғворлик бахш этиш учун XII аср охирларидан анча баланд цилиндрсимон шакллардан ва икки қават гумбазлардан фойдаланила бошланган. Яъни гумбаз анчагина ясси ички қобикка эга бўлиб, унинг устида баланд ташқи безакли гумбаз турган, бу гумбаз кўпинча мовий плиталар билан безатилган ёки фақат шундай плиталарнинг ўзи билан қопланган. Бундай хусусиятлар Хоразм меъморлик мактаби ёдгорликларида, жумладан, Фахриддин Розий, султон Такаш, Кўхна Урганчдаги Тўрабекхоним мақбараларида яққол акс этган. Тўрабекхоним мақбарасида гумбаз ҳатто уч қобикли бўлган.

Иншоотлар олд томони беағида юқори сифатли жимжимадор гишт териш усулида чуқур бўртма-ўймакор терракотали қисмлар ажралиб турган. Бунда оч сариқ гишт билан бўртмали безакнинг ёркин соялари уйғунлиги терилган гиштларга нафислик ва кўркамлик бахш этиб, кишида кучли ҳиссий таассурот уйғотади. Мўғуллар исгилоосидан илгариги даврда ўйма терракота бой ўсимлик, геометрик ва нақшли катибалар ишланган қисм ва белбоғлар кўк ва оқ рангли сирлар билан кўпроқ қоплана борди (Вобкентдаги Чашмаи Аюб зиёратгоҳининг пештоқи). Бу анъана Олтин Ўрда даврида Кўхна Урганчдаги Тўрабекхоним, Миздахкондаги Маълумхон Сулув, Бўхородаги Баёнқулихон мақбаралари ўйма сирли терракотадан иборат нафис нақшли катиба билан безатилган замонларда анча ривож топди. Қуфий ва настаълик хатларидан фойдаланиш ривожлана боргани сайин нақшли катиба бинолар беағида анча ўзига хос баднийлик касб этиб, катта роль ўйнай бошлади. Диний мазмундаги ёзувлардан (Қуръон оятлари, ҳадислар ва хоказо) ташқари, катиба буюртмачи, ижрочи ва қурилиш санаси ҳақида, мақбараларда эса бу ерда дафн этилганларнинг шахси ва ҳаёт саналари ҳақида маълумот берган.

Баъзан гумбаз олд томонида пештоқ тахмонини ўйма ганч (Бўхородаги Мағоки Аттори, Вобкентдаги Чашмаи Аюб) ёки ганч сталактитлари (Кўхна Урганчдаги султон Такаш мақбараси) безаб турган. Саройларнинг ички томонлари, кўпинча, геометрик, ўсимлик, эпиграфик, баъзан эса хайвонларни акс эттирувчи нақшлар уйғунлигидаги ҳар турли нафис суратлардан иборат ганч ўймакорлиги билан безатилган. Масалан, Термизшоҳлар саройидаги XII аср ганч ўймакорлиги шулар жумласидан.

XII–XIV асрлар Ўрта Осиё меъморлигида хилма-хил бино турлари: диний иншоотлар — масжидлар, макбаралар, хонақоҳлар, шунингдек, фукаролик иншоотлари — тураржойлар ва савдо бинолари, карвонсаройлар, работлар, хаммомлар, сардобалар ва хоказолар такомиллашди.

XII–XIV асрлар Ўрта Осиё бинолари турларини ўтаган вазифасига кўра таснифлаб, уларнинг гадрижий ривожини ва хусусиятларини кўриб ўтамиз.

Диний меъморлик. Масжидлар биз сўз юритаётган даврда уч асосий турга бўлинган: маҳалла масжидлари, жомеъ масжидлари ҳамда ҳайит намоз ўқиладиган масжидлар. Масжидларнинг XII асрдаги ҳар учала тури Бухорода яхши сақланган.

Маҳалла масжидлари муайян маҳалла аҳолисининг ҳар куни беш маҳал намоз ўқиши учун мўлжалланган. Бу туркумга ўрни ва вазифасига кўра, Бухородаги XII аср Мафоки Аттори маҳалла масжидини киритиш мумкин. Анъанавий бўлмаган ва меъморий жиҳатдан мухташам бу масжид ғоят қадимий асосга, шунингдек, ноёб ва кизиқарли қурилиш тарихига эга. X аср муаллифи Мухаммад Наршахийнинг шохидлик беришича, IX–X асрлардаёқ Атторон бозори яқинида зардуштийлар бутхонаси ўрнида "Бухородаги ажойиб масжидлардан бири" — Моҳ масжиди бунёд этилди. У 937 йили шаҳарда рўй берган йирик ёнғин вақтида ёниб кетган. Кейинроқ, ёниб кетган ана шу Моҳ масжиди ўрнида XII асрда унинг тўрт устунли тархини сақлаган ҳолда янги масжид бунёд этилди, ҳозир у Мафоки Аттори номи билан машҳур. Бу масжид Бухорода биз кўриб ўтаётган даврда (XII–XIV асрларда) фаолият олиб борган. Ундан бизнинг давримизгача нимустун, жимжимадор фишдан, баъзи-баъзида кўк ранг билан ажратиб кўрсатилган ўйма терракота ва ганч ўймакорлигидан иборат ноёб бўртма безаклар билан безатилган жанубий пештоқгина етиб келган.

Мафоки Аттори масжиди XIV асрда таъмирланди. XVI аср ўрталарида эса қайта қурилди.

Жомеъ ёки жума масжидлари — жума кунлари умумшаҳар аҳолиси ибодат қилиши учун мўлжалланган. XII–XIV асрларда бундай масжидлар учун ховлили ёки ховли-айвонли тузилиш хос бўлган, бунда тўғри бурчакли берк ховли атрофлари устунли галереядан иборат бўлиб, баъзан ховли ўқи бўйлаб пештоқли айвонлар қурилган. Бухорода шаҳар ҳокими Арслонхон шаҳристон ҳудудида 1120 йили қурдирган жомеъ масжиди меъморий тузилиши ҳудди шундай бўлган. У мўғуллар томонидан вайронага айлантирилган, аммо ҳозирда Калон номи билан машҳур бўлган минора жуда яхши сақланган. XV асрда Арслонхон масжиди ўрнида XII асрдаги пойдевордан фойдаланган ҳолда янги Калон жума масжиди қурилди, бу масжид бизнинг давримизгача етиб келган.

Хоразмшоҳлар ҳам масжидлар қурилишига катта аҳамият беришди. Пештоқидаги ёзувга кўра, *Мухаммад хоразмшоҳ* ҳукмронлиги (1200–1220) даврида меъморлар Абул Хусайн ибн Мухаммад ан-Нока ва Мухаммад ибн ал-Хусайн ан-Нока томонидан қурилган жума *масжидларидан* бирининг харобалари Деҳистонда (Туркменистон) сақланиб қолган. Масжиднинг тўғри бурчакли ички ховлисининг теварак атрофи думалок фиш устунли галереялар билан ўралган. Ховлининг ичкарисида ўқ бўйлаб масжиднинг пештоқли-гумбазли зали — максура қурилган. Пештоқни кўк сир билан қопланган ўйма терракотадан иборат сурат безатиб турган. Настаълиқ ва куфий ёзувида битилган катибадан иборат белбоғи, геометрик нақш ва хоказолар шулар жумласига киради. Масжиднинг жануби-ғарбий бурчагида минора жойлашган.

Ҳайитларда намоз ўқиладиган масжидлар — намозгоҳлар (мусалло, ийдгоҳ) йилига икки марта — шаҳар ва унинг атрофидаги эркак аҳолисининг Рамазон ва Қурбон ҳайитларида ибодат қилиши учун мўлжалланган.

Марв ва Бухорога оид маълумотларга кўра, шаҳар майдонлари илк ийдгоҳ масканлар бўлган. Замонлар ўтиши билан шаҳар ичидаги майдонлар ийд намозларини ўқиш учун торлик қилиб қолди ва намозгоҳлар шаҳарлар ташқарисидagi кенг майдонларда барпо этила бошлади. Чунончи, 1119 йили

Арслонхон Бухорода Иброҳим (кейин — Шайх Жалол) дарвозаси ёнида янги ва ўз даври учун хос бўлган намозгоҳ-масжид бунёд эттирди. Унинг ғарбий қисмида меҳробли девор кўтарилган бўлиб, нақш билан безатилган, унинг ёнида минбар қурилган. Меҳробли девор олдида намоз ўқиладиган кенг майдон бўлиб, унинг ҳудуди тупроқ девор билан ўралган. Меҳробли девор XIV аср охирида қадама нақш билан безатилган ва XVI асрда равоқ-гумбазли йўлаклар билан бойитилди, унинг марказида пештоқ бор.

Миноралар жомеъ масжидларининг узвий қисми бўлиб, азон айтиш учун мўлжалланган. Агар дастлабки мезаналар ҳам ёшитдан ишланган бўлса, XII асрда улар тўлиқ пишик ёшитдан кўтариладиган бўлди. Мезана танасининг юзаси жимжимадор терилган, шунингдек, ўйма терракота бўртмали нақшлар ёрдамида ишланган кўндаланг белбоғлар билан безатилган. Бизнинг давримизгача яхши сақланиб қолган миноралар жумласига XII асрда Жарқўрғон, Бухоро ва Вобкентда қурилган миноралар, шунингдек, Кўҳна Урганчдаги XIV аср минораси ҳам киради. Уларнинг ҳаммаси бир вақтлар ҳозир бузилиб кетган жомеъ масжидларининг бир қисми бўлган, энди эса у масжидлардан узокроқ сақланиб турувчи иншоотлар каби (Минораи Калондан ташқари) қўкка бўй чўзиб турибди. Одатда, минорага кириш йўлаги унга туташ жомеъ масжиди тоmidан бошланган, шунинг учун минорага кириш йўлаги ҳозирги вақтда ердан бир неча (5–8) метр баланддадир.

Сарахслик меъмор Али ибн Мухаммад томонидан 1109 йили қурилган *Жарқўрғондаги минора* бизгача сақланиб қолган энг кўҳна миноралардан бири бўлиб, меъморлик санъатининг ўзига хослиги билан ажралиб туради. Минора танаси 16 та нимустунлар — 20 метр баландликда катибаларнинг ётиқ шакллари билан кесишган тарам-тарам қобирғалар билан безатилган. Миноранинг иккинчи поғонаси йўқолиб кетган, ҳозир унинг баландлиги 21,6 метр, диаметри 5,4 метр.

1127 йили ўта мустаҳкам қурилган ва шу боисдан бор бўйича (қарийб 50 метр) сақланиб қолган *Бухородаги Калон минораси* йирик миноралардан бири бўлган. Унинг катиба ёзувлари орасида уста Бако номи сақланган. Ривоятларга қараганда, минора пойдеворини бунёд этгач, уста Бако пойдевор мустаҳкам бўлсин учун уч йилча гоёиб бўлган, кейин қайтиб, бошланган қурилишни давом эттирган. Минораи Калон Бухоро воҳасида XX аср бошларига қадар барпо этилган кейинги деярли барча миноралар учун намуна бўлган.

Унинг илк тақлидларидан бири 1197 йили Вобкентдаги ҳозирда йўқ бўлиб кетган жомеъ масжиди ёнида қурилган минорадир. У меъморий жиҳатдан деярли Минораи Калондек қилиб қурилган. Гарчи бўйи 38,7 метр бўлса-да, *Вобкент минораси* танасининг ингичкалиги ва мутаносиблиги жиҳатидан баландроқ, кўркамроқ кўринади.

Мухаммад хоразмшоҳ ҳукмронлиги давридан Деҳистондаги юқорида тилга олинган масжиднинг жануби-ғарбий бурчагида қурилган минора қолдиқлари сақланиб қолган. Минора анъанавий тарзда ёшитни жуфт-жуфт териш йўли билан безатилган бўлиб, унинг фонида ўйма нақшнинг, шу жумладан, бўртма ёзувлардан иборат кўндаланг белбоғлари ажралиб туради.

Хоразмшоҳлар давлатининг пойтахти Кўҳна Урганчда икки минора маълум. Тўлғазма қўрғошин плитага қўра 1011 йили хоразмшоҳ Маъмун ибн Маъмун қурдирган илк минорадан айлана танали асосигина сақланиб қолган.

Ундан фарқли ўлароқ Кўҳна Урганчда малика Тўрабекхоним жомеъ масжиди ёнида анча кейин бунёд этилган бошқа бир минора яхши сақланиб қолган. Ана шу масжид тоmidан, одатда, минорага кириш йўли мавжуд бўлиб, ҳозир у қарийб олти метр баландликда жойлашган. Қиравериш тепасидаги бўртма қуфий ёзувига қўра, *минора Қутлуғ Темур* ҳукмронлиги даврида (1320–1330) қурилган. Тана сиртини ўйма ёшитдан терилган ўн саккизта нақшли белбоғлар безаб туради. Тана юқори қисмининг кескин торайганлиги ҳам минорага мустаҳкамлик бахш этган: асосининг диаметри — 10,85 метр, ойнабанд тўйнуқли юқори қисми эса 4 метр. Бир вақт минора ойнабанд тўй-

нукли қисм билан тугалланган бўлиб, унга ички томондан ишланган бурама шаклдаги нарвоннинг 143 та зинаси орқали чиқилган. Бизнинг давримизгача сақланиб қолган ана шу деярли 60 метр баландликдаги ноёб муҳандислик иншооти Ўрта Осиёда энг баланд минора бўлган.

Мақбаралар кўплаб сақланиб қолган, зеро, улар эътиқод юзасидан авайлаб келинган, хурофий кўрқув туфайли босқинчилар томонидан ҳам вайрон этилмаган. Шу боис сақланиб қолган XII—XIV асрларга оид мақбаралар мисолида Ўрта Осиё меъморий мактабларининг тарихий ривожланиши ва хусусиятларини кўриб чиқиш мумкин.

Бу даврда пештоқ-гумбазли ё марказий композицияли бир хонали мақбаралар, шунингдек кўп хонали, кўп гумбазли мақбаралар қуриш ҳам расм бўлган. Кўп хонали кўп гумбазли мақбараларда энг асосий йирик хоналар — зиёратхона (маъракахона), гўрхона — табаррук шахс дафинаси жойлашган хона, шунингдек, улар ёнидаги хизмат ва хўжалик хоналари ажралиб турган. Чунончи, Кўхна Урганчдаги Нажмиддин Кубро, Миздахкондаги Мазлумхон Сулув мақбаралари ва бошқалар шундай тузилишга эга бўлган. Гарчи, улардаги меъморлик ва ривожланишнинг асосий анъаналари муштарак бўлса-да, Ўрта Осиёнинг ҳар бир минтақасида меъморлик мактабининг ўз хусусиятлари кузатилган.

Масалан, Хуросон меъморий мактаби учун, асосан, маҳобатли, йирик мақбаралар қуриш хос бўлган. Ана шундай хусусиятлар XII аср ўрталарида Марвда меъмор Муҳаммад бинни Отсиз Сарахсий томонидан қурилган *Султон Санжар мақбарасидек* меъморий шох асарда яққол гавдаланган. Мазкур марказий композицияли ғояг йирик ва мухташам бир хонали бино қандайдир мажмуанинг таркибий қисми бўлган. Ҳозир у очик галереялар ва йирик гумбаз билан тугалланувчи яққа кубсимон иншоот кўринишида бўлиб, ўзининг кўк қопламасидан айрилган. Мақбара галереясини ёширт безаклари мажмуи ва ганч ўймакорлиги безаб турибди, ички томондаги безакларни ок фонда кўк ва қизил рангдаги геометрик ва эпиграфик тарздаги ёзувлар ташкил этади.

Хуросоннинг кўп хонали мақбаралари жумласига ички томонидаги ёзувга кўра вилоят ҳокими Шарафиддин Абу Тохир томонидан ҳижрий 506 йили (1112—1113) қурилган *Муҳаммад ибн Зайд мақбараси* киради. Дастлаб у силликланган пишиқ ёширт билан қопланган хом ёширтдан қурилган марказий гумбазли мақбара бўлган. Кейинроқ унга маъракалар ўтказиладиган ибодатхона ва гўрхона қўшилди, натижада мақбара кўп хонали, кўп гумбазли тузилишга эга бўлган. XII аср мақбарасида олд томонидаги ёширтнинг юксак бадий дид билан нақшинкор терилганлиги, ички томонига туширилган суратлар ва шу ердаги қабр тошида ўйиб туширилган нафис безаклар киши ақлини лол қолдиради.

Шимолий Тохаристон меъморий мактабининг мақбаралари ҳам ўзига хос. Улар орасида йирик зиёратгоҳ мажмуаларига кирадиган мураккаб тарҳли кўп хонали мақбаралар киши диққатини тортади. Султон Саодат мажмуидаги XII аср мақбаралари, Ҳаким ат-Термизий мажмуидаги мақбара ҳамда маъракалар ўтказиладиган ибодатхона ва бошқалар шулар жумласидандир. Термиз яқинида Амударёнинг Орол — Пайғамбар оролидаги XI—XII асрларга оид кўп хонали ва кўп гумбазли Зул-Кифл мақбараси шу туркумдан.

XII—XIV асрларда жадал ривожланган Хоразм меъморий мактаби кўриб ўтилаётган давр мобайнида энг ёрқин ва ўзига хос хусусият касб этди. Унинг учун, биринчи галда, кўк сирланган ёширтчалардан иборат нақшлар билан безатилган ёки буткул улар билан қопланган конүссимон ёхуд қиррадор чодирсимон гумбазлар, чуқур ўймакорлик намуналари билан бой безатилган мақбара олд томонининг нақшинкорлиги хосдир. Кўхна Урганчдаги *Фахриддин Розий мақбараси* (XII аср) шу тарзда бунёд этилган. Унинг кубсимон асосий қисми ўстида пирамидасимон гумбаз билан қопланган 12 қиррали тузилма қад кўтариб турибди. Мақбаранинг асосий олд томони ўйма терракота билан безатилган.

XII–XIII асрларда қурилган *Султон Такаш мақбараси* ҳам мазкур мактаб ижодига мансубдир. Бу ерда ҳам квадрат призма устида конуссимон гумбазли кўп қиррали тузилма қад қўтариб турибди. Хар икки макбара учун кўк виштчалар билан безатилган чодирсимон гумбазлар, сирланган ўйма терракотадан иборат қисмлар, ички томондаги сталактитлар хосдир.

Сталактитлардан учбурчак тахмон кўринишида ишланган Султон Такаш мақбараси пештоқининг кириш равоғи одатдан ташқари безатилганлиги диққатга сазовордир. Безатилиши бўйича Ўрта Осиёда ягона ҳисобланган бу пештоққа XII–XIII асрлар охирида Кичик Осиёдаги салжуқийлар меъморлигига ўхшаш қатор жиҳатлар хосдирки, бу ҳол, ўз навбатида, мазкур икки минтақанинг муайян маданий алоқаларидан шохидлик беради. Дастлаб бу бинога бошқа иншоотлар туташган эди ва бино ана шу ўзига хос мажмуада асосий ўринни эгаллар эди. Бунинг айрим тадқиқотчилар хоразмшоҳларнинг саройи, бошқалар эса ибодат билан боғлиқ мажмуанинг бир қисми деб ҳисоблашади.

Миздахкон кўҳна шаҳридаги мўъжазгина *Халифа Ражаб мақбарасини* ҳам айтиб ўтиш жоиз. Ана шу кубсимон бино XI асрда ҳам ва пишиқ виштлардан қурилиб, XIII–XIV асрларда безатилган бўлиши керак. Асосий олд томон учта равоққа бўлинган. Улар устидаги катибани ҳамда олд томоннинг П-симон чорчўшини ўйма сиркор терракотадан иборат нафис эпиграфик нақш безаб турган эди.

Хоразм мактаби мақбараларининг иккинчи тури — кўп хонали мақбараларга қуйидаги учта иншоот мансубдир.

Тўрабекхоним мақбара хонақоси. Бу — сўз юритилаётган даврнинг энг буюк ва энг нафис иншоотидир. Унинг тарҳида зиёратхонанинг йирик олтин ёқли зали ажралиб туради, унга икки томондан гўрхона ва пештоқли даҳлиз келиб туташган. Зиёратхона гумбази уч қобикли бўлиб, шундан ташқиси ҳозир бузилиб кетган конуссимон гумбаз ёрувлик тушиб турадиган дарчали баланд тузилмага ўрнатилган. Зиёратхона гумбази ички қисмининг нозик гул — ўсимлик нақшлари билан тўла мураккаб геометрик нақшли ўймакор қадама қопламаси ниҳоятда гўзал.

Маълумхон Сулув мақбараси (30x25 метр) тарҳида катта хона ҳамда унинг ёнида саккиз ёқли чодирсимон гумбаз билан ёпилган кичикрок ва жуфт-жуфт жойлашган мўъжазгина ён хоналар ажралиб туради. Ички қисм қопламаларининг парчаларигина саклалиб қолган, унда оч рангли терракота кўк сир билан уйғунлашган. Ич томондаги гумбазининг қосаси кўк рангли текис гулдор сопол плиталар билан ишланган. Иккала залда Нажмиддин Кубро даҳмасига ўхшаш кўркем ранг-баранг сопол билан безатилган даҳма мавжуд эди. Тахминларга кўра, мақбара XIII асрда, сағана XIV асрда барпо этилган.

Кўҳна Урганчда энг табаррук қадамжой — кубравия тариқатининг асосчиси *Нажмиддин Кубро мақбара хонақосидир.* У ўз шогирдлари ва ҳамюртларининг тақдирига шерик бўлиб, унинг ҳаётини сақлаб қолиш ҳақидаги мўғуллар тақлифини қабул қилмади ва шаҳар истилоси вақтида ҳалок бўлди. Бу тўрт хонали, тўрт гумбазли, пештоқли иншоотдир. Унинг тарҳида даҳлиз ва иккита залдан ташқари, Нажмиддин Кубронинг мухташам сағанаси — йирик гўрхонаси ажралиб туради. Бу сағана ва бино пештоқи Хоразм мактабига хос нафис суратли гулдор сопол билан безатилган.

Кейинроқ Нажмиддин Кубро мақбарасининг рўпарасига у билан қўш ансамбл ҳосил қилувчи *Султон Али мақбараси* барпо этилиб, бу мақбара ҳажмий тузилишига кўра, Тўрабекхоним мақбарасининг маълум бир услубга солинган намунаси ҳисобланади.

Таъкидлаш жоизки. Хоразм меъморий мактабининг ёрқин анъаналари кўпгина қўшни мамлакатларнинг меъморлигига таъсир кўрсатди. Маълумотларга қараганда, XIV асрда, Ўзбекхон даврида Олтин Ўрдада ислом дини кенг жорий этилган вақтларда Шимолий Кавказда пештоқ-чодирли ва марказий мақбараларнинг шаклланишида Хоразм меъморий мактаби етакчи ўрин эгаллаган.

Мовароуннаҳр меъморий мактабини XI—XII асрларга мансуб турли вақтларда қурилган *учта Ўзган мақбараси* намоён эта олади. Ана шу шарқ томонга қараган, бой безатилган учта пештоқдан ташкил топган мажмуавий пештоқ-гумбазли иншоотлар бир-бирига ёндошиб туради. Улар ичида энг йириги — XI асрга оид марказий бино бўлиб, фишт териш усули ҳамда ганч ўймакорлиги билан безатилган икки олд томони зиёратхона бўлган. 1113 йилда унинг шимолий олд қисмига Али Қилич мақбараси ва 1187 йили марказий иншоотдан жануб томонда учинчи мақбара қурилди. Уларнинг бари ўйма терракота копланмалари билан бой безатилган.

Бухорода Олтин Ўрда давридан *Баёнқулихон мақбараси* сақланиб қолган. Баёнқулихон сохта мўғул хони бўлиб, ислом динини қабул қилган. У мўътабар суфий Сайфиддин Бохарзий (1190—1261) мақбараси ёнига дафн этилган. Мўъжазгина пештоқ-гумбазли икки хонали иншоот бўлган бу мақбара тархида гўрхона, зиёратхона, уларни айланиб ўтувчи торгина йўлак ажралиб туради. Унинг олд томонлари ва зиёратхонанинг оч кўк ва хаворанг сирли ўймакор терракотали ажойиб, кўркам беағи киши ақлини лол қолдиради. Бу Хоразм ва Самарқанд меъморий мактабларининг Бухоро меъморий мактабига таъсири-нинг яққол мисолидир.

Бу ўринда XIV асрнинг иккинчи ярмига оид *Бобойи Порадўз мақбарасини* келтириш жоиз. Ана шу гумбазли иншоотнинг пештоқи ўқидан сурилган, ичида авлиёнинг йирик сағанаси сақланиб қолган.

Ёдгорликлар мажмуаси. Юқорида айтилганидек, Баёнқулихон мақбараси муқаддас зиёратгоҳ мажмуа таркибига кирган бўлиб, бу ҳол истисно тариқасида эмас эди. Кўпинча авлиёлар даражасидаги табаррук шахслар дафн этилган мақбаралар зиёратгоҳ масканларга айланган ва бу ерда суфийлар маскани бўлган ёдгорликлар мажмуаси шаклланган. Аксарият ҳолларда, мажмуа соя-салкин ҳовузли ховли атрофларида босқичма-босқич қурилган алоҳида иншоотлар қаторидан иборат бўлиб, авлиё мақбарасини хонақо (ёки зикрхона)ни ва кичикроқ масжид, кироатхона, корихона, ҳужралар, бепул ётоқ ва озик-овқат билан таъминланадиган мусофирхоналарни ва хоказоларни ўз ичига олган. Самарқанддаги Қусам ибн Аббос, Бухородаги Сайфиддин Бохарзий мақбаралари ва Ўрта Осиёдаги кўплаб бошқа мақбаралар атрофидаги мажмуалар худди шундай эди. Бу ерларга XIV асрда ташриф буюрган араб сайёҳи Ибн Батута уларни ўз юртида муомалада бўлган "зовия" атамаси билан номлаган.

Чунончи, Ибн Батутанинг шохидлик беришича, *Сайфиддин Бохарзий мажмуаси* шундай бўлган: "Биз буюк авлиёлардан бири, олим, художўй зоҳид шайх Сайфиддин Бохарзийнинг қабри жойлашган Фатҳобод номи билан машҳур бўлган Бухоро деган манзилда тўхтадик. Мазкур шайх номи билан аталувчи ва биз қўнган зовия ниҳоятда катта бўлиб, улкан миқдордаги вақфга (даромадга) эгаки, ундан мусофирлар тамадди қиладилар". Унинг сўзларини XIV аср вақф ҳужжатлари тасдиқлайди, ундан маълум бўлишича, иншоотлар мажмуаси шайх мақбарасини, унга жануб томондан тақалган хонақони — хизматкорлар ва камбағалларнинг доимий яшаш жойини ўз ичига олган.

XIV аср охирида мовий сиркор плиталар билан копланган Баёнқулихон мақбараси саҳнига тақаб, Ибн Батута кўрган ва XIV аср Бухоро ҳужжатларида келтирилган путурдан кетган иншоотлар ўрнига Сайфиддин Бохарзийнинг икки хонали даҳмаси қурилди, бунда барпо этилган зиёратхона — хонақоҳ киришлари 4 ўқда туташ мақбарага олиб боради. Ҳар икки хона ички беағига кўра бир-бирига ниҳоятда ўхшаш: равоксимон бағалларнинг саккиз қиррали яруси ва ёруғлик тушиб турадиган дарчали ўн олти қиррали барабан йирик гумбазни тутиб туради. XIV асрда асосий ўқ бўйича киравериш йирик гулдаста миноралари ҳамда пештоқнинг тепасида равокли янада муҳташам пештоқ билан кўркамлаштирилди.

Самарқандда Мухаммад пайғамбар (САВ)нинг амакиваччаси Қусам ибн Аббоснинг сохта қабри ўрнида *Қусам ибн Аббос мақбараси*. Тамғачхон мақбараси, мусофирхонави ўз ичига олган ёдгорлик ва диний иншоотлар мажмуаси вужудга келди. Ибн Батута мақбарани мўғуллар истилосидан олдинги даврга мансуб қилиб кўрсатади ва уни мрамр устунли гумбаз билан қопланган иншоот деб таърифлайди: “Мақбара деворлари хар хил рангдаги зарҳалли мрамр қадамалар билан безатилган, томи кўрғошин билан қопланган, сағана обнус ёғочидан нақшинкор қилиб ишланган, бурчакларига қумуш қопланган, ичига учта қумуш шамдон осиб қўйилган. Мақбарага жуи ва пахта толасидан тўкилган гиламлар тўшалган”. У шаҳарнинг асосий қадамжоси ҳисобланган ва мақбара ёнига XII асрдаёқ машҳур номдор кишилар дафн этилган.

XIV асрда Қусам ибн Аббос гўрхонаси ёнига зиёратхона, гўрхона устига эса зарҳал бўртма гулдор сопол қопланган тўрт зинали сағана қурилган. Кейинчалик ушбу мажмуа машҳур Шоҳи Зинда мажмуасига айланди.

Мовароуннаҳрда, шунингдек, ёдгорлик иншоотларининг бошқа тури — ҳазирага, яъни пештоқли кираверини девор билан ўралган худудда очик ердаги дафиналар ҳам ривожланди. Ана шундай диний иншоотлардан бири мўғуллар истилосидан илгариги даврга мансуб *Чашмаи Аюб хазираси* бўлиб, у нисбатан яқинда Бухородан 20 километр масофада Вобкент туманида топилган. Бу ерда XI асрда авлиё ҳазрати Аюб номи билан боғлиқ муқаддас булоқ ёнида унинг сохта қабри (қадамжоси) пайдо бўлди. Ундан ғарб томонда меҳробли девор тарзидаги ҳозирда йўқолиб кетган диний маъракалар ўтказиладиган ибодатхона жойлашган эди. Муқаддас қадамжони қўшаб турган девордан гулдаста минорачалар билан ҳимояланган, қурилиш санаси — 1208 йили битилган пештоқ сақланиб қолган. Пештоқ ганч, исломдан олдинги сுவатика белгиси тарзидаги сиркор кўк нақшлар, ўйиб туширилган ўсимлик ва геометрик шаклларнинг ўйма терракотасидан иборат ажойиб нақшлар билан бойиган. Пештоқдаги: “Пайғамбар (САВ) шундай деганлар: “Мен аввал сизларга қабрларни зиёрат қилишни ман этгандим, энди зиёрат қилаверинглар!” битиги бу даврда авлиёлар қабрларини тавоф қилиш тарқалганлигини изоҳлайди ва оқлайди.

XII–XIV асрларга оид мадрасалар сақланмаган ва улар фақат манбаларда кўплаб тилга олинган бўлиб, археологик маълумотлардан ҳам маълум. Қазиниша ва вақф ҳужжатлари маълумотларига кўра, қадимги мадрасалардан Самарқанддаги XI асрга оид Тамғач Буғрохон мадрасаси бошқа мадрасаларга нисбатан яхши маълум. Бу ерда атрофларига ҳужралар, унинг ўки бўйича айвонлар қурилган тўғри бурчакли ички ҳовлили йирик бино (44x56 метр) мавжудлиги аниқланган. Олд томонининг марказидаги бош пештоқ кираверини гумбазли даҳлизга, ёнлама йўлкали бурчак залларига олиб борган.

Тамғачхон мадрасасига оид XI аср вақф ҳужжатларига кўра, бу ерда дастлаб жамоа заллари — масжид, дарсхона, корихона, “илми адаб” ўрганиш хоналари барпо этиш кўзда тутилганки, бу ҳолни археологлар томонидан аниқланган бинонинг тузилиш тарҳи тасдиқлайди.

Қусам ибн Аббос қабри ёнида қурилган Тамғачхон мадрасаси, чамаси, XII асрнинг биринчи ярмида султон Санжар томонидан таъмирланган ва Қуссамия деб аталган.

Фуқаро меъморлиги. Улар орасида энг кўпи — тураржойлар бўлиб, улар паҳса ва хом фишдан тўсинли қилиб қурилган, айвонлар устини ёпиш учун ёғоч тўсин — устунли қурилмадан фойдаланилган. Мазкур қурилиш материаллари кўпга чидамаслиги сабабли бу даврнинг тураржой меъморлиги яхши сақланмаган ва бизга кўпроқ тарихий ва археологик маълумотлар бўйичагина маълум. Чунончи, XI–XII асрлар Марв воҳасидаги тураржойлар, тарҳига кўра, деярли мураббаъ тарздаги хом фиштли уйлардан иборат бўлиб, марказий, аксарият ҳолларда икки рангли гумбазли зали бўлган. Томи гумбазли ёки қуббасимон бўлган. Жумладан, Султон қалъадан 4 километр ғарбдаги уй худди шундай қурилган.

Саройлар. Бу даврда Марв ва Термиз саройлари хом гиштдан бунёд этилган бўлиб, тўрт айвонли, атрофига хоналар қурилган ҳовлили бўлган. Масалан, Термиздаги Термизшоҳлар саройи тарх бўйича тўғри бурчакли кенг ички тўрт айвонга эга ҳовлили иншоотдан иборат бўлган. Унинг хом гиштли зали деворларини XI асрда шаклдор гиштли безаган. XII асрда эса ушбу гиштин безак устидан ганч қопланган. Унда ганч ўймакорлигида кўркам, хилма-хил геометрик шакллар, ўсимлик ва ҳайвонот суратлари ифодаланган. Бинонинг асосий олд қисми ганч панжарали, ранг-баранг ойна билан безатилган бўлиб, деворларига қора, кўк, кизил ва яшил бўёқларда суратлар чизилган.

XI—XII асрларга оид Бухоро саройларидан Шамсобоғдаги боғ ва ҳайвонот боғи бўлган қорахоний Шамсулмулк саройи, Арслонхон саройларини айтиб ўтиш жоиз. Маълумки, шулардан бирини Арслонхон мадраса учун берган.

Мўғуллар ҳукмронлиги давридаги *Кўҳна Урганч саройлари* ва уларнинг безаги ҳақида Ибн Батута бизга тўлиқроқ маълумот беради. Масалан, у катта амалдорнинг уйини баён этар экан: “Меҳмонхонага чиройли гиламлар тўшалгани, деворига мато қоплангани ва тоқчалари кўплиги, бу тоқчаларда зарҳал кумуш идишлар ва Ирок кўзалари безатиб кўйилганини, одатда, ушбу мамлакат аҳолиси ўз уйларини шу тахлит безатиши”ни ёзади. Кейин Ибн Батута Кўҳна Урганч ҳукмдори *Қутлуғ Темурнинг саройи* ҳақида маълумот беради: “Биз улкан меҳмонхона залига кирдик, хоналарининг аксарияти ёғочдан. Кейин нақшинкор ёғоч гумбазли кичик залга ўтдик, унинг деворларига турли рангдаги матолар, шифтига зарбофт шойи қопланган”.

Хоразм усталари ўзларининг ёғоч ўймакорлиги соҳасидаги маҳоратлари билан қадимдан машҳур бўлишган. Уларнинг иш намуналарини Хивадаги Жума масжид устунлари мисолида кўриш мумкин. XVIII асрда қурилган ушбу масжиднинг айрим ёғоч ўймакор устунлари X—XIV асрларга оид бузилиб кетган бинолардан кўчириб ўрнатилган эди.

Карвонсаройлар. Буюк Ипак йўли бўйлаб карвон савдосининг ривожланиши ана шу йўл бўйлаб кўплаб карвонсаройлар, работлар ва улар яқинида сардобалар қуриш эҳтиёжини туғдирди. Карвонсаройлар асосан хом гиштдан қурилган, баъзан хом гишт устидан пишиқ гишт қопланган ёки унинг айрим қисмлари пишиқ гиштдан бунёд этилган. Масалан, Амударё соҳилида Омудан (ҳозирги Чоржўй) Хоразмга олиб борадиган йўлда жойлашган XII асрга мансуб *Доя хотин карвонсаройи* аниқ режа билан қурилган ва бой безакли бўлган. Хом гиштдан қурилиб, сиртига пишиқ гишт қопланган мазкур бинога ташқи томондан бир қатор бинолар туташган бўлиб, равокли йўлаклар билан қуршалган ички ҳовлини ҳам ўз ичига олган. Карвонсаройнинг кубба гумбазли томи пишиқ гиштдан қурилган. Айрим карвонсаройлар истиқомат ва хизмат (турли юклар, ем-хашак сақлаш, мол боқиш) вазифасини бажарадиган алоҳида ҳовлиларга эга бўлган.

Кўҳна Урганчда XIV аср биринчи ярмига оид карвонсарой асосий олд томонининг харобаларигина сақланиб қолган. Унинг аҳамияти ва бой безатилганлиги ҳақида йўнилган гиштдан ишланган гириҳ, шунингдек, жимжимадор ўйма гиштчалар билан безатилган пештоқ парчасининг сақланиб қолган нақши яққол тасаввур беради.

Мўғуллар истилосидан олдинги даврда Хоразмшоҳлар давлати меъморлиги ва унинг кейин, темурийлар давригача бўлган замондаги ривожланиши асосан шулардан иборат.

Хуллас, XII—XIV асрларда Хоразм меъморий мактаби Ўрта Осиёда ёрқин ва илғор бўлганлигини кўриб ўтдик. У кўп жиҳатдан маҳобатли ўйма терракота, қадамалар ва ҳоказолардан иборат сиркор безакларга бой бўлган янгича услубнинг ривожланишига имконият яратиб берди. Бу услуб темурийлар даври меъморлигида ўзининг юксак чўққисига етиб, Самарқанд, Шахрисабз, Бухоро ва бошқа шаҳарлардаги бунёдкорлик ишларида Хоразмнинг ҳам қурувчи усталари ва меъморлари иштирок этган даврда яққол намоён бўлди.

ХОРАЗМ МЕЪМОРЛИК МАКТАБИ МЕРОСИ ХИВА АРХИТЕКТУРАСИДА

Хива шаҳри меъморий ёдгорликлари Хоразм архитектура мактабининг кейинги даврлардаги ривожланиши, унинг ажойиб қадимий анъаналари тадрижи ҳақида бизга ёрқин тасаввур беради.

2500 йиллик равиқ тарихига эга Хива Ўрта Осиёнинг энг қадимий шаҳарларидан биридир. Бу ерда асосан XVIII—XIX асрларда бунёд этилган навқирон иморатлар сақланиб қолган. Шаҳар Ичанқалъа, яъни ички шаҳар ва унинг теварагида ястанган ташқи шаҳар — Дишанқалъа каби қадимий қисмлардан иборат бўлган. XVIII—XIX асрлар чегарасида шаҳарнинг ҳар бир қисми буржлари бўлган паҳса девор билан ўраб олинди. Ичанқалъадаги иккита ўзаро кесишадиган асосий кўчалар тўртала дарвозага олиб борар эди. Қунботар томондаги *Ота дарвоза* ва қунчиқар томондаги *Полвои дарвозани* туташтирган кўча бўйламасида Хиванинг энг катта иморатлари бунёд этилган.

Улардан бири Кўҳна Арк қалъаси бўлиб, бир неча фусункор ховлилардан таркиб топган. Бу ерда мухгашам қабуллар саройи — кўринишхона, ҳарам, зарбхона, ёзги ва қишки масжидлар жойлашган эди.

Машҳур мутасаввуф Амир Қуллол томонидан XIV асрда қурилган шайх Сайид Алоуддиннинг пештоқ-гумбазли макбараси Хивада сақланиб қолган иншоотлардан энг қадимийсидир. Макбара ичкарасида нақш безаклари жиҳатидан Кўҳна Урганчдаги Нажмиддин Кубро даҳмасига ўхшаш бўлган XIV асрга мансуб улугвор қадама нақшли макбара сақланган.

Хоразм меъморлик мактабининг ўзига хос жиҳатлари Хива мадрасаларининг тарҳида ва ҳажмий тузилишида яққол кўзга ташланади. Масалан, баъзан мадрасанинг асосий тарзи — фасади олдида (Мухаммад Раҳимхон, Мазори Шариф, Юсуф ясовулбоши мадрасаларида) шинам ховлилар иншо этилган. Баъзида бош йўлак олдида тарз бўйлаб савдо расталари қурилган баланд суналар жойлаштирилган (Қутлуғ Мурод мадрасаси ва бошқалар). Мадраса бурчагида минора тикланиши ҳам Хивага хосдир. *Мухаммад Аминхон мадрасаси* ва *Қалтаминор*, *Исломхўжа мадрасаси* ва *минораси*, Шайх Каландар бобо мадрасаси ва минораси шу тариқа қурилган.

Барча тарзларида очиқ равоқлари ва музайян қадама нақшлари бўлган, ёғоч ўймакорлиги ва бошқалар билан зийнатланган Мухаммад Аминхон мадрасаси (1852—1855) Хивадаги энг мухташам ва йирик билим даргоҳидир. Унинг ёнида қадама ложувард нақшли Қалтаминорнинг бақувват асоси қад ростлаган. Мухаммад Аминхон унинг Ўрта Осиёдаги энг баланд минора бўлажagini ният қилган эди. Аммо хон жангда ҳалок бўлади ва диаметри 14,2 метр ҳамда тикланган қисми 26 метр бўлган минора битказилмасдан қолади.

Хоразм меъморлик анъаналарини ёрқин акс эттирган Хиванинг катта мадрасалари орасида Қутлуғ Мурод иноқ (1804—1812), Оллоқулихон (1835—1838), Мухаммад Раҳимхон мадрасалари (1871) ва бошқаларни кўрсатиб ўтиш мумкин.

Машҳур *Жума масжиди* (1788—1789)нинг архитектураси ҳам бетакрордир. Унинг кенг саҳни 212 ёғоч устунларга таянган сидирға шифт билан қопланган бўлиб, устунлар бу ерга X—XIX асрлар давомида вайрона ҳолига келган бинолардан келтирилган эди.

Қўнғирот хонлари сулоласи ва Хива шаҳрининг динпаноҳи сифатида азиз тутилган эл паҳлавони ва шоири Паҳлавон Маҳмуд турбати теварагида зиёратгоҳ хотира мажмуи бир неча асрлар давомида шаклланди. Периметр бўйича қурилган шинам ҳовлининг тўрида Хивадаги энг катта мовий гумбаз билан зийнатланган *Паҳлавон Маҳмуд мақбараси* мағрур қад ростлаган. Унинг пештоқи ва ичкараси Хоразм учун анъанавий бўлган нафис набогий қўқ-оқ-нилий қадама нақшлар билан безатилган.

Хиванинг кўнчиқар томонидаги Полвон дарвоза теварагида кўп вазифали йирик ансамбль шаклланди. У бир неча мадрасалар, маҳалла масжиди, ҳаммом, карвонсарой ва тим — усти ёпиқ бозорни ўз ичига олади.

Худди шу шарқий мавзеда Оллоқулихон 1830—1838 йилларда *Тошқовли саройини* бунёд эттиради. Иморат учта берк ҳовли: меҳмонхона — хон қабуллари ва базмлари учун; арэхона — расмий-маъмурий мақсаддаги ҳовли ҳамда харамдан иборат. Бу ердаги баланд-баланд айвонларнинг қадама нақшлари хориқулудда бой, шифтлар, ўйма устунлар ва эшикларнинг нақшлари нафис.

XX аср бошларида Хива яна бир баланд иншоот билан кўркемлашди. Хивадаги энг баланд (45 метр) ва хушқад, гишт ва қадама нақшлар билан безатилган Исломхўжа минораси шу номдаги бир қаватли ихчам мадраса ёнида тикланган.

Хиванинг кўп сонли ёдгорликларидан бир неча мухташамлари асосан шулар. Ичанқалъанинг яхлит ва хушнамо иморатлари XVIII—XX асрларга оид Ўрта Осиё шаҳрининг асл қиёфасини сақлаб қолган. Шунинг баробарида Ичанқалъанинг архитектура ёдгорликлари мисолида қадимий Хоразм меъморлик мактабининг минтақавий хусусиятлари ва ўзига хос усуллари бизга қадар етиб келганлигини кўрамыз.

ХУЛОСА

Жалолоиддин Мангубердиннинг ҳаёти ва саркардалик фаолияти Ануштагинлар-Хоразмшоҳлар салтанати тарихининг ниҳояси саналади, зеро, ундан сўнг мўғуллар истилоси даври бошланган.

Хоразм давлатининг XIII аср бошларидаги сиёсий, иқтисодий, маданий ва халқаро маъқеи тарихини олиб қарайдиган бўлсак, унинг ўз даврида улкан давлат эканини назарга олсак, бу тарихнинг бутун Ўрта Шарқ тарихи билан узвий боғлиқлиги намойён бўлади. Хусусан, Чингизхон бошчилигидаги мўғул лашкари Мовароуннаҳрни, шу жумладан, Хоразмни босиб олгач, жангу жадаллар ҳозирги Афғонистон ва Эрон ҳудудларида давом этди, ана шу кураш марказини Жалолоиддин Мангубердиннинг ҳарбий ҳаракатлари ташкил этади. Демак, Мангуберди кураш тарихи, ўз навбатида, нафақат Ўзбекистон, балки Ўрта Шарқ мамлакатларининг ҳам XIII аср 20 – 30-йилларидаги тарихини ўз ичига олади. Жалолоиддин ўн йилдан ортиқ вақт давомида Ироқ ва Кичик Осиё мамлакатларини бамисоли метин девордек мўғул босқинидан тўсиб турди. Шу боисдан, унинг кураши тарихий асарларда қаҳрамонлик қиссаси ва халқ оғзида енгилмас саркарда ҳақидаги дoston тарзида васф этилган.

Жалолоиддин Мангубердиннинг кечмишларидаги ўрганишда ёзма меросда акс этган маълумотлар бош манба ҳисобланади. Жумладан, Шихобуддин Мухаммад ан-Насавийнинг “Сийрат ас-султон Жалолоиддин Мангубурни” асарининг матни ва рус тилига таржимаси тўла илмий изохлар билан чоп этилганлиги бунга яққол мисол бўла олади.

Бирок, мазкур йўналиш бўйича ёзма манбалар ҳали анчагина ва улар келажакда янги тадқиқотлар учун мавзудир.

Энг муҳим жиҳати, Жалолоиддин Мангубердиннинг саркардалик фаолиятини, унинг ватан мустақиллиги йўлида фидойиларча курашини тарихийлик нуқтаи назаридан тўғри баҳолаш учун ҳозир Ўзбекистонда кенг имконият вужудга келди.

Хоразмшоҳ Жалолоиддин Мангубердиннинг ҳаёти Ўзбекистон тарихининг узвий қисми саналади, чунки у шу замин, шу юрт фарзанди. Унинг қаҳрамонлик қиссаси ҳозирги вақтда ватанни ардоқлаш, мустақилликнинг қадрига етиш нақадар муҳим эканлигини ифода этади. Ниҳоят, яна шуни ҳам таъкидлаш жоизки, Жалолоиддин Мангубердиннинг кечинмалари юртимиз тарихида истиқлол учун ҳаётини бахшида этган қаҳрамонларимиз тарихининг бир лавҳаси ва бунга ўхшаш буюк сиймолар фаолиятини ёзма манбалар асосида ўрганиб бориш келажакда қилиниши лозим бўлган муҳим вазифалар жумласидандир.

МУНДАРИЖА

<i>Ислом Каримов. Халқимизнинг миллий қаҳрамони . . .</i>	4
Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг “Жалололдин Мангуберди таваллудининг 800 йиллигини нишонлаш тўғрисида” Қароридан	10
Муқаддима	14
Жалололдин Мангуберди яшаган давр	
Хоразмшоҳлар давлатида сиёсий ва маданий ҳаёт . . .	16
Хоразмшоҳлар давлати XIII аср бошларида	22
Жалололдин Мангуберди — миллий қаҳрамон	
Ўт ва сув орасида	26
Ануштагинлар-хоразмшоҳлар фаолияти тарихнавислар нигоҳида	
Ануштагинлар-хоразмшоҳлар тарихига оид ёзма ман- балар	30
Манбалардан лавҳалар	38
Хоразм меъморлиги	
Хоразмшоҳлар даври Ўрта Осиё меъморлиги	54
Хоразм меъморлик мактаби мероси Хива архитектура- сида	63
Хулоса	65
Зарварақ	175

***JALOLIDDIN
MANGUBERDI***

INTRODUCTION

The development of society is a complex and peculiar process and each historical period reflects events and characteristics of the life of that respective society. The history of the people of Uzbekistan is also an inseparable part of the history of mankind. Therefore the consideration of the historical events of each different historical period is important not only for this part of the world, but for the whole of world history. In the end, it is important to study thoroughly the history of Uzbekistan, for political strengthening of this independent state, and for further cultural and economical development.

Currently the conditions have been created for a comprehensive and an objective evaluation of history. Today the historical images of our great ancestors who have fallen unjustly into obscurity are being revived and their past experience and deeds are being depicted in world history.

The worldwide celebration of the anniversaries of such historical personalities as Bakhouddin Naqshband, Mirzo Ulugbek, Amir Temur, Imam al-Bukhariy, Akhmad al-Fargoniy is proof of the great attention to the history of the people of Uzbekistan and restoration of historical values.

Uzbekistan had a deep, ancient history. It is well known that in history from time to time different significant unions of states, and strategic powers were established. Some historical personalities like Jaloliddin Manguberdi played a very important role in there creation; his gifted leadership in the military field, complete devotion to his Motherland and aspiration for independence have brought him the love and respect of his countrymen.

The Resolution for the celebration of the 800th anniversary of the great warrior Jaloliddin Manguberdi, in 1999, adopted by the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan (dated September 24, 1998) is proof of the great attention paid to the history of this country. In the celebration, special attention will be given to the personality of Jaloliddin Manguberdi and his selfless struggle for the independence of his Motherland, his talent as an experienced military leader, personal bravery and devotion to his country. The heroic struggle of Sultan Manguberdi against the Mongolian expansion is widely depicted in the historical works of his time. Among them "Al-Komil fi-t-Tarikh" by Ibn a-Amir, "Siyrat-as-Sultan Jaloliddin Manguberdi" by Shikhabuddin Mukhammad an-Nasaviy, "Tarikhi Jakhongushoi" by Alouddin Atomalik Juveiniy, "Jome at-Tavarikh" by Rashidadun Fazlullakh and others.

Jaloliddin Manguberdi's activity as an army leader reflects a bright page in the history of the country of Uzbekistan. He is one of the outstanding personalities in the dynasty of Anushtaghinid-Khorezmshahs, who ruled a mighty and developed region during that time, from political, economic and cultural viewpoints.

The historical peculiarities of that period are clarified in written sources. Evaluating Jaloliddin Manguberdi's activity one has to take into account the

distinctive features of his time and has to study the historical chronicles for a comparative analysis. In other words, in order to come to a trustworthy conclusion the basis of the original sources should be confirmed. In reliable historical essays Jaloliddin Manguberdi is represented as brave, courageous man and his military skills were superior to that of his enemy's. He was not afraid of difficulties and won the confidence and respect of his contemporaries. His enemies also honoured his bravery, heroism and fortitude because he was an untiring fighter for freedom and the independence of his country. These qualities of him can be a good example for our youth today. The broad explanation of the heroic history of his struggle will be important in the patriotic upbringing of the present generation.

THE EPOCH OF JALOLIDDIN MANGUBERDI

POLITICAL AND CULTURAL LIFE IN THE KHOREZMSHAH STATE

Khorezm is one of the most ancient parts of Uzbekistan, as shown not only by the archaeological record but also in the written records of the region. The geographical location of Khorezm contributed to the development of irrigation and agriculture, urban life, statecraft and the development of science and culture. This region is located on both banks of the lower reaches of Amu-Darya and stretches up to the Aral Sea. On the West it borders the Caspian Sea and on the South it borders Khurasan. It is well-known that Khorezm was ruled by the Khorezmshahs. In the Middle Ages four generations of the Khorezmshahs reigned the country: Afrighids (305-995), Mahmoonids (995-1017), Oltintosh (1017-1034) and Anushtaghinids (1097-1231).

In order to better understand the history of this ancient land it is important to examine the period of the Mahmoonid Dynasty. The tenth through the twelfth centuries were a special period in the history of Central Asia. This was a period of complicated political processes, and Khorezm was an inseparable part of the great changes that took place.

Up to the second half of the tenth century Khorezm consisted of two political-administrative units: Southern Khorezm, with the city of Kot as its capital, and Northern Khorezm, with Gurghanj as its capital. Southern Khorezm was ruled by the Khorezmshah and the Northern Khorezm by an Emir. At the end of the tenth century Mahmoon ibn Mukhammad, who was the Emir of Northern Khorezm, consolidated the country and announced himself Khorezmshah. The capital of the united country was Gurghanj. During the reigns of the Mahmoonids (Mahmoon) ibn Mukhammad (995-997), Ali ibn Mahmoon (997-1009), Mahmoon ibn Mahmoon (1009-1017) the country's political, economic, cultural and scientific status was considerably strengthened. Well-known scientist Abu Raikhan Beruniy lived and worked in the Mahmoonid period. The history of Khorezm after 1017 is connected with the changes that took place in Central Asia; a brief history of these changes will be considered below.

THE GAZNAVIDS

In the Samanid state that came into being in Central Asia (875-999) some wealthy feudal rulers had more power than others. One such ruler was Aliteghin, a Turkic military leader in the Samanid army and the ruler of the Gazna estate. He had much property in Khurasan and Maverannakhr. In 962 he founded the state of the Gaznevids. Sabuktighin (977-997), one of Aliteghin's slaves noted for his intelligence and faithfulness to the ruler, married Aliteghin's daughter and, after his father-in-law's death, became the Emir of Gazna.

In the tenth century the Karakhanids conquered Maverannakhr and the

Samanid state ceased to exist. Sabukteghin sent his army to fight the Karakhanids and, as a result, an agreement was signed between the sides according to which the lands that stretched to the south of the Amu-Darya would belong to Sabukteghin. Under Sabukteghin and his elder son Makhmud Gaznaviy (998-1030) the Gaznavid state became powerful.

In 999 Makhmud Gaznaviy conquered all the lands in Khurasan territory and declared himself Sultan. He won a battle with Karakhanids and the southern part of the Maverannakhr became part of his state. Later he marched to the south and conquered the Panjab, Kashmir and Northern India. Taking advantage of intensifying internal conflicts he conquered Khorezm in 1017 and Oltintosh the former ruler of this country was appointed Khorezmshah and served as Makhmud Gaznaviy's representative. Makhmud Gaznaviy not only robbed Khorezm of its wealth but also took all its scientists to his capital, Gazna. The most famous of them was Abu Raikhan Beruniy. Khorezm was ruled by the Gaznavids seventeen years.

After the death of Makhmud Gaznaviy (1030) the country weakened and its territory became smaller. The Saljukids replaced Oltintosh. Then in 1040 there was a decisive war not far from Marv between the Gaznavids and Saljukids which was won by the Saljukids. But Gazna and the Gaznavid state survived in Northern India until 1186.

THE KARAKHANIDS

The Karakhanid feudal state was founded in the territory between the Eastern Turkistan and Yettisuv by Turkic tribes including the Korlics, Chighils, Yagmos and others. These tribes became Muslims in the middle of the tenth century. The founder of this state was Abdulkazim Sotuk Bughrokhon (Korakhon) who was from the Yagmo tribe. The Karakhanid state had several capitals: Kashgar, Balasogun and Uzgand. From time to time the Karakhanids attacked Maverannakhr and in 992 they occupied Bukhara, the capital of the Samanid State. But in the same year Abdulkarim Sotuk Bughrokhon died and the Karakhanids had to leave Bukhara. Then in 999 the Karakhanids returned to this country, and, because of inner conflicts, the Samanids could not withstand the attack of the strong army of the Karakhanids. The Karakhanids divided Maverannakhr into small estates which were ruled by Ilkchans who had close relationships with the Karakhanid dynasty. Samarkand became the dynastic capital. Later, the Ilkchans began fighting among themselves for supremacy which gradually weakened the country. For many years there was no serious confrontation between the Karakhanids and the Gaznavids. Only in the beginning of the eleventh century did the Karakhanids attack Khurasan, but they were defeated by Makhmud Gaznaviy on two occasions.

It was during this period that the economy, science, culture, applied art, trade and craftsmanship flourished in the territory of Eastern Turkistan and Maverannakhr. Such cities as Tashkent, Samarkand, Uzgand, Kashgar, Balasogun, Bukhara, Urgench flourished during this period. Many mosques and madrassahs were built, and many essays and books on the different fields of science were written, including *Zail ul- Akbor* by Gardiziy, *Tarikhi Baikhaqiy* by Baikhaqiy, *Tarikhi Mulki Turkiston* by Majididdin Admol, *Tarikhi Bukhoro* by Mukhammad Narshakhiy, *Siyosatnoma* by Nizomulmulk, *Qutadgu Bilik* by Yusuf khos Khojib, *Muqaddimat ul- Adab*, and Makhmud Kashgariy's linguistic works *Devoni Lughatit Turk* and *Oghuznoma*.

In 995 the Emir of Gurganj, Al-Mahmoon, conquered the city of Kot and united Khorezm. The right bank of the river of Amu-Darya was part of Khorezm until Makhmud Gaznaviy conquered it. Much of Khorezm was under the control of the Karakhanids and Karakhitays until the beginning of the thirteenth century when Mukhammad Khorezmshah came to the throne.

During the reign of Sultan Sanjar (1118-1157), Maverannakhr belonged to the Saljukids and this remained so until it was conquered by the Karakhanids in the twelfth century. In 1212, after Mukhammad Khorezmshah's attack on Maverannakhr the Karakhanid dynasty came to an end.

THE SALJUKIDS

It is well-known that beginning from the ninth century the Turkic tribe Oghuz, under various political and ethnic pressures, moved to the west. In the middle of the tenth century they succeeded in founding the Oghuz state in the lower reaches of Sir-Darya, with a capital at Yanghikent. But this state didn't last long. Due to inner tensions among rulers and to the qipchak invasion it was destroyed in the same century. Saljuk became leader of a portion of the Oghuz tribe. During the political instability he led these Oghuz into Maverannakhr, to present Nurota region, and this group of Oghuz began to be called *Saljukids*. In the 1030s this group left Nurota for Khurasan and in 1038, led by Toghrulbek son of Saljuk, conquered Nishapur and founded the Saljukid state. In 1040 they fought against the Gaznavids led by Mas'ud Gaznaviy between Marv and Sarakhs and won the battle, and by 1044 had conquered Khurasan. Marv was chosen to be the capital of the Saljukid state.

In 1043 they conquered Khorezm; next they conquered Western Iran (1040-1051); in 1054, Azerbaijan fell; and in 1055, Iran. In a campaign lasting from 1063-1072 they conquered Asia Minor. At the end of the eleventh century the relationship between the Karakhanids and the Saljukids, who were coexisting in Maverannakhr, became strained. Events from 1089-1130 led to the Karakhanids becoming fully subordinated to the Saljukids by the reign of Sultan Sanjars.

As was mentioned, in 1043 Khorezm was conquered by the Saljukids, leading to the founding of the Anushtaghinids-Khorezmshah dynasty (1097-1231). Qutbiddin Mukhammad (1097-1127), Alouddin Otsiz (1127-1156), El-Arslan (1156-1172), Sultonshoh Makhmud (1172-1193), Alouddin Tekish (1193-1200), and Mukhammad Khorezmshah (1200-1221) were the rulers of this dynasty.

The actual founder of this dynasty was Anushtaghin Saljukiy from the Oghuz tribe. When he died in 1097 his son Qutbiddin Mukhammad was acknowledged as his successor and given the title of Khorezmshah. He reigned for thirty years, during which time Khorezm grew quite strong.

Thus in the eleventh and twelfth centuries the Saljukid state consisted of Khurasan, Maverannakhr and Khorezm. Later Anushtaghinid-Khorezmshah Alouddin Otsiz (1127-1156) attempted to establish independence and fought for many years against Sultan Sanjar (1118-1157), who claimed authority in the region. Initially Khorezmshah Otsiz had served Sultan Sanjar faithfully, but in 1138 he occupied Manghishlak and the city of Jand in the lower reaches of the Sir-Darya. When Sultan Sanjar challenged the upstart, Otsiz had to apologise for what he had done, not being sure that his army was strong enough to fight the Sultan. The peaceful coexistence did not last long, however. In 1139 Otsiz occupied Bukhara. But this time Sultan Sanjar didn't undertake any action against him because he was fighting against the Karakhitays who were attacking

Maverannakhr from the West. In 1141 Sultan Sanjar was defeated in the war with the Karakhitays near Samarkand and Maverannakhr was fully occupied by the Karakhitays. This precipitated the decline of the Saljukids. Trying to take advantage of the situation, Khorezmshah Otsiz conquered Marv--the capital of the Saljukid state--and took many of its scholars to Khorezm. In 1143, Sultan Sanjar responded by surrounding Gurghanj, a city in Khorezm. Khorezmshah Otsiz sued for peace, and again the region enjoyed a period of stability. Khorezmshah Otsiz died in 1156 and Sultan Sanjar died in 1157. With the death of Sultan Sanjar the Saljukid state in Khurasan came to an end.

THE KARAKHITAYS

According to scholars, the Karakhitays were a Turkic people, a mixture of Tungus and Moguls. In the beginning of the twelfth century they moved into the Issik-Kul area and conquered Balasoghun, the capital of the Karakhanid state, and it became the main city of the Karakhitays. From there they launched attacks on Maverannakhr. In 1138 they won the battle with the Karakhanids near Khojand and in 1141 they defeated Sultan Sanjar's army near Samarkand. Thus Maverannakhr ceased to be a Karakhanid state, though nominally they were still ruling the country from their capital in Samarkand. The Karakhitays didn't stay in Maverannakhr; they left their representatives and received annual assessments. Sultan Sanjar's defeat hastened the fall of the Saljukid state, which was complete by his death in 1157. After the collapse of Maverannakhr, Khorezmshah Alouddin Otsiz agreed to pay yearly duties to the Karakhitays. As a compensation the Karakhitays agreed to give Bukhara to the Khorezmshah. Otsiz didn't limit himself with this addition; in 1152 he conquered Jand and the territory of lower reaches of Sir-Darya that belonged to the Karakhitays. Thus the boundary of Khorezm stretched further to the north during the reign of Otsiz and Khorezm became a relatively powerful and independent country.

After Alouddin Otsiz's death (1156), his son El-Arslan kept fighting against the Karakhitays and in a crucial battle in Samarkand he defeated them. But in 1171 the Karakhitays came back to Khorezm defeated the army of El-Arslan and El-Arslan died in the next year.

After the death of El-Arslan, his sons Alouddin Tekish and Sultonshoh Makhmud took turns seeking help from the Karakhitays in their internecine struggle for power. This situation provided an opportunity for the Karakhitays to extend their control over the country. When El-Arslan died his son Sultonshoh Makhmud took the power and his mother Turkon-khotun helped him to rule the country. At this time El-Arslan's son Alouddin Tekish was the governor of the city of Jand. He didn't want to be subordinate and since he was an elder son he thought that he ought to be Khorezmshah. Turkon-khotun decided to send army to fight against him, and Alouddin Tekish asked the Karakhitays to support him promising yearly assessments in return. With Karakhitay aid, Alouddin Tekish conquered Khorezm (1172), and his brother retreated to Khurasan. Once he had achieved power, Alouddin Tekish began to look for the ways to rid himself of Karakhitay control, because the Karakhitays were asking for more tax and increasing their violence and cruelty in collecting it. Alouddin Tekish lost patience in 1179 and ordered that all the Karakhitays in the country be killed. Now was the opportune time for Sultonshah to ask for and receive the support of the Karakhitays. But this time the Karakhitay army that came to support Sultonshah couldn't subjugate Khorezm; Sultonshah had to limit

himself with conquering Marv and Sarakhs (1180). The struggle for the power lasted thirteen years, until the death of Sultonshah Mahmud, after which Alouddin Tekish became the undisputed ruler of Khorezm. Beginning from 1180 Alouddin Tekish did his best to strengthen the northern borders of Khorezm. He paid special attention to the fortification of Marv and developed its trade as well. He waged a relentless struggle against the Karakhitays, attacking their positions on numerous occasions.

After Tekish's death his son Qutbiddin Mukhammad (1200-1221) came to the throne. Qutbiddin Mukhammad made an attempt to widen the boundaries of his state. With this aim he tried to invade Khurasan but was defeated. Thereafter he did everything possible to strengthen the country and army. The authorities of Maverannakhr came to Mukhammad seeking support from him to get free of the Karakhitay's yoke. Qutbiddin Mukhammad declared war against this enemy and occupied Samarkand and Bukhara (1207). Though the Karakhitays were weakened in this war they maintained a strong presence in Maverannakhr. In 1210 Khorezmshah Mukhammad made a second attempt to drive them out and won a decisive battle. In 1212 he defeated the Karakhanids in Maverannakhr and extended the boundary of his state to Kashgar. During this time, the eastern part of the Karakhitay state was occupied by Kuchluk.

In the period of Mukhammad Khorezmshah's reign Khorezm became a powerful state; its boundaries reached the northern coasts of the Caspian sea, the Persian Gulf to the west--it stretched from the Caucasus to the Hindu-Kush. Gurghanj (present-day Urgench), the capital of the country, became a real political, economical and cultural centre, and Sufism underwent notable development there. Sufism developed early in Khurasan and its capital city--Marv--which was the centre of enlightenment. Sufism developed under outstanding figures like Abdullo Avsoniy (1006-1089), Akhmed Jom (died in 1141) and Yusuf Khamadoniy became well-known beyond Khurasan. New trends appeared within Sufism, such as *mukhosibiya*, *qassoriya*, *khafifiya*, *taifuriya*, *junaidiya*, *nuriya*, *sakhllya*, *khakimiya*, *kharroziya*, and *sayyoriya*. Yusuf Khamadoniy's school of Sufism gave birth to such famous doctrines as *yassaviya* and *Khojagon-naqshbandiya*. Khorezmshahs had respect for scholars who made their contribution to the development of religion. The rulers consulted *sayids*, *ulamos*, *mashoyikhs* in solving different political and civil problems. Thus in the Khorezmshahs' states there were favourable conditions for the development of the Sufism. One notable Sufi who was born in Khorezm was Najmiddin Kubro. Kubro spent many years in Arabic countries, then came back to Khorezm and lived to the end of his life in the capital, Gurghanj, during the reign of Mukhammad Khorezmshah. Najmiddin Kubro and his followers founded a new *tariqat* (way of spiritual improvement/perfection).

In the cities which were located in the territory of the Khorezmshah--Bukhara, Marv, Samarkand, Niso, Isfakhan, Akhsikat, Jand, Jurjon, Khojand, Marghilon, Khivot--science, enlightenment, spirituality were highly developed. Good cultural relations existed with Persia, Azerbaijan and Iraq. It was the period when such outstanding scholars and teachers as Rashiddin Votvot, Ismail Isfakhaniy, Tokhir Farobiy, Abdulfaiz Akhsikatiy, Saifutdin Bukhoriy, Abdulmajid Jandiy, Ali Khijoziy, Ismoil Jurjontiy, Al Khorazmiy, Najib Bakron, Makhmud al-Chaghminiyy, Mukhammad Akhsikotiy, Abdullokh ar-Roziy, Makhmud Samarqandiy, Mas'ud Khojandiy, Makhmud Zamakhshariy, Abdulkarim as-Sam'oniyy and others lived and worked.

But the invasion of the country in 1219 by a Mongol army led by Chinghiz-

khan turned the flourishing country into ruins. The reason that Khorezmshah Mukhammad lost this historic battle was the fact that the military art of Khorezmians lagged behind that of the Mongolians. Thus, Mukhammad Khorezmshah divided his army into small groups and located them in the cities--which was wrong from the tactical point of view. His son, Jaloliddin, was against this strategy; according to him, the army should be in one place and fight the enemy face to face. Chinghizkhan conquered the cities of Khorezm located in the lower reaches of the Sir-Darya, in spring of 1220 he invaded Bukhara, and in summer of 1221 he conquered Samarkand. From Samarkand Chinghizkhan sent his army to Khorezm led by his three sons: Jochi, Chighatai and Ughedei. Mukhammad Khorezmshah abandoned the throne, left the country and ran away. Chinghizkhan sent three groups led by Jebe poyon, Subedei bakhodir and Tukuchar bakhodir to trace and kill him. The Khorezmshah ran to the West, came to Baghdad then moved to the southern coasts of the Caspian Sea. He spent the last years of his life on a small island in the Caspian Sea. Before his death he declared his son Sultan Jaloliddin as his successor. Years later, his son Sultan Jaloliddin reburied his father's remains in the Ardakhan temple not far from Teheran.

JALOLIDDIN MANGUBERDI AS A NATIONAL HERO

THE EMPIRE OF THE KHOREZMSHAHS AT THE BEGINNING OF THE THIRTEENTH CENTURY

MONGOL OCCUPATION

The Khorezmshahs' state, which was created under the Saljukids at the end of eleventh and beginning of the twelfth centuries, was not only an independent state owing to the political skill of the dynasty's founder Anushtaghin Saljukiy, Alouddin Otsiz, (1127-1156), Abdulfath El-Arslon (1156-1172), Alouddin Tekish and the dynasty's other rulers, but it aspired to be a powerful empire. Tekesh, who took the name Sultan Ibn Khorezmshah, was revered from the boundary of the Baghdad Caliphate in the west to the banks of the Sir-Darya in the east. The dynasty had powerful troops and was ready to respond to any unforeseen circumstance, the governmental structure was highly organised and the foreign economic policy of the country was growing by the help of internal and external trade. But, at the same time Khorezm was still paying taxes to Karakhitays. Moreover, the Khorezmshahs were not uniformly strong over all the territories which had been conquered by them. The Guryan state (which included some part of the present Afghanistan and India) was growing in strength in the south.

76

In this situation of hopefulness and at the same time unrest Mukhammad, son of Tekish, came to the throne on the third of August, 1200. The new Khorezmshahs had taken the first step in a foreign policy centred on taking back their properties in Khurasan. After the death of Tekish (July 3, 1200) and the related invasion, the Guriys took back a large part of Khurasan from the Khorezmshahs. Sultan had to ask for the help from the Karakhitays in the fight against Guriys. Shakhobiddin Guriy troops sustained a defeat in the autumn in 1204. Then, eighteen months later, Shakhobiddin Guriy, who was going to battle in Maverannakhr, was murdered. As a result, the Guriy State, which was the strongest rival of the Khorezmshahs in the Muslim world, had collapsed. Sultan Alouddin now had a good chance to occupy the new territories and to broaden his state. He did not wait long to take advantage of the opportunity; in 1206 Gerat, Balkh, Termez, Talikan, Andkhud, Isfizor, Sijistan, Mozandaran (Tabaristan) and other cities and regions were conquered by the Khorezmshah.

Perhaps because of the growing power of the Khorezmshahs or because of the increasingly oppressive yoke of Karakhitays, Usman Ibn Ibrakhim, a vassal of Karakhitays who was ruling over Samarkand, sent a letter to Sultan Alouddin in 1207 asking him to free them from Karakhitay occupation. Local dynasties in Maverannakhr were also weary of paying taxes to the Karakhitays. The heads of Bukhara approached the Khorezmshah for help in suppressing a revolt. Sultan Alouddin responded to this request and sent his troops to Maverannakhr. Bukhara was subjugated and Sultan Usman became a vassal of the Khorezmshahs.

It was inevitable that at some time the Khorezmshah would fight against the Karakhitays, who still claimed sovereignty over Khorezm. But after subjugating Maverannakhr, Khorezmshah was defeated in his first battle with Gurkhan, the ruler of the Karakhitays and was taken prisoner for a time. The second decisive battle took place in early autumn of 1210 in the Ilamish desert, on the northern border of the Andijan Region. This time the Khorezmshahs won a victory, defeating troops under the command of Taraz, and capturing Tayangu and many Karakhitay soldiers. News of that victory spread over all Islamic world and caused a stir. Alouddin began to call himself "Iskandary Sony" (the Second Iskandar) and "Sultan Sanjar" after the last representative of the Saljukids who ruled forty years (1117-1157). His palace ceremonies were held with appropriate pomp.

Now, the Khorezmshah turned his attention to the southern and western regions. Within short period of time Iran, Azerbaijan and other regions came under the rule of the Khorezmshah. By the time 1217, the Khorezmshah empire encompassed the territory from the Aral Sea to the gulf in the south and from Iraq in the west to India in the east. Moreover, fifty thousand soldiers had been sent to Georgia and a campaign was planned into Anatoly, Syria and Egypt. But because of internal conflict and the resistance of An Nasir this campaign was not completed.

The deterioration of relations with the Baghdad Caliphate dated from the period of Sultan Tekish, who tried to take the temporal power from Abbassids without results. Sultan Alouddin decided to attempt this defiance, which was successfully done only by the Buraynians (935-1055) and Saljukids. Relations deteriorated and, finally, in 1217, the Khorezmshah started his campaign against Baghdad with 40,000 troops. But to Caliph's good fortune, when the Khorezm troops reached the Asadabad pass between Khamadan and Baghdad, there was a snowstorm, and many soldiers died in the snow. The Khorezmshah had no choice but to return back. Naturally this trouble was interpreted by contemporaries as "God's anger and punishment."

The Khorezmshah also dreamed of conquering China. According to the information given by Juvayniy on the basis of witnesses' stories, the idea of a campaign to China was so firmly embedded in Sultan Alouddin's mind that his courtiers could not dissuade him. The Khorezmshah had got his information about China through traders. As soon as he heard of the occupation of China by Chinghizkhan he sent a group of messengers headed by Bahruddin Roziy to investigate the real situation in China. The messengers arrived in Peking in summer of 1215. Chinghizkhan welcomed them with respect, and when he saw them off, he expressed his wish to set up peaceful and friendly relations with the Khorezmshah and to link their states through trade. Chinghizkhan subsequently sent envoys to Khorezm on two occasions. The first group of messengers, which consisted of Makhmud Khorezmiy, Ali Khojiy Bukhariy and Yusup Kanko Utroriy were received by the Khorezmshah. They brought gifts and a message from Chinghizkhan. Chinghizkhan again suggested friendly trade relations and at the same time he reported his subjugation of China. According to scholars this amounted to treating Sultan Alouddin as a vassal. Nasaviy reports that the Sultan called Makhmud Khorazmiy to himself at night and asked him to be his spy in the court of Chinghizkhan, promising him a premium for his work. Makhmud agreed, and the Sultan asked him whether it was true that Chinghizkhan had subjugated China. Khorazmiy confirmed the conquest, and the Khorezmshah said: "You know

of my state and its vast territory, and the number of my troops. Who is that man that addresses me as his son? How many troops has he got? Makhmud, who was afraid of the Sultan's anger, reported that Chingizkhan's troops made his pale "as a smoke at the night's darkness." Then the Sultan sent back the ambassadors with a positive answer.

Chinghizkhan sent his mission to Khorezm for the second time in 1218. These envoys accompanied a large trade caravan. When the caravan reached the city of Utrar, which was located on border in the central part of Sir-Darya, the head of the city, one Inolchik Ghoyirkhon, an uncle of Sultan Alouddin, accused the envoys of spying, arrested them and killed them. Only one man, a camel-driver, remained alive. Chinghizkhan was informed about the tragedy.

During the period of these exchanges of envoys, occasional fighting took place between the Khorezmshahs and the Mongols. Sultan Alouddin having heard that the Merket tribe was being pursued by the Mongols in the Qipchak region, left Samarkand with sixty thousand troops and crossed the Irgiz river. When he reached the place in the Torgay desert (in present-day Kazakhstan) where the battle had taken place, the Merkets had been completely decimated. One injured soldier reported that the Mongols had recently left the battle field; the Khorezmshah pursued them, reaching them the next day. The elder son of Chinghizkhan, Jochi, tried not to fight with Khorezmshah, for his father had prohibited him from doing so. But the Khorezmshah declared: "Since Chinghizkhan won't order you to fight with me, Allah has inspired me to fight with you," and he started the battle. At the end of the day, the right flank of each army had defeated the enemy's left flank. The young Jaloliddin Manguberdi was leader of the Khorezmshah's left flank. He was in a position to win a victory for his father, who lay in ambush. But at night the Mongols left their campfires and went home. Even after this battle, Chinghizkhan didn't decide to fight at once, but first sent an envoy to his commander and summoned him home. But the Khorezmshah killed an envoy, Ibn Kafraj, and to cut the beard of two Mongols who accompanied him.

Realizing that war was imminent, Sultan Mukhammad held a meeting of his Military Council. During the exchange of opinions in the meeting, one of the famous statesmen of the Khorezm state, Shobiddin Khivake, offered to concentrate all the troops near the Sir-Darya and start the fight against the enemy. Jaloliddin Manguberdi offered to draw the Mongols into enter the territory of Maverannakhr and to annihilate the enemy there. But the Khorezmshah decided to divide his troops among the region's cities and charged each city to defend itself. According to Juvayniy, Jaloliddin asked for troops, but his father the Sultan didn't yield to him.

In early autumn of 1219, the Mongols appeared near the gates of Utrar. Chinghizkhan had divided his troops into four parts. His sons Chigatoi and Uktoi were directed to set ambushes in the Utrar region, and Jochi, the other son of Chinghizkhan, had been ordered to subjugate the cities in the lower Sir-Darya region. The fourth part of the army had been sent to siege of a fortress. Chinghizkhan and his youngest son took the main part of the army and marched on Maverannakhr.

Owing to the poor strategy of the Khorezmshah, his troops had not been distributed properly and his cities been left uncoordinated. Though the defenders resisted courageously, the Mongols had subjugated all of Maverannakhr by 1220.

As soon as Samarkand was taken, Chinghizkhan sent his generals with

20,000 men to pursue the Sultan. They pursued him through Khurasan and Iran, to one of the islands of the Caspian Sea. The Khorezmshah had lost everything, had taken ill, and had learned of his mother's imprisonment by the Mongols. He announced that his son Jololiddin would be his successor. According to Nasaviy, the Sultan, under compulsion of his wife, had earlier appointed his younger son, Qutbiddin, as a successor, ignoring both his eldest son Jaloliddin and a second son, Rukniddin Gursanchy. It is well known that the woman Turkon, acted as a second ruler and often dictated the affairs of the empire and tried to have an influence on her son. She hated Jaloliddin and his mother Aychechak and she supported Uzlakshakh, who was born to a wife related to her, as successor. So, before his death, Khorezmshah called his sons Manguberdi, Akshakh and Uzlakshah and decreed: "The empire had been broken and the state has collapsed. We know the purpose of the enemy; he has armed to the teeth and he is trying to subjugate the country. It is my son Manguberdi, who can take vengeance on the enemy. That's why I want to put him on the throne. You should listen to him and follow after him."

Sultan Alouddin Mukhammad died in December 1220 and the three brothers started for Urgench. Urgench was surrounded and was under siege. There was a concentration of 90,000 soldiers commanded by Uzlaksultan's uncle, Buchi Pahklavon, Kuchay Tegin, Ogul Khojib and the hero of the Khojand blockade, Temur Malik. Jaloliddin, in the company of his brothers and seventy soldiers, entered the city and they were greeted by people. Jaloliddin gave the Khorezmshah's message; however, the supporters of Turkon Khotun refused to listen to him and put Khumor Tegin, the brother of Turkon Khotun, on the throne and attempted to take Jaloliddin's life. Ogul Khojib had been informed of the attempt to kill Jaloliddin and warned him. Jaloliddin had left Urgench in accompany of Temur Malik and 300 soldiers and fled to Gazna.

When he was informed of Jaloliddin's return to Urgench, Chinghizkhan sent troops to take control of the southern border of the desert between Khorezm and Khurasan. These soldiers sought Jaloliddin and his brothers, who had been driven out from Khorezm. The troops of Chinghizkhan surrounded the territory from Marv to Shahkristan near Naso. Jaloliddin and his loyal friends came out of the desert near Naso. There the Mongols detachment of 700 soldiers was waiting for them. A battle ensued during which the Mongols sustained a defeat. Jaloliddin used horses that had been taken in the battle to flee to Nishapur. At Nishapur, Jololiddin tried to gather an army, but the Mongols pursued him. In February 1221, Jaloliddin set out for Gazna. Amin Malik, the uncle of Sultan Alouddin, joined Jaloliddin with 10,000 soldiers. According to Nasaviy, they stopped along the way to defeat the army besieging Kandakhar, and arrived in Gazna in 1221. There he was joined by the Khalajz commander Sayfiddin Agrak, the governor of Balkh, Azaam Malik, Afghan leader Muzaffar Malik, and an army of Karluks--30,000 troops in all. Gulyan emirs also joined them, and Jaloliddin strengthened his alliance with Amin Malik by marrying his daughter. Thus Jaloliddin had reached his goal of amassing the military capacity to challenge the enemy. He led his soldiers out of Gazna in the direction of Parvon. He had seen during his retreat that the Mongols were besieging the Voliyan fortress, and now he launched an attack on them. The Mongols were defeated and retreated to the other side of the Panj river. They destroyed the bridge and Jaloliddin had to turn back from pursuing them.

Chinghizkhan sent against Jaloliddin troops numbering 45,000, headed by one of his famous commanders, Shiga Khutukly. The two armies faced each other

in Parvon. The battle lasted two days concluded with the destruction of the Mongol force. The details of the military methods and strategies of Jaloliddin and the Mongols were memorably presented by Juvayniy. According to one historian, on the first night, Shiga Khutukly ordered his soldiers to make piles of leather carpet to appear like men. In the morning, the soldiers of Jaloliddin thought the number of Mongols had been increased by reinforcements. But Jololiddin encouraged them and managed to revive their martial spirit. The Sultan then used his own stratagem: his soldiers got down from their horses and unbuckled their swords. When Mongols began to leave the field, on the order of Sultan, his army started to attack. Mongols began running. The Sultan's men caught up with them as lions after rabbits in the field and dealt the Mongols a defeat. Plano Karshiny, an Italian traveller in Mongolia at the time who had carefully observed the life, the traditions and the military arts of the Mongols, wrote about the trick of the Mongols: "Sometime they make the men's figures and put them on horses. They do it in order to give the appearance that the number of soldiers fighting has increased." The second ruse, retreating and then suddenly turning back and starting to attack, was very popular among the nomads of Central Asia and determined the results of many wars. Jololiddin's successful resulted in an inspiring victory, after which the people in some cities rose in rebellion and killed the representatives of the Mongols.

At last, realizing that Jaloliddin was a very serious and dangerous power, Chinghizkhan collected all his troops and started in the direction of Gazna. But at this time, Jaloliddin suffered a tragic and fatal setback. The incident was unimportant in itself, but determined the future of nations. The problem arose during the distribution of the booty that was taken from the enemy. Amin Malik struck Sayfiddin Igrak with a sabre. Igrak and Azam Malik and Muzaffar Malik took their soldiers and left the army. The efforts of Jaloliddin to call them back were unsuccessful.

Jaloliddin discovered that Mongol soldiers under the command of Chinghizkhan were closing in on him and he left Gazna in order to recruit additional forces with which to continue the war. While he was preparing ships on the banks of the Sind River, the forces of Chinghizkhan attacked from the rear. Thus, on November 24, 1221, an historic battle was joined. Juvayniy the historian described the event as follows:

"At dawn's first light, Sultan Jaloliddin was caught between water and fire; he was in a critical situation. The Sind river was on one side and on the other side was a strong force of soldiers. In spite of that, the Sultan was not in a panic; on the contrary, he demonstrated courage and good preparation. He determined to fight. The soldiers of Chinghizkhan had attached the right flank of the army, which was under the command of Amin Malik. The troops were destroyed and Amin Malik fled in the direction of Peshawar. The Mongols destroyed the left flank of Jololiddin's army as well. Jololiddin, with seven hundred soldiers, fought at the centre from dawn until afternoon. He repeatedly attacked by horse from left to right and from right to centre, and each time he killed several Mongol soldiers. But Chinghizkhan's soldiers were increasing and closing their ranks against the Sultan's attacks. The situation was becoming very critical. Ahat Malic, an uncle of Sultan, begged him to quit the field. The Sultan bid farewell to his children and relatives in tears. Then he ordered his spare horse, and tried once more to attack the enemy. Then he crossed the river, after he had demonstrated his courage against enemy's soldiers, holding aloft a sword and shield. Chinghizkhan and all the other Mongols were surprised by the fantastic

courage of Jaloliddin. Chinghizkhan turned to his sons after he had seen that ride and said: "That is the son of the father. As he escaped from danger and saved himself, he will be expected to accomplish much and cause a lot of problems for us."

According to Nasaviy, Jaloliddin may have even broken down the centre of the enemy line in that battle. During the battle, Jaloliddin's son, seven or eight years of age, had been taken prisoner and killed before Chinghizkhan. Juvayniy was also told that, in order to avoid being taken prisoner by the Mongols, Jaloliddin abandoned his mother and other relatives.

According to British orientalist G. Raverty and Russian tourist and scholar G.E. Grim-Grjimaylo, the place in the Sind River where Jaloliddin crossed was named Choly Jaloliy on that day, and this name is still used. As soon as Jaloliddin had crossed the Sind River, he collected the rest of his soldiers and tried to establish relations with the rulers of some of the countries of South India. Despite winning several battles there, he soon left for Iran, and then came to Azerbaijan and subjugated it in 1224. From that time, Jaloliddin was active in Azerbaijan and the neighbouring countries including Iran, Iraq, Georgia and Rum.

Many scholars have written that Jaloliddin was great commander and brave soldier, but that his diplomacy with neighbouring countries must be criticized. According to them Jaloliddin missed opportunities to sign agreements with neighbouring rulers, and fought with them instead, thus hastening his own destruction. But, when one reads the history of his times, one can see how difficult diplomacy was. There were many reasons for the poor diplomatic efforts of Jaloliddin with the Baghdad caliphate, Kuniyan Sultan Alouddin Kaykubad, the three brothers Ayubian, Georgian King Rusana and others. This problems has not been adequately studied.

One reason for the collapse of Jaloliddin's diplomatic efforts was mistakes made by some of his servants who misrepresented him. Sharafulmulk, the last vizier of Jaloliddin was chief among these. According to the historical record, it was due to his mistake that the first envoys who came from Caliph Al-Mustasnur and Alouddin Kaykubod turned back without any results. Sharafulmulk even tried to insult them. As a result, Kaykubod formed a powerful union of six rulers to oppose Jaloliddin. Jaloliddin sustained a defeat in the fight with these allies at Yassichmand in 1230. By this time, the Mongol campaign to the West had started. Jaloliddin sent to Malik Ashraf's brother, who was his prisoner, to Malik Ashraf and asked for help. At that time, Sharafulmulk sent his agent with him and undermined that plan as well. But Sharafulmulk's treasonous behaviour didn't last long. Letters from him to neighbouring rulers were discovered in which he disclosed his aim of seizing the government from Jaloliddin and sought help. The visier was arrested and killed.

The Ismayilians, who had been informed of the weakening of Jaloliddin through internal intrigue, let Mongols know about it, and the Mongols suddenly attacked his residence in 1231. Jaloliddin fled to the mountains, killing two Mongols who pursued him as he went. Finally, he was captured by Kurdish people in a small village. One of them killed Jaloliddin to avenge his brother who had been killed by Khorezmians during the Akhlot siege.

Interestingly, the rumour had spread throughout the region that "the Sultan didn't die, he is gathering troops." According to Juvayniy, through several years people spoke of those who had spotted him somewhere, and one rumour circulated that he had become religious. In 1236, a man revolted against Mongols

saying, "I am Jaloliddin." Mongol emirs called together a group of people who had known Jaloliddin; the Mongols found out that the man was a fraud and killed him. According to historians, in 1254, twenty-three years after the death of Jaloliddin, a group of traders met a man on the banks of the Amu-Darya who introduced himself as Sultan Jaloliddin. The man did not retract his claim even after much torture, so the Mongols killed him.

Jaloliddin's friends and enemies alike knew that he was the strongest force against the Mongol occupation. For example, when Malik Ashraf was informed of Jaloliddin's death, he said: "Do you want to celebrate his death? But you will suffer on this death? I vow before Allah that his death means the Mongols' occupation of the Islamic world. There is no longer any force that can be a wall between us and the Mongols." These words were soon to be confirmed.

JALOLIDDIN'S ACTIVITY AND ITS EVALUATION BY AUTHORS

MANUSCRIPTS CONCERNING THE HISTORY OF THE ANUSHTAGHINID-KHOREZMSHAHS

Ibn Al-Asir's *Al-Komil fi-t-Tarikh*

Izzuddin Ali ibn Mukhammad ibn al-Asir (1160-1234) was an Arab historian who lived and worked in Iraq. He became famous for his work *Al-komil fi-t-tarikh* (*Complete Collection of History*). This work was written in 628 h. (1230) in Arabic and consists of twelve volumes. In the first volume, according to the traditions of the Muslim historiography, the history of the oriental Muslim countries was narrated from ancient times. In the last chapters, historical events taking place during the lifetime of the author were narrated.

Naturally the author used historical sources when describing events that had taken place earlier, in particular, the famous *Tarikh Tabariy* by Mukhammad Jarir at-Tabariy. In the last chapters, especially when narrating events of the Mongols conquest Ibn al-Asir gave very valuable historical events. The last years of reign of the Khorezmshahs were also described in systematic detail. The historian an-Nasaviy, in creating his work *Surati Jaloliddin Mangburni*, in which he narrated Jaloliddin's life, used *Komil fi-t-tarikh*, and stressed that the historical events were described very accurately in this work. It was one of the reasons that this work became famous in historiography and was published from 1851-1876 in Leiden, and, beginning from 1873, was published in Arabic in Egypt several times. Scholars regularly used *Komil fi-t-tarikh* and parts were translated into several other languages. In the nineteenth century, this sources was translated into Uzbek by the order of the Khan of Khiva, Mukhammad Rahimkhan II (1844-1910, reigned 1863-1910), who wrote poems under the pen name Firuz. Several manuscripts of this translation are available at the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of Uzbekistan (N 824, I-VI volumes, N 825, VII-XII volumes). Some parts of manuscripts N 825, volume XII, related to the Mongols' conquest, Mukhammad Khorezmshah and Sultan Jaloliddin, have been translated from Old Uzbek in the Arabic alphabet into the Modern Uzbek Language in the Cyrillic alphabet.

Shihobiddin Mukhammad an-Nasaviy's *Surati as-sultan Jaloliddin Mangburni*

Shihobiddin Mukhammad ibn Ahmad ibn Ali ibn Mukhammad al-Munshiy an-Nasaviy (d. 647 / 1249-50) was born in the province of Niso, in the fortress of Khurandiz into the family of a state official. He knew Arabic and Persian and was fond of poetry. He took part in several battles against the Mongols.

An-Nasaviy, in 1224, took the office of a secretary when Sultan Jaloliddin came from India to Iran. After Jaloliddin's death (1231) he served at the court of some rulers in Asia Minor and at court of the ruler of Khalab (Syria), Salohiddin Yousuf, where he stayed until the end of his life.

Ten years later after Sultan Jaloliddin's death, in 639/1241-42, an-Nasaviy took up the pen to write about his life and he wrote, in Arabic, an historical work entitled *Surati as-Sultan Jaloliddin Mangburni*. The author describes his memories of events covering fifteen years, and the book consists of an Introduction and eighteen chapters. The general content of the work is as follows: The first four chapters describe Chinghizkhan's ascent and his conquest of the Oriental countries (the information is taken, mainly, from Ibn al-Asir). Chapters V-XXII describe the history of Khorezmshah Alouddin Mukhammad including the Mongol invasion of Central Asia and the escape of Khorezmshah Mukhammad and the last moments of his life. Chapters XVIII and XIX tell about Turkon Khotun and her place in the political life of the Khorezmshah's state. The last chapters describe how Sultan Jaloliddin took power and his courageous fight against the Mongols. While writing this work, the author tells the events which he witnessed himself and also uses information which he got from the participants in these historical events and from officials who worked at court of the Khorezmshah.

This important source became famous immediately among the scholars of that time. In particular, Abu-l-Fido (1273-1331) and Ibn Khaldun (died in 1405), who are famous historians also quoted it in their works. However, only two copies of *Surat as-Sultan Jaloliddin* are available at present. One of them is kept at the National Library in Paris and the second is in the British Museum Library.

Surat'as-sultan Jaloliddin Manguburni contains very valuable and rare data about the last years of the Khorezmshahs' state. Because of this fact the book was already translated into Persian by the end of the thirteenth century (c. 1291-1300, abridged version). The main attention to *Surati Jaloliddin* began in the nineteenth century. First, on the basis of the copy kept in Paris, the French orientalist Octab Udas (1860-1917) published it in Arabic and, in 1895, he published his translation into French. The copy kept in Paris is more complete than the one kept in the British Museum, it was used not only for Udas's publication, but other publications and translations as well.

On the basis of Udas's translation, *Surati Jaloliddin* was translated into Turkish in an abridged form by Usuf Ziya and Ahmad Tavhid and was published in 1914-1916 in Istanbul. The book was translated into Persian by Mukhammad Ali Nosir in 1945 and was published in Teheran in 1985. The Arabic text published by O.Udas was republished by the Egyptian scholar H.A.Hamdiy in Cairo in 1953.

Though some extracts from the work by Nasaviy were translated into Russian earlier, the complete translation into Russian was carried out by the well-known Azerbaijanian Orientalist and specialist in the field of the history of Khorezmshahs, Z. M. Buniyatov, and it was published in Baku in 1973. More recently, the complete text of *Siyrat as sultan Jaloliddin* in Arabic, analysed in comparison with other copies, was translated into Russian with an Introduction, scholarly notes and indexes by Z. M. Buniyatov and published in Moscow in 1996 under the title *Oriental Written Monuments*. This publication was a great event in the field of Oriental studies. (While preparing this information we used the foreword of that work.)

Alouddin Atomalik Juvayniy's *Tarikhi Jahongusho*

Alouddin Atomalik ibn Bahouddin Mukhammad al-Juvayniy was born in 623/1225 in the Juvayn district located in the western part of Khurasan. He was born into an aristocratic family and spent his childhood there. His father was appointed as a ruler of the Khurasan Province by order of Mukhammad Khorezmshah. When Chinghizkhan's hordes invaded the Khurasan Province, Bahouddin was in the service of Sultan Jaloliddin and he fought against the Mongols. But after Jaloliddin's death he was forced to serve the Mongols, and until his death in 1253, he was a vizier of the Mongol rulers of Khurasan.

Bahouddin Mukhammad had two sons. The elder, Shamsiddin Mukhammad, served as a vizier of the Mongol rulers of Iran, Halokukhan (1256-1265) and Abaqakhan (1265-1282).

The status of Alouddin Juvayniy's family in the politics of that time enabled him to become a cultured and highly educated man. When he was a young man he was taken into the service of Khurasan's Mongol ruler Argun Ogo and 1246-1253, he accompanied the above mentioned ruler to Mongolistan several times. For some time he worked as a munshiy (a secretary) of Halokukhan and in 1259 he was appointed Governor of the Baghdad, Iraq and Khuzistan Provinces. Juvayniy died on March 6, 681/1283 in Arron.

Juvayniy paid great attention to the prosperity of the country during his years at office. He did his best to take care of scholars and writers. At the same time he himself was a good writer. He has left an account of his troubles during the last years of his life, including his arrest in 1281 ordered by Abaqakhan, in his book *Tasmiyat al-ikhvon*, written in Persian. His famous work *Tarikhi jahongushoyi Juvayniy (Tarikhi Jahongusho)* is the important source on the Mongol Dynasty.

Tarikhi Jahongusho was written in Persian and was finished by the author in 1260. The author narrated the events around Chinghizkhan's ascent to power, the period of Halokukhan up to 1256, and Khurasan's history up to 1258. The work consists of a foreword, introduction and three volumes. The first volume describes the history of the Mongols, their conquest, and the lives of rulers from the Jochy and Chigatoy families. The second volume narrates the Khorezmshahs' history and that of the Mongol rulers who governed Khurasan, including events up to 1258. The third part tells about the continuation of the Mongols' conquest and the Ismaili sect in Islam, and the state of the Ismailis (1090-1258). In addition to the above-mentioned two works, some orders and letters written by Juvayniy have also reached us.

Juvayniy, while writing *Tarikhi Jahongusho*, used many manuscripts that were subsequently lost. So the work is considered to be very valuable from this point of view also.

There are copies of *Tarikhi Jahongusho* at the many libraries around the world, and particularly in the libraries of Iran. There are three copies at the library of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of Uzbekistan (N 12148, 610, 4597). Manuscript N 610 is a copy made in the fourteenth century and is very valuable. The complete scholarly publication of this source was edited by Mirzo Mukhammad ibn Abdulvahhob Qazviniy (the first volume in 1912, the second volume in 1916, the third volume in 1937, Leiden-London).

This important source is being translated by the co-author of this article,

Nuryoghdi Toshev. The events connected with Sultan Jaloliddin's adventures were translated into Uzbek from the Persian by Mukhammad Qazviniy.

Rashidaddin Fazlullokh's

Jome at-Tavorikh

Rashidaddin Fazlullokh ibn Imoduddavla Abulkhair al Hamadaniy was born in 645 /1247-1248 probably in Hamadon. He lived all his life under the Mongols' rule and he was in the service of their padishahs. He worked as a *tabib* in the palace of Abagakhan (1265-1281), as a vizier in the states of Gazonkhan (1295-1304) and Uljaytu sultan (1304-1316). He kept the same position during Abu Said's rule until 1318, when he was accused of poisoning Uljaytu sultan and was executed in Tabriz.

In spite of the fact that Rashidaddin Fazlullokh held high positions in state affairs, he left a very rich scholarly inheritance after himself. He is the author of such works as *Jome at tovorikh*, *Maimuat ar-Rashidiya* (consisting of four volumes: 1) *Tavrihoti Rashidiy*, 2) *Miftoh at tafosir*, 3) *Favoid as Sultoniya*, 4) *Latoif al-haqoia*), *Al-osor va l-ahya*, *Bayan al kaqoiq*, *As ila va ajiba*. If we summarise their contents, we see that Rashidaddin did creative work in the fields of history, Islamic studies, agriculture, botany, architecture, etc. Under his direct guidance, four works concerning Chinese and Mongol medicine, pharmacology and administrative management were translated from Chinese into Persian.

Among Rashidaddin Fazlullokh's scholarly inheritance *Jome at-tavorikh* is considered very important. The author began writing this work in 1300 according to Gozikhan's order and finished it in 1311 during Uljaytu sultan's reign. *Jome at-tavorikh* consists of four parts. The first volume is entitled *The History of Gozoniy* and consists of two chapters. They give very valuable information about Turkic and Mongol tribes, Chinghizkhan, and his descendants up to Gozonkhan. The second volume also consists of two chapters and it narrates the ancient times and the medieval period and tells about the history of the Gaznevids, Saljukids, Khorezmshahs and Turkic and other peoples' histories. The third volume, *Shuobi panjgona* is the continuation of the second volume and gives information about the ethnic history of Turkic, Mongol, Arabian, Jewish, French and Chinese people. The fourth volume was called *Suvar ul aqolim* and was a geographical work giving a description of the world and the roads and caravanserais existing in the Mongol empire; however, this volume is not extant.

Jome at-tavorikh is considered important not only as a book describing the Mongol state but also as one giving rare data on Turkic peoples, especially some data on the Khorezmshahs' history that is not available in other sources. It was written on the basis of analysis of many manuscripts and with the assistance of many foreign historians, including Chinese, Mongol, Indian, and French scholars who were serving in the Uljaytu Sultan's palace.

Over the centuries many copies of this work were prepared and they are presently located at many libraries around the world. Manuscripts of the first and second volumes of this work are available at the Institute of Oriental Studies of the Uzbekistan Academy of Sciences. According to the orders of the Shaiboni ruler Kochkinchikhan (1510-1530) an abridgement of *Jame' at-tavorikh* was translated by Mukhammad Ali ibn Darwih Ali Bukhoriy into Uzbek. This translation consisted of three volumes. A rare copy, made in 1526 in

two volumes, is available in the library of the Institute of Oriental Studies of the Uzbekistan Academy of Sciences (N25). This source has been translated into other languages in whole or in part, including European languages, notably by M. Katrmer (1836), E. Blashe (1911) and the Czech scholar K. Yan (1941). I.N. Berezin published the Persian text and a Russian translation (1858, 1868, 1888). A.A. Romaskevich, E.E. Bertels, L.A. Khetagurov, A.A. Alizoda translated *Jame' at tavorikh* into Russian with annotations, explanatory notes and indices.

Mahmud al-Chagminiy's *Al-Mulahhas fi-l-Hay'a*

Abulfazl Mahmud ibn Mukhammad ibn Umar al-Chagminiy (d. 1221) was a famous mathematician and astronomer who lived and was engaged in creative work in the Anushtaghin-Khorezmshah state. In the sources there is hardly any information about Chagminiy's life and creative work. He was supposedly born in the village of Chaghmin in Khorezm. He lived and worked in the scholarly environment of the Khorezmshah capital of Gurganj. His works included: *Al-mulahhas fi-l hay'a (A Short Course in Astronomy)*, *Sailanma (Collected Works)*, *The Place of the Figure Nine in Mathematics*, *Explanations to the Mathematical Methods in Dividing Inheritance*. All his works were written in Arabic, which was the scientific language of the entire Muslim world at that time.

Chagminiy was a famous astronomer and he wrote works in the field of Mathematics as well. His works on astronomy also include some data concerning geography. His main work on astronomy, *Al-mulahhas fi-l-hay'a*, was written in 1205 in Gurganj in the state of Mukhammad Khorezmshah, and was used as a text-book for students of madrasas, as existing astronomic notions were explained in a very simple and fluent way in this work. In *Al-mulahhas* the geographical location of Gurganj in relation to Qibla is given, and it confirmed that he lived and worked in this town. In this work the geographical longitude of the town of Mecca from the Kholidot Islands is given as $77^{\circ}10'$ of eastern longitude and geographical latitude as $21^{\circ}40'$ of northern latitude and Khorezm (Gurghanj's) geographic longitude is defined as 94° ; geographic latitude as 42° . One can come to the conclusion that Chagminiy taught astronomy and mathematics in the madrassahs of Gurghanj because he wrote some textbooks on astronomy and works on mathematics. In Chagminiy's scientific work we can see the influence of the science of the period of Ma'mun-Khorezmshah, in particular the influence of Abu Raihon Beruniy's works.

Mahmud Chagminiy's work, *Al-mulahhas fi-l hay'a*, consists of an introduction and two parts. The first part is devoted to the heavenly sphere and heavenly bodies, the second part is about the earth's position. The first part consists of five subparts: 1) the types and shapes of heavenly bodies; 2) the heavenly spheres' movement; 3) about some circles in astronomy; 4) about arcs; 5) the sun, the moon and five planets' movement (Utorid-Mercury, Zuhro-Venus, Mirrikh-Mars, Mushtariy-Jupiter, Zuhal-Saturn). The second part consists of three subparts: 1) ma'mura-about the phosphorus part of the Earth; 2) about the features of the places in the equator; 3) about applied and geodesic astronomy. In Chagminiy's work, several important problems of astronomy and of the earth's position were described in a clear and simple way; that is why it was used widely and copied many times.

Most of the existing manuscript copies of *Al-mulahhas* have not been studied

yet. For example, one of the leading researchers into Chagminiy's astronomy, orientalist P.G. Bulgakov, held the opinion that there was only one copy of it at the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of Uzbekistan. The text of the work was not analysed. At present there are many manuscripts of this work, and they are available at about twenty libraries. At the library of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of Uzbekistan there are five copies of *Al-mulahhas* (7761 / III, 8796 / II, 10417, 10417 / XIII, 11599 / III). One of them (10417) was copied by Burhoniddin Mukhammad in Mashhad during the period of the Temurids in 839 / 1435. The most ancient copy is at the Loleliy Library in Istanbul (number 2141 / 2) and it is dated from 1246.

Al-mulahhis fi l hay'a was translated into many languages; one Persian manuscript from the sixteenth century is at the Oxford Library (N 1524). That work was translated into German by G. Rudlov and A. Hokhgime and published at the end of the nineteenth century. Some parts were published in Russian.

The astronomical content of *Al-mulahhas fi l hay'a* was supplemented through the years by many explanations and commentaries, first ones belonging to the fourteenth century. Shamsiddin Mukhammad ibn Muborakshah mirak as-Bukhoriy (d. 1340), Kamoliddin at-Turkmaniy (mid-fourteenth century), Ali ibn Mukhammad Sayid Sharif Jurjoniy (1340-1413), Abdulvohid ibn Mukhammad (late fourteenth century), Qozizode Rumiyy (fifteenth century) and others authored scientific commentaries and explanations.

The most famous among the existing commentaries is the one written in 1412 by Qozizode Rumiyy, who belonged to the astronomy school of Ulugbek in Samarkand during the period of the Temurids. It is notable for its clarity and scientific completeness. This work was translated into Russian and published on the basis of manuscripts N3049 / I, 2655 / II available at the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of Uzbekistan. It is considered the earliest and the most complete commentary on Chagminiy's astronomy. Qozizode Rumiyy gave the full text of *Al-mulahhas* and included his commentaries, identified by underlining, in the body of the text.

In addition to the commentaries in Arabic a number of commentaries were produced in Persian and one of them is connected with the Temurid period and the development of science and education during Ulugbek's reign. The details of this commentary are the following: Chagminiy wrote *Al-mulahhas* as a textbook for the madrasas in the state of Khorezmshahs. Rumiyy supplemented it with his commentaries and used it as his main textbook while giving lectures to his students in Samarkand. Rumiyy gave his lectures in Arabic and wrote his commentaries on Chagminiy's astronomy in Arabic as well. After the death of Rumiyy (1437) the need for works in Persian increased in Ulugbek's madrasa and Husain ibn al-Husain al-Khorezmiyy al-Kubraviyy translated the combined work of Mahmud Chagminiy and Qozizode Rumiyy into Persian.

Mukhammad ibn Najib Bakron's *Jahonnoma*

Mukhammad ibn Najib Bakron is a scholar who lived during the reign of the Anushtaghid-Khorezmshahs in Tus in Khurasan. He spent some years of his life in Nishopur and Gurghanj, in the capital of the Khorezmshahs.

Najib Bakron drew a map of the world and gave it as a gift to Mukhammad Khorezmshah. But it is a pity, that it has not reached us. Only a set of annotations known under name *Jahonnoma* remain.

Jahonnoma is a remarkable geographical monument. and lead to the conclusion that Najib Bakron was one of the leading scholars of his time. The author used mostly written sources in addition his own reasonings while writing this work. Some sources used were: *Kitab al-masolik al mamolik* by Ibn Hurdoddbek, *Kitab al-masolik al mamolik* by al-Istakhriy, *Safarnoma* by Nosir Khisrav, and *Osor al-Boqiya* by Abu Raihon Beruniy.

One can gain some general impressions about the map drawn by Najib Bakron from his *Jahonnoma*. That map had been drawn on cloth as a circle, with parallel and meridian lines and borders of the countries drawn on it. The beginning meridian line was drawn through the Kholidot Islands. Six hundred of the place names were given in the *Jahonnoma*.

The *Jahonnoma* consisted of a foreword and twenty parts. It included mention of geographic longitudes and latitudes, the inhabited quarter of the earth (*rub'i maskun*), seas, lakes, islands, rivers, mountains, steppes, towns, tribes, metals, and some kinds of goods.

A number of subsequent authors used Najib Bakron's *Jahonnoma* in their works, including Hamdalloh Mustavfiy Qazviniy, Hofizi Abzu, and Sulton Mukhammad Balkhiy.

Two manuscripts of *Jahonnoma* have reached us; one of them is in Paris, the second one in the St-Petersburg. First on the basis of the copy in Paris and then on the basis of the copy in St-Petersburg translations were made and published. The facsimile of the text of *Jahonnoma* was published by Russian orientalist U. E Bortzevskiy in 1960 with a foreword, indexes and notes comparing the two manuscripts.

EXTRACTS FROM THE SOURCES:

***Al-komil fi-t tarikh* by Ibn al-Asir (page 687a): “The story of the Tatar (Mongol) invasion of the Islam empire”**

In 617/1220 the Tatars (Mongols) began invading Islamic lands. The Tatars belong to the Turkic peoples. To cover the distance between their country and the Islamic lands took more than six months. Their padishah, Tamuchin, i.e. Chinghizkhan, left his country and launched an offensive on the country of Turkistan. He sent a group of traders and some Turks with gold, silver gifts to Maverannakhr. They reached of the fortified Turkic town of Utrar. This town was the last town on the north-eastern frontier of the Khorezm. When the emissaries of the Tatars came to the town, the *khokim* (ruler) of the town sent a messenger to the Khorezmshah. When the Khorezmshah got the message he ordered the *khokim* to kill all the Tatars--687 people--and send their goods to Khorezm. The ruler of Utrar obeyed. Some people point to other reasons for the Tatars' taking the offensive on the Islamic world, but there is no other solid reason in the historical record. After the above mentioned event, the Tatars attacked the Islamic lands, and conquered whole regions and ransacked them--including both Bukhara and Samarkand.

90

“The offensive of the Tatars on the Khorezmshah: How the Khorezmshah escaped to Hamodan, where he stayed until his death”

When the Tatars conquered Samarkand, their great padishah Chinghizkhan, with his twenty thousand cavalymen, pursued the Khorezmshah. He said to his people: “You must catch him no matter where he is; otherwise, you will not have a quiet life.” The troops began looking for him. When Khorezmshah heard that he was being pursued, he fled to Niysobur but he did not find peace there, so he fled to Hamodon and died there.

“The description of the Khorezmshah and his state”

His name was Alouddin Mukhammad ibn Alouddin Tekish. He reigned twenty one years; his state occupied a great territory and the whole world was under him. After the Saljukids nobody reigned as he did. His state spread from Iraq to Turkistan....

“The description of the Tatars' deeds in Maverannakhr after they had conquered Bukhara and Samarkand” (page 689a)

Chinghizkhan got angry and appointed one of his relatives as the head of his troops. They advanced towards Khurasan, crossed the Jaihun River and reached the fortress of Balkh. The population of the fortress went out with gifts and asked to be spared. After conquering Balkh, in 627/1230, they reached the fortress of Andkhoy and seized it. Next they came to the fortress of Toliqon; it

was very well-defended fortress. The Mongols laid siege to the fortress for six months but could not defeat it. They informed Chinghizkhan that they did not have enough troops. Chinghizkhan himself came with a large number of soldiers and surrounded the fortress. He took many Muslim prisoners-of-war. He put them ahead of his troops and ordered them to fight against his soldiers. He told them that if they refused they would be killed. The Mongols continued the siege for four months. Afterward Chinghizkhan ordered his army to gather stones, soil and wood and climb over the walls and enter the fortress. The Mongols managed to enter the fortress in this way and seized it. A part of population was killed and another part was captured.

After that Chinghizkhan decided to attack Marv with his vast army. He encircled the town and for four days both sides fought fiercely and many people were killed. On the fifth day Chinghizkhan sent a letter to the ruler of the town telling him that if he surrendered he would remain ruler. The ruler of Marv agreed and came to visit Chinghizkhan.

Now let us give attention to prince Jaloliddin. He defeated the Tatars and returned to Gazna. Then he sent a messenger to the Tatars and told them to choose the battlefield if they would like to fight. The Tatars said that they would like fight in Kabul. The prince arrived in Kabul with his soldiers and the armies met on the battlefield, where many of them were killed. In the end the Tatars were defeated and the Muslim people captured by the Tatars were freed.

But among Jaloliddin's troops there appeared some discord and plots. The details are as follows: The emir of Gazna, Saifiddin, said that the spoils of the war belonged to him and that, if he wished, he could distribute them to others. The ruler of Gerat, Malikkhan, also made the same claim, and there was a conflict between the two. Saifiddin distributed all the booty to his cavalry, which numbered over 3000.

At this time Chinghizkhan arrived with a great number of troops. Prince Jaloliddin could do nothing but fight against him. Both sides fought bravely. The ruler of Gerat, Malikkhan, was killed in battle. Chinghizkhan attacked Gazna and seized it. His troops ransacked the town and surrounding villages, killed people and burned houses. And then they went back to their country.

“The story about Prince Jaloliddin ibn Khorezmshah’s offensive into Khuziston and Iraq.” (page 693a)

In 621/1224 Prince Jaloliddin ibn Khorezmshah Mukhammad ibn Tekish came from the province of Hind and launched an offensive into Khuziston and Iraq. After that he went to Isfahon and stayed for some time with his brother, and launched an attack into Persia. He laid siege to Khuziston. Emir Muzaffar closed the gates of the Khuziston fortress. Jaloliddin left and besieged the fortresses of Bodriya and Bokiya, where he stayed for two months, before attacking the fortress of Bagdata. There the Caliph’s Mamluke was staying with Kashmiri troops. He went out and fought against Prince Jaloliddin and got the upper hand. Jaloliddin retreated to Yaqubo. The distance from there to the fortress of Baghdad was only seven farsakhs (one farsakh is about seven or eight kilometres). When the Padishah of Baghdad learned of the arrival of prince Jaloliddin he successfully resisted him. Jaloliddin left and besieged the fortress of Daquqo. The defenders of the fortress fought against Jaloliddin but were defeated.

“The story about Jaloliddin’s journey into Azerbaijan.” (Page 693b-694a)

In 621/1224 Prince Jaloliddin ibn Khorezmshah captured the fortress of Daquqo, destroyed it and had made its ruler obey him--before assistance arrived from Azerbaijan. When he was busy restoring ruined buildings he got the news that the ruler of Giyasiddin, Emir Oygon Toliy, with 50,000 horsemen, destroyed the fortresses around Azerbaijan and ransacked villages and stole the cattle. According to the order of Caliph Nasiriddin, Prince Jaloliddin gathered all his troops and attacked Emir Oygon. Emir Oygon ransacked the fortress of Daron on the way to Hamadon; but then Prince Jaloliddin arrived with his troops and defeated him, taking away all his spoils. Then Prince Jaloliddin went to the province of Maroghina where he rested for a few days before starting for Azerbaijan.

When his troops reached Azerbaijan, the population of the fortress received him warmly. Their ruler, Uzbek Ibn Pahlavon, was afraid and fled from Azerbaijan for Tabriz, and then to the province of Ganja. Prince Jaloliddin stayed in Azerbaijan for some days and busied himself with restoration. He sent a letter to the ruler of Tabriz and his emirs, telling them to submit to him and to gather all their troops and join him. But the people of Tabriz did not accept his authority....

Prince Jaloliddin went to Tabriz and there was a battle for five days in which many people were killed. The population of the fortress asked Jaloliddin to spare them, and sent an envoy asking for peace. The prince spared them and took possession of the fortress of Tabriz.

92

“The story of the Tatars’ fight against Jaloliddin.” (Page 698a)

When Prince Jaloliddin was attacking the fortress of Ghirdkon in Ismoyiliya, he got the news that the Tatars hordes had come to Damgon. Prince Jaloliddin gathered his troops and fought against Tatars. Many people were killed on both sides. In the end the Tatars were defeated and withdrew from the battlefield.

“The conflict between prince Jaloliddin and his brother.” (Page 698b-699a)

In 621/1224 Prince Ghiyasiddin, Jaloliddin's brother, and his emirs became afraid of Jaloliddin and left him. When the Tatars, headed by Chinghizkhan, invaded the Islamic lands, Prince Jaloliddin gathered his troops and prepared to fight against them. At that time Ghiyasiddin and his emirs fled to Khuzistan, where the deputy of the caliph refused to receive them. They went to Isfakhan, but the ruler of the fortress did not let him in. They were, however, allowed to stay in Ismoiliya.

“The story of the battle between Jaloliddin and the Tatars.”

In 621/1224 the Tatars headed by Chinghizkhan came to the fortress of Rai. Prince Jaloliddin gathered all his troops. The ruler of Persia, Otobek, also joined him with his soldiers. Encouraged by their strength, they went out to meet Chinghizkhan troops.

When both sides were ready to fight, Prince Jaloliddin's brother, Ghiyasid-

din, left him and rode away with his soldiers. When the Tatars saw it they thought that the enemy was trying to encircle them from behind. At any rate, severe fighting took place; the Tatars were defeated and withdrew in the direction of Isfahon. The ruler of Persia opposed them. Jaloliddin brought back his brother and they went together to Isfahon. All the padishahs joined together and attacked the Tatars. After a long fierce battle they were victorious and the Tatars escaped. Chinghizkhan's son sent a messenger to Prince Jaloliddin and that messenger informed the prince that the Tatars were renegades rejected by Chinghizkhan. This appeased Jaloliddin and he withdrew to Azerbaijan. The Tatars also left for their country.

“The story of the Tatars’ invasion of Azerbaijan in 628/1231.”
(Page 700b-700a)

At the beginning of this year the Tatars again invaded.... They encircled the fortress of Maroga in the territory of Azerbaijan and ransacked the villages around it. Nobody could leave the fortress and the population had to surrender. The Mongols entered the fortress and killed many people and appointed a ruler from among their army. It increased the danger for the whole of Azerbaijan.

**“The Story of Shahzada Jaloliddin’s Defeat in the
Fight Against the Tatars.”**

When Shahzada Jaloliddin heard that the Tatars were conquering fortresses in the region of Azerbaijan marched to the fortress of Hallot. The purpose of his visit to Hallot was to make contact with the padishahs of Diorbakr and Jazir, to send letters to all Islam padishahs and to ask the Caliph for help. He learned that the Tatars were advancing on his troops that same night. Jaloliddin was sleeping in Hallot fortress when Tatars attacked him and killed a lot of troops. Some of the soldiers escaped and ran away; some of them accompanied him to Harron fortress. Malik Komil had appointed a certain emir as a khokim for that fortress. Shahzada's troops were robbed by the army of the fortress, and scattered to Nisibin, Sinjor and other fortresses. They were not well received anywhere. They went to Dilobakr and searched for Jaloliddin everywhere, but they could not find him and wondered where he was.

Atomalik Alouddin Juvayniy,
Tarikhi Jaloliddin

“About Sultan Jaloliddin.”

Jaloliddin's father Sultan Mukhammad (Khorezmshah) became utterly panic-stricken and gripped by fear; he had his heart in his mouth; he separated himself from his huge army and he searched for a hole in the ground or for wings to fly into the sky. Avoiding the fight with the Tatars, he fled to Samarkand and began to dismiss his vast army and discouraged brave soldiers--whom he had gathered for many years for this very moment--by sending them to four corners of the country in its defence. He kept near him only Sultan Jaloliddin, his brave eldest son, who would be the shah of the country. He rejected his father's idea, which was far from true purpose and the right military strategy, saying: “To scatter the troops all over the country and to hide in one place, to avoid the fight

with the enemy--these are not the actions of a wise leader, but it signs of weakness. If the Sultan doesn't decide to fight bravely against the enemy, let me have his innumerable army, let me lead them to the fight while there is still time, so that we will not regret later, not be laughed at by the people, and not be under the dangerous feet of the enemy. Let us fight against the misfortunes of life and overcome the difficulties and the causes of this unhappiness."

But the Sultan did not cede his throne and prevented Jaloliddin from fighting. After some time, Sultan Mukhammad died, leaving the ancient palace of this world for a better one, and his spirit danced among paradise flowers far from earthly troubles.

Sultan Jaloliddin and his brothers came back from Obiskun with some soldiers. He wanted to fight against the malicious slander of the enemy and remove the stain on his father's reputation. Hearing that Mongol troops went to Iraq, the Sultan responded by going to Mankishlak. He gathered horses and sent messengers to Gurghanj in Khorezm. His brothers--Arzlok Sultan, his father's *valiahd* (successor), and Oksultan; one of the emirs-- Buji Pahlavon; Arzlok Sultan's uncle Kujaitakin; Ogul's Hogib; and Temur Malik--with their 90,000 troops--stayed in Khorezm.

Most of Sultan Jaloliddin's troops were common people and the majority of aristocrats were in favour of him, so the intelligent and wise men of his time--those who had life experience--supported him and tried to join him. In spite of the fact that he had strong, close contacts with his brothers, evil-minded emirs devised a plan to kill him. One of them went to the Sultan and told him of the emirs' treachery. When the Sultan found out about his ungrateful emirs' treacherous plans, which they exchanged for peace and friendship and good relations, he got angry. He took the throne of Khorezm into his hands and leadership of the fortress. He advanced bravely from Niso to Shodyah. When he reached Ustuvo he met Tatar troops on the Shoikon hill and fought against them with his few troops for some hours, and resisted numerous attacks of the enemy at night. He succeeded in escaping from them.

When Sultan Jaloliddin got to Shodyah he made two-days preparation for his trip and then he started at midnight--like a flying star. On the 10th of February in 1221 (the 15th of February, Zulhidja in 617) he went to Gazna. When he got to Gazna he was met by Emir Malik and 50,000 troops; all the troops and military leaders came in peace and asked him to stay there and to be their leader. He married Emir Malik's daughter and he spent that winter in Gazna. When the news spread about his arrival, the troops and neighbouring tribes gathered from everywhere; for example, Saifiddin Ugrok joined with his 40,000 troops. Inexperienced emirs from all around joined him, and served him faithfully.

When his work began to prosper and flourish, the number of his troops increased. When it was spring and flowers covered the earth, he started from Gaznin to Parvon. When he got there he heard the news that Mongol troops, under the leadership of Tukuchak and Mulgur, had besieged the Voliyan fortress and conquered it. Leaving his provisions and other possessions in Parvon, Sultan Jaloliddin attacked the troops of Tukuchak and Mulgur. His army killed nearly one thousand Tatar soldiers. As the number of Sultan Jaloliddin's troops prevailed, Mongol troops crossed the river, destroyed the bridge and settled in on the opposite side of the river. The river served as a barrier between two troops. Both sides began to shoot arrows to each other. At midnight, the Mongol troops stole away. Sultan Jaloliddin returned to Parvon and he brought

provisions and emergency-reserve rations to his army and divided them between his troops; then he himself returned to Parvon. When Chinghizkhan heard about the situation--that the Sultan was restoring his forces and digging in, he was angry. He sent 30,000 select soldiers led by Shiki Kutki to attack Sultan Jaloliddin.

One week after Sultan Jaloliddin returned to Parvon, Mongol troops reached the city in the afternoon. At once the Sultan got on his horse and was at the head of the troop. He appointed Sultan Malik the head of *maimana*, — Saifiddin Malik Ugrok — the head of *maisara* and he himself occupied the middle position. At his command all forces advanced on foot, leading their horses, and faced death bravely. Amin Malik's army attacked from the right side and his army prevailed over the Mongol army. The troops put pressure on the left as well forced the Mongol army to move to the centre. Many people were killed in this battle. The commanders used various military tricks and fought bravely; nobody ran away. Thus when the sun turned red like bloodshed in the sky everybody returned to their shelters.

The Mongol army swore an oath to win the victory and each rider took an extra horse with him. The next day at dawn both armies formed columns. The Sultan's army saw that additional help had come to the enemy and they were worried. They began thinking about escape and hoped to find shelter in the mountain heights. But Sultan Jaloliddin disapproved of such ideas! The troops approached on foot as on the previous day. Mongol troops knew that Malik Ugrok's troops were dangerous, so they chose to send their bravest soldiers against the *maisara*. Ugrok's brave fighters prepared their arrows and shot at the enemy again and again. When the Mongol army retreated to their centre, the Sultan asked the drummers to beat their drums loudly and all the soldiers got on their horses and attacked the enemy.

Sultan Jaloliddin's unit reached the enemy as jungle lions and ocean giants. The Mongols ran and two of the *nuyon* went to Chinghizkhan with the escaped troops.

Sultan Jaloliddin's troops began to gather booty. At that time Aminiddin Malik and Saifiddin Ugrok quarrelled over a horse. Aminiddin Malik beat Ugrok on the head with his whip. Sultan Jaloliddin did not ask about the reason and did not punish Aminiddin Malik, so Saifiddin Malik (Ugrok) stayed there that day, but at night he left Sultan Jaloliddin and went to the mountains of Kirman and Saiqaron.

After Malik Ugrok left, Sultan Jaloliddin's army was, of course, weaker, so he returned to Gaznin and planned to cross the Sind River and go to India. At the same time, Chinghizkhan conquered Tolikon fortress. He found out about the disorder among the troops of Sultan Jaloliddin--that his army has dispersed in different directions--and he sought to take revenge on him. He faced Sultan Jaloliddin with troops as many as the rain drops.

When the rumours reached the Sultan, he knew he did not have as many troops to confront the enemy. The Sultan made up his mind immediately to cross the Sind River and ships were ready according to his order. Chinghizkhan was aware of his departure and he blocked his way and surrounded him with his troops.

In the morning, as the daylight's first rays reached the earth, Sultan Jaloliddin and his troops were between the water and fire. On one side there was the water of the Sind River and on the other side the fire poured out by the troops of Chinghizkhan. All the same, the Sultan didn't lose his composure; he

decided to fight bravely against the enemy. Chinghizkhan was ready to take revenge. His troops attacked *maimana*, headed by Amin Malik, and killed many. Amin Malik retreated towards Barshovur. To tell the whole story, he met his death along the way because Mongol troops blocked his retreat.

The Mongols also smashed the left flank. Sultan Jaloliddin, who was the head of *kalb* troops, fought bravely alongside his 700 soldiers from early morning until dusk. He rushed from right to left and killed a lot of enemy soldiers. Chinghizkhan's troops were advancing nearer and nearer and the number of his engaged troops was growing greater and greater every minute. The battle field for the Sultan's army was becoming narrower and narrower every moment. The Sultan saw that the situation was difficult; his lips were dry. The Sultan's uncle, Ajosh Malik, took his horse by the reign and led the way out of the battle. The Sultan, sad at heart and with tears running down his cheeks, parted with his children and his wife and relatives. Then he asked for his horse. He got on the horse and again entered the battlefield and fought with the enemy troops; then he took off his military equipment, whipped his horse and rode away. The depth of the river was six metres or more. Jaloliddin moved his horse into the river and swam away.

Chinghizkhan saw him crossing the river and moved towards the river bank. The Mongols also wanted to throw themselves into the water but Chinghizkhan stopped them. The enemy began to shoot arrows. According to the words of witnesses the river was red with the blood of soldiers. But the Sultan passed through the river safely with his sword, shield and helmet.

*No one in the world ever saw such a hero;
No one in the world ever heard his name so honoured.*

96

Chinghizkhan and his people were surprised to see his escape. Thinking and reflecting on the event, Chinghizkhan addressed to his sons, saying: "Such a son honours his father. Since he has safely overcome the water on the one side and the fire on the other side, he will take part in many fights in the future and will be victorious. How can a wise man close his eyes to this fact, to his deeds and heroism, and not acknowledge them."

"About Jaloliddin's Affairs in India."

When Sultan Jaloliddin came to the Sind region, troops from different parts of the region gradually joined his army. He began to conquer neighbouring districts. For example, he sent Hoskhon to Nahrvola in order to conquer it, and he brought a large number of camels from Nahrvola. He built a mosque near the church in Deilyl. At that time, Sultan Giyosiddin, who conquered Iraq, was waiting for Sultan Jaloliddin. He also heard that Barok Hojib had settled in Kirmon and he besieged the city of Javoshir. At the same time he heard that Mongol troops were following hard on his heels. Sultan Jaloliddin left that place and went away along the Makron road.

[Translator's note: After this Sultan Jaloliddin fought in Iran, Iraq and the Caucasus. He fought against Mongol troops near the city of Rai, and was defeated because of his brother Giyosiddin's treacherous flight from the battlefield. Even after that setback, Jaloliddin managed to gather a substantial army and conquer several large cities. The city Tabriz became his capital. Then he was stricken by illness.]

A rash appeared on his face and had not yet disappeared when Sultan Jaloliddin heard that Jurmogun Nuyon had crossed the waters of the Omuya. Jaloliddin asked his vizier Shamsiddin Yildarchi to guard the Kubron fortress and left his harem in his care. Sultan Jaloliddin himself went to Tabriz. To add to his troubles, he had misunderstandings with *emirulmumin* (the caliph of Baghdad) and the Sultans of Shom and Rum. Ignoring their differences, he sent messengers to all of them in order to let them know that Chingiz-khan's troops were coming:

The reason for this message is that the troops of the Tatar soldiers--as innumerable as ants and dangerous as dragons--are coming in your direction. Our warriors are afraid of them. If I am defeated, you can not withstand them. I am a rock like Iskandar for you. If each of you were to send a troop of brave soldiers to support us, the Mongols will be aware of our friendship and unity. Then they will not dare to fight against us and our soldiers' spirits will rise. If you do not give attention to this matter then you will be hanged.

[Translator's note: But no aid came to Jaloliddin and he was too weak to fight against Mongols, so he moved around among Tabriz, Uzmoniya and Diorbakr. In the winter of 628/1231 he stopped at Diorbakr.]

There was a sumptuous feast for some days. At that time the Mongols brought grief to them.

*When the first part of the night was done
The sky was covered by a dark and dangerous curtain.*

Tatar troops headed by Noimos attacked the unprepared troops of Jaloliddin. Learning of the attack, Urhon ran to the place where the Sultan lie fast asleep. He opened his eyes with difficulty and was very angry. Only then he understood the inevitability of death and defeat--the inexorability of fate. His heart was burning like a blacksmith's iron, his tears pouring like rain. He ran away with a group of soldiers, leaving his throne, his treasure, and his people, and he abandoned all hope.

*Farewell to you oh, my days of my youth, farewell
The only place left for us to meet is hell.*

The Mongols reached the place, took their treasure and smashed everything to pieces: his troops, their houses, their people.

*In this way this ancient world goes round--
Sometimes like a bullet sometimes like an arrow.
In this way life advances by leaps and bounds--
Sometimes granting cares and poisoned wine;
Sometimes taking revenge and giving pain.*

Being defeated, broken of pride, Sultan Jaloliddin was going away.

*Tired of life's torture and sorrow,
For the sake of surviving the morrow.
Sometimes Fortune smiles at people,
Sometimes Fortune turns away from them
People say if life is a wheel, while*

Spinning it one can yield unhappiness and happiness.

*If the heart is the place for sorrow and pain,
The soul is the place for meditations and thoughts.*

There are various points of view about Sultan Jaloliddin's death and the final days of his life. Some have said that he went to the mountains and stayed there for the night. During the night, some Kurds wanted to steal his clothes, so they struck a death-blow to his chest and killed him, not knowing whom they killed. Then they put on his clothes and went into town. Some noblemen recognised his clothes. The Khokim of Omud found out about the murder and killed the Kurds; he also asked his men to bury the murder victim. And then they recognised Sultan Jaloliddin.

Others have claimed that the above mentioned clothes actually belonged to his military leaders (*ayons*). He himself, they say, donned the old clothes of a religious man (*Sufi Hirka*) and went from one place to other as a beggar (*derwish*), visiting the graves of noble people. In any case, he passed away, and this merciless world forgot him.

Years passed and occasional rumours were spread among the people that they had seen Jaloliddin here and there. Even in Iraq vizier Sharafuddin Ali Tabarshi was kept busy checking these rumours and spent much time on it. All the same, people in various towns and districts said that Sultan Jaloliddin was in this or that fortress. In 633/1235-6 in Ispidor one man declared that he was Sultan Jaloliddin and this news reached the four corners of the world. Some people who saw and knew Sultan Jaloliddin during Jantemir's reign, were sent to identify this person. They investigated and found that it was a lie, and the man was killed. In 652/1254 a group of merchants reached the river Jaihun, where one man among them told the owners of the ship that he was Sultan Jaloliddin. When he was caught and questioned he insisted that he was the Sultan. He was also killed. Thus, rumours were spread for a long time.

98

**Selections from the Work by Shihobiddin Mukhammad
an Nasavliy,**

Siyrat as-Sultan Jaloliddin Manguberdy

**"A Few Words about Sultan Jaloliddin's Affairs and his Final Days"
(pages 286)**

Because of the Mongol attack, I parted with the Sultan and stayed in a cave for three days. At last I reached Omid trembling from fear. I lived in hiding in Omid for two months, then I went to Irbil and then, made a difficult journey to Azerbaijan. From there I went to Mayoforiken, barefoot and hungry. Wherever I went I heard the rumours among the people who lived in the regions that belonged to Sultan that he was alive and that he was gathering troops and getting ready to fight. But all these rumours were false, not true-inventions born out of people's respect, kindness and subservience to the Sultan. When I came to Mayoforiken I concluded that he was really dead. Then I was weary of life and I despised my fate that I was left alive. "Oh, God of Mukhammad: Why did you give birth to Mukhammad an Nasavee?" I cried in my suffering. If it were possible to prolong life, I would have done so for the Sultan, but only God can do that, only he can decree it. As I already related, when Tatars attacked the

Sultan in the village, his captured friends told the Tatars that the Sultan was also there. The Tatars immediately pursued him with fifteen riders. Two of them caught the Sultan, and he killed them. The rest of them were not able to catch him and returned back.

After that Sultan went to the mountains where Kurds robbed travellers. They robbed the Sultan as well, and when they wanted to kill him he addressed the head of the group: "I am really the Sultan; don't be so quick to kill me. You have two choices: either you can take me to Malik-al-Muzaffar Shihobiddin and you will be well-paid, or you can send me to one of the regions belonging to me and you will get the post of Khokim."

The bandit decided to send him to his country, take him to his village and leave him at home; he went to the mountains for the horse. At that moment one cruel, foolish Kurd came into the room with his spear and asked, "Who is this man from Khorezm? Why didn't you kill him?" The woman of the house answered, "This is none of your business. My husband was kind to him because he is the Sultan." The Kurd said to her, "Do you believe that he really is the Sultan? My brother was killed in Hilot; he was a much better man than the Sultan." After that he struck the Sultan with his spear and sent him to a better world.

In this way a highway bandit committed bloodshed and covered earth with sacred blood of the Sultan. This bloodshed was a blow to the era, to the world; as a result of it the flag of faith was lowered and house of Islam was devastated. Even the sky roared because of the swords of the Godless and their criminal acts.

The Sultan had fought in many countries, on many battlefields, several times he escaped from the hands of death. And when death came, a gallant lion died at the hands of a common fox. There is nothing left, but to pray to God about injustice of fate. Yes, that is all.

After some time, Al-Malik al-Muzaffar sent his men to that mountain and they brought back the Sultan's horse, saddle, his famous sword and his hair stick. Those who examined the items admitted that the things really belonged to the Sultan. They were Uturkhan, Emir Talbas and others, and they had been with the Sultan not long before. Then they ordered that his ashes be buried with respect and honour.

Indeed, one cruel man brought unhappiness to the world and the world was deprived of one worthy son.

"About Sultan Jaloliddin's Appearance, his Character, Orders and Relations with People." (page 288)

He was dark, of medium height, and could speak the Turkish and Persian languages. If we speak of his bravery, I think what I wrote about his performance on the battlefield is enough. He was a lion among lions, the best among the riders. He was gentle, never got angry and never cursed. He was very serious, never laughed loudly-only smiled and did not speak much. He liked the truth and fought for it, but his ambition was not fulfilled. He tried to improve the life of his military warriors, but because of the troubled times he had to be cruel to them.

Sultan Jaloliddin died in 628 in the middle of the month Shavvol (August 1231). That was a truly mournful event. Everyone and everything was sorry, the dawn tore its face, the sky dressed in black and the stars turned to ashes.

May God, the only God, bless him, make his spirit happy, his grave light.

May God approve his deeds, his acts which were done for the sake of God and people, and bless him with the food of paradise.

From notes

Here Aidar village which is situated near Mayoforiken is meant. Mayoforiken is a city situated in the south-east of Turkey.

Shahobiddin Gozee asked the Korezmshah's uncle Uturhon if the murdered person was really Jaloliddin; he identified him and burst into tears. The Sultan was buried near Mayoforiken at night and his grave was levelled so the Mongols could not find it.

When Al-Malik-al-Ashraf was informed about Jaloliddin's death, he said, "Are you congratulating me on his death? You will regret it later, because his death means that the Tatars will conquer the Muslim lands. Now there is no rock like the Korezmshah between the Mongols and us. Shahobiddin Gozee ordered them to kill all the men and burn the place where Jaloliddin was murdered.

Rashiduddin Faslullokh, *Jomeah at-Tavorich*

[Translator's note: The events concerning the conquest of Khorezm are depicted in Allvuddin Otamalik Juvayniy's *Tarihi Jahongushoi* (*World History*) written in 1260, and in Rashiduddin Faslullokh's *Jomeah at-Tavorich* written in 1302-1311. But the fact of Sheikh Najmiddin Kubro's being invited to Chingizkhan's residence at the time when the town of Gurghanj was being captured by Mongol troops is mentioned only in Rashiduddin's manuscript. The passage below, depicting the occupation of Gurghanj by the Mongols, is taken from a 1952 Russian translation of this manuscript. (pages 214-7)]

As has already been mentioned, after conquering the town of Samarkand, Chinghizkhan decided to occupy Khorezm, and early in the autumn of 1221, he directed his three sons, Jochy, Chigatoy and Yughedey, to lead the hordes through the desert toward Khorezm. By this time Maverannakhr and the surrounding regions had already been occupied by the Mongols, and Khorezm (the former name was Gurghanj and it was called Urgange by the Mongols) looked like a broken down *oltove* (a nomad tent), the tightly-tied ropes of which had been torn into pieces.

As has already been stated in the previous chapter, Sultan Jaloliddin returned to Khorezm after his father's death, but when he felt that some of his emirs were plotting against him, he abandoned the town.

His brothers and a group of emirs of dominions of Gurghanj, which were the Sultan's property, on hearing about the Mongols attack on the town, fled to Khurasan. On their way they were all killed. As a result of the Sultan's flight, the capital of Khorezm was left leaderless. The authorities of the town of Gurghanj consisted of noble people of the Turkish tribes related to Turkon khatune, the Sultan's mother. Among them were Khumor, Aghue, Hogib sipohsolor (the military commander, Bukah-Pahlavan) and Ali-Marghini. The population of the town was great, uncountably great. In the absence of a leader who could regulate the life of such a big town and who could solve urgent problems, Emir Khumor was chosen their leader, since he was Turkon Khotoon's relative.

One day, quite unexpectedly, a small group of Mongols consisting of horsemen approached the town gates and made an attempt to drive away their cattle. Some unwise local people on horse back and on foot, thinking that the whole Mongol force consisted of only that small group of horsemen, began to attack them. The Mongols ran away from them as far as Boghi - Hoorram, which was located a distance of one *pharsang* from the town. Suddenly there appeared a group of Mongol horsemen who had hidden themselves in a shelter. They encircled and crushed the crowd of local people. Having killed about a thousand, the Mongols chased the rest up to the gates and then entered the town as far as the place called Tiyura. At sunset the enemy troops left the town and withdrew to the steppe.

The next day they again made for the town. The former Sultan's commander Pharidune Ghuriy and his 500 horsemen defended the town, staying at the gates and counterattacking the enemy.

At this time Chingizkhan's three sons Jochy, Chigatoy and Yughedey also approached the town at the head of a great number of troops. They rode around the town with the aim of studying its location and stayed for the night besieging the town from all sides. Then they sent a delegate into the town demanding that the citizens of the town should surrender and submit. As there were no stones around the capital of Khorezm, the Mongols cut big mulberry trees into pieces and used them as the ammunition for their catapults. As was their custom, day after day they created an awful noise around the walls of the town trying to frighten the citizens and to make them panic. They alternately offered them various terms and threatened them as they shot at them. This continued until a great number of other Mongol troops came to their support.

As soon as they strengthened their ranks, they began their assault. First of all they filled in the *fosse* ditch; in two days time the work was finished. Then they attempted to redirect the River Jailhune and turn it from the town--there was a bridge on the river into the town. Three thousand Mongol soldiers were sent to fulfil the task. Quite unexpectedly they began to attack and destroy the bridge, but they were encircled and beaten back by the citizens. Inspired and encouraged by this victory, the citizens showed the enemy a more resolute resistance. In addition to that there appeared some disagreement between the two brothers, Jochy and Chigatoy. Because of their difference views, opinions and wishes on a number of things they could no longer get along. Their mutual disagreement resulted in their losing their favourable position in the war. Chinghizkhan's will-to-victory suffered a fiasco. And the people of Khorezm beat the vast number of Mongols; as they say: Of the bones of the killed were created big mounds, which can still be found in the environs of Lovely Khorezm and its capital of Gurghanj. The town stayed in an uncertain state for about seven months and yet it was not captured.

While the three princes were making their way from Samarkand to Khorezm and were besieging the capital of Khorezm, Chinghizkhan came to Nahshab (the present town of Karshi) and stayed for some time. Then, having crossed the Termez (Amu-Darya), he came to Balkh and occupied all the towns and the villages. Then he made his way towards the Talikhon fortress with the aim of occupying it.

When he was besieging the fortress there came a messenger from Khorezm, the place where his sons were staying, with the information that the reason for their loss was his sons' Jochy and Chigatoy's disagreement. On hearing these words, Chinghizkhan became angry and ordered their brother Yughedey to

become the leader and to be the commander-in-chief of all the troops. Yugheley was known to be wise, reasonable, clever and quick-witted. When the messenger came to Khorezm and handed Chinghizkhan's order to Yugheley, the young man began to act according to his father's decree. He made a point of regularly visiting his elder brothers' camps. With great tact and care he talked to them, urging them to be friendly with each other and to unite their efforts. And he was rather successful in fulfilling his duties; he managed to set the military affairs in order and to strengthen state power.

Thereafter, having united their actions, the Mongol soldiers successfully fought the battle and that very day they managed to set up their victorious banner on the walls of the fortress. They penetrated into the town and set its residential areas on fire, shooting at them with *corura* (missiles filled with black oil). The citizens rushed to the town gates and continued their fight in all the districts and streets of the town.

The Mongols fought to the death and gradually managed to occupy the town and destroy the town's residences by fire. Thus, within seven days they occupied the town. Afterwards they drove all those who left alive out of the town onto the steppe, and some 100,000 craftsmen, who were selected out of them, were sent to the east. Young women and children were taken prisoner; and the rest of the local people were sentenced to death at the hands of the Mongol soldiers. Each of the Mongol soldiers was to kill twenty-four men and the number of soldiers was more than 50,000. In short, the Mongols destroyed the whole population, marauded the town and ruined the buildings in it.

When Chinghizkhan heard about Najmiddin Coorbo, the Sheikh of all Sheikhs of Urgange, (May he rest in peace--May God bless him) he sent him the following message: "I have ordered that Khorezm be wiped off the face of the earth. My will is that the most prominent and honourable person of our times should relinquish the land of Khorezm and join us." The Sheikh (May God bless him) said in response to that message: "For seventy years I have been living on this land in peace and have been sharing my people's woes and joys. And now, when my people are in grief and in danger, it would be unfair of me and disgraceful for me to leave them alone." After the town had been occupied, he, however, was not found among the dead. May he rest in peace! (p. 191).

Mukhammad Khorezmshah relocated the greatest part of his troops, which was equal to some 400,000 men, in Turkiston and Maverannakhr. Thus, in Utror, at Kairkhan's disposal, there were 20,000 men; Kutlooghon had 10,000 in Banokat; in Bukhara, Emir Kooshlue left 3000 men at the disposal of Emir okhoor Oghule - khogib (whose nickname was Inanchkhon), Khamidnoor Tay-angue and the other Emirs. In Samarkand he left his uncle Torghonchookhon, his mother, his brothers, and four more emirs Kharmil, Harsoor, Isooddin (Chart's son), Nisommuddin Makhmood and a number of other people with 110,000 soldiers.

Fahriddin Habash's and Sediston's troops were assigned to Termez and his eldest son Mahmoodkhon Hasan was assigned to Balkh to defend his eldest uncle. Asad Pakhlavan was assigned to Jaid; Malik Daghoolchorkoon to Hutalon; Burtosin to Khoonduse; and Aslabakhon to Yorkend. He ordered the rebuilding of the walls of the Samarkand fortress. Mukhammad Khorezmshah made his way towards Nashhab, (p. 192) and all the way he kept saying again and again: "Do your best to find some way out; it is impossible put up a resistance to the Mongol troops." He sent a man to Khorezm to make it possible for his wife and his mother, Turkhon Khotoon, to escape from Khorezm by the

Mosandaron road. At every place he stopped along the way he asked for other people's advice about how to get rid of the misfortune. Every minute more bad news came to him. Tradesmen told him--as did his son Jaloliddin, "Maverannakhr is in a desperate position. There is no way out. Now we must do our best to preserve Khurasan and Iraq. We must call back all the troops from the towns and withdraw. We must turn the River Jaihoon into a moat or we shall have to find shelter in India."

Sultan Mahmood took unpleasant advice and came to Balkh, where Imodal-moolk from Seবাদan joined him. He had previously sent his son Rokhiddin with gifts and contributions. The Khorezmshah welcomed him warmly. Imodulmoolk invited the Sultan to Iraq saying, "We shall recruit soldiers in Iraq and then after a thorough and open discussion we shall come to some conclusion."

But Sultan Jaloliddin refused to take the invitation, saying, "The best that we can do now is to unite our own forces as quickly as possible and fight against the Mongols. If the Sultan is unable to cope with this task, let him go to Iraq. Let him provide me with soldiers and I am ready to do my utmost to fight against the enemy. I am sure to defeat the enemy and free our land. Only in this way can we justify ourselves before our Creator. And even if we fail we shall not lose heart and then no one will dare say, 'They have been taxing us and now, when we are in deep waters, they are turning their backs and leaving us.'" Again and again he repeated these words and tried to get the father's permission.

As for Sultan Mukhammad, he was in such a great panic that he was unable to listen to his son's wise words and understand them and come to share his opinion. He considered his words to be those of a capricious child and he considered the current grave situation to be the sign of the decline of the star of his fortune.

[p. 213] Mukhammad Khorezmshah ran away from the Mongol's pursuit and came to Mosandaron and consulted the nobles of the town. They advised him to hide himself on one of the islands of the Obiskoon (Caspian) Sea. The Sultan reached one of the islands and stayed there for some time. And when this fact became known to everyone he moved to another island. But a detachment sent by Jebe - nuyon from Raidan pursued him. When they failed to find him they went back and captured the castle where the Sultan's wife and his riches were left. All the captured things and people were sent to Chinghizkhan.

When this grave and horrible news reached Sultan's ears and he learned of his wife's being disgraced, his sons' being beheaded, the innocent princesses' being turned into concubines by the brutes, a great change came over him, he suffered much and was in despair, and the world darkened in his eyes.

With unbearable pain in his heart from the impact of what he had heard, with sobs and cries, he died. He was buried on that island. Some years later Sultan Jaloliddin took his remains to the Ardakhon fortress, not far from Tehron. The Khorezmshah (Mukhammad) first declared his elder son Orslik his heir, but upon reaching Obiskoon Island he changed his decision and declared Sultan Jaloliddin his successor.

Mahmud Chaghminy,
Mulahhas Til - Khaya

[p. 38] I have written this book as an educational textbook for scholars. It comprises direct statements, settings and commentaries, and unnecessary words are abridged. I have entitled this work *Al - Mulahhas Til - Khaya* (An

Introduction to Astronomy). It consists of an introduction and of two fundamental parts.

[p. 44] All simple elements are of spherical shape. The conditions for formation of the elements and things of various shapes on the earth and the influence of different phenomena and events is due to the presence of rough protrusions on its surface. Such high and low levels appear due to some additional reason besides the inner nature of the earth. The protrusions cannot have an influence on its primary spherical form or nullify it. It is as if, for example, you take an egg and glue some grains on its surface, they will not change the primary form of the egg.

[p. 46-7] Water is also of spherical shape, but it is not exactly round in the whole, because some rough parts of the earth stick out of the surface of the water. Air is also of spherical shape. The rough, uneven surface of the earth and of the water makes the air above them also rough and uneven.

[p. 69] The line on the earth, located on the level of the sky equator is called the equator of the earth. So, when speaking of the equator of the earth we mean the sky equator, which encircles the world and creates a circle around the earth. The circles which are parallel to the ellipsis are called the lines of latitude.

[p. 71] The elliptical circle together with the sky equator cross in two diametrically opposite points. One of them is situated to the north of the sky equator and is called the vernal equinoctial point and the other in the south is called the autumnal equinoctial point. The maximum limitation of the ellipses from the sky equator is also noted in two points. One of them is located to the north of the equator and is called the point of summer solstice and the other is situated in the south and is called the point of winter solstice.

So the ellipse has 4 points and these points divide the ellipse into four square parts. And the period, within which the Sun passes through each of these squares makes up a season.

[p. 76] The period of sunrise and sunset are determined in accordance with the horizon. The horizon divides the sky equator into two equal parts in its two points. One of these two points is the eastern point, or the point of sunrise during the solstice. The second point is the western point, or the point of sunset during the solstice.

[p. 87] The geographic longitude of a town is the distance between the meridian of the sky equator and the meridian of the farthest point of the globe. And the geographical latitude of a town is the distance between the meridian of the sky equator and the zenith.

[p. 129] The earth is spherical in shape. On the surface of the earth can be pointed out three main circle lines. One of them is on the level of the sky equator, that is, the equator of the earth. The second circle line is on the horizon level of the Earth equator and passes near its poles. And the third circle is the meridian line, located on the equator just in the middle of the planet.

The first circle line divides the earth into two parts: the southern and northern parts. The second line divides each of the first two lines into two equal parts. As a result of this the earth is divided into four parts. There are mountains, steppes, deserts, meadows, seas as well, but they are not inhabited by people.

[p. 130] In other squares of the Earth people don't live.

The third of the circle lines divides the earth into two parts: the western and the eastern parts.

The point of intersection of the first and the third circle lines is called *Yer Quoobbasi* (The Pole)(*Quoobbat -ool -arz*).

The farthest northern end of the globe is on 66° (of northern latitude) and it begins at the equator. But Ptolomeus in his book *Geography*, proved that the farthest parts of the country of Singhs and Habashs (India and Ethiopia) which is located behind the equator on $16^{\circ} 25'$ (of southern latitude) are also inhabited by people.

[p. 131] There exists a theory which says that the earth begins from the west, and this theory was even accepted and recognised by the pioneers of this science, by Yunons. But some of the scientists are inclined to think that the starting point of the geographic longitude is in the *Yhrabiy - Orovchi Denguis*, on the eastern coast of the Atlantic Ocean. Others consider that the primary meridian makes its beginning on one of the farthest islands of this sea. The distance between the eastern coast of the sea and these islands is 10° .

In addition the globe is divided into seven prolonged parts which are parallel to the equator. These seven parts are called "seven climates."

As they say, at 63° northern latitude there is an island named Tuley, where people have to live in hot bath-houses because of the severe cold in that place. The inhabitants of that place are Slavonic people.

[p. 160] Mecca's longitude is $77^{\circ} 10'$, east from the Kholidot islands and its latitude is $21^{\circ} 40'$ north. The capital of Khorezm, Gurghanj, has a longitude of $94^{\circ} 0'$ east, and its latitude is $12^{\circ} 10'$ north.

[p. 163] When the rays of the sun fall on the earth they light the side which faces the sun, and the shadowy part of the earth appears to be on the opposite side. As a result of this, on the sunny side of the earth it is daytime, and on the opposite side it is night.

The shadow of the earth is of a round conic form because the size of the sun is greater. When the sun is opposite the earth--is behind in reference to us and is very close to the horizon--the cone of the shadow comes from the zenith; at this time the air through its density is lit by the sun.

[p. 165] The closer the sun is to the horizon, the more the earth is lit by it and there appears a red glow. This phenomena can be seen in the morning and in the evening.

[p. 169] The period within which the sun starts moving from one of its elliptical points, from the west towards the east and then returns to its starting point, is called a "year."

[p. 170] The scientists considered the sun's movement after the beginning of Hamal to be the beginning of the year. This is considered to be "a real solar year" an ancient year consisting of twelve months. The period within which the moon starts changing its position in relation to the sun and moves back to its primary state is called a "month."

Mukhammad Ibn Najib Bakron,

Jahonnoma (World History)

"About Jand and the Khorezm Lake" (p. 6a)

In the region of Jand there is a lake, which is also considered to be located in the Khorezm region. In its circumference it is equal to 100 *pharsang* and its diameter is equal to 32 *pharsang*. Its water is salty. The Khorezm River (the Amu-Darya) as well as the Choch River, the Ferghana River and a number of others of that region flow into that lake.

The Khorezm River and the Choch River flow into this lake at a distance of

20 *pharsang* from each other. So, as it has been stated, these two big rivers flow into this lake.

As for the rivers, big flowing rivers are called *rood*, but ordinary people call such big rivers *Jaihune*. But, in fact, *Jaihune* is the Arabic name of the river which flows near Termez. This river, then, flows up to Khorezm and from there flow on to the Jand Lake (the Aral Sea).

[p. 11b] The Khorezm River. As has already been stated, the word *Jaihune* in Arabic is the name of this river, but ordinary people call all big rivers *Jaihune*. This river has its origin in the region of Vakhon. In the Tibet mountains in the region of Badakhshon there is a place named Panjab where five more big rivers join the Khorezm River. On the *Quoobodiyon* (Western) side some more rivers flow into it and the river passes into Balkh region. Then it reaches Termez. After that the Khorezm River passes Kholif, Zamm, Amu, and flows into Jand, and the Khorezm Lake (the Aral Sea).

The distances alongside this river are as follows: the distance from Badakhshon to Termez is thirteen *manzil* (the measure of distance of that time) from Termez to Zamm is five *manzil*; from Zamm to Amu is four *manzil*; from Amu to Khorezm is twelve *manzil*; from Khorezm (Gurghanj) up to the Jand Lake is six *manzil*.

Out of this river a canal (*aryk, joy*) flows towards the town of Kot. The name of this canal is Govhorah.

A stretch of one *manzil* is very dangerous for ships and boats. The reason is that the river flows between two mountains and the distance between them is very narrow and the stream is very fast, because it runs downward. Ships must be guided with great care in order not to be crushed.

In winter the surface of the river freezes up, with the freezing beginning on the Jand side and going upward.

[p. 14a] Kot is the ancient *kasaba* (centre) of Khorezm. By the road passing through the desert, the distance from Bukhara is nine *manzil*. When going there by the Amu road, it is twelve *manzil*.

[p. 15b] The Khorezm desert. A well-known desert, the Kara-Kum, is located between Khorezm and Khurasan. It covers about 100 square *pharsang*. There is another desert, which begins in the Balkh region and stretches to the Khorezm region. Amu and Zamm are situated in that desert. The territory between the Bukhara region and the Khorezm region is also a desert. And the same with the territory between the Khorezm River (Amu-Darya) and Nakshab-- it is also a desert.

ARCHITECTURE OF KHOREZM

The Architecture of Central Asia in the Epoch of Khorezmshahs

The pre-Mongol period of the state of Khorezmshakhs was marked by a rise in art, culture; feudal towns continued to develop intensely especially XII through the art of architecture flourished. As is well known the architecture of that period is a solemn and silent witness to historical events and eloquently tells us of the level of material culture of that epoch.

The pre-Mongol period of the Khorezmian school of architecture, under Jaloliddin Manguberdi, who was a follower of earlier traditions, was the brightest and most colorful. Considerable development of architecture, even during the period of Mongol domination, was due to the potential and creative tendencies of this school. And, in order to bring to light the sources and further importance of the architecture of that period, we are going to analyze the pre- and post-Jaloliddin Manguberdi period of development up to the epoch of Amir Temur. In other words, Central Asian architecture of the XII-XIV centuries.

The vast territory of the state of Khorezmshakhs in the pre-Mongol period consisted of most of the territory of Central Asia. The biggest towns at that time were Bukhara, Marv and Samarkand, which were located on the main route of the Great Silk Road. A growing and flourishing Gurganj - the capital of Khorezmshakhs, was not of less importance as it had become a lively place for international trade.

Today the ruins of the former Gurganj is located on the territory of Turkmenistan near the small remote town of Kjkhna-Urghench on its boarder with Uzbekistan.

By the X-XI century, Gurganj had become the largest cultural, trade and handicrafts' and scientific centre. During Mahmoon's rule the Mahmoon Academy was founded where Ibn Sina, Beruniy and many other famous scientists worked fruitfully. Buildings and other structures in the town covered 400 hectares.

Gurganj was located on both sides of the Amu-Darya River and was separated from the river by a dam, which was later destroyed by the Mongols. The geographer, Yakute, wrote the following about the Gurganj of that time:

"I was there (in Urghench) in 616 (12-19-20) before it had been conquered and ruined by the Tartars. I had never seen a bigger, richer nor more beautiful town before. And all those changes took place due to the devastation the Tartars brought."

The Mongols destroyed the town but it was gradually reconstructed and it attained its zenith during the rule of Sultan Uzbek, the ninth khan of the Golden Horde (1312-1340), and Kootlughe-Temure, his deputy - the ruler of Khorezm.

At the beginning of the XIII century, the dimensions of a heavily constructed and densely populated Gurganj was even larger than during the Mongol period. Ibn Batuta, the traveler from Morocco, describes Gurganj in the following way: "It is the greatest, the biggest and the most beautiful of Turkic towns

with wonderful bazaars (markets), wide streets, a great number of impressive buildings. Thanks to the multitude of citizens, the town is full of life and it looks like a stormy sea.”

Some masterpieces of architecture have been preserved in Gurganj, living examples of the magnificent Khorezmian architectural school such as Phakhriddin Rosiy's and Sultan Tekish's mausoleums of the XII century, the memorials of the XIV century - Turabekkhanyam's mausoleum, Kootlughe Temure's minaret and others. All these and some other important structures from the XII-XIV Central Asian century will be our field of study and research. A number of monuments have been preserved in the town of Mizdakhkan, situated not far from Kokhna-Urghench (at present it is the site of an ancient town) near Khodjeilie in Karakalpakstan).

On the whole, many of the towns in the Central Asia of that period, consisted of three sections: a castle; the oldest part of the town called the Shakhristan and the suburbs called rahbads. Each of these sections of the town was fenced by a defensive wall made of pakhsa (big masses of clay) and of adobe. In the walls of the Shakhristans and rahbads were several gates, and the paths from those gates led to the centre of the town where its social and religious centers with their buildings were situated.

In the Central Asian architecture of the XII-XIV centuries, in constructing monuments, they mainly used brick on super-solid grout and sometimes - raw materials. But the facade was always brick-faced. In order to waterproof, and with the aim of increasing the seismic stability of the buildings, they sometimes used cane cushions laying them 6-10 centimeters thick.

When building certain structures that were located in damp surroundings, i.e. foundations, bathhouses, bridges etc, waterproof lime grout was used.

In space designs, more and more use was made of the cupola with a more stretched and upward directed form. In order to create more impressive and magnificent silhouettes of the buildings, they began to use higher drums and 2-tier domes. As a result of this the dome had a hollow interior casing and over it a high exterior decorative dome which very often was partially or completely decorated with blue tiles.

These peculiarities are clearly reflected in the monuments of the Khorezmian architectural school such as Phakhreddin Rosiy's mausoleum, Sultan Tekish's and Turabekkhanyam's mausoleums in Kokhna-Urghench. In Turabekkhanyam's mausoleum the dome has a three-tier cover.

In the decor of the facades, the background of high quality ornamented framing exudes the details of a deeply carved terra cotta relief. Besides the combination of light-yellow brick and transparent shades, the relief decor gives the structure a refined and exquisite appearance, exerting a great emotional influence. The details and girdles of carved terra cotta with their splendid vegetable, geometric and epigraphic ornaments in the pre-Mongol period, were more and more often covered with blue and white colored glaze. An example of this is the portal of Khazir Chashmah Ayube in Vobkent.

This tendency was coming more and more into use during the period of the Golden Horde when Turabekkhanyam's mausoleum in Kokhna-Urghench, Sulue's mausoleum in Mizdakhkan and Buyankulikhan's mausoleum in Bukhara were decorated with finely carved epigraphic ornaments and given a splash of terra cotta paint. Epigraphic ornaments with improved "Koophie" and "neskhie" was playing an increasingly important role in the decor of the buildings making them look quite magnificent. In addition to the superscription's of a religious content

- the Surah texts from the Koran and texts from the Hadith, the epigraphics contained information about the client, its author and the date on which the work was completed. The mausoleums contain information about the person, the most important dates in the life of the person who had been buried there.

Sometimes, the arch of the portal bay, forming part of the facade, was decorated with carved 'ganch', a type of alabaster and can be seen in the facade of the Maghoki Attori in Bukhara and the Chashma Ayube in Vobkent. Examples of stalactiform 'ganch' can be found in the Phakhriddin Rosiy mausoleum in Kokhna-Urgheneh. The interiors of palaces were often decorated with carved 'ganch' of various drawings in combination with geometric, vegetable, epigraphic and sometimes zoomorphic ornaments. This type of carved 'ganch' was used in the palace of Termezshakhs in the XII century.

In Central Asian architecture of the XII-XIV centuries different types of buildings were designed: buildings for religious ceremonies such as mosques, mausoleums, madrassans (religious schools), khonakos and civilian buildings such as houses, shops, caravanserais, rabatsbath-houses, sardobas etc.

We are going to study the evolution and peculiarities of these types of buildings in Central Asia from the XII-XIV centuries classifying them according to their functions.

The Religious Architecture

The mosques during that period which we are studying, fell into three main types: district mosques, assembly (cathedral) mosques and holiday festival mosques. All three types of mosques from the XII century have been well preserved in Bukhara.

District mosques were intended for the five times daily prayers for the inhabitants of a certain district. According to its location and its functions, the XII century district mosque, Magoki - Attori, can be considered one of them. Being unusual in its architecture this mosque had a rather old foundation and a unique and interesting history to its construction. As the X century author, Muhammad Narshakhi recounted, in the IX-X century at the Attoron market, formerly the site of a heathen temple for fire-worshippers, a mosque was erected "one of the marvelous mosques in Bukhara," which had burnt during a fire in the town.

Later, in the XII century, in the place of the Mokh mosque, a new mosque was built, which preserved its rectangular shape and is known today as Magoki - Attori. Only this mosque was functioning in Bukhara at that time. Only its southern portal is flanked by twin semgophras and luxuriously decorated and ornamented with unique relief decor of figured brick, carved terra cotta, detailed here and there by blue glaze and carved 'ganch'.

In the XIV century, Magoki - Attori was repaired and in the middle of the XVI century, it was reconstructed.

The Cathedral or Jumah mosques were intended for Friday public prayers. In the XII-XIV centuries the characteristic feature in the design of their plans was the presence of yards and 'aivans' (open verandahs) and a gallery of columns surrounded the rectangular closed yard, forming its perimeter,, sometimes with aivans in the spindles of the yard. The architecture of the Cathedral mosque of Bukhara, erected in the Shakhristan region in the 1120's by the ruler of the town, Arslan Khan, was an example of this type of design.

The Mongols destroyed it, but its minaret, now called Kalyan, has wonder-

fully preserved. In the XV century a new Jumah mosque was erected on the foundations of the old Arslankhan's mosque that has survived the passage of time.

The Khorezmshakhs also attached great importance to the construction of charitable institutions. The ruins of one of the Juma mosques, judging by the inscription on its portal built during Muhammad Khorezmshakh rule (1200-1219) by the architects, Abdule-Khoosain ibn Muhammad an-Nakah and Muhammad ibn al-Khoosain an-Nakah, has been preserved in Dakhistan (Turkmenistan). The gallery, on round brick columns, surrounded the perimeter of the yard of the mosque. In the depth of the yard on its spindle there was constructed a portal - domed hall of the mosque - maksurah. The portal was decorated with carved terra cotta and covered with glaze. Besides this there were epigraphic girdles inscribed in the Neskhie and Kufie script, geometric ornaments etc. In the southwestern corner of the mosque a minaret was placed.

The Holiday or Ceremonial mosques, (namozgokh, musallya, iddokh) were intended to be used for prayers twice a year - on the religious holidays Fitr and Koorban hayits only attended by the men of the town and its suburbs.

According to information about Marv and Bukhara, the town squares were used as the places for the first holiday mosques. Over the course of time the town squares became too narrow for such prayers and later they were held in more spacious surroundings.

Thus, in 1119, Arslankhan ordered the building of a new type of mosque called a 'namozgokh' at the gates of Ibraghim (later known as Sheikh Jalol). On its western side a decorated wall was erected with a 'mikhrab' bay and next to it 'minbar' which was a raised area for the Imam (priest). In front of the mikhrab was a spacious square for prayers fenced in by a clay wall. At the end of the XIV century the wall and the mikhrab were decorated with an inlaid mosaic and later in the XVI century, this was replaced by an arch-domed gallery with a portal in its center.

Minarets were indispensable attributes of the cathedral mosques and were intended for calling Moslems for prayer. The first minarets were made of raw clay (adobe) and only in the XII century were minarets made of brick. The surface of the base was decorated with ornaments and horizontal girdles of a relief ornament of carved terra cotta. Among the well-preserved minarets are the XII century minarets in Jarkurgan, Bukhara and Vobkent and the XIV century minaret in Kokhna-Urghench. Primarily, all of them are part of cathedral mosques that have vanished, and those mentioned have remained (except Kalyan) as isolated structures. As usual the entrance to a minaret was from the roof of the adjoining cathedral mosque and that is why the entrance aperture was 5-8 meters above the ground.

The architecture of the oldest of the minarets in Jarkurgan, built in 1109 by Ali bini Mukhammad from Serakhs, is quite unusual. The base of the minaret is decorated with 16 joined gofra semi-columns, which are intercepted at a height of 20 meters by horizontal epigraphic lines. The second tier of the minaret has disappeared but still has a height of 21,6 meters and a base diameter 5,4 meters.

The most significant minaret is the one in Kalyan in Bukhara, built in 1127 incorporating many safety features and, as a result, has meant that the minaret has preserved its primary height of about 50 meters. In an epigraph, the name of the master craftsman, Bako, was found.

There is a legend which says that Bako disappeared for 3 years after having built the foundation of the minaret. He did this intentionally in order to allow

the foundation to settle then returned later to finish the work. The Kalyan minaret served as a prototype for almost all the following minarets at the Bukhara oasis which built up to the beginning of the XX century.

The minaret, erected in 1197 next to the now vanished cathedral mosque in Vobkent, is one of its first imitations. Its architecture is almost the same as the architecture of the Kalyan minaret, but the Vobkent minaret, being only 38,7 meters high, looks taller and more graceful due to its thinner stem and its proportions.

From the time of Muhammad Khorezmshakh's rule we have the ruins of the minaret, built in the southwest corner of the above-mentioned mosque in Dakhistan. The minaret was traditionally decorated with pair laying of the brick on the background of which there were the horizontal girdles of carved decor as well as of the relief inscriptions.

In Kokhna-Urghench, the capital of Khorezmshakhs, there were two minarets. Only the foundation of the first minaret, built by Abul Abbas Mahmoon ibn Mahmoon made of lead, has been preserved.

Another minaret built some time later near the mosque of Sultanpasha Turabekkhanyim, is also well preserved. A doorway was made on the roof of this mosque that measures 6 meters in height. Judging by the kuphic relief inscriptions over the entrance, the minaret was built during Kootlughe Temur's rule (1320-1330). The surface of the tower is decorated with 18 ornamented girdles of carved layers of brick. The minaret was rather firm due to the fact that the tower on the top was much narrower than at the bottom: thus, the diameter of the foundation was 10,85 meters and at the top it was 4 meters. The minaret formerly had a lantern at the top which could be reached by a 143-step spiral staircase inside the tower. This unique and wonderfully preserved structure of 60 meters, is the tallest minaret in Central Asia.

Mausoleums have survived in great numbers because they were worshipped, respected, guarded and not destroyed by conquerors because of superstitious fear. These surviving mausoleums from the XII-XIV centuries are good examples of the evolution and peculiarities of the architectural schools in Central Asia.

At that time the construction of both one-chambered mausoleums with a domed portal and many-chambered many-domed mausoleums were wide spread. Such mausoleums have a 'ziyaratkhana' - a room where people come to pray for the dead, a "goorkhana" - a burial room and a number of service rooms. A good example of this type of structure is Najmiddin Kubro's mausoleum in Kokhna-Urghench. Although having much in common in their architecture each Central Asian region had its own peculiar architectural schools.

A typical Khorezmian mausoleum had a centric-domed design with big expansive spaces, some parts of the wall having a gallery or a double-layered dome. These features found their wonderful reflection in the architectural masterpiece - Sultan Sandjarah's mausoleum built by the architect Mukhammad bin Atsyz Serakhsie in Marv in the XII century. This rather large and majestic one-chambered construction with a centric design had been a constituent part of some big complex. At present it is a single cube-shaped space with an open gallery at its one end with a dome which has lost its blue glaze decorative tile coating. The gallery of the mausoleum is decorated with brick designs and carved ganch, and the interior decor consists of wall paintings of geometric and epigraphic characters in blue and red colors on a white background.

An example of a many-chambered mausoleum in Khorasan is Mukhammad ibn Zeid's built by the ruler of the region, Shereff-ad-din Abu Takhir in 509 of

Khidjry according to an inscription in the interior of the mausoleum. It is primarily a centric-domed mausoleum, made of adobe and faced with polished brick.

Later, when a praying mosque and goorkhana was added, the mausoleum became a many-chambered, many-domed construction. The most striking features about the mausoleums of the XII century were the ornamental facades consisting of marvelously painted murals in the interior and wonderfully carved gravestones.

The mausoleums of northern Tokharistan are quite original. The most interesting ones are the many-chambered mausoleums with their complicated design that forms part of the large burial complexes.

Examples of these mausoleums are the Sultan Saodat complex and the mausoleum and funeral mosque inside the Hakim at - Termeziy's complex. The many-chambered, many-domed Zule-Kifl mausoleum from the XI-XII century located on the Aral-Paighambar island of the Amu-Darya River not far from Termez, is also of great interest.

The Khorezmian architectural school, which became influential in the XII-XIV centuries, has become the most interesting and original school of its time. Typical of the architecture taught by this school was the cone-shaped or cut hipped domes decorated with small blue-glazed bricks. Facades were lavishly decorated with carved terra cotta.

Phakhriddin Rosiy's mausoleum of the 12th c. in Kokhna-Urghench is an example of this type of architecture that has a 12-sided drum, crowned with a pyramid shaped dome towers above its cube-shaped foundation. The main facade is decorated with a fine quality, deeply carved terra cotta.

Sultan Tekish's mausoleum, built between the XII-XIII centuries, relates to the same school. Here too one can see a many-sided drum, crowned by a cone-shaped dome, towers above a square-shaped prism. For both mausoleums the following features are typical : hipped roofed domes (cupolas) decorated with blue small bricks, glazed carved terra cotta and interior stalactites.

The archway of the portal to Tekish's mausoleum, made of stalactite in the form of a three-cornered bay, is a very expressive and original shape. This portal, unique in Central Asia in its construction, has got a number of similarities to the Seljuke architecture of Asia Minor of the end of the XII-XIII centuries. And this fact is a reflection of certain mutual cultural relations between the two regions.

Some researchers consider that some of the structures adjoining this building had formed an important part of some complex, others think that it was part of the palace of Khorezmshakhs, still others consider that it was part of a cult complex.

The small mausoleum of Khaliff Radjab (Kalpyridjep), on the site of the ancient settlement of Mizdakhkan, can also be singled out. The cube-shaped building was probably built in the XI century and was made of adobe and bricks and decorated in the XIII-XIV centuries. The main facade was divided into 3 arches. Ktabue and the II-shaped frame of the facade above it contained fine epigraphs and was decorated with carved glazed terra cotta.

Three other structures can be referred to the second type i.e. the many-chambered mausoleums of the Khorezmian architectural school.

Turabekkhanyim's Mausoleum — honako

It is the most prominent and refined structure of that period. A large hexahedron hall called a 'Ziaratkhana' dominates the design with a small

goorkhana and hall with a portal adjoining it on two sides. The dome of the ziaratkhana had a 3-stratum cover with the outer cone-shaped dome, now destroyed, placed on a tall drum with apertures to allow in daylight.

The inner cup of the dome of the ziaratkhana was of a carved 'kashinny' mosaic with intricate geometric patterns of delicate flowers and vegetables. On the fazades luxurious majolica decor is part of the II-shaped terra cotta frames. Architecture of this type appeared in abundance in Central Asia for the first time.

In Muslumekhan's mausoleum, that measures 30x25 meters, the plan was for a large hall in the form of a cross with a smaller room adjacent to it covered by a 8-sided hipped roof dome as well as a number of small side rooms arranged in pairs. Only some small sections of the interior facing, where light terra cotta was blended with blue glazing, has been preserved. The inside of the cup of the dome is decorated with plain smooth tiles of blue glaze. In both halls one can see wonderfully crafted gravestones of polychromatic majolica with an inscription indicating that it is Najmiddin Kubro's grave. It is thought that the mausoleum was built in the XIII century and the gravestones were put in the XIV century.

In Kokhna-Urgench, the most respected and worshipped place is the mausoleum of Najmiddin Kubro, the founder of the Sufi order of Coobravia. Wishing to share the tragic fate of his disciples and fellow-citizens, he refused to take the opportunity the Mongols offered to spare his life and perished during the invasion. This mausoleum is a four-chambered tetra-domed portal structure. In its design, in addition to the lobby and two small halls, there is a large goorkhana with a magnificent gravestone to Najmiddin Kubro. This gravestone and the portal of the building are decorated with splendidly painted majolica in the Khorezmian school style.

Later, opposite Najmiddin Kubro's mausoleum, forming an ensemble with it, Sultan Ali's mausoleum was erected which in its size and style was similar to Turabekkhanyam's mausoleum.

It is necessary to maintain, that brilliant traditions of the Khorezmian architectural school have had an influence on the architecture of a number of surrounding regions. Thus, E.V. Rtveladze thinks that the construction of portal hipped-roofed and centric types of mausoleums in Madjara in the Northern Caucasus in the XIV century, during the vast incultation of Islam in the Golden Horde at Uzbek Khan's ruling were built under the influence of Khorezmian school.

The architectural school of Maverannakhr is represented by the Uzeghen mausoleums of the XI-XII centuries, built at different times. They represent three adjoining portal-domed structures consisting of three luxuriously decorated portals facing East. The largest one, the main building from the XI century, had earlier been a ziyaratkhana with two facades decorated with brickwork and carved ganch. In 1113 Ali Kilich's mausoleum was added to its northern facade and in 1187, a third mausoleum was added to the South of the main structure. They all were splendidly decorated with tiles of carved terra cotta.

From the time of the Golden Horde we have the mausoleum of Buyankulikhan, the substitute Khan for the Mongols, who had embraced Islam. He was buried near to the revered Sufi, Saifeddin Bokharsie's (1190-1261) mausoleum. It is a small portal-domed two-chambered structure in the planning of which provision was made for a goorkhana, ziaratkhana and a narrow corridor surrounding them.

The magnificent decor of its facades and ziyaratkhana of bright blue, dark blue and white painted terra cotta, is very impressive which sticks in the

memory. Perhaps it is a vivid example of the influence of the Khorezmian and Samarkand architectural schools on the Bukhara school.

The XII century mausoleum of Boboi Poraduse in Bukhara, which underwent considerable reconstruction in the XIX-XX centuries, can also be mentioned here. The portal of this domed structure has been removed from its spindle, and in its inside there is a large 'sagana' of a saint.

Memorial Complexes

As it has already been mentioned, Buyankulikhan's mausoleum was part of a funeral complex and this was no exception. Very often, mausoleums, with the grave of a revered Sufi or of some other person who had been canonized, became the place of pilgrimage and there a memorial complex was usually erected alongside the cloister of the Sufi. And often a complex like this represented a number of constructions, built one after another around a shady yard with a reservoir and included the mausoleum of the saint, the 'khanaka' - a ritual hall of the Sufi which was called zirkhona and a small mosque. Included would be rooms in which the Koran could be read and taught, residential quarters, alms houses and 'khoodjras' for pilgrims providing freefood and shelter.

Complexes at Kusam ibn-Abbas's mausoleum in Samarkand and Saifetdin Bokharsi's in Bukhara are examples of this type of structure. A traveler from Morocco, Ibn-Batuta, who visited these places in the XIV century, calls them 'zaviya', the name for his native country.

Ibn Batuta described Saifeddin Bokharsie's complex as follows: "We stopped in a suburb of Bukhara, known as Fatkhaabad, where the grave of an educated sheikh was located. He was one of the greatest saints from the pious hermit Sife al-Din al-Bakharsie. The zavia after his name, where we stopped is very big and has got enormous vakfs (incomes) at the expense of which strangers are fed."

His words are confirmed by the 'vakufe' document of the XIV century, according to which the complex of buildings included the Sheikh's mausoleum and adjoining it to the south, the residences of clergymen and of poor people.

At the end of the XIV century a new two-chambered burial vault for Saifeddin Bokharsie was erected close to the glaze tiled platform of Buyan Kulikhan's mausoleum, which Ibn-Batuta had seen and which was mentioned in the Bukhara documents of the XIV century. From the spacious ziyaratkhana and khanaka entrances lead to the adjoining mausoleum. Both apartments are very much alike in the decoration of their interiors: the eight-sided tier of the arch sails and the sixteen-sided drum with an aperture for daylight though one of the sides supports the big dome. In the XIV century the entrance door on the main spindle was decorated by a monumental portal with powerful towers of guledasta and with an architecture revak above the portal.

In Samarkand instead of the imaginary grave of Kusam ibn-Abbas, prophet Mukhammad's cousin, there arises a complex of memorial and cult constructions, including Kusam mausoleum, Tamgachkhan's madrassah, almshouse. Ibn Batuta refers to this mausoleum from the pre-Mongol period and describes it as a domed structure with marble columns - "The walls of the mausoleum are covered with a many-colored gilded marble mosaic, the roof is covered with lead, the gravestone is inlaid with ebony wood and its corners are inlaid with silver. Inside are three silver hanging lamps. The mausoleum is covered with wood and cotton carpets."

It was considered to be the main sacred place of the town and in the XII century distinguished persons were buried near this mausoleum.

In the XIV century a ziaratkhanan was built next to Kusam ibn Abbas's goorkhana inside which a gravestone had been placed that was tiled with gilded relief majolica. Later, this complex was transformed into the famous Shakhi-Zinda ensemble. At the same time another type of memorial construction was being developed in Maverannakhr - graves in 'khazirs'- open-air graves that had been fenced off. One of the variants of these types of cult structures is Chashma Ayub's memorial from the pre-Mongol period, discovered comparatively recently in Vobkent about 20 kilometers from Bukhara. It was here, in the XI century, near a spring connected with the name of the saint, Khasratie Ayub, where forms of worship took place, that an imaginary grave - a 'kadam gokh,' was believed to exist. To the west a funeral mosque existed (no longer visible) in the form of a wall with a mikhrab bay. From the wall, fencing off the sacred place, there is still a portal that can be seen which is flanked by small towers - 'guldasta,' with an inscription of the date of the construction - 1208.

The portal is full of magnificent decor of ganch, carved terra cotta of vegetable and geometric patterns sprinkled with glaze and ornaments, in the form of pre-Moslem symbols - 'swastika.'

The inscription on the portal reads : "The Prophet (Let him rest in peace!) said: 'First I forbade you ziarat (pilgrimage) to graves, now, do ziarat!'" - explains and justifies the spreading of the cult of worshipping at sacred graves at that time.

Madrassahs of the XII-XIV centuries have not survived and we only know about them from numerous references to them in different sources and from archeological findings. From excavated vakufe documents from ancient madrassahs we only have information about the architecture of Tamgach Bogra-khana, the Samarkand madrassah of the XI century. Here a large 44x45 meter building was discovered which had a right-angled inner yard inside which there were khodjars (small rooms) built along the perimeter and aivans along the spindle of the yard. The main entrance in the centre of the facade led to the domed foyer with a side passage to the halls in the corners. Judging by the vakufe document from the XI century, the official registration of the Tamgach-khana madrassah was primarily intended to be public halls - mosques, classrooms (darskhona), rooms for reading the Koran and for learning etiquette (adaba). And this has all been confirmed the plans for the structure, discovered by archeologists.

The Tamgach-khana, built near Kusam ibn Abbas's grave, was probably repaired in the first half of the XII century by Sultan Sandjar and was called the Koossamiya madrassah.

Civil Architecture. The most common among these were houses, which were usually built of big masses of clay (pakhsa) and of adobe with beamed ceilings, and, for both ceilings of aivans, wooden beam supports were used in the construction.

This building material did not last long and that is why the civil architecture of this period has not preserved well enough which we know from historical and archeological facts. Thus, dwellings at the Marv oasis of the XI-XII centuries were almost symmetrically square in their planning and very often had a high-domed hall that was made of adobe. The ceiling was domed or arched. An example of such a dwelling can be seen at Sultan - qala.

At that time palaces in Marv and Termez were usually built of adobe and had an inner yard with apartments built around the perimeter. Thus the Khorezmsha-

khs' palace in Termez was a right-angled structure with a big inner yard, usually with four aivans. In the XI century the adobe walls of the hall were decorated with figured brick, which was later covered with a layer of ganch with splendid carvings of various geometric, vegetable and zoomorphic patterns. The front door of the building had ganch gratings (panjarah), with colored glass and the walls were painted in black, blue, red and green colors.

Of the Bukhara palaces of the XI-XII centuries he mentions the Karakhanid Shams Ule-Mulek's palace which had gardens and a zoo, located near Shamsabad and Arslankhan's palaces, one of which he had given to use as a madrassah.

Ibn-Batuta left detailed information about the palaces of Kokhna-Urghench during the period of the Mongols dominion and about their furniture and decoration. Describing the house of a rich grandee, he indicates that he saw a reception hall adorned with beautiful carpets. The walls were covered with cloth and the numerous bays, inside of each, stood gilded vases and jugs from Iraq. This is the way the people of that country adorned and decorate their houses.

Ibn-Batuta also talks about the palace of Kootlughe Timur, the ruler of Kokhna-Urghench - "We passed into a big reception room (he probably means the building, U.M.), with most of the chambers made of wood. Then we entered a small hall with a wooden inlaid dome, the inside walls covered with many - colored cloth and the ceiling with gold - woven silk."

Caravanserais . The development of caravan trade along the Great Silk Road depended on building a great number of coach inns along its route - Caravanserais, rahbats and sardobs - reservoirs near them. Caravanserais were, mainly, built of adobe, sometimes, tiled with brick or sometimes some fragments were made of brick. For example, the Caravanserais of the XII century Daya-Khatyn, situated on the bank of the Amu-Darya River on the way from Amule (at present Chardjou) to Khorezm, had had a clear-cut structure and rich decor. This building, made of adobe and tiled with brick, comprised an inner yard, surrounded with an arched gallery with a number of apartments, adjoining it along the outer perimeter. The arched and domed ceiling of the caravanserais had a number of subsidiary yards for living and for storing goods and keeping forage and animals.

In Kokhna-Urghench, only the ruins of the main facade of the caravanserais, from the first half of the XIV century, have been preserved. The preserved section of the portal, decorated with small figured-cut bricks and "guirikh", tiled with cut brick with insertions of ornamented majolica, is evidence of the importance of rich decoration. That, in general outline, is the architecture of the state of Khorezmshakhs during the pre-Mongol period and its further development during the epoch prior to Temur's reign.

In conclusion it is necessary to note that, in the VII-XIV centuries, the most impressive and the most progressive in Central Asia, was the Khorezmian architectural school. Khorezmian master craftsmen, from the earliest times, have been famous for their wood carving skill. It contributed greatly to the development of a new style of architecture - large spaces decorated with rich glazed carved terra cotta, mosaics etc. This style reached its zenith in the architecture of the times of Timurids, when, constructing Samarkand, Shakhrisabs, Bukhara and other towns, master builders and architects from Khorezm were also employed.

HERITAGE OF KHOREZM SCHOOL OF CONSTRUCTION ART IN ARCHITECTURE OF KHIVA

Khiva architectural monuments give us the clearest view of the further development of Khorezm Architectural School and evolution of its wonderful ancient traditions. Khiva is one of the ancient cities of Central Asia with 2500 years history of development. Mainly late constructions, built at the end of the XVIII – XIX, have preserved here. The city consisted of the ancient part Ichan-kala which is an inner town and Dishan0kala – an outer town. At the of the XVIII and beginning of the XIX centuries each part of the city was enclosed with a new wattle and daub wall with towers. In Ichan-kala two intercrossed axial streets lead to four gates. Along the street, connecting western gates Atadavaza with eastern gates Palvan-davaza were built the most significant of Khiva.

Among them are old castle Kokhna-arch, the Fortified palace of the khan, consisting of a number of palaces, with the preserved audience palace of Kurinishkhana, the harem, mint, winter and summer mosques.

The most ancient of the preserved Khiva buildings is the modest portal-dome mausoleum of sheikh Sayid Alauddin, built by the known mystic Amir Kulyal in the XIV century. A wonderful majolica gravestone of the XIV century, highly similar in the interior of the mausoleum.

Original features of Khorezm School of Architecture brightly stood out for the planning and three-dimensional compositions of Khiva madrassahs. For example, sometimes before the main facade of a madrassah was constructed a little yard (in madrassah of Mukhammad Rakhimhan, Mazari-Sharif, Yusup Yasaulbashi). In front of the main entrance a high sufa was often placed, the facade which along trade shops (Kutlugh-Murad-inak and others) were organized. To place a minaret in the corner of a madrassah was a typical approach for Khiva, for example – Madrassah Mukhammad-Aminhan and Kalta-minor, madrassah and minaret Islamkhoja, madrassan and minaret Sheikh-Kalandar-bobo.

Madrassan Mukhammad-Aminhan (1852 – 1855) opened with its loggias on all facades and richly decorated with majolica, wood carving and other things is the most smart and big in Khiva. Near it rises a vigor-glazed shaft of Kalta-minor minaret (short minaret). It was planned by Mukhammad-Aminhan as the kallest in Central Asia. But the Khan was killed in the battle and the minaret with diameter of 14,2 m. and height of 26 m. was left unfinished.

Madrassahs Kutlugh-Murad-inak (1804 – 1812), Allakulihan (1835 – 1838), Mukhammad-Rakhimhan (1871) and others can be named among the most significant madrassahs of Khiva, which vividly reflect traditions of Khorezm architecture.

The architecture of famous Juma-mosque in Khiva (1788 – 1789) is original. Its big hall is vaulted with flat roof on 212 wooden pillars, fragments of which were taken from ramshackle constructions of the X – XIX centuries.

During several centuries an esteemed memorial complex has formed at the grave tomb of people's fighter and poet Pakhlavon Makhmud, who canonized as a saint patron of the dynasty of Kungrad khans and Khiva city. In the deepness of a small yard, built along the perimeter, rises mausoleum of Pakhlavon Makhmud,

which is decorated with the biggest blue dome in Khiva. The facade and interiors are decorated with majolica facing in the traditional dark blue-white-pale gamma with refined vegetable patterns.

A big multifunctional ensemble was constructed at the eastern gates of Khiva – Palvan-darvaza. It includes some madrassahs, a block mosque, bathhouses, caravansarays and a covered market of tim Allakulihan (1835).

In 1830–1838 years Allakulihan founded his palace Tash-houli (a stone estate) in the same eastern area. The construction of three circled yards: mekhmankhona, which was for khan's receptions and festivals; arzhkhona – for official-administrative purposes and a harem. The majolica decor of two-colored aivans is exceptionally rich, the painting of ceilings, incised pillars and doors are refined.

At the beginning of the XX century Khiva enriched with a new tall construction. Near one-storey Islamkhoja madrassah a well-proportioned, the tallest in Khiva Islamkhoja minaret was erected which was decorated with the belts of brick work and majolica.

These are only some of great number of significant monuments in Khiva. The integral and picturesque construction of Ishan-kala has preserved its primordial appearance of a Central Asian city of the XVIII–XX centuries. Side by side with this it has carried to us the peculiar regional features and original methods of ancient Khorezm School of Architecture.

CONCLUSION

The life and military leadership of Jaloliddin Manguberdi was the last event of the dynasty of Anushteginids-Khorezmshahs, after which the epoch of the Mongolian yoke began.

If one looks back to the history of political, economical, cultural and international relation of the Khorezmian state of the early XIII century, from the point of view that it was one of the mightiest powers of its period, it is clear that its history was very much connected with the Middle East. This is shown by the invasion by the Mongolian hordes of Maverannakhr and Khorezm. The center of the battle fought by Jaloliddin Manguberdi was actually in present day Afghanistan and Iraq. Consequently the history of his life reflects not only the history of this region but also that of the Middle East. For more than ten years Jaloliddin Manguberdi deflected the aggression of the Mongolians on their way to Iraq and Asia Minor. It is because of this that his struggle against the foreign invaders has been described widely in historical essays, and he is depicted as a legendary hero by his contemporaries.

Shikhabuddin Mukhammad an-Nasaviy's "Siyrat as-Sultan Jaloliddin Manguberni" the text of which and its translation into Russian with full scientific commentary has been printed. And there are many other written sources about this period, which must be studied carefully. But the most important thing today is that in Uzbekistan good conditions have been created for a thorough study, and for further objective research of the activities of Jaloliddin Manguberdi, who courageously fought against the enemies for the independence of his country.

His heroic deeds give us an opportunity to properly evaluate the present independence of our country and fill us with a feeling of pride for our Motherland. And finally, all the experiences of Jaloliddin Manguberdi and his life devoted to the freedom and independence, represent just a very short episode from our rich history. Today the most important thing for us is to continue to study thoroughly the written sources about the life and deeds of such great historical personalities.

CONTENTS

<i>Islam Karimov</i> , National Hero of Our People.....	6
From the Resolution of the Cabinet of Ministers of Uzbekistan “About the Celebration of the 800 th Anniversary of Jaloliddin Manguberdi”.....	11
Introduction	68

The Epoch of Jaloliddin Manguberdi

Political and Cultural Life in the State of Khorezmshahs ...	70
--	----

Jaloliddin Manguberdi as a National Hero

The Empire of Khorezmshahs at the Beginning of the 13 th century	76
--	----

Jaloliddin’s Activity and its Evaluation by Authors

Manuscripts Concerning the History of Anushteginid - Khorezmshahs	83
Extracts from the Sources	90

Architecture of Khorezm

The Architecture of Central Asia in the Epoch of Khorezmshahs	107
Heritage of Khorezm School of Construction Art in Architecture of Khiva	117
Conclusion	119
Illustrations	175

***ДЖАЛОЛИДДИН
МАНГУБЕРДИ***

ВВЕДЕНИЕ

Развитие общества – сложный и своеобразный процесс, и в каждом историческом отрезке времени находят отражение те или иные события или явления. История народов Узбекистана также представляет собой нерасторжимую общечеловеческую часть прошлого. Вот почему ее объективное освещение на основе источников различных эпох представляет важное значение не только для данного региона, но и для всего мира. В конечном счете это необходимо для глубокого изучения прошлого нашей Родины, ее нынешнего политического укрепления в качестве независимого государства, дальнейшего культурного и экономического развития.

Сегодня, благодаря обретенной независимости, созданы все условия для всестороннего и объективного освещения истории.

Широкое празднование юбилеев таких выдающихся исторических личностей, как Бахауддин Накшбанд, Мирзо Улугбек, Амир Темур, Имам ал-Бухари, Ахмад ал-Фаргани, – свидетельство большого внимания к истории народов Узбекистана, возрождению исторических ценностей.

Узбекистан имеет древнюю историю. Мы хорошо знаем о том, что в прошлом здесь нередко возникали крупные политические объединения – государства, и особая в этом роль принадлежала отдельным историческим личностям.

Решение о широком праздновании в 1999 г. 800-летия великого полководца Джалолиддина Мангуберди, принятое Кабинетом Министров Республики Узбекистан (24 сентября 1998 г.), – ярчайшее свидетельство возросшего внимания к отечественной истории. Героическая борьба султана Джалолиддина против монгольской экспансии широко освещена в исторических произведениях того времени. В их числе сочинения “Алкамил фи-т-тарих” Ибн ал-Асира, “Сират ас-султан Джалолиддин Мангуберди” Шихабалдина Мухаммада ан-Насави, “Тарихи Джахангушай” Алауддин Атамалика Джувейни, “Джаме’ ат-таварих” Рашидаддина Фазлаллаха и др.

Деятельность Джалолиддина Мангуберди – выдающегося полководца из династии Хорезмшахов-Ануштегинидов – одна из ярких страниц в истории Узбекистана.

Историческое своеобразие той эпохи нашло свое отражение в письменных источниках. В главных исторических сочинениях Джалолиддин Мангуберди представлен смелым, мужественным человеком, его воинское мастерство отличалось превосходством над соперником, он не боялся трудностей, чем и сумел завоевать любовь и уважение своих современников. Враги тоже отдавали должное его мужеству и героизму, поскольку он был неутомимым борцом за свободу и независимость своей Родины. Такие его качества и черты характера и сегодня могут служить ярчайшим примером для молодежи. Широкое освещение героической истории борьбы Джалолиддина Мангуберди ныне представляет собой важное значение в деле патриотического воспитания подрастающего поколения.

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА ХОРЕЗМШАХОВ В XI — НАЧАЛЕ XIII В.

Хорезм представляет собой один из древних культурных центров Узбекистана, о чем свидетельствуют археологические находки и письменные источники.

Географическое расположение Хорезма, его местонахождение в низовьях Амударьи издревле создавали благоприятные условия для возникновения здесь орошаемого земледелия, процветания городов и возникновения государственности, развития науки и культуры. Территория древнего Хорезма достигала в определенные периоды Аральского моря, на западе — Каспия, а на юге — Хорасана.

В истории Хорезма его правители известны как Хорезмшахи. В средние века здесь правили четыре их династии: Афригидов (305-995), Ма'мунидов (995-1017), Алтигидов (1017-1034), Ануштегинидов (1097-1231).

Известно, что до второй половины X столетия Хорезм был разделен на две части: Южный со столицей в городе Кят и Северный с центром в Гургандже. Южный Хорезм возглавлял шах, а Северный — амир. В конце X в. правитель Южного Хорезма Ма'мун ибн Мухаммад сумел объединить оба государства, провозгласив себя государем и объявив Гургандж своей столицей. Во время правления Ма'мунидов: Ма'муна ибн Мухаммада (995-997), Али ибн Ма'муна (977-1009), Ма'мун ибн Ма'муна (1009-1017) положение Хорезма значительно укрепилось. Уровень развития науки и образования в тот период ярко может характеризовать только то обстоятельство, что здесь жил и творил великий хорезмийский ученый Абу Райхан Беруни.

История Хорезма после 1017 года непосредственно была связана с различными политическими объединениями — государствами в Средней Азии.

Государство Газневидов. Со второй половины X столетия постепенно стала усиливаться роль удельных правителей, зависимых от государства Саманидов (875-999). Одним из них был наместник Саманидов в вилайете Газна Алштегин, имевший огромные владения в Хорасане и Мавераннахре. Добившись независимости, он в 962 г. создал фактически независимое Газневидское владение. Один из его приближенных Сабуктегин, благодаря личным своим качествам, возвысился и сумел стать зятем Алштегина, а затем возглавил вилайет и стал амиром Газны.

В конце X столетия в Мавераннахр вторглись караханиды с целью захвата государства Саманидов. Сабуктегин выставил против них войска и, на основе достигнутого между ними соглашения, земли, располагавшиеся к югу от Амударьи, полностью вошли в удел Сабуктегина. Впоследствии во времена правления Сабуктегина (977-997) и в особенности его старшего сына Махмуда Газневи (998-1030) этот удел превратился в могущественное государство.

Захватив владения на территории Хорасана, Махмуд Газневи объявил себя султаном. В сражениях с караханидами он одержал победу и присоединил к своему государству земли Южного Мавераннахра. Совершая походы на юго-восток, он овладел Пенджабом, Кашмиром и Северной Индией. Вос-

пользовавшись внутренней нестабильностью в Хорезме, он также сумел включить его в состав своего государства (1017 г.) и назначил здесь своим наместником Алтинташа. Махмуд Газневи вывез в свою столицу Газну не только богатства Хорезма, но и увел с собой представителей науки, наиболее известным среди которых был Абу Райхан Беруни. В зависимом от Газневидов подчинении Хорезм пребывал в течение 17 лет.

После смерти Махмуда Газневи (1030 г.) государство ослабло, а его территория сократилась. Династия Алтинташов (1017-1034) была уничтожена сельджукидами. Затем, после решающего сражения между двумя противоборствующими сторонами — Газневидами и Сельджукидами, произошедшего в 1040 г. между Мервом и Серахсом, газневиды были окончательно сломлены. Однако само государство продолжало существовать вплоть до последней четверти XII столетия (1186 г.).

Государство Караханидов. В X столетии это было феодальное государство в Восточном Туркестане, территория которого простиралась до Семиречья. Его образованию способствовали отдельные племена тюрков, в частности карлуки, чигили и ягма, к середине X века принявшие ислам. Основатель династии Караханидов Абдулкарим Сатук Бограхан (Карахан) происходил из племени ягма. Столица государства периодически менялась: это были города Кашгар, Баласагун и Узгенд, однако долгое время столицей был город Кашгар. Совершая набеги на Мавераннахр, караханиды в 992 г. захватили столицу Саманидов Бухару. Однако после смерти в том же году Сатук Бограхана они были вынуждены уйти из Мавераннахра, и лишь в 999 г. вновь ею овладели. Таким образом, раздираемое внутренними феодальными распрями, государство Саманидов, не сумев оказать караханидам должного сопротивления, пало.

Мавераннахр в период правления Караханидов был разделен на мелкие феодальные владения, которые возглавляли представители из рода Караханидов — илекханы. Самарканд был основной столицей государства. Между илекханами шла непрерывная борьба за власть, что, в результате, и привело к упадку их государства. Между Караханидами и Газневидами велись определенные военные действия с переменным успехом. Так, в начале XI столетия караханиды предприняли два набега на Хорасан, однако Махмуд Газневи сумел отразить их атаки. Они также подчинили себе часть Северного Тохаристана. Таким образом, на большей с востока на запад территории было создано единое политико-административное пространство, куда входили Восточный Туркестан и Мавераннахр, где всемерное развитие получили экономика, наука и культура, торговля, прикладное искусство. Происходил подъем городов: Ташкента, Самарканда, Узгенда, Кашгара, Баласагуна, Бухары и Гурганджа, где активно велось строительство мечетей и медресе. В то время были созданы сочинения по многим отраслям знания. Это, в частности, "Зайн ал-ахбар" Гардизи, "История Бейхака" Бейхаки, "Тарихи мулки Туркистан" Мажидиддина Адмона, "История Бухары" Мухаммада Наршахи, "Сиясат-наме" Низамулмулка, "Кутадгу били" Юсуфа Хас Хаджиба, "Мукаддимат ал-адаб" Замахшари и другие его сочинения по лингвистике, "Девану лугатит-турк" Махмуда Кашгари, "Огуз-наме", поэтические произведения и др.

Сельджукиды. Начиная с IX в., по мере продвижения на запад одного из тюркских племен — огузов, к середине X столетия в нижнем бассейне Сырдарьи было создано государство огузов, столицей которого стал город Янгикент. В X столетии из-за внутренних распрей и в результате продвиже-

ния с востока кичаков государство огузов перестало существовать. Часть огузских племен возглавлял Сельджук, по имени которого вся династия стала именоваться Сельджукидами. Во время политической неурядицы часть из них переселилась в Мавераннахр, в район нынешней Нураты. Сельджукские тюрки, перекочевав в 30-х годах XI столетия в Хорасан, в скором времени укрепили здесь свое положение и в 1038 г. во главе с Тогрулбеком овладели Нишапуром, что и послужило основой зарождения государства Сельджукидов. В 1040 г. сельджукиды в районе между Мервом и Серахсом сумели уничтожить войско газневидов, возглавляемое Мас'удом Газневи, и в 1038-1044 гг. полностью захватили Хорасан. Мерв был объявлен столицей сельджукидов. В 1043 г. они покорили Хорезм, в 1040-1051 гг. — Западный Иран, в 1054 г. — Азербайджан, в 1055 г. — Ирак, и в 1063-1072 гг. — территорию нынешней Малой Азии. Отношения между сельджукидами и караханидами, господствовавшими в Мавераннахре с конца последней четверти XI столетия, резко обострились, и этот край, так или иначе находившийся под властью каракидов, частично с 1089 года и полностью с 1130 года, т.е. со времени правления султан Санджара был подчинен сельджукидам.

Ануштегиниды. В 1043 г. сельджукиды захватили Хорезм, в котором позднее утвердилась династия Хорезмшахов-Ануштегинидов (1097-1231), представителями которой были Кутбиддин Мухаммад (1097-1127); Алааддин Атсиз (1127-1156), Иль-Арслан (1156-1172), Султаншах Махмуд (1172-1193); Алааддин Текеш (1172-1200) и Мухаммад хорезмшах (1200-1221).

Поначалу представителем власти сельджукидов в Хорезме был Ануштегин. Затем, в 1097 г., наместником Хорезма был назначен его сын Кутбиддин Мухаммад, получивший титул хорезмшаха. На протяжении 30-ти лет своего правления он полностью находился в вассальном от сельджукидов положении и преданно им служил, но не забывал при этом укреплять и свои позиции.

Таким образом, административные границы государства Сельджукидов в северном и восточном направлениях были значительно расширены и Хорасан, Мавераннахр и Хорезм в его составе представляли собой единое политико-административное пространство. Однако представитель династии Хорезмшахов-Ануштегинидов Алааддин Атсиз хорезмшах (1127-1156) стал совершать действия, направленные на проведение самостоятельной политики, и по этой причине он долгое время вел войну с правителем государства Сельджукидов султан Санджаром (1118-1157). Поначалу хорезмшах Атсиз на протяжении десяти лет (до 1138 г.) преданно служил султан Санджару. Затем в 1138 г. он захватил Мангышлак и город Дженд, располагавшийся в низовьях Сырдарьи. Разгневавшись, султан Санджар решил подтянуть в Хорезм войска, но Атсиз, признав свое бессилие, был вынужден просить у него прощения. Однако вскоре Атсиз вновь стал совершать сюда набеги. В 1139 г. он овладел Бухарой, но султан Санджар не сумел оказать ему достойного отпора, поскольку к западным границам Мавераннахра уже приближались каракитайцы. В 1141 г. в жестоком сражении близ Самарканда султан Санджар потерпел поражение и Мавераннахр отошел к каракитаям. Это обстоятельство и явилось причиной гибели государства Сельджукидов. Воспользовавшись благоприятным случаем, хорезмшах Атсиз в том же году захватил столицу государства Сельджукидов Мерв и увел с собой в Хорезм множество ученого люду. Собрав остатки своих сил, в 1143 г. султан Санджар предпринял поход на Хорезм и осадил город Гургандж. Хорезмшах Атсиз вновь попросил у него прощения и они примирились. Хорезмшах Атсиз умер

в 1156 г., а султан Санджар скончался в 1157 г., после чего государство Сельджукидов в Хорасане прекратило свое существование.

В XII столетии началось продвижение каракитаев на запад в бассейн реки Или, а затем на Иссыккуль, где они сумели захватить столицу Караханидов Баласагун. Совершая отсюда набеги на Мавераннахр, в 1138 г. они близ Ходженда разбили войска караханидов, а в 1141 г. близ Самарканда нанесли поражение султану Санджару. Мавераннахр перешел к каракитаям, и хотя в результате этого государство Караханидов утратило свое бывшее величие, однако все еще сохранялось, поскольку его центром был Самарканд. Каракитаяи в Мавераннахре не остались и, получив через своих представителей подать, вернулись назад. Эта неудача султана Санджара в конечном итоге привела к ослаблению власти Сельджукидов в Хорасане и падению их государства (1157 г.). С переходом Мавераннахра к каракитаям на Алааддина Атсиза было возложено обязательство платить им дань. Взамен этого, исходя из достигнутой договоренности между хорезмшахом Атсизом и каракитаями, Бухара перешла в подчинение к Хорезму. Но Атсиз этим не ограничился, и в 1152 г., подтянув войска к Дженду и его предместьям (что в бассейне низовьев Сырдарьи), захваченным в свое время каракитаями, подчинил их своей власти. В результате этого границы Хорезма к северу значительно расширились. В целом можно сказать, что за все время своего правления Атсиз вел борьбу за независимость Хорезма, укрепляя его позиции.

После смерти Атсиза (1156 г.) его сын, наследник Хорезмского престола Иль-Арслан, также продолжал вести борьбу с каракитаями, чем навлек на себя недовольство и подвергался гонениям. После этого с целью защиты он прибегал даже к помощи карлуков.

В 1158 г. хорезмшах Иль-Арслан с большим числом войска совершил поход на Мавераннахр и в столкновении с каракитаями в Самаркандском вилояте одержал над ними победу. Однако затем, перейдя в 1171 г. реку Джейхун и пойдя походом на Хорезм, каракитаяи вновь взяли верх, сумев разбить хорезмское войско. Иль-Арслан скончался в 1172 г.

После его смерти даже во времена борьбы за престол между сыновьями Иль-Арслана Алаадином Текешем и Султаншахом Махмудом за Хорезмом сохранялось полузависимое от каракитаев положение, поскольку братья то один, то другой обращались к ним за помощью. К примеру, поначалу на троне Хорезма восседал Султаншах Махмуд и активную помощь в правлении государством ему оказывала мать Туркан-хатун. Второй сын Иль-Арслана Алаадин Текеш в тот период был хокимом города Дженд. Он не хотел подчиняться своему брату Султаншаху, поскольку также считал себя законным наследником престола. Туркан-хатун снарядила против него войско. Тогда Текеш обратился за помощью к каракитаям, а взамен этого обещал выплачивать им дань. На основе достигнутой договоренности Текеш во главе с войском каракитаев вступил в Хорезм и в 1172 г. воссел на трон, после чего его брат Султаншах был вынужден отступить в Хорасан. Укрепившись в Хорезме, Алаадин Текеш стал изыскивать способы избавиться от каракитаев, поскольку они увеличили размер дани и усилили притеснения. Поэтому Текеш отдал распоряжение уничтожить в своем государстве каракитаев всех до единого (1179 г.).

Воспользовавшись этим, Султаншах направился в Баласагун просить каракитаев оказать ему помощь. Однако возглавляемые им войска каракитаев оказались бессильными перед Текешем. С ними Султаншах овладел лишь Мервом, Серахсом и близлежащими предместьями (1180 г.). Противоборство

между братьями существовало долгие годы, и лишь после смерти Султаншах Махмуда (1193 г.) Алааддин Текеш сумел стать единоличным государем Хорезма. Начиная с 1180 г., хорезмшах Алааддин Текеш, укрепив северные границы своего государства и повысив обороноспособность города Дженд, сумел превратить его в мощную крепость и крупный торговый центр. В отдельные периоды своего правления Текеш вел непримиримую борьбу с каракитаями, достигая своими силами предместий их столицы Баласагуна.

После смерти хорезмшаха Текеша (1200 г.) престол унаследовал его сын Алааддин Мухаммад (1200-1221 гг.).

Стремясь расширить границы своего государства, хорезмшах Мухаммад предпринял поход на Хорасан. В последующие годы его мощь значительно возросла. Правители Мавераннахра, пытаясь избавиться от кабалы каракитаев, обратились за помощью к хорезмшаху и в 1207 г. он, пойдя походом на Мавераннахр, овладел городами Бухарой и Самаркандом. Однако в жестоком сражении с каракитаями его войска потерпели поражение. Хорезмшах Мухаммад стал накапливать силы и в 1210 г. между двумя противоборствующими сторонами произошло сражение, в котором хорезмшах одержал блестящую победу. После этого исторического события Мавераннахр был полностью освобожден от гнета каракитаев. К 1212 г. хорезмшах Мухаммад расширил границы своих владений вплоть до Кашгара.

При Мухаммаде Хорезм стал крупным государством. Его границы простирались от северных берегов Каспийского моря до Персидского залива, от Кавказа до гор Гиндукуша. Столицей государства был город Гургандж (ныне Куля-Ургенч) — крупный политический, экономический, культурный и религиозный центр, чему способствовали следующие причины.

Во-первых, это было единое, крупное, политически централизованное государство.

Во-вторых, до этого в государстве Сельджукидов, в частности в Хорасане, также были развиты наука, образование и религия, а его столица Мерв представляла собой крупный культурный центр. Значительное развитие в Хорасане получили суфийские школы, известными представителями которых были Абдулла Ансари (1006-1089), Ахмад Джам (ум. в 1141 г.) и Юсуф Хамадани. В то время было множество и вспомогательных религиозных течений: мухасибия, кассария, тайфурия, жунайдия, нурия, сахлия, хакимия, харразия, хафифия, сайярия и др. Находясь в едином с Хорезмом политическом пространстве, хорасанский суфизм сумел оказать непосредственное влияние на развитие суфизма в Мавераннахре. Например, на основе суфийской школы Юсуфа Хамадани возникли такие направления ислама, как яссавия и ходжагон-накшбандия.

Предводителям исламской религии — сайидам, уламо и шейхам Хорезмшахи оказывали большое внимание. Они всегда держали с ними совет как во время проведения дипломатических переговоров, так и при решении других вопросов, требовавших мирного урегулирования.

Из этого следует, что в государстве Хорезмшахов имелась крепкая основа для укрепления основных положений суфизма, достаточно благоприятными были также политические, экономические и культурные предпосылки для развития здесь ислама в целом. Всесторонний расцвет науки и культуры побудил Наджмиддина Кубро возвратиться из путешествия по Аджаму и арабским странам на свою историческую родину. Таким образом, с начала правления Мухаммада хорезмшаха Наджмиддин Кубро возвратился в Хорезм и до конца своих дней проживал в Гургандже. Здесь, увеличив число своих

последователей и приверженцев, он заложил основу для самостоятельного пути духовного совершенствования.

В ряде городов, также вошедших в состав государства Хорезмшахов, в частности в Бухаре, Мерве, Самарканде, Нисе, Исфахана, Ахсикате, Дженде, Джурджане, Ходженде, Маргилане, Герате и других получили дальнейшее развитие наука, образование и культура. Между Мавераннахром, Хорасаном, Фарсом, Азербайджаном и Ираком усилились культурные взаимосвязи. В числе известных ученых и блестящих мыслителей того времени можно назвать следующие имена: Рашидаддин Ватват, Исмаил Исфахани, Тахир Фаряби, Абулфазл Ахсикати, Сайфаддин Бухари, Абулмажд Джанди, Али Хиджази, Исмаил Джурджани, Али Хорезми, Абулхасан Хорезми, Наджиб Бакран, Махмуд ал-Чагмини, Мухаммад Ахсикати, Абу Абдаллах ар-Рази, Махмуд Самарканди, Мас'уд Ходженди, Махмуд Замахшари, Абдалкарим ас-Сам'ани и др.

Однако полчища монгол во главе с Чингизханом, вторгшиеся в 1219 г. во владения хорезмшаха Мухаммада, превратили в развалины процветавшее до сей поры государство. Основная причина поражения хорезмшаха Мухаммада заключалась в том, что его военная стратегия в сравнении с боевым искусством Чингизхана оказалась бессильной и немогущей. Раздробив свое войско на мелкие части, он рассредоточил основные силы по различным городам и репостям и не прислушался к совету своего сына Джалолиддина, призывавшего к тому, что войска следует собрать воедино и дать монголам решительное сражение в открытом бою. Захватив города, располагавшиеся в бассейне низовьев Сырдарьи, Чингизхан весной 1220 г. сумел захватить Бухару, а летом 1221 г. и Самарканд. Уже отсюда он направил в сторону Хорезма войска во главе со своими сыновьями Джучи, Чигатаем и Угэдеем. Испугавшись, Мухаммад хорезмшах бросил на произвол судьбы государство, престол и бежал. Вслед за ним Чингизхан направил передовой отряд во главе с военачальниками Джебе-нойоном, Субэдей бахадуром и Тукучак бахадуром с целью разыскать и уничтожить его. Монголы шли за хорезмшахом след в след. Тот же, бежав сначала на запад, добрался до Багдада, затем оттуда отправился к южному побережью Каспийского моря и, пристав к маленькому островку, скончался от горя и переживаний. Перед смертью он назначил наследником престола своего сына султана Джалолиддина. Мухаммада хорезмшаха похоронили на этом же острове. Через несколько лет султан Джалолиддин перезахоронил останки своего отца в крепости Ардахин близ Тегерана.

ДЖАЛОЛИДДИН МАНГУБЕРДИ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ

ГОСУДАРСТВО ХОРЕЗМШАХОВ В НАЧАЛЕ XIII СТОЛЕТИЯ

МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ

В конце XI — начале XII в. на исторической арене возникло зависимое от сельджукидов государство Хорезмшахов. Благодаря стараниям таких незаурядных потомков основателя этой династии Ануштегина, как Алааддин Атсиз, Абулфатх Иль-Арслан (1156-1172) и Алааддин Текеш, Хорезм не только получил независимость, но был преобразован в крупное и могущественное государство. После победы над Султан Тогрулом III (1176-1194) в 1194 г. Текеш, прибравший к тому времени владения Сельджукидов Ираки Аджама, впредь стал именоваться не “хорезмшахом”, а “султаном ибн хорезмшахом”, поскольку на огромной территории, начинавшейся на западе с границ Багдадского халифата и кончавшейся на востоке побережьями Сырдарьи, читалась хутба с его именем, а Хорезм из государства местного масштаба превратился в державу мирового значения.

Здесь была многочисленная и сильная армия, функционировала четкая система управления, благодаря транзитной торговле и другим внутренним и внешним ресурсам экономика страны развивалась быстрыми темпами.

Но, в то же время, Хорезм все еще выплачивал дань “неверным” каракитаем, в отдельных вновь присоединенных областях еще слабой была власть Хорезмшахов, на юге усиливалась мощь государства Гуридов (территории нынешних Афганистана и Северной Индии).

Вот при таких благоприятных условиях и в то же время в тревожной обстановке 3 августа 1200 г. сын Текеша Кутбаддин Мухаммад воссел в Гургандже на престол под именем Алааддина Мухаммада.

Первым шагом на политической арене нового хорезмшаха была попытка вернуть владения, находившиеся в Хорасане, поскольку после смерти Текеша (3 июля 1200 г.) Гуриды, воспользовавшись случившимся в связи с этим разбродом, сумели отнять у Хорезмшахов большую часть территории Хорасана. В борьбе против них султан Алааддин был вынужден обратиться за помощью к каракитаям. В сражении, произошедшем осенью 1204 г., войска Шихабалдина Гури (1203-1206) потерпели поражение. Через полтора года после этого он, готовивший поход на Мавераннахр, пал от рук наемных убийц. В результате был расчленен на части один из мощных противников Хорезмшахов во всем мусульманском мире — государство Гуридов.

Султан Алааддин получил благоприятную возможность завоевать новые земли и расширить территории своего государства. Она не была упущена: в 1206 г. один за другим перешли под власть хорезмшаха такие крупные города и вилояты, как Герат, Балх, Термез, Таликан, Андхуд, Исфизар, Сиджистан, Мазандеран (Табаристан) и др.

Неизвестно, что послужило тому причиной: то ли возросшие мощь и влияние государства Хорезмшахов, то ли тирания каракитаев, но, как бы то ни было, властитель Самарканда, последний представитель династии Караханидов, вассал каракитаев Усман ибн Ибрахим в 1207 г. направил послание на имя султана Алааддина с просьбой избавить его от гнета каракитаев. Местные династии Мавераннахра были вынуждены ежегодно выплачивать большую дань каракитаем. Бухарские садры с целью подавления восстания городских ремесленников также обратились к нему за помощью. Султан Алааддин, приняв эти просьбы за желаемое, подтянул к Мавераннахру войска. В результате была занята Бухара и султан Усман признал сюзеренитет хорезмшаха.

Столкновение хорезмшаха с каракитаем было делом неизбежным, поскольку Хорезм до сих пор находился в подчиненном от них положении. Однако в первом бою, состоявшемся после взятия Мавераннахра, гурхан (правитель каракитаев) нанес хорезмшаху поражение. Последний даже попал в плен и только благодаря счастливой случайности сумел бежать и возвратиться в Хорезм.

Второе решающее между ними сражение произошло ранней осенью 1210 г. в Иламышской степи (на северной границе Андижанского вилаята). На сей раз судьба благоволила хорезмшаху и войска каракитаев во главе с правителем Тараза Таянгу были разбиты; часть воинства каракитаев и сам Таянгу были захвачены в плен.

Весть об этом событии, распространившаяся по всему мусульманскому миру, вызвала большой резонанс. После этой победы хорезмшах Алааддин стал именовать себя “Искандаром Вторым” (“Искандар-и сони”) и “султан Санджаром” — в память о последнем великом представителе Сельджукидов Санджаре, занимавшем трон на протяжении 40 лет. Впредь дворцовые церемонии стали проводиться более пышно.

Все помыслы хорезмшаха теперь были направлены на южные и западные земли. За короткий срок Иран, Азербайджан и отдельные области перешли в подчинение к хорезмшаху. Более того, велась подготовка 50-тысячного войска с целью совершения похода на Грузию, а уже оттуда планировалось предпринять походы на Анатолию, Сирию и Египет. Однако эти планы не были осуществлены из-за конфликта с Багдадским халифом ан-Насыром (1180-1125) и в связи с последующими событиями.

Отношения с Багдадским халифатом были неблагоприятными еще со времен султана Текеша, который пытался отнять у Аббасидов светскую власть; однако его борьба с ан-Насыром закончилась безрезультатно. Султан Алааддин твердо решил вслед за Бувейхидами (935-1055) и Великими Сельджукидами добиться этого признания. Однако посланцы хорезмшаха, отправленные с требованием отказаться от светской власти в пользу хорезмшаха и читать в Багдаде хутбу с его именем, возвратились с отрицательным ответом. С тех пор отношения были обострены и, наконец, в 1217 г. хорезмшах во главе с 400-тысячным войском направился в Багдад. Однако, к счастью халифа, воины хорезмшаха, добравшись до перевала Асадобод, что между Хамаданом и Багдадом, попали в сильную снежную бурю и многие из них остались под снегом. Хорезмшаху ничего не оставалось делать, как повернуть назад. Естественно, это происшествие было воспринято современниками как “гнев и кара Аллаха”.

Незадолго до этого рухнула долго вынашиваемая мечта хорезмшаха о покорении Китая. Согласно сведениям Джузджани, основанного на расска-

зах свидетелей, мысль о покорении Китая крепко сидела в голове султана Алааддина и, несмотря на многократные попытки приближенных отговорить его от этой мысли, ссылаясь на дальность пути до Китая и иные препятствия, он оставался непреклонным в своем решении. Хорезмшах постоянно расспрашивал торговцев о положении дел в Китае. Узнав о том, что Китай уже завоеван Чингизханом, он решил проверить достоверность этих слухов и с этой целью направил туда посольство во главе с Бахааддином Рази.

Летом 1215 г. послы прибыли в Пекин. Чингизхан принял их с почестями и в напутственной перед прощанием речи заверил их в своем стремлении установить мирные и дружественные отношения с хорезмшахом, а также о своем желании расширить торговые связи между двумя государствами.

В ответ на это посольство Чингизхан дважды направлял своих послов в Хорезм. Представители первого посольства Махмуд Хорезми, Али ходжи Бухари, Юсуф Канка Отрари на аудиенции, устроенной в их честь, передали султану ценные подарки от Чингизхана и его послание, в котором тот вновь заверял хорезмшаха в своих дружеских чувствах и желании вести торговлю, но только на этот раз он извещал его о покорении им Китая и именовал хорезмшаха "своим сыном", что, по мнению исследователей, было равносильно признанию его вассалом Чингизхана. Как свидетельствует Насави, после этого султан вызвал к себе ночью Махмуда Хорезми и, напомнив о его хорезмийском происхождении и пообещав щедро вознаградить, потребовал от него быть соглядатаем при Чингизхане. Получив согласие, он спросил его о том, на самом ли деле Чингизхан покорил Китай. Услыхав утвердительный ответ, султан Мухаммад сказал: "Ты же знаешь, как обширны мои владения и как многочисленны мои войска. Кто же он такой, этот проклятый, чтобы называть меня своим сыном? Какова численность его войска?" Испугавшись гнева султана, Махмуд ответил, что войско Чингизхана по сравнению с его армией "словно дымок против ночного мрака". Лишь после этого султан разрешил возвратиться послам с положительным ответом.

В 1218 г. Чингизхан направил в Хорезм второе посольство, члены которого отправились в путь вместе с большим торговым караваном. Когда посольство прибыло в приграничный город Отрар (что в среднем течении Сырдарьи), правитель города, дядя султана Алааддина по матери Иналчик Гайирхан, обвинив членов посольства в шпионаже, арестовал их, а затем казнил. Лишь один погонщик верблюдов остался в живых, который и сообщил затем Чингизхану о случившейся в Отраре трагедии.

В тот период обмена посольствами произошло первое, в определенном смысле, случайное столкновение хорезмшаха с монголами. Согласно источникам, султан Алааддин, получив весть о том, что племя меркит, преследуемое монголами, перешло к кочевьям кипчаков, возглавил 60-тысячное войско и выехал из Самарканда. Перейдя реку Ирғиз, он прибыл к месту сражения в Тургайской степи (на территории нынешнего Казахстана). Меркиты были полностью уничтожены монголами. Один раненный воин сообщил султану о том, что монголы покинули поле боя лишь незадолго до их прибытия. Хорезмшах настиг их утром следующего дня. Первенец Чингизхана Джучи попытался уклониться от боя, ссылаясь на то, что отец не велел ему вступать в сражение с хорезмийцами, однако хорезмшах со словами: "Хотя Чингизхан и не приказывал тебе вступать со мной в противоборство, однако Аллах велит мне вступить с тобой в бой", начал сражение. К концу дня правое крыло каждой из сторон одержало верх над левым крылом своего

противника. Правое крыло войска хорезмшаха в том сражении возглавлял молодой Джалолиддин Мангуберди. Он сумел даже прийти на помощь к своему отцу, который чуть было не попал в окружение, и отразить атаку неприятеля. Ночью монголы, оставив за собой зажженные костры, незаметно покинули поле боя.

Вне зависимости от времени и результатов этого сражения, Чингизхан даже после отрарской трагедии не считал необходимым объявить войну, и ограничился лишь отправкой посольства с требованием выдать Гайирхана. Однако хорезмшах приказал казнить посла Ибн Кафраджа Богра, а двум сопровождавшим его монголам отрезать бороды.

Уверенный в неизбежности войны, Султан Мухаммад еще до начала боевых действий собрал военный совет, где были заслушаны различные мнения. В частности, один из столпов государства Хорезмшахов Шихабалдин Хиваки предложил собрать все силы на берегу Сырдарьи и вступить в генеральное сражение с неприятелем. Джалолиддин Мангуберди высказался за целесообразность дать монголам возможность вступить на территорию Мавераннахра, а затем их здесь уничтожить. Однако в конечном счете эти и другие планы были отклонены хорезмшахом и окончательное решение принял он сам. В соответствии с его планом войска были рассредоточены по большим и малым городам с тем, чтобы каждый из них защищался сам. Как отмечает Джувеини, Джалолиддин просил отца отдать все войска под его командование, однако султан отказал ему в этом.

Ранней осенью 1219 г. монголы появились у ворот Отрара. Здесь Чингизхан разделил свое войско на четыре части. Своих сыновей Чигатай и Угедей он направил на осаду Отрара, Джучи он велел захватить города, расположенные в низовьях Сырдарьи, еще одну крупную воинскую часть он направил на захват крепостей Бенакет и Ходженд, сам вместе с младшим сыном Тули и основными силами направился в Мавераннахр.

Из-за необдуманного решения хорезмшаха численное превосходство над неприятелем было сведено на нет, города, предоставленные сами себе, остались незащищенными и, в итоге, хотя отдельные защитники оказывали упорное сопротивление, к середине 1220 г. монголы сумели оккупировать весь Мавераннахр, а в следующем году — и Хорасан.

После захвата Самарканда Чингизхан, чтобы не дать хорезмшаху возможность собрать войска и оказать ему сопротивление, отправил в погоню за хорезмшахом 20-тысячное войско во главе с полководцами Джэбе и Субэдеем. Преследуемый по пятам хорезмшах, пройдя через Хорасан и Иран, прибыл на один из островов Каспийского моря. Лишенный всего и заболевший от горя и страданий, султан Алааддин, получив известие о том, что его мать Турканхатун попала в плен к монголам, аннулировал свой прежний указ о назначении преемника и объявил Джалолиддина наследником престола.

Как пишет Насави, незадолго до этого под давлением своей матери султан, пренебрегая интересами своего первенца Джалолиддина и его младшего брата Рукнаддина Гурсанчти, объявил наследником престола юного Кутбиддина Узлакшаха. Известно, что Турканхатун распорядилась делами государства в качестве второй властительницы и бесцеремонно вмешивалась в дела государства, оказывая давление на своего сына. Она ненавидела как Джалолиддина, так и его мать Ойчечак, а Узлакшаху, родившемуся от невестки — своей соплеменницы, всячески благоволила и оказывала покровительство.

Словом, перед своей кончиной хорезмшах призвал к себе сыновей Мангуберди, Узлакшаха и Акшаха и ознакомил их со следующим завещанием: “Узы власти порвались, устои державы ослаблены и разрушены. Стало ясно, какие цели у этого противника: его когти и зубы крепко вцепились в страну. За меня способен отомстить лишь мой сын Мангуберди. И вот я назначаю его наследником престола, а вам обоим надлежит подчиниться ему и вступить за ним на путь следования”.

В декабре 1220 г. султан Алааддин Мухаммад скончался. Трое братьев направились в Гургандж.

МЕЖДУ ОГНЕМ И ВОДОЙ

К тому времени Гургандж был с четырех сторон окружен неприятелем и, по выражению Джувейни, “стал похож на шатер, у которого срезали веревки”. Здесь с 90-тысячной армией находились дядя Узлак султана Бучи Пахлаван, Кучай-тегин, Огул Хаджиб и герой обороны Ходженда Темур Малик. Джалолиддин вместе с братьями и в сопровождении всего 70 всадников под ликующие возгласы населения вошел в столицу и огласил завещание отца.

Однако сторонники Туркан-хатун отказались ему подчиниться и возвели на трон ее брата Хумар-тегина. Они тайно замыслили совершить покушение на Джалолиддина. Узнав об этом, Огул Хаджиб предупредил Джалолиддина. Тот вместе с Темур Маликом в сопровождении 300 всадников покинул Гургандж и направился в город Газну — центр своих владений, переданных ему еще отцом.

Узнав о том, что Джалолиддин вместе с братьями вернулся в Гургандж, Чингизхан часть своей армии направил в южную оконечность степи между Хорезмом и Хорасаном с целью вести наблюдение и устроить братьям засаду. Снаряженный им отряд держал под контролем обширную часть степи, начиная от Мерва и кончая Шахристаном близ Нисы. Джалолиддин и преданные ему люди вышли из степи близ Нисы. Здесь их ожидал отряд монгол численностью 700 человек. Между ними завязался бой, в котором монголы потерпели поражение. Впоследствии Джалолиддин рассказывал Шахабаддину Насави, как ему на пути в Нишапур пригодились лошади, захваченные в том сражении в качестве трофея.

Прибыв в Нишапур, Джалолиддин в течение месяца занимался формированием войска, посылая к правителям и амирам гонимых с призывом объединиться. Узнав об этих намерениях, монголы начали неотступно его преследовать. В феврале 1221 г. Джалолиддин был вынужден направиться в Газну. Неподалеку от Кандагара к нему присоединился отряд племени кангли численностью 10 тысяч человек во главе с двоюродным братом султана Алааддина, правителем Герата Амин Маликом. По сведениям Насави, объединенные войска Джалолиддина и Амин Малика попутно разгромили отряд монгол, осаждавших Кандагар.

Джалолиддин прибыл в Газну в 1221 г. Здесь под его знаменем объединились вождь халаджей Сайфаддин Уграк, правитель Балха А'зам Малик, предводитель афганцев Музаффар Малик, глава карлуков Хасан каждый с 30-тысячным войском. К ним также присоединились гурские амиры. Здесь же Джалолиддин женился на дочери Амин Малика, укрепив, тем самым, политический союз родственными узами.

Наконец-то осуществилась мечта Джалолиддина, когда он, не распыляя сил, мог оказать сопротивление неприятелю и продемонстрировать свои незаурядные полководческие способности. Он вывел армию из Газны и направился в сторону Парвана. Узнав по дороге, что монголы осадили крепость Валиян, совершил на них нападение. Те, потерпев поражение, отступили на другой берег реки Пяндж. Уходя, они разрушили за собой мост, и Джалолиддин был вынужден вернуться назад.

Чингизхан выставил против султана 45-тысячное войско во главе с известным полководцем Шики Хутуху. Оба противника встретились лицом к лицу в упомянутом Парване и двухдневный бой закончился сокрушительным поражением монгол.

Особого внимания здесь заслуживает описание тактики ведения боевых действий монголами и Джалолиддином, приведенное Джувейни об этом сражении при Парване. Как отмечает историк, после окончания первого дня сражения Шики Хутуху приказал ночью своим воинам изготовить из войлока фигуры людей. Воины Джалолиддина, увидев увеличившуюся за ночь численность врагов, решили, что к ним подоспела помощь. Однако Джалолиддин сумел подбодрить их и поднять боевой дух. Воины султана, снесившись с лошадями, взяли неприятеля на прицел. Когда монголы начали отступать, "все войско, следуя приказу султана, стало бить в барабаны и, оседлав лошадей, одновременно и повсеместно перешло в наступление, в результате чего монголы начали бежать. Однако в ту же минуту они неожиданно повернули назад и набросились на воинов султана и опрокинули наземь около 500 человек. Словно лев равнины и акула разбушевавшегося моря, султан набросился на них; монголы потерпели поражение".

О первой уловке монгол итальянский путешественник Плано Карпини, побывавший в то время в Монголии и близко ознакомившийся с их жизнью, бытом, обычаями и традициями, а также воинским искусством, писал об этом так: "Они изготавливали фигуры людей и укрепляли их на лошадях. Это делалось для того, чтобы увеличить численность воюющих". Вторая уловка монгол заключалась в том, чтобы поначалу имитировать отступление, а затем, неожиданно повернув назад, начать атаку. Это был широко распространенный прием среди кочевых племен Центральной Азии, который решил исход многих крупных сражений.

А Джалолиддин против этого применил тактику, о превосходстве которой свидетельствует исход сражения. Заслуживает внимания то обстоятельство, что после одержанной в том бою победы население многих городов восстало против монгол и уничтожило на местах их наместников.

Наконец, осознав, что Джалолиддин представляет собой серьезного и опасного противника, Чингизхан, собрав всю свою армию, направился в Газну. Однако и на сей раз Джалолиддину не удалось встретиться с Чингизханом в равном бою и попытаться исправить роковую ошибку своего отца, чему помешали следующие обстоятельства.

При разделе добычи, захваченной в сражении при Парване, между полководцами Джалолиддина возник конфликт, в результате чего Амин Малик ударил по голове плетью Сайфиддина Уграка. После этого инцидента он вместе со своими частями покинул Джалолиддина. Все попытки последнего вернуть их назад были напрасными.

Узнав о приближении монгольской армии во главе с самим Чингизханом, Джалолиддин покинул Газну с тем, чтобы, перейдя через реку Синд (Инд),

собрать силы и продолжить борьбу. Однако во время проведения подготовительных работ по переправке через реку позади появились войска Чингизхана. 24 ноября 1221 г. началось одно из трагических в истории сражений. Вот что пишет об этом историк Джувейни: “Когда свет утренней зари вспыхнул среди ночи, султан (Джалалиддин) оказался между водой и огнем. С одной стороны, река Синд, а с другой — обжигающее, словно огонь, войско. Но, несмотря на это, Джалалиддин не растерялся и, проявив героизм, незамедлительно зажег огонь войны; взнуздав коня мщения, он избрал поединок единоборства.

Войска Чингизхана атаковали правое крыло, которым руководил Амин Малик и, сменяв ряды неприятеля, уничтожили большую их часть. Пытаясь сохранить свою жизнь, Амин Малик бежал в сторону Пешавара. Монголы нанесли урон и левому крылу. Султан в центре, в самой гуще монгол, вместе с 700 своих всадников стойко сражался с утра до второй половины дня. Он направлял свою лошадь то в левое крыло, то в правое, то атаковал центр противника, и всякий раз опрокидывал навзничь нескольких человек.

Однако численность войска Чингизхана с каждым часом увеличивалась, а для султана поле сражения все больше суживалось. Находясь в весьма затруднительном положении, он влажными от слез глазами и спекшимися от жажды губами положил на алтарь свободы свои честь и достоинство. Дядя султана Ажон Малик слезно его умолял вернуться (в ставку). С разбитым сердцем и обливаясь слезами, султан распрощался со своими сыновьями и близкими. Затем он велел подвести запасного коня. Сев на него, султан как мощный кит в океане бедствий бросился на врага и заставил отступить монгольское войско. Затем он обратно повернул поводья и, сбросив кольчугу, подстегнул коня. Стоя на высоком берегу, он бросился в реку на расстоянии от воды в 10 или более гязов. Как бесстрашный лев, он переплыл реку и пристал к берегу спасения. Увидев его переплывающим через реку, Чингизхан направил туда рысью свою лошадь. Султан переплывал реку, держа в руках лишь саблю, копьё и меч.

Чрезмерно удивленные, Чингизхан и монголы раскрыли рты с поднесенными к ним пальцами. Изумленный увиденным, Чингизхан, обернувшись к своим сыновьям, произнес: “Только такой сын должен быть у отца! Раз он сумел выйти невредимым из такой пучины воды и огня на берег спасения, от него проистекут множество деяний и бесчисленные смуты!”

По сведениям Насави, в том сражении Джалалиддину удалось даже прорвать центр войска противника. И когда хорезмийцы начали было окружать монгол, туман (подразделение из 10 тысяч человек) отборных воинов, именуемых “бахадурями”, которые находились в засаде, решил исход битвы.

Во время этого сражения малолетний сын Джалалиддина попал в плен и в присутствии Чингизхана был предан смерти. Этот же историк рассказывает, что Джалалиддин приказал утопить в реке мать, жен и паложниц своего гарема с тем, чтобы они не попали в плен к врагу.

Английский востоковед Г. Раверти и русский ученый-путешественник Г. Е. Грумм-Гржимайло отмечают, что место переправы Джалалиддина через реку Синд с тех пор стало называться Чули Джалали (Жули Джалали), что сохранилось и по сей день.

Перейдя через реку и собрав остатки своего войска, Джалалиддин предпринимал попытки установить взаимоотношения со многими правителями Северной Индии. Ему пришлось воевать с ними, но, несмотря на свое

военное превосходство, он осознавал, что не может здесь прочно осесть и найти союзников. Вот почему он ушел отсюда в Иран, а в 1224 г. направился в Азербайджан и овладел им. С этого времени началась деятельность Джалолиддина на территории Азербайджана и соседних с ним государствах (Иране, Ираке, Гурджистане (Грузии), Руме (Малой Азии) и т.д.).

Затрагивая эту полную сложностей и противоречий страницу жизни Джалолиддина, нельзя не отметить дипломатических качеств Джалолиддина, поскольку отдельные исследователи, отдавая должное заслугам султана как великого полководца и отважного воина, критически относятся к его политической деятельности. По их мнению, Джалолиддину следовало приложить большие дипломатические усилия по созданию союза с соседними государствами, а не оказывать им противостояние, чем он, как считают они, приблизил час своего поражения.

Однако лишь после знакомства с первоисточниками можно понять, насколько сложной и трудной была эта задача. Безуспешные усилия Джалолиддина по созданию союза с халифами Багдада, султаном Кони Алааддином Кайкубадом, братьями Айюбидами, царицей Грузии Русудан и другими правителями были обусловлены множеством факторов и причин, до конца еще наукой не изученных.

Многие попытки Джалолиддина, уже близившиеся к своему разрешению, так и остались неосуществленными из-за непреднамеренных ошибок близких к нему людей или открытого их противостояния. Особое место среди них занимал последний визирь Джалолиддина Шарафалмулк. Как отмечается в источниках, именно по его вине первые послы, прибывшие от халифа ал-Мустансира и Алааддина Кайкубада, возвратились назад безрезультатно. Он дошел даже до того, что позволил себе оскорбить послов Кайкубада. В результате тот создал против Джалолиддина мощный союз из шести правителей. В 1230 г. в сражении при Яссичамане против союзной коалиции Джалолиддин, когда уже была близка победа, вдруг почему-то впал в рассеянность и потерпел поражение. К этому времени начался новый поход монгол на Запад. Джалолиддин направил брата Малика Ашрафа, захваченного им в плен, в качестве своего посла к последнему и попросил его о помощи. Вместе с ним Шарафалмулк снарядил и своего секретного человека, чем сорвал план Джалолиддина. Однако вредительская деятельность визиря продолжалась недолго: когда в руки попали его послания к соседним правителям об оказании помощи с целью отнять власть у Джалолиддина, он был арестован и казнен.

Исмаилиты, узнав о беспомощности Джалолиддина, сообщили об этом монголам. В августе 1231 г. те неожиданно напали на его ставку. Приказав своему амиру Урхану отвлечь врагов, Джалолиддин в одиночку направился в сторону гор. Убив преследовавших его двух монгол, он пошел дальше. В одном из селений Диярбакра его схватили курдские разбойники. Один из них, не поверив, что тот султан и желая отомстить за своего брата, погибшего от рук хорезмийцев во время осады Ахлата, вонзил в султана пику и убил его.

Небезынтересно, что после смерти Джалолиддина среди населения распространился слух о том, что султан не умер, а собирает войска. Как свидетельствует Джувейни, даже спустя много лет после его гибели не утихала людская молва о том, что султан был там-то и там-то или же его видели в рубище, предававшемся мистицизму. В 1236 г. один человек, объявив себя султаном Джалолиддином, выступил против монгол. В свою очередь мон-

гольские амиры привели группу людей, знавших в лицо Джалолиддина, уличили его во лжи и казнили. Как отмечает историк, в 1254 г., т.е. через 23 года после смерти Джалолиддина, группа торговцев прибыла к берегам Амударьи. Один из вновь прибывших представил себя султаном Джалолиддином. И, сколько бы его ни пытали, он не отступался от своего, в результате чего также был казнен монголами.

О том, что Джалолиддин был грозной силой, способной остановить нашествие монгол, хорошо знали не только его друзья, но и враги. Так, когда Малику Анрафу преподнесли весть о смерти Джалолиддина, он ответил: «Вы поздравляете меня с его кончиной? Но вы еще будете пожинать последствия этого, ибо, клянусь Аллахом, его гибель означает вторжение монгол в земли ислама. Теперь нет подобного хорезмшаху, который стал бы стеной между нами и Гогом и Магогом». И действительно, со временем так и произошло.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЖАЛОЛИДИДИНА МАНГУБЕРДИ В ОЦЕНКЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АВТОРОВ

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Ибн ал-Асир

“Ал-камил фи-т-тарих”

Издадин Али ибн Мухаммад ибн ал-Асир (1160-1234) арабский историк, жизнь и деятельность которого протекали в Ираке. Стал известен науке благодаря произведению под названием “Ал-камил фи-т-тарих” (“Полный исторический свод”). Данное сочинение написано в месяце хижри 628 г. (1230 г.) на арабском языке. Состоит из 12 томов. Первоначально, в соответствии с традицией мусульманского летописания, излагается история восточных мусульманских государств с древних времен, последние же страницы заканчиваются описанием событий, доведенных до периода проживания самого автора. Несомненно, что в своем сочинении он опирался на исторические источники, описывавшие предыдущие исторические события, в частности на известное сочинение Мухаммада Джарира ат-Табари “История Табари” (“Тарихи Табари”).

Ибн ал-Асир оставил нам множество ценных исторических сведений, связанных, в частности, с описанием событий периода монгольского нашествия. Его сочинение отличается подробным и последовательным изложением последних лет истории Хорезмшахов.

Историк ан-Насави при написании своего произведения “Сират ас-султан Джалололиддин Мангуберди”, посвященного описанию исторических деяний Джалололиддина хорезмшаха, также опирался на сочинение Ибн ал-Асира “Ал-камил фи-т-тарих” и, в частности, особо в нем отмечал, что здесь нашли весьма подробное изложение исторические события. Вероятно, по этой причине данный источник привлекал к себе пристальное внимание исследователей, и поэтому в 1851-1876 гг. сначала в Лейдене, а с 1873 г. и в Египте неоднократно публиковался его арабский текст.

Исследователи пользуются данным сочинением весьма широко. Отдельные выдержки из него переведены и на другие языки. Этот источник по распоряжению хивинского хана Мухаммада Рахимхана II (1844-1910; годы правления — 1863-1910), был полностью переведен и на узбекский язык. Несколько экземпляров рукописи вышеупомянутого перевода хранятся в фонде Института востоковедения АН РУз (№ 824, I-VI тт.; № 825, VII-XII тт. и т.д.). Отдельные выдержки из данного трактата, в частности рукопись № 825 12-й книги (тома), посвященные монгольскому нашествию, событиям, связанным с Мухаммадом хорезмшахом и султаном Джалололидином, переведены со староузбекского на современный узбекский язык и даны ниже в разделе отрывков из источников.

Шихабатдин Мухаммад ан-Насави

“Сират ас-султан Джалолиддин Мангбурни”

Шихабатдин Мухаммад ибн Ахмад ибн Али ибн Мухаммад ал-мушши ан-Насави (ум. в 647 / 1249-50 г.) родился в вилояте Ниса, в унаследованной от отца крепости Хурандиз в семье государственного служащего. Хорошо знал персидский и арабский языки, занимался и стихотворством. Был неоднократным участником в поединках с монголами.

В 1224 г., когда султан Джалолиддин возвратился из Индии в Иран, ан-Насави перешел к нему на службу в качестве секретаря. После смерти Джалолиддина (1231 г.) он работал при дворце правителей в Малой Азии и, наконец, перейдя на службу к правителю Алеппо (в Сирии) Салахиддину Юсуфу, остался здесь до конца своей жизни.

В 639 / 1241-42 гг. по прошествии десяти лет после кончины султана Джалолиддина ан-Насави решил написать его жизнеописание, в результате чего и появился на свет исторический труд “Сират ас-султан Джалолиддин Мангбурни” на арабском языке. В данное произведение вошли воспоминания автора о событиях, происходивших на протяжении 15 лет. Труд состоит из мукаддимы (введения) и 18 глав. Содержание данного сочинения следующее.

Первые четыре главы посвящены Чингизхану и его восшествию на престол, завоеванию им восточных государств (заимствованы преимущественно у Ибн ал-Асира). С 5 по 22 главу излагается история хорезмшаха Алааддина Мухаммада, в частности о нашествии монгол в Среднюю Азию, бегстве хорезмшаха Мухаммада и последних днях его жизни. В 18 и 19 главах освещено место Туркан-хатун, которое она занимала в политической жизни государства Хорезмшахов.

В последних главах книги речь непосредственно идет о борьбе султана Джалолиддина, его бесстрашных сражениях против монгол. При написании данного произведения, наряду со своими впечатлениями очевидца происходивших событий, он использовал также сведения других непосредственных участников событий или их очевидцев, служащих двора Хорезмшахов.

Данное сочинение стало привлекать к себе пристальное внимание с момента его написания. Так, Абу-л-Фида (1273-1331) и Ибн Халдуи (ум. в 1405 г.) и другие известные историки, ссылаясь на этот труд, приводили из него различные выдержки. Но, несмотря на это, до нас дошли лишь два списка сочинения “Сират ас-султан Джалолиддин”, один из которых хранится в Национальной библиотеке Парижа, а второй – в книгохранилище Британского музея.

Данное произведение Шихабатдина ан-Насави – ценный исторический памятник, вобравший в себя важные исторические сведения о последнем периоде существования государства Хорезмшахов. Вот почему в конце XIII столетия (а точнее, в 1291-1300 гг.) оно было переведено на персидский язык. Однако это был существенно сокращенный вариант. Основные исследования по данному труду стали проводиться с XIX столетия. Вначале на основе Парижского списка французский востоковед Октав Удас (1860-1917) опубликовал в 1891 г. арабский текст, а в 1895 г. – подготовленный им же французский перевод. Вследствие того, что Парижский список произведения был гораздо полнее списка, хранящегося в Британском музее, данная публикация О.Удаса послужила основой для последующих его изданий и переводов.

На основе этой публикации “Сирати Джалолиддин” был в кратком виде переведен Юсуфом Зийа и Ахмадом Тавхидом на турецкий язык, а в 1914-1916 гг. издан в Стамбуле. В 1945 г. это произведение подверглось переводу также на персидский язык Мухаммадом Али Насихом, а в 1985 г. он был опубликован в Тегеране. Арабский текст издания О.Удаса был издан египетским ученым А.А.Хамди в 1953 г. в Каире.

Отдельные выдержки из этого сочинения ап-Насави вначале были переведены на русский язык. Полный русский перевод этого труда был осуществлен известным азербайджанским востоковедом З.М.Буниятовым — крупным ученым по истории Хорезмшахов - Ануштегинидов. Этот текст увидел свет в 1973 г. в Баку. И, наконец, наиболее полный арабский текст данного произведения, основанный на его сопоставлении с другими списками, был подготовлен к печати в переводе на русский язык с введением, научными примечаниями и комментариями З.М.Буниятовым и в 1996 г. вышел в свет в Москве в серии “Письменные памятники Востока”.

Алауддин Атамалик Джувейни

“Тарихи Джахангушай”

Алауддин Атамалик ибн Бахауддин Мухаммад ал-Джувейни родился в 623/1225 г. в районе Джувейна, что в западной части Хорасана, в знатной семье. Годы своей юности он провел там же. Его отец Бахауддин по приказу Мухаммада хорезмшаха был в свое время назначен хокимом вилоята. Во время нашествия монгол на Хорасан он находился на службе у султана Джалолиддина и лично принимал участие в сражениях. После смерти Джалолиддина, волею судьбы, он перешел на службу к монголам и до 1253 года, т.е. до самой своей кончины, служил сахиб-диваном, т.е. администратором у монгольских наместников в Хорасане.

Известно, что у Бахауддина Мухаммада были два сына. Старший из них Шамсуддин Мухаммад в 1262-1283 гг. работал в должности сахиб-дивана — визиря во дворе монгольских правителей в Иране Хулагухане (1256-1265) и Абакахане (1265-1282).

Высокое положение семьи и политическое окружение того времени впоследствии оказали на него положительное влияние в становлении как интеллигентного и образованного человека. Еще в юношеские годы он был принят на службу к монгольскому правителю Хорасана Аргун-ага и на протяжении 1246-1253 гг. вместе с ним несколько раз посещал Монголию. Одно время он служил у Хулагухана секретарем, а затем, в 1259 г., был назначен правителем областей Ирака и Хузистана.

Джувейни скончался 4 зулхиджжа 681 г. (6 марта 1283 г.) в Арране.

В годы своего правления он уделял большое внимание вопросам благоустройства государства, с большой заботой относился к образованным людям, покровительствовал поэтам и писателям. Будучи обладателем хорошего пера, в своем произведении “Тасмийат ал-Ихван” (на персидском языке) он писал о своих личных невзгодах последних лет, в частности о том, как в 1281 г. был подвергнут обыску по приказу Абакахана и арестован.

Известное ныне произведение Алауддина Джувейни “Тарихи Джахангушайи Джувейни” (кратко — “Тарихи Джахангушай”) считается важнейшим источником по истории монгольского нашествия.

Автор завершил свой труд, написанный на персидском языке, в 1260 г. В нем описываются исторические события со времен нашествия Чингизхана до 1256 г., вобравшие также историю государства Хулагухана (и, до 1258 г., историю Хорасана). Сочинение состоит из предисловия (дебоча), введения и трех томов. В первом из них речь идет об истории монголов, их нашествии, о периоде правления потомков Джучи и Чигатая. Второй том вбирает в себя историю Хорезмшахов; в нем описывается также история монгольских правителей Хорасана, вплоть до событий 1258 г. В третьем томе также описываются важнейшие исторические события, связанные, в частности, с монгольским игом, речь идет и о религиозном направлении исмаилия в исламе, а также о государстве Исмаилитов (1090-1258).

Помимо двух вышеупомянутых произведений, перу Джувейни принадлежит множество составленных им приказов, посланий (муншаот), писем и др.

В процессе создания своих произведений автор широко использовал множество источников, но, к сожалению, большинство из них не сохранилось до наших дней. Следовательно, и с этой точки зрения данное сочинение представляет для нас огромный интерес.

Списков произведения “Тарихи Джахангушай” имеется множество. Ныне они хранятся в различных книгохранилищах мира, но большая их часть находится в библиотеках Ирана. В фонде Института востоковедения АН РУз хранятся три списка этого ценного сочинения (№12148, 610, 4597). Полное научное издание данного источника было осуществлено Мухаммад ибн Абдулваххабом Казвини (первый том в 1912 г., второй – в 1916 г., третий том в 1937 г.; Лейден - Лондон).

Известно также, что это произведение было издано, с приложением дополнительных сведений, в 1933 г. в Тегеране Сайид Джалолиддином Техрани. На основе издания Мухаммада Казвини сочинение “Тарихи Джахангушай” было переведено Ж.А.Бойли на английский язык (Манчестер, 1958 г.), а первый том – на турецкий (Стамбул, 1938 г.). Ниже части отрывков из данного трактата, описывающие деяния султана Джалолиддина, переведены на узбекский язык с персидского издания “Тарихи Джахангушай”.

Рашидаддин Фазлаллах

“Джаме‘ ат-таварих”

Рашидаддин Фазлаллах ибн Имададлава Абулхайр ал-Хамадани родился в 645/1247-48 г. Место его рождения, по всей видимости, Хамадан. Его жизнедеятельность протекала в период нашествия монгол и правления их наместников. При дворе Абакахана (1265-1281) он был табибом, в правление Газанхана (1295-1304) и Улджайту султана (1304-1316) занимал должность визиря, в правление султана Абу Саида вплоть до 1317 г. также исполнял должность визиря. Однако в 1318 г. он был обвинен в попытке отравить Улджайту султана и казнен в городе Тебризе.

Несмотря на то, что Рашидаддин Фазлаллах занимал высокие государственные должности и был весьма занятым человеком, после себя он оставил бесценные произведения, богатое научное наследие.

Его перу принадлежат такие известные в науке сочинения, как “Джаме‘ ат-таварих”, “Мажмуат ар-Рашидия” (это произведение состоит из четырех томов: 1) “Тавзихати Рашиди”; 2) “Мифтах ат-гафасир”; 3) “Фаваид ас-

султания»; 4) «Латаиф ал-хакаиқ»), «Ал-асар ва-л-ахйа», «Байан ал-хакаиқ», «Ас'ида ва аджиба» и др. Если судить по их содержанию, то можно понять, что Рашидаддин был знатоком во многих отраслях наук (история, исламоведение, сельское хозяйство, ботаника, архитектура и др.). Под его непосредственным руководством переведены четыре произведения с китайского языка на персидский, посвященные китайскому и монгольскому способам лечения, фармакологии, административному управлению и т.д.

Среди богатого наследия Рашидаддина наиболее важным для науки представляется произведение «Джаме' ат-таварих». К написанию данного сочинения автор приступил в 1300 г. по приказу Газанхана и закончил его в 1311 г. в период правления Улджайту султана.

Судя по содержанию, оно состоит из четырех частей. Первый том назван «Тарихи Газани» и имеет две главы, где приводятся ценные сведения о тюркских и монгольских племенах, о Чингизхане, его предках, включая период правления потомков до Газанхана. Второй том также состоит из двух глав, где излагается всеобщая история (с древних времен), а также история династий Газневидов, Сельджукидов, Хорезмшахов в средние века, тюрков и других народов. Третий том под названием «Шуаби панджгана», судя по содержанию, является продолжением двух предыдущих. Здесь в основном представлена подробная этническая история тюрков, монголов, арабов, евреев, китайцев и других народностей. Четвертый том под названием «Сувар ул-акалим» — сочинение по географии. В нем приводится описание мира, а также даются сведения о дорогах и стоянках в империи монгол. К сожалению, этот том до нас не дошел.

«Джаме' ат-таварих» Рашидаддин Фазлаллаха считается весьма ценным источником, вобравшим в себя не только историю монгольского государства, но и, в целом, различных народов, в частности тюркских. Так, отдельные сведения, приводимые здесь об истории Хорезмшахов, в других источниках не встречаются. Его ценность заключается и в том, что данное произведение написано на основе анализа и сопоставления сведений из других многочисленных источников. В создании труда наряду с автором активное участие принимали служившие при дворе Улджайту султана разного рода специалисты по истории (китайцы, монголы, индийцы и др.).

В последующем на основе произведения «Джаме' ат-таварих» было создано множество списков, хранящихся ныне в различных книгохранилищах мира. В частности, в фонде Института востоковедения АН РУз содержатся списки рукописей первого и второго томов данного произведения.

Известно также, что «Джаме' ат-таварих» по поручению правителя шейбанида Кучкунчихана (1510-1530) в значительно сокращенном виде был переведен на узбекский язык Мухаммадом Али ибн Дарвиш Али Бухари. Данный перевод состоит из трех томов; рукописи первого и второго томов (редкий список, переписан в 1526 г.) ныне хранятся в фонде Института востоковедения АН РУз (№25).

Данный источник как в целом, так по частям, был переведен и на другие языки, в том числе европейские, изданиями которых исследователи ныне широко пользуются. Первая часть произведения была опубликована М.Катрмером (1836), Э.Блоше (1911) и чешским ученым К.Яном (1941). Персидский его текст перевел и издал И.Н.Березин (1858, 1868, 1888), А.А.Ромаскевич, Е.Э.Бертельс, Л.А.Хетагуров, А.А.Ализаде осуществили перевод «Джаме' ат-таварих» на русский язык, снабдив его научными комментариями и примечаниями.

Махмуд ал-Чагмини

“Ал-мулаххас фи-л-хай’а”

Абулфазл Махмуд ибн Мухаммад ибн Умар ал-Чагмини (ум. пригл. в 1221 г.) — известный математик и астроном, живший в государстве Хорезмшахов - Ануштегинидов. В источниках о его жизни и деятельности сведений почти нет. Если исходить из прозвища (нисбы) автора, то местом его рождения можно считать село Чагмин в Хорезме. Махмуд ал-Чагмини творил в столице Хорезмшахов Гургандже в научной среде. Его произведения — это “Ал-мулаххас фи-л-хай’а” (“Краткая астрономия”), “Избранное”, “Трактат о месте числа “девять” в математике”, “Комментарий к математическим способам деления в вопросах наследства” и др. Все его произведения написаны на научном для того времени языке мусульманских ученых — арабском. Известно, что Чагмини был крупным ученым не только в области астрономии, он также был знатоком математики. В астрономических трудах автора отражены также сведения и географического характера.

Главный труд Махмуда ал-Чагмини “Ал-мулаххас фи-л-хай’а”, посвященный вопросам астрономии, был написан им в 1205 г. в Гургандже в государстве Мухаммада хорезмшаха и служил в качестве учебного пособия по астрономии для слушателей медресе, поскольку в нем астрономические термины и понятия были изложены ясным и доступным языком.

В своем произведении ал-Чагмини приводит географическое место Гурганджа по отношению к Мекке (кибле), что также подтверждает мысль о том, что ученый жил и творил в этом городе. В нем, в частности, отмечается географическая долгота (восточная долгота) города Мекки от островов Халидат — $77^{\circ} 10'$ и ее широта (северная широта) — $21^{\circ} 40'$. Исходя из этого, географическая долгота Хорезма (Гурганджа) равна $94^{\circ} 0'$, а широта — 42° . Судя по тому, что ал-Чагмини составил пособие по астрономии и имеет сочинения по математике, можно сделать вывод о том, что в медресе Гурганджа — столице Хорезмшахов, он вел уроки по основам астрономии и математики.

В научном наследии ал-Чагмини наблюдается воздействие науки и образования в эпоху Хорезмшахов — Ма’мунидов, в частности произведений Абу Райхана Беруни.

Произведение ал-Чагмини “Ал-мулаххас фи-л-хай’а” состоит из введения и двух частей: первая часть посвящена небесной сфере и светилам, вторая — положению Земли.

Первая часть имеет пять разделов: 1) Формы и виды небесных светил; 2) О движении небесных сфер; 3) Об известных кругах в астрономии; 4) О дугах; 5) О движении Солнца, Луны и пяти планет (Уторид-Меркурий, Зухра-Венера, Миррих-Марс, Муштари-Юпитер, Зухал-Сатурн).

Вторая часть состоит из трех разделов: 1) об обитаемой части Земли — ма’мура; 2) об особенностях мест на экваторе; 3) вопросы прикладной и геодезической астрономии.

Вследствие того, что в произведении ал-Чагмини важнейшие вопросы по астрономии и темы, связанные с состоянием Земли, изложены в простой и доступной форме, оно привлекло к себе пристальное внимание ученых и многократно переписывалось. Списки данной рукописи исследованы еще не до конца. Рукописей данного произведения ал-Чагмини имеется множество, которые ныне хранятся в библиотеках (около 20) разных стран мира. Инсти-

тут востоковедения АН РУз обладает пятью рукописными вариантами данного сочинения (7761/III, 8796/II, 10417, 10417/XIII, 11599/III), один из которых (№ 10417) был переписан еще во времена Темуридов в 839 г. (1435 г.) в Мешхеде Бурханаддин Мухаммадом. Самый древний список хранится в библиотеке Лолелий в Стамбуле за № 2141/2, датируется 1246 г.

Имеются переводы этого сочинения и на другие языки, в частности один персидский перевод (XVI в.) хранится в Оксфордском университете (№ 1524). В конце XIX в. был осуществлен перевод данного произведения на немецкий язык Г. Рудловым и А. Хохгаймом. Отдельные главы из этого сочинения были переведены также на русский язык и опубликованы.

Из названия самого произведения “Ал-мулаххас фи-л-хай’а” (“Краткая астрономия”, или “Введение в астрономию”) ясно, что это краткое и весьма лаконичное сочинение по астрономии. По этой причине в последующие века к нему был подготовлен ряд комментариев, первый из которых датируется XIV веком. Известны комментарии к данному сочинению, составленные Шамсиддин Мухаммад ибн Мубаракшах Мираком ал-Бухари (ум. в 1340 г.), Камалиддином ат-Туркмани (середина XIV в.), Али ибн Мухаммад Саййид Шарифом Джурджани (1340-1413), Абдулвахид ибн Мухаммадом (вторая половина XIV в.), Казизаде Руми (XV в.) и др. Особую значимость среди них представляет комментарий, осуществленный во времена Темуридов ученым Казизаде Руми в 1412 г., который работал в то время в астрономической школе Улугбека. В научном плане этот комментарий имеет весьма ясный и вполне законченный вид. Ныне существует множество рукописных и литографических списков данного комментария. На основе рукописных списков, хранящихся в Институте востоковедения АН РУз (№ 3049/I, 2655/II), это сочинение было переведено на русский язык и опубликовано. На сегодняшний день он считается наиболее совершенным научным переводом астрономического сочинения Чагмини. Дело в том, что Казизаде Руми, составляя свой комментарий, в начале приводил текст сочинения ал-Чагмини, а затем сопровождал их своими комментариями, выделяя их сверху чертой.

Судя по содержанию, Чагмини писал сочинение “Ал-мулаххас” в качестве учебного пособия для учащихся медресе в государстве Хорезмшахов. Однако своим лаконичным содержанием оно на протяжении еще длительного промежутка времени служило в качестве учебного руководства. Снабженный комментариями известного представителя Самаркандской школы Улугбека ученого Казизаде Руми, труд также был рекомендован к изучению и для учащихся медресе в качестве основы по астрономии. Казизаде Руми читал свои доклады на арабском языке и поэтому свой комментарий он также осуществил на этом языке. По-видимому, возрос интерес в медресе Улугбека и к произведениям на персидском языке, чем и был обусловлен осуществленный здесь перевод произведения Чагмини “Ал-мулаххас” на персидский язык, связанный с именем Хусейна ибн ал-Хусейна ал-Хорезми ал-Кубрави.

Мухаммад ибн Наджиб Бакран

“Джахан-наме”

Мухаммад ибн Наджиб Бакран проживал во времена Хорезмшахов-Ануштегинидов в Хорасане, а точнее в городе Тус. Часть его творческой

жизни прошла в Нишапуре и столице государства Хорезмшахов — Гургандже.

Наджиб Бакран составил карту мира, которую преподнес в качестве дара хорезмшаху Алауддину Мухаммаду. К сожалению, эта карта до нас не дошла, сохранилось лишь пояснение к ней под названием “Джахан-наме” — “Книга о мире”.

Это важный памятник той эпохи по географии. Если исходить из его содержания, то можно понять, что автор был одним из сведущих в этой области людей своего времени. В процессе создания этого труда он опирался как на свои личные наблюдения и опросные материалы, так и на письменные источники, отдельные названия которых он и приводит: это, в частности, сочинения Ибн Хордадбеха “Китаб ал-масалик ал-мамалик”, ал-Истахри “Китаб ал-масалик ал-мамалик”, “Сафар-наме” Насира Хисрова, “Памятники минувших поколений” (“Асар ал-бакия”) Абу Райхана Беруни и т.д.

Из подробностей, изложенных в “Джахан-наме”, можно почерпнуть общее впечатление о карте, которая, как представляется, была нанесена на материал в виде карты полушариев.

Немаловажно и то обстоятельство, что на ней были указаны градусы (линии параллелей и меридианов), а также очерчены границы государств. Начальный меридиан проведен от островов Халидат.

В “Джахан-наме” прокомментированы топонимы, нашедшие отражение на карте, а точнее 600 названий местностей.

В целом “Джахан-наме” состоит из вступления и 20 весьма лаконично изложенных глав. Здесь заключены сведения о географических координатах — долготе и широте, об обитаемой части Земли, о морях, островах, озерах, реках, горах, степях, городах, племенах, различных видах товаров международной торговли и т.д.

В последующие века авторы широко использовали сведения, приводимые в данном труде Наджиба Бакрана (это, в частности, такие авторы, как Хамдаллах Мустауфи Казвини, Хафиз-и Абру, Султан Мухаммад Балхи и др.).

До нас дошли два рукописных списка “Джахан-наме”: один хранится в Париже, другой — в Санкт-Петербурге. В современных научных исследованиях это произведение упоминается начиная со второй половины XIX века.

В 1960 г. русским востоковедом Ю.Е. Борщевским было осуществлено факсимильное издание “Джахан-наме” с вводной частью, приложением указателей и путем сопоставительного анализа двух имеющихся его списков.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ СОЧИНЕНИЙ

Из произведения Ибн ал-Асира “Ал-камил фи-т-тарих”

(л.687а)*. Повествование о нашествии татаро-монгольских племен
в 617 г. на страны мусульман

В 617 г. (1220 г.) началось нашествие татаро-монгольских племен на земли мусульман. Татары относятся к тюркам и образуют множество племен. Расстояние от их места обитания до областей мусульман составляет свыше шести месяцев пути. Их падишах Темучин, т.е. Чингизхан, начал поход на Туркестан. Планируя его, он отправил вместе с караваном группу купцов и тюрков с золотом, серебром и другими товарами в Мавераннахр. Они прибыли в один из тюркских городов — крепость Отрар, который считается наиболее крайним (с северо-восточной стороны) городом Хорезма. Когда они прибыли в крепость, хоким города отправил к хорезмшаху человека с этим известием. Тот повелел казнить всех прибывших (л. 687б), а добро отправить в Хорезм. Правитель города исполнил его приказание и отправил дары в Хорезм. Некоторые утверждают, что причина нашествия татаро-монгол на страны мусульман заключалась в ином, однако в книгах об этом нет никаких сведений.

Таким образом, татарское общество разгневалось и начало нашествие на земли мусульман. Татары захватили множество мест и разорили их. Взяли они также Бухару и Самарканд.

Поход татар на Хорезм. Повествование о бегстве хорезмшаха в Хамадан и его кончине там

После взятия Самарканда неверными их великий падишах, проклятый Чингизхан с 20 тысячами отборных всадников напал на след хорезмшаха. Своим воинам он повелел поймать его где бы тот ни был, даже если улетел на небеса, и пригрозил, что пока его не найдут, он их не оставит (в покое).

Монголы отправились на поиски хорезмшаха... Тот, услышав об их приближении, оседлал коня и отправился в Нисабур, но и там, не найдя покоя, покинул это место, ибо следом за ним шли татары. Пытаясь от них спастись, хорезмшах отправился в Хамадан, где затем и скончался**.

Повествование о хорезмшахе

Его отцом был Алааддин Мухаммад ибн Алааддин Текеш, который правил государством 21 год и территории его владычества были безграничными.

* Отрывки из сочинения Ибн ал-Асира “Ал-камил фи-т-тарих”. Рук. ИВ АН РУз, инв. № 825.

** О месте кончины Мухаммада хорезмшаха более достоверные сведения содержатся в сочинении ан-Насаби “Сирати Джалолиддин”.

Никто, кроме Сельджукидов, не правил так, как он. Его государство простиралось от границ Ирака до Туркестана.

**(л. 689а). Повествование о том, чем занимались в Мавераннахре
племена татар после взятия ими Бухары и Самарканда**

Чингизхан, разгневавшись и назначив одного из своих родичей главным, направил туда бесчисленное множество войска. Достигнув Хорасана и перейдя Джейхун, монголы дошли до крепости Балх. Население города вышло с подношениями и попросило пощады. После захвата Балха (монголы) в 611 г. (1221 г.) пошли походом на крепость Андхой и, захватив ее, направились в Таликан. Однако это была мощная крепость и (монголы), осаждая ее в течение шести месяцев, так и не смогли ничего добиться. После этого они сообщили Чингизхану о потере своих сил. Тот, сам придя с войском, окружил крепость, а у него находились пленные мусульмане. Выставив их перед своими воинами, он послал пленных штурмовать крепость, пригрозив, что убьет их, если они откажутся исполнить его волю. Бои велись на протяжении четырех месяцев. После этого Чингизхан, сложив к стенам крепости камни, песок и доски (л. 690), приказал сделать из этой груды возвышенность, взобраться по ней и штурмом взять крепость. Осуществив это, татары с большими трудностями одолели крепость; множество людей они уничтожили, а часть захватили в плен.

После этого Чингизхан, собрав большое войско, вознамерился пойти в сторону Мерва. Взяв город в окружение, он в течение четырех дней вел сражение, в результате чего обе стороны понесли большие потери. На пятый день Чингизхан направил хокиму города послание и предложил ему остаться на этой должности при условии сдачи крепости. Тот ему поверил и явился к Чингизхану. Сын повелителя встретил его с почестями и одарил подарками. Затем они направились в крепость и тот принимал его в течение нескольких дней. Он велел ему составить список жителей крепости, после чего распорядился вывести их из города. Затем он вместе со своими воинами овладел крепостью, а его жителей приказал предать смерти. Татары уничтожили всех жителей, численность которых достигала 700 тысяч человек. Затем они возвратились в крепость, женщин и детей распределили между воинами, а дома предали огню, в том числе сожгли и гробницу (султана) Санджара.

**(л. 690а). Повествование о взятии татарским племенем Газны
и области Гур**

Поставив во главе воинства своего сына, Чингизхан направил его в сторону Газны. Принц Джалалиддин ибн (Мухаммад) хорезмшах тоже там находился с 60 тысячами конных воинов. Услыхав о приближении татар, все мусульмане собрались в местности Балк. Татары расположились там же, и обе стороны приготовились к сражению. Бои велись в течение трех дней, в результате чего монголы были разбиты.

Услыхав об этом, население Герата казнило поставленного над ними татарами правителя и его людей. Когда весть об этом достигла ушей Чингизхана, он направил в Герат большое войско во главе со своим сыном. Тот, завоевав Герат, разорил его, а правитель города успел убежать.

Теперь повествование о Джалалиддине: уничтожив татар, он направился в Газну. Оттуда он послал к татарам человека с поручением, что если они

хотят сразиться, то пусть выберут очередное поле боя. Наконец татары сообщили, что выбирают Кабул. Принц прибыл туда вместе с войском и, начав бой с обеих сторон, они ожесточенно сражались. Множество людей погибло и татары, обессиленные, потерпели поражение. Мусульмане же, оказавшиеся в плену у татарских племен, были освобождены.

Среди воинов Джалолиддина произошли смута и склока. Подробности их изложения следующие: амир Газны Сайфиддин сказал, что имущество и добыча (она была взята во время боя с монголами) принадлежат ему и если он захочет, то разделит их между другими. Правитель Герата Маликхан ответил тем же и, словом, оба они поссорились. Сайфиддин разделил добычу между 3 тысячами своих воинов.

В это время подоспел Чингизхан со своим войском. Несмотря на то, что воины Джалолиддина разбежались, он сам решил принять бой. Построив ряды, они стали сражаться пуще прежнего. Правитель Герата Маликхан также погиб. Вслед за этим Чингизхан подтянул войска к Газне и овладел ею. Город и его окрестности он разграбил, людей уничтожил и забрал их имущество, а затем вернулся.

(л. 693а). Повествование о походе принца Джалолиддина хорезмшаха в Хузистан и Ирак

В том же году (621 г. х. / 1224 г.) сын хорезмшаха Мухаммада ибн Текеша принц Джалолиддин направился из Индии в сторону Хузистана и Ирака. Затем он побывал во владениях своего брата в Исфагане, а оттуда направился в Фарс. Пройдя оттуда, он осадил Хузистан, поскольку амир Музаффар закрыл ворота крепости. Джалолиддин ушел оттуда и подошел к крепостям Бодрис и Бакияд, где находился в течение двух месяцев, а затем направился в крепость Багтата. Там находился с войском мамлюк халифа Джалолиддин Кашмир, который вступил в сражение и одержал победу. Затем Джалолиддин отправился в местность под названием Якуба; расстояние отсюда до крепости Багдад составляло 7 фарсахов. Услышав о приближении Джалолиддина, правитель Багдада вышел, вступил в бой с Джалолиддином и одержал победу. Уйдя оттуда, Джалолиддин осадил крепость Дакука. Жители крепости неоднократно совершали вылазки из крепости и вступали с ним в сражение, однако оказались побежденными.

(л. 693б). О том, как Джалолиддин направился из вышеупомянутой крепости в Азербайджан

В том году (621 / 1224 г.) принц Джалолиддин, овладев крепостью Дакука, разорил ее и, пока не подоспела помощь из Азербайджана, подчинил своей воле и хокима. Когда он восстанавливал разрушенные места, поступило известие о том, что ставленник Гиясаддина амир Ойгон Тали с 50 тысячами всадников разоряет крепости близ Азербайджана, угоняет скот и отбирает добро. Вместе с амиром халифа Насираддина (л. 694а) принц Джалолиддин собрал своих воинов и направился в сторону Ойгона. Тот же, совершив набег на крепость Дарон, что на пути в Хамадан, стал ее разорять, но в это время появился Джалолиддин и собранные им добро и скот отобрал. Затем он направился в благоустроенную им же самим область Марагина, отдохнул там несколько дней, а затем выступил, решив узнать о положении в Азербайджане.

Как только появился Джалолиддин, население крепости выразило ему покорность. Правитель города Узбек ибн Пахлаван испугался и, покинув Азербайджан, направился в сторону Тебриза, а затем, не желая там оставаться, отправился в область Ганжа. Джалолиддин, пребывая в течение нескольких дней в Азербайджане, восстановил разрушенные строения, направил правителю Тебриза и всем амирам послание с тем, чтобы они выразили ему покорность, собрали своих воинов и пришли к нему. Однако жители Тебриза не послушались его. Тогда Джалолиддин пошел на Тебриз и в течение пяти дней многих его жителей уничтожил и лишь после этого жители крепости попросили у него пощады и направили к нему своих послов. Принц принял их просьбу о помиловании и покорил крепость Тебриз.

(л. 698а). Повествование о наступлении татар и их сражения с Джалолиддином

Когда принц Джалолиддин вел сражение за крепость Гирдких в области Исмаилие, было получено известие о том, что татары с большим числом войска подступили к крепости Дамган. Собрав своих воинов, принц вступил в сражение, в котором с обеих сторон погибло множество людей. Наконец, татары дрогнули и покинули поле боя.

(л. 698б). Повествование о возникновении разногласия между прищем Джалолиддином и его братом

В вышеуказанном году (621/1224 г.) принц Гиясаддин и находившиеся при нем амиры испугались Джалолиддина и, пытаясь обезопасить себя, покинули его в тот момент, когда на исламский мир напал с большой армией Чингизхан. Джалолиддин собрал свое войско и выступил против него. Вот в это время его брат Гиясаддин и покинул его вместе с амирами, направившись в сторону Хузистана. Однако ставленник халифа не разрешил им там остаться, и он направился в Исфахан (л. 699а), но правитель не впустил его в крепость. Лишь в области Исмаилие им разрешили остаться.

Повествование о сражении Джалолиддина с татарами

В вышеупомянутом году Чингизхан, возглавив татарские войска, подошел к крепости Рей. Джалолиддин собрал большое число войска, к которому также присоединился правитель Фарса Атабек, и направился в сторону Чингизхана.

Когда обе стороны сблизились, воины Гиясаддина — брата Джалолиддина, стали уходить в другую сторону. Татары, увидев это, подумали, что они хотят их взять в окружение сзади. Но, несмотря на это, произошло ожесточенное сражение, и татары, потерпев поражение, отступили в сторону Исфахана. Правитель Фарса пошел вслед за ними. Вернув своего брата, Джалолиддин вместе с ним направился в Исфахан. Падишахи, собравшись воедино, вместе с войском набросились на татар и, участвуя во многих сражениях, одержали над ними победу. Татары убежали. Сын Чингизхана направил к Джалолиддину посла, сказав, что это дело рук воинов, изгнанных его отцом. После этого Джалолиддин, успокоившись, ушел в Азербайджан и все (другие) мусульманские правители также ушли в свои владения. Татары удалились к себе на родину.

(л. 700б). Повествование о вылазке в 628/1231 г. татар и их наступление на Азербайджан

В начале этого года татары предприняли наступление (л. 701а). Окружив крепость Марагу, что на территории Азербайджана, татары разорили всю близлежащую округу. Ни один житель не мог покинуть крепость и поэтому, находясь в безвыходном положении, население попросило пощады и крепость пала. Войдя в город, монголы уничтожили определенное количество людей и поставили здесь главой своего человека. После этого события опасность для населения Азербайджана чрезмерно возросла.

Повествование о поражении Джалолидина в бою с татарами

Узнав о том, что татары напали на окрестности Азербайджана, принц Джалолидин ушел в сторону крепости Халлот. Его цель заключалась в том, чтобы попасть в крепость Халлот, объединиться с правителями Диярбакра и Джазиры, направить послания всем правителям исламского мира и попросить у халифа помощи. Узнав об этом, татары сумели прибыть сюда за один день. Ночью, во время сна Джалолидина в местности Амид близ крепости Халлат, татары напали и уничтожили множество людей. Некоторые из уцелевших воинов бежали, а другие направились за помощью в крепость Харран. В это время Малик Камил назначил правителем в вышеупомянутую крепость какого-то амира. Находившиеся в крепости люди стали грабить воинов Джалолидина. Некоторые же из них стали разбегаться: кто в крепость Нисибин, кто в крепость Синджар, кто в другие крепости. Однако нигде они так и не были радушно приняты. Воины принца, достигнув крепости Диярбакр, везде искали Джалолидина, но не сумели его найти и даже не смогли узнать о том, по какой дороге и куда именно он направился.

150

О султанае Джалолидине в произведении Алауддина Атамалика Джувеини

“Тарих-и джахангушай”

(с. 126). Нечистый закрался в душу отца Джалолидина султана Мухаммада (хорезмшаха) так глубоко, что, боясь угрожавшей ему опасности, он отделился от своего многочисленного войска и никак не мог отыскать себе крыла для того, чтобы улететь на небо, или же найти отверстие, чтобы провалиться сквозь землю. Уклонившись от боя с татарами и прибыв в Самарканд, хорезмшах начал распускать войска и людей меча, которые с незапамятных времен предназначались для таких дел и дней; он их распустил на все четыре стороны света, наказав им защищать земли в разных уголках своего владения. Лишь его храбрый и бесстрашный сын Джалолидин в это время находился при нем, который отвергал это рассуждение, далекое от цели и правильного подхода и говорил: “Распустить войска и, стоя на одном месте, отказаться и дать неприятелю бой — это не дело, достойное государя, а признак беспомощности. Однако, если султан не хочет сам сражаться, то пусть он подчинит моей воле своих бесчисленных воинов. Пока фортуна не отвернулась от нас, а мы не погрязли в несчастье, необходимо, еще не поздно, предугадать события и предупредить беду”.

(с. 128). Однако султан (Мухаммад хорезмшах) не давал своего согласия передать трон сыну и держал его возле себя. Через некоторое время султан Мухаммад хорезмшах оказался в потустороннем мире и его дух избавился от брэнности этой жизни.

Султан Джалолиддин и его братья с небольшой группой людей возвратились из Абескуна. (с. 129) Джалолиддин горел желанием выйти на поле боя и погасить, тем самым, пыль смуты и напраслину.

(с. 130). Вот в такой ситуации, услышав о том, что монгольские силы устремились в сторону Ирака, он направился в сторону Мангышлака. Там, собрав коней, он отправил посыльного в Гургандж. Его братья Узлак султан, он был в то время наследником престола (с.131), и Аксултан, а также амиры Буджи пахлаван — дядя Узлак султана Куджай текин, Огул Хаджиб и Темур Малик с 90 тысячько бойцов собрались в Хорезме (Гургандже).

Если бы султан Джалолиддин, являвшийся самой сильной опорой и требовательным, стал бы правителем, то каждому достался бы определенный чин, и ему пришлось бы довольствоваться этим (с.132). Большая часть воинства, простой народ и знатные люди, а также умудренные жизненным опытом люди склонялись в сторону Джалолиддина и стремились на него опереться. Несмотря на твердую договоренность между братьями и обещание быть верными друг другу, амиры со злыми умыслами коварно строили планы по устранению султана Джалолиддина. Один из них предупредил принца о предстоящем заговоре. Узнав об их злодейских намерениях и убедившись в том, что в это, столь трудное время, они не захотели объединиться в единый и мощный кулак, принц, выждав благоприятное время, покинул Хорезм и через Нису прошел в сторону Шадяха. Достигнув (местности) Устува, он на холме Шайикан столкнулся с татарами и, имея немногочисленные силы, в течение нескольких часов продолжал против них сражаться, сдерживая один за другим натиск неприятеля до вечера (с. 133). Ночью ему удалось выйти из их окружения, а затем удалиться.

Прибыв в Шадях, он два-три дня потратил на сборы в путь и, наконец, в полночь сел на лошадь. 15 зулхиджжа 617 г. (10 февраля 1221 г.) принц направился в сторону Газнина.

(с. 135). Там его ожидали Амин Малик с 50 тысячами воинов, армия и население. Они встретили его с огромным ликованием и просили его остаться здесь и защищать их. Султан Джалолиддин вступил в брак с дочерью Амин Малика и всю зиму провел в Газнине. Услышав о его прибытии, сюда со всех сторон стали собираться силы. Так, в услужение к нему прибывали группы и роды различных племен. Например, Сайфиддин Уграк вместе с собой привел 40 тысяч человек и здесь же к нему присоединились амиры Гура.

Упрочив свое положение и накопив силы, он ранней весной, когда всюду распускались цветы (с. 136), вышел из Газнина и направился в сторону Парвана. Оказавшись там, Джалолиддин услышал весть о том, что монголы во главе с Тукучаком и Мулгуром осадили крепость Валиян и вот-вот овладеют ею. Оставив всю свою поклажу в Парване, султан Джалолиддин вместе с воинами пошел на Тукучака и Мулгура. Он уничтожил сторожевой отряд (караул) татар численностью около тысячи человек. Увидев численное превосходство, монголы отступили, перешли на другую сторону реки, разрушили за собой мост и там укрепились. Река считалась границей, отделявшей две противоборствующие силы. Обе стороны начали обстрел из луков. В полночь, с наступлением темноты, монголы покинули свои позиции. Султан Джалолиддин вернулся и доставил сюда большие припасы, распределив их

среди воинов, а сам вернулся в Парван. Весть о том, что его положение укрепилось и он напал на монгол, достигла ушей Чингизхана. Он (с. 137) направил туда Шики Хутуху с 30 тысячами всадников.

Через неделю после прибытия султан Джалолиддина в Парван монголы подошли сюда к полудню.

Султан тут же сел на коня и прошел фарсанг пути, а затем построил войско. Согласно его приказу, воины должны были спешиться с лошадой и, взяв их под узды, идти таким образом на врага, т.е. прямо глядя в лицо смерти. Правый фланг был подчинен Амин Малику, левый — Сайфиддин Малику, а центр возглавлял сам Джалолиддин. Число воинов на правом фланге значительно превосходило численность монгол. 10 тысяч всадников вступили в бой на поле брани. К ним вовремя подходила помощь с левого фланга и центра и они стали сбивать монгол в кружок. Обе стороны в этом сражении понесли большие потери, многие отчаянно боролись, но никто не показал врагу своей спины. Чаша горизонта обагрилась кровью зари, и тогда каждый возвратился в свою сторону.

Монголы дали себе клятву не отступать, и каждый из всадников взял с собой запасную лошадь. Наутро стороны вновь пошли друг против друга, клинок к клинку. Воины Джалолиддина, увидев за монголами дополнительные ряды, решили, что к ним подоспела помощь, и от этого пришли в замешательство. Они решили отступить и найти прибежище в горах, однако султан Джалолиддин не дал им на то своего разрешения (с. 138). Как и вчера, воины шли пешим порядком. Монголы уже были знакомы с ужасом и силой, исходящих от войск Малик Уграка. По этой причине они, отобрав бахадыров, решили атаковать левый фланг противника. Бесстрашные воины Уграка вставили в луки стрелы и заняли удобную позицию; стреляя, они вновь и вновь нападали и отражали атаки неприятеля, после чего монголы отступили к центру. Тогда султан приказал бить в бубны. Вся его армия оседлала лошадей и перешла в наступление. Воины султана Джалолиддина были подобны львам, обитающим в зарослях, и морским акулам. Монголы бежали и лишь два монгольских военачальника с незначительными остатками сил сумели дойти до Чингизхана.

Воины же султана Джалолиддина начали собирать добычу. В это время Аминиддин Малик (с. 139) и Сайфиддин Уграк, не поделив лошадь, начали ссориться. Аминиддин Малик ударил плетью по голове Малика Уграка. Однако султан Джалолиддин не стал учинять им допрос. Сайфиддин Малик (Уграк) в тот день не предпринимал каких-либо действий, а ночью, покинув султана Джалолиддина, ушел в горы в сторону Кирмана и Сайкарана. С уходом Малика Уграка ослабла военная мощь султана Джалолиддина: не представилась даже возможность с ним примириться или договориться. Вот по этой причине султан вернулся в Газнин, намереваясь перейти через реку Синд (Инд) и отправиться в Индию.

К тому времени Чингизхан уже овладел Таликаном. Узнав о разгроме своих сил, он решил отомстить Джалолиддину и с многочисленным, как капли дождя, числом войск направился на Джалолиддина. Когда уже стал слышен отдаленный гул приближающегося войска, у султана к тому времени не оказалось воинов, способных отразить атаку врага. Он решил перейти через реку и люди, подчиняясь его приказу, стали готовиться к переправе (с. 140). Чингизхан решил упредить султана и, преградив путь, окружил его спереди и сзади.

Султан оказался посередине между огнем и водой. Если, с одной сторо-

пы, была река Синд, то, с другой, стеной стояли, подобно огненной лаве, монголы. Но, несмотря на это, он не растерялся и отважно решил принять бой. Чингизхан также взнуздal лошадь победы; его воины бросились на правый фланг, который возглавлял Амин Малик, разбили их и уничтожили. Малик бежал в сторону Баршувура, иначе говоря, отдал свою жизнь на погибель, поскольку монголы преградили все дороги к отступлению (с. 141) и он был обречен на уничтожение. Монголы разбили и левый фланг султана. Джалолиддин в центре с 700 всадниками сражался с неприятелем с ранней зари до полудня: он бросался то слева в правый фланг, то слева в центр боя, и каждый раз уничтожал врагов. Помощь же к Чингизхану с каждым часом поступала и силы прибавлялись. Круг действий султана Джалолиддина все время сужался. Он осознавал всю серьезность положения: его глаза все больше увлажнялись, а губы спекались. Двоюродный брат султана Аджош Малик взял его лошадь за узды и вывел из огня боя. Заначканный кровью, султан со слезами распрощался с детьми и близкими, а затем приказал подвести к нему отборного коня. Сев на него, он еще раз, подобно акуле, храбро двинулся на врага и, опрокинув его в последний раз, повернул узды обратно, скинул с себя кольчугу и плетью взнуздal коня. С крутого берега реки на расстоянии до воды в 10 гязов (6 м) или более того он направил свою лошадь прямо в реку (с. 142).

Увидев его переплывающим через реку, Чингизхан направился в ту сторону. Монголы также решили направиться к реке, но Чингизхан их остановил. Они стали выпускать стрелы из луков. Как утверждают очевидцы, вода в реке от раненных и погибших окрасилась багровой краской. Султан переплыл реку, имея с собой только меч, пик и щит.

(Стихи):

*Никто в мире не видел такого богатыря,
Даже среди известных не слышал о таком.*

Чингизхан и монголы раскрыли рты от удивления. Осознав случившееся, владыка произнес, обращаясь к своим сыновьям: "Только такой сын должен быть у отца! Раз он сумел выйти невредимым из такой пучины воды и огня на берег спасения, от него произтекут множество деяний и бесчисленные смуты!" (с. 143).

Повествование о делах Джалолиддина в Индии (с. 143)

(с. 148). После прибытия Султана Джалолиддина в область Синд к нему со всех сторон начали присоединяться люди. Он же стал завоевывать окрестные земли. В том числе он направил войска в сторону Нахрвола, откуда его люди пригнали верблюдов. На месте капница в Дийуде он соорудил соборную мечеть. В это время (с. 149) из Ирака поступила весть о том, что здесь обосновался Гиясуддин Султан и что, якобы, сторонники султана Джалолиддина просят его прибыть сюда. Также было получено известие о том, что Барак Хожиб расположился в вилояте Кирман и что он осадил город Джавошир. Султану стало известно и о том, что монголы нанали на его след. Отсюда он пустился в путь и направился через Макрон.

От переводчика. (После этого султан Джалолиддин сражался в Иране, Ираке и на Кавказе. Близ города Рей он вступил в единоборство с

монголами, однако из-за предательства своего брата Гиясаддина, покинувшего поле боя вместе со своими воинами, султан потерпел поражение. Но и после этого он сумел объединить вокруг себя большие силы и брал большие города. Своей столицей Джалолиддин объявил Тебриз. В последующем он, большой, был весьма обесиленным).

Не оправившись еще полностью от этого, он получил известие о том, что Журмогун-нойон перешел реку Аму. Султан Джалолиддин поручил визирю Шамсиддину Йилдирчи охранять крепость Куброн и здесь же доверил ему свой гарем. Сам же он направился в Тебриз. Вдобавок к этому у него имелись разногласия (с. 183) с Багдадским халифом, а также с султанами Сирии и Рума. Но, несмотря на это, Джалолиддин направил к ним своего посланника с предупреждением о приближении войск (Чингизхана).

“Суть извещения состоит в том, что к вам приближается вражеская рать числом больше муравьев и видом ужаснее дракона, которые сметают все на своем пути: города и крепости. По этой причине в души наших воинов вселились страх и тревога. Если меня не будет, вы не сможете оказать им сопротивления. Для вас я наподобие стены Искандера. Если каждый из вас отправит ко мне отряд всадников со знаменами, то монголам станет известно о нашем союзе. В этом случае мы окажемся для них не по зубам, а наши воины воспрянут духом. Если этот вопрос вы оставите нерешенным, то тогда пеняйте на себя”.

О т п е р е в о д ч и к а. (Однако к Джалолиддину так и не поступила никакая помощь и, намереваясь вступить в сражение с противником, он кочевал вокруг Тебриза, Урмии и Диярбакра. Зимой 628 г. (1231 г.) он остановился в Диярбакре).

Два-три дня прошли здесь в блаженстве. Затем наемные пастушьи дети — (монголы) причинили большое несчастье. В полночь (стихи):

*Когда перевалило за полночь
И небо обволокла темная ночь,*

отборные части татар (во главе с Ноймосом) напали на неохраемое войско Джалолиддина... Узнав об этом, Урхон каким-то образом сумел добраться до места, где безмятежно спал Джалолиддин. Тот с трудом продрал глаза и, не поверив сказанному, встал рассерженный. Сердце его горело, как печь кузнеца, и из его глаз, словно из растрескавшегося кувшина, покатались слезы...

Монголы напали и всех уничтожили.

О финальной части жизни Джалолиддина имеется множество суждений. Одни говорят, что он, якобы, ушел в сторону гор и где-то там заночевал. Ночью пришли курды и решили отнять у него одежду. Преследуя эту цель, они с силой ударили его по груди и убили, не ведая даже о том, что совершили и какую птицу подбили (с. 191). Облачившись в одежды султана, они направились в город. Некоторые из знатных людей опознали его одежды. Узнав об этом, хоким города Амид предал смерти эту группу, затем (по его приказу) вырыли могилу и похоронили умершего. Только после этого они узнали о том, что это был султан Джалолиддин.

Другие говорят, что эти одежды принадлежали его сановникам, а он сам, облачившись в наряды суфиев, кочевал по стране как дервиш, посещая святые места. Но, как бы там ни было, он все же покинул сей бранный мир и эта рана осталась незамеченной в этом несправедливом мире.

Прошло много лет и среди народа нет-нет да и говорили о том, что

султана Джалолиддина видели там-то и там-то. (Даже визирь Шарафиддин Али Табарский одно время был занят в Ираке выяснением источника распространения этих ложных слухов). Между тем люди продолжали говорить о том, что видели султана в такой-то крепости или в таком-то месте. В 633 г. (1235-1236 гг.) в Исфахане один человек уверял всех в том, что он и есть султан Джалолиддин и этот слух распространился по всему свету. В пору Джантемура нескольких людей, знавших или видевших султана, отправили для выяснения обстоятельств этого и установления истины. Те пошли, увидели того человека, убедились в обмане и, схватив его, предали смерти. В 652 (1254 г.) группа купцов подошла к реке Джейхун и тогда один из них представился султаном Джалолиддином, продолжая настаивать на своем даже после učinенного ему допроса. Его тоже предали смерти. Словом, еще долгое время не утихали слухи об этом.

Избранные переводы из произведения Шихабеддина Мухаммада ан-Насави

“Сират ас-султан Джалолиддин Мангбурни”

(с. 286). Когда нападение (татар) разлучило меня с султаном, я после этого в течение трех дней прятался в пещере и, наконец, страх забросил меня в Амид. Затем, после двухмесячного пребывания в Амиде, где мне нельзя было выходить, я попал в Ирбил, а позже, после различных невзгод и беспрестанных несчастий, попал в Азербайджан. Затем, претерпев трудности, нужду и безденежье, я оказался полуголым в Майафарикине. И в каком бы месте в султанских странах я ни останавливался, люди везде распространяли слух о том, что султан жив, собрал свои войска и готовится в поход. Эти известия были ложны, а надежды — обманчивы, их порождала любовь (к султану) и создавала преданность и покорность ему. (Я слышал все это), пока не вернулся в Майафарикин и не убедился, что он погиб. Тогда я почувствовал отвращение к жизни и упрекал судьбу за свое спасение. Я горько вздыхал и говорил: “О, если бы господь Мухаммада (пророка) не сотворил бы Мухаммада (-автора) !” И если бы возможно было каким-то образом отсрочить время его гибели, то я разделил бы с ним срок моей жизни и выбрал бы для себя в жеребьевке ту стрелу, которая короче. Но когда я подумал, что поводыя выбора выхвачены из рук обладателей силы, то сказал с печалью в душе и пылающим углем в сердце:

*Я предсказывал, что после тебя разгорится пламя,
и полным было после тебя, о Кулайб, собрание!
Они обсуждали обстоятельства каждого несчастья,
а если бы ты присутствовал при этом — не промолвили бы слова!*

Когда татары напали на него (султана) в селении, как мы об этом уже говорили, его спутники, попавшие в плен, сообщили (с. 287) татарам, что это был султан. Они тотчас же отрядили погоню, послав вслед за ним пятнадцать всадников. Двое из них догнали его, но он убил их, а остальные потеряли надежду захватить его и вернулись.

* Переводы-отрывки процитированы из книги: Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Сират ас-султан Джалолиддин Мангбурни (Жизнеописание султана Джалолиддина Мангбурни) / Критич. текст, пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указатели З.М. Буниятова. М., 1996.

Затем султан поднялся на гору, где курды стерегли дороги с целью захвата добычи. Они, по своему обычаю, поймали султана и ограбили, как они делали это и с другими захваченными ими (людьми). Когда они хотели его убить, он по секрету сказал их вожаку: "Я в самом деле султан, и не спешу решать мою судьбу. У тебя есть выбор: или доставь меня к ал-Малику ал-Музаффару Шихаб ад-Дину, и он вознаградит тебя, или отправь меня в какую-либо страну — и ты станешь князем".

И человек согласился отправить его в его страну. Он отвел его к своему племени, в свое селение и оставил его у своей жены, а сам пошел в горы, чтобы привести лошадей.

Во время отсутствия этого человека вдруг появился презренный негодяй — курд с копьём в руке. Он сказал женщине: "Что это за хорезмиец? И почему вы его не убили?" Она ответила: "Об этом нечего говорить, мой муж пощадил его, узнав, что он султан". Курд ответил: "Как вы поверили ему, что он султан? У меня в Хилате погиб брат, который лучше его". И он ударил его копьём так, что другого удара не потребовалось, и отправил его душу в вечный мир.

Так злодей пренебрег правом своего предводителя и обагрил землю запретной кровью. И было этим (деянием) разорвано сердце времени, пролит напиток судьбы, из-за него опустели знамена веры и разрушено здание ислама. Разверзлось небо, молнии которого видели сыны веры, а безбожные и неблагородные боялись его мечей.

И сколько сражений он дал в разных краях земли, вырвался в них из клыков смерти и освободился из пасти бедствий! А когда пришло его время, гибель могучего льва случилась от лап лисиц. И лишь всевышнему Аллаху жалуются на беды времени и превратности судьбы! Да!

Через некоторое время ал-Малик ал-Музаффар послал (людей) в те горы, и они собрали вещи султана, взяли его коня, седло, его знаменитый меч и палочку, которую он вставлял в свои волосы. Когда все это было доставлено, все присутствующие из числа его приближенных, находившихся с ним в те дни, такие, как Утур-хан, *амир-ахур* Талсаб и другие, засвидетельствовали, что это — вещи, взятые у него. Он послал также за останками султана, и они были доставлены и погребены.

Поистине, этот преступивший право негодяй причинил великое несчастье и оставил сей мир без него осиротевшим.

Кое-что о поведении султана, его качествах, его указах, о том, как он обращался и как обращались к нему от имени халифа и других государей (с. 288)

Он был смуглым, небольшого роста, тюрком по речи и по выражениям, но говорил также и по-персидски. Что касается его храбрости, то, чтобы сказать о ней, достаточно упомянутых мной его битв. Это был лев среди львов и самый отказный среди своих смельчаков-всадников. Он был кротким, не сердился и не бранился. Он был серьезен, никогда не смеялся, а только улыбался и не был многословен. Он любил справедливость, однако время смуты, с которой он встретился, возоблагодало, (изменив его нрав). Он любил облегчать жизнь подданных, он правил во время упадка и поэтому прибегал к насилию.

Его знак на указах был: "Помощь только от одного Аллаха!" Если он переписывался с Бадр ад-Дином, правителем Мосула, и с подобными ему, то ставил этот знак самым красивым почерком. *Калим* для написания знака был расщеплен на две части, чтобы (линии) знака были толстыми.

(с. 289). К нему обращались от халифа вначале, после его прихода из Индии, так: "Высокочитимый господин хакап", но он постоянно просил обращаться (к нему) только как к султану, однако они не соглашались на это, так как, по обычаю, никто так не обращался к предшествовавшим великим

властелинам. А когда он стал на этом настаивать, то они титуловали его, уже после облачения в почетные одежды, так: “Высокопочтимый господин шахиншах”.

Он погиб в середине шавваля шестьсот двадцать восьмого года, и это было величайшее несчастье. Даже если бы заря разорвала из-за этого свое покрывало, то была бы права, ведь это самое большое горе! И если бы луна покрыла свой лик царшинами, то беда заслуживала этого, и небеса могли бы одеться в траур, а звезды — превратиться в пенел.

Из произведения Рашидаддина Фазлаллаха “Джаме‘ ат-таварих”

От переводчика. (События о завоевании Хорезма монголами изложены в произведениях Алауддин Атамалика Джувейни “Тарихи джахангушай” и Рашидаддина Фазлаллаха “Джаме‘ ат-таварих”. О том, что во время осады монголами Гурганджа Чингизхан призвал к себе шейха Наджмиддина Кубро, известно лишь из произведения Рашидаддина. Ниже приведем отрывки из этого произведения о событиях, связанных с захватом монголами Гурганджа, с русского перевода (1952) данного произведения”).

(с. 191). Когда он (султан Мухаммад) воочию убедился в силе и могуществе противника и уразумел причины возбуждения смуты, которая произошла перед этим, постепенно им овладевали растерянность и тоска, и в речах и поступках его стали появляться признаки раскаяния. Так как (его) одолели сомнения, то для него закрылись врата здравого суждения, а сон и покой бежали (от него). Он предался неизбежной судьбе и поступал согласно (выражению) “мы избрали решение Аллаха и его предопределение”. Астрологи также говорили, что... до тех пор, пока злополучные звезды не пройдут, из осторожности нельзя приступать ни к какому делу, направленному против врагов!

Эти слова астрологов также явились добавлением к причинам расстройств его дела, и он, подобрав поводья (решимости), большую часть войск, численность которых доходила приблизительно до четырехсот тысяч конных, оставил в Туркестане и Мавераннахре, двадцать тысяч в Отраре у Кайрхана, а десять тысяч в области Бенакета у Кутлуг-хана, в Бухаре он оставил эмира Ихтияр-ад-дина Кушлу, эмир-ахура (конюшего), Огул-хаджиба, по прозванию Инанч-хан, Хамид-Нур Таянгу и других эмиров с тремя тысячами людей, в Самарканде — своего дядю (по матери) Туганчук-хана и гурских эмиров: Хармиля, Харзура, сына Изз-ад-дина Карта, Хусам-ад-дина Масуда и некоторых других со ста тысячами тысячами людей; в Термезе — Фахр-ад-дина Хабена и седжестанское войско, а Махмуд-хана, сына Хасана, и двоюродного брата своего отца — в Балхе. Асад (?) — Пехлевана — в Дженде, а в Хутталаяне — мелика Дагалчука, в Кундузе — Буртаси, в Яркенде — Аслабахана. Он приказал отстроить крепостную стену Самарканда. Однажды он прошел над ровом и сказал: “Если из войска, которое выступит против нас, каждый (воин) бросит сюда свою плеть, то ров разом наполнится!”. Подданные и войско от этих слов (султана) пришли в уныние. Султан отправился по дороге на Нахшеб (с. 192) и всюду, куда он ни приходил, говорил: “Выпутывайтесь сами, потому что сопротивление монгольскому войску невозможно!”. Он послал человека (с приказом), чтобы его гарем и мать Туркан-хатун отправились из Хорезма по мазандеранской дороге. Повсюду, куда он ни приходил, он советовался с каждым из вельмож, каким путем можно помочь этой беде? Ежеминутно доходили распространяющиеся в горо-

* Рашидаддин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2 / Пер. с перс. О.И.Смирновой, примеч. Б.Н.Панкратова и О.И.Смирновой, ред. А.А.Семенова. М.: Л., 1952.

де ужасные известия, и увеличивался беспорядок. Купцы, особенно его сын Джелал-ад-дин, говорили: “Дело областей Мавераннахр приняло такой оборот, что ничего нельзя уже сделать, (теперь) нужно (лишь) стараться, чтобы из рук не ушли Хорасан и Ирак. Войска, которые мы разместили по городам, следует отозвать назад, всем отойти и превратить Джейхун (Амударью) в (крепостной) ров, либо же следует всем искать убежища в областях Хиндустана!”.

Султан Мухаммед одобрил это (второе) более слабое мнение и с этим намерением дошел до Балха. В это время туда прибыл Имад-ал-мулк из Савэ, который (ранее) прислал своего сына Руки-ад-дина из Ирака с дарами и подношениями. Хорезмшах его обласкал и оказал ему уважение. (Имад-ал-мулк) пригласил султана в Ирак и сказал: “Там мы соберем войска Ирака и, хорошенько обдумав, примемся за дело!”. Султан Джелал-ад-дин отверг эти слова и повторял: “Лучший выход (для нас) – это собрать, поскольку это будет возможным, (наши) войска и выступить против них (монголов). Если султан (на это) не решится, (пусть он один) выполняет (свое) намерение идти в Ирак, а мне даст войска с тем, чтобы я пошел к границе (государства) и одержал победу и выполнил бы то, что осуществимо и возможно, дабы перед очами творца и (его) гворений мы были бы оправданы. Если задуманное пока не удастся, мы (все же) не станем мишенью для стрелы укора и (люди) не протянут языка злословия на наш счет и не скажут: до сего времени они взимали с нас налоги (мал) и харадж, а теперь в такое (страшное) время пренебрегают нами и бросают нас!”. Он повторял эти слова несколько раз, настаивая изо всех сил (на предлагаемом плане), но считал обязательным ждать разрешения отца. Султан Мухаммед по чрезвычайному (своему) замешательству и утраченности не внимал (ему) и считал зрелое (букв. старческое) мнение сына детской забавой, а ссылался он на то обстоятельство, что звезда (его) счастья находится в закате.

(с. 213). Он учинил совещание с великими и знатными лицами Мазандерана, бывшими в (том) месте полномочными и особо доверенными людьми. Те сочли единственным выходом (для султана) укрыться на несколько дней на одном из островов Абескуна. Султан ушел на один из островов и на некоторое время там остановился. Когда распространилась весть о его пребывании на этом острове, он из предосторожности переправился на другой остров. Его передвижение совпало с прибытием монгольского отряда, который Джэбэ-нойон послал из Рея в погоню за султаном. Так как они не нашли султана, они возвратились назад и занялись осадой тех крепостей, в которых находились его гарем и казна. Захватив (их), они все полностью отослали в Самарканд к Чингизхану. Когда этот ужасный слух достиг ушей султана и он выяснил, что его гарем обесчещен, сыновья стали пиццей меча, а добродетельные женщины (очутились) пленницами во власти чужеземцев, он так расстроился и растерялся, что ясный мир в его глазах померк.

Стих:

*Когда услышал султан, он растерялся,
Мир потемнел перед его очами.*

Он извелся в этой тревоге и волнении и от этого горестного события и ужасного бедствия плакал и рыдал, пока не вручил (своей) милой души (высшей) истине:

*О, мир! Какое же ты злодарующее и злое существо:
Что сам вскармливаешь, то сам (и) уничтожаешь!*

И его похоронили на этом острове. Спустя несколько лет, султан Джелал-ад-дин велел перевезти его останки в крепость Ардахин. Хорезмшах до

того сделал (своим) наследником Озлака, одного из своих детей; (теперь) на острове Абескун он его отренил, передал (царство) султану Желал-ад-дину и сделал его (своим) наследником. Султан Желал-ад-дин после смерти отца услышал, что в пределах Хорасана и Ирака монгольского войска не осталось. Оно спешно уходило, согласно приказанию Чингизхана, нигде не останавливаясь. (Султан Желал-ад-дин) очутился в безопасности и прибыл в Мангышлак. Он забрал в качестве улага (с. 214) найденных там коней и отправил вперед в Хорезм доверенных лиц. Его братья Озлак-султан, который был прежде наследником престола, и Ак-султан и сановники и эмиры — Буджи-Пехлеван, дядя по матери Озлак-султана, Кучайтегин, Огул-хаджиб и Тимур-мелик — с 90 тысячами канглыцев находились в Хорезме, куда монгольские войска еще не дошли. В момент прибытия Желал-ад-дина мнения и намерения разделились. Каждая группа склонялась к одному из братьев. Эмиры боялись смелости султана Желал-ад-дина и втайне сговорились хитростью внезапно его погубить. Один из них уведомил об этом султана, тот нашел удобный момент и дорогой на Несу направился в Шадьях (Нишапура). В пределах Устува, в лесу Сабкан, он столкнулся с монгольским войском, Озлак-султан и Ак-султан не задержались в Хорезме и поскакали по следам султана. На следующий день они сошлись с тем (монгольским) отрядом, который сражался с Желал-ад-дином; тот народ (монголы), не зная, что это царевичи, перебил их со всеми людьми, которые были с ними.

Когда султан прибыл в Шадьях, он три дня занимался приготовлением к пути. Однажды в полночь, сев на коня упования на милость Аллаха, он отправился в Газнин, который (еще) отец назначил ему (в удел). Между его уходом и прибытием монгольского войска прошел один час. (Монголы) пошли по следам султана. Когда (последний) дошел до места, где расходятся две дороги, он оставил там мелика Илдерека, чтобы тот, если подоспеет вражеское войско, отражал его некоторое время. Илдerek же отправился по той дороге, по которой не пошел султан. Когда монголы пришли туда, они пошли по его следу. Султан по той другой дороге в тот день ушел на сорок (?) фарсангов; в неделю он дошел до Газнина. Когда распространилась молва об его появлении, со всех сторон к нему направились его приверженцы и вокруг него собрался народ. В тот промежуток времени, в котором произошли эти события, Чингизхан все еще пребывал в Самарканде, а трех своих старших сыновей он назначил (в поход) на Хорезм. Теперь мы изложим положение (их) дел и снова вернемся к повествованию о Чингизхане.

Рассказ об отправлении Чингизханом своих сыновей Джочи, Чагатая и Угедея в Хорезм и завоевании ими того государства

По причине, которая упоминалась выше, когда Чингизхан покончил с завоеванием Самарканда, он отправил Джэбэ, Субэдая и Тукучара дорогой на Хорасан и Ирак в погоню и на поиски султана Мухаммеда Хорезмшаха, сам же то лето провел в тех (самаркандских) пределах для отдыха и чтобы откормить лошадей, намереваясь потом лично пойти следом за султаном в Хорасан.

Так как владения Мавераннахра были завоеваны полностью, а другие края точно также стали сохраняемыми и управляемыми монголами, Хорезм, — первоначальное имя которого Гурганч, а монголы его называют Ургенч, — очутился посредине, словно унавная палатка (с. 215) с перерезанными веревками, — то (Чингизхан) захотел его также завоевать. Вот в это время он и назначил (в поход) на Хорезм старших своих сыновей: Джочи, Чагатая и Угедея с войском, по численности подобным неску пустыни, а по необходимости — происшествиям (текущего) момента. Осенью этого же года они двинулись в ту сторону с эмирами правого фланга, отправив в качестве авангарда (манклай), который называют “язак”, целое войско.

Как было рассказано в предшествующей главе, султан Джелал-ад-дин после смерти отца ушел в Хорезм, но ввиду заговора (против него) некоторых эмиров вернулся (оттуда). Его братья и вельможи из (числа) султанских эмиров, находившихся там (в Гурганче), вследствие молвы о приближении (монгольских) царевичей, двинулись следом за ним в Хорасан. В пути они были перебиты монгольским войском, по этой причине столица Хорезма была лишена султанов. Из числа влиятельных лиц султанского гюркского войска там находились из родственников матери султана Турканхатун: (некто), по имени Хумар, Мугул-хаджиб, Бука-Пехлеван, командующий войсками (синахсалар), Али Маргина и группа других. Численность и множество горожан были таковы, что не поддаются описанию.

Так как в том большом городе не было никакого определенного начальника, к которому обращались бы для установления порядка в делах и в важных вопросах во время наступления (столь) необычайных событий, то на управление назначили эмира Хумара во внимание к его родственным отношениям к султанше (т.е. царице-матери). В один из дней, неожиданно, небольшое количество всадников монгольского войска подскочило к воротам (столицы) и устремилось угнать скот. Несколько недальновидных людей вообразили (себе), что (все) монгольское войско и есть это небольшое количество людей. Отряд конных и пехих направился на этих всадников; монголы помчались от них (в страхе), как дичь от силка, пока они не достигли окраин Баг-и Хуррама, расположенного в одном фарсанге от города. Там боевая (монгольская) конница вылетела из засады за стеной и окружила этот отряд. Они перебили около тысячи человек и следом за беглецами ворвались в город через ворота Кабилан (Катилан?) и проникли до места, которое называют Тиура. Когда солнце склонилось к западу, чужеземное войско повернуло назад и ушло в степь.

На следующий день они снова направились к городу. Феридун Гури, командующий (мукаддам) войском султана, с пятьюстами всадников отразил нападение (монголов) на ворота.

Тем временем царевичи Джочи, Чагатай и Угедей подоспели с многочисленным войском и под видом прогулки объезжали город кругом; затем остановились, и войска расположились лагерем кольцом вокруг города. Тогда послали (в город) послов, призывая население города к подчинению и повиновению. Так как в окрестностях Хорезма не было камней, то они (монголы) срубали большие тутовые деревья и из них делали замену камням для камнеметов. Согласно своему обыкновению, они изо дня в день держали в напряжении жителей города словесными посулами, обещаниями и угрозами, а иногда (с. 216) перестреливались, и (только) до тех пор, пока не пришли одновременно со всех сторон (бесчисленные) ханары, которые принялись за работу во всех направлениях. Издали приказ прежде всего засыпать ров. В течение двух дней (его) весь засыпали. (Затем) остановились на том, чтобы отвести (от города) воды Джейхуна, на котором в городе жители построили плотину-мост (джиср).

Три тысячи человек монгольского войска приготовились для этого дела. Они внезапно ударили в середину плотины, (но) городское население их окружило и всех перебило. В результате этой победы горожане стали более ревностны в бою и более стойки в сопротивлении. Вследствие различия характера и душевных наклонностей между братьями Джочи и Чагатаем зародилась неприязнь, и они не ладили друг с другом. В результате их (взаимного) несогласия и упрямства дело войны пришло в упадок и интересы ее оставались в пренебрежении, а дела войска и (осуществление) постановлений (йаса) Чингизхана приходили в расстройство. Вследствие этого хорезмийцы перебили множество монгольского войска, так что говорят, что холмы, которые собрали тогда из костей (убитых), еще теперь стоят в окрестностях старого города Хорезма. В таком положении прошло семь месяцев, а город все еще не был взят. За тот промежуток времени, когда

царевичи отправились в поход на Хорезм из Самарканда вместе с войском и до прибытия их в Хорезм и осады его, Чингизхан прибыл в Нахшеб (Карши) и некоторое время пробыл там. (Затем), переправившись через реку Термеза (Аму-дарью), он прибыл к Балху и овладел городом и (балхскою) областью. Оттуда он пошел осадить крепость Таликан. В те самые дни, когда он начал осаду крепости, прибыл посол от его сыновей, бывших в Хорезме, и уведомил (его), что Хорезм взять невозможно и что много (монгольского) войска погибло и частично причиной этого является взаимное несогласие Джочи и Чагатая.

Когда Чингизхан услышал эти слова, он рассердился и велел, чтобы Угедей, который является их младшим братом, был начальником (всего) и ведал ими вместе со всем войском и чтобы сражались по его слову. Он (Угедей) был известен и знаменит совершенством разума, способностью и проицательностью. Когда прибыл посол и доставил повеление ярлыка (Чингизхана), Угедей-хан стал действовать согласно приказанному. Будучи тактичным и сообразительным, он ежедневно посещал кого-нибудь из братьев, жил с ними в добрых отношениях и (своею) крайне умелою распорядительностью водворял между ними внешнее согласие. Он неуклонно выполнял подобающие служебные обязанности, пока не привел в порядок дело войска и не укрепил (выполнения) ясы.

После этого (монгольские) воины дружно направились в бой и в тот же день водрузили на крепостной стене знамя, вошли в город и подожгли кварталы метательными снарядами с нефтью (карурэ). Население города кинулось к воротам и в начале улиц и кварталов начали снова сражение.

Монголы сражались жестоко и брали квартал за кварталом и дворец за дворцом, сносили их и сжигали, пока в течение семи дней не взяли таким способом весь город целиком. (Тогда) они выгнали в степь (с. 217) сразу всех людей, отделили от них около ста тысяч ремесленников и послали (их) в восточные страны (билад). Молодых женщин и детей же угнали в полон, а остаток людей разделили между воннами, чтобы те их перебили. Утверждают, что на каждого монгола пришлось двадцать четыре человека, количество же ратников (монголов) было больше пятидесяти тысяч. Короче говоря, всех перебили и войско (монголов) занялось потоком и разграблением. Разом разрушили остатки домов и кварталов.

Когда Чингизхан услышал о шейхе шейхов, полюсе полюсов Наджм-аддине Кубра, — да будет милосердие Аллаха над ним! — он, зная обстоятельства его жизни, послал ему сказать (следующее): “Я предам Хорезм избиению и грабежу. Тому святому своего времени нужно покинуть среду их (хорезмийцев) и присоединиться к нам!”. Шейх, — да помилует его Аллах! — в ответ сказал: “Вот уже семьдесят лет, как я довольствуюсь и переносю горечь и сладость (своей) судьбы в Хорезме с этим народом. Теперь, когда (наступила) пора ниспесствия бед, если я убегу и покину его, это будет далеким от пути благородства и великодушия!”. Впоследствии сколько его ни искали, не могли отыскать среди убитых. Милосердие Аллаха да будет над ним пространным! И все!

АРХИТЕКТУРА ХОРЕЗМА

АРХИТЕКТУРА СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ ХОРЕЗМШАХОВ

В предмонгольское время в государстве Хорезмшахов наблюдался взлет художественной культуры, продолжали интенсивно развиваться феодальные города, особого расцвета достигла архитектура. Памятники зодчества — эти молчаливые свидетели исторических событий, своим обликом весьма красноречиво говорят нам о степени развития материальной культуры той эпохи.

Хорезмская школа зодчества времени Джалолиддина Мангуберди, продолжавшая предшествующие традиции, была наиболее яркой в Средней Азии в предмонгольский период. Мощные творческие тенденции и потенциал этой школы обусловили значительное развитие архитектуры Хорезма и во времена монгольского владычества. Поэтому для освещения истоков и дальнейшего значения архитектуры времени Джалолиддина Мангуберди мы рассмотрим ее, включая непосредственно предшествующий и последующий за ней периоды до эпохи Амира Темура, т.е. зодчество Средней Азии XII-XIV вв.

В обширную территорию государства Хорезмшахов предмонгольского времени входила и большая часть территории Средней Азии. Наиболее крупными были города Бухара, Мерв и Самарканд, расположенные на основных трассах Великого Шелкового пути. Не уступала им по значению растущая и процветавшая столица Хорезмшахов — Гургандж, превратившаяся в оживленный пункт транзитной торговли на этом международном пути.

Ныне остатки и пустынные развалины Гурганджа расположены на территории современной Туркмении, рядом с заштатным городком Куня-Ургенч, что на границе с Узбекистаном.

Уже в X-XI вв. Гургандж был крупным культурным, торгово-ремесленным и научным центром. При Хорезмшахе Ма'муне здесь была создана академия, где плодотворно работали Ибн Сина, Беруни и другие известные ученые. Застроенная часть территории города составляла около 400 га. Гургандж располагался по обоим берегам Амударьи и был, очевидно, отгорожен от реки плотиной, позже разрушенной монголами. О предмонгольском расцвете Гурганджа географ Якут писал так: "Был я в нем (Ургенче) в 616 году (1219-1220) до завоевания его татарами и до разрушения его ими. Не видел я города более огромного, богатого и красивого, чем он, и переменялось все это благодаря татарскому разгрому".

Монголы значительно разрушили город, однако он стал быстро восстанавливаться и достиг особого расцвета в правление девятого хана Золотой Орды Узбекхана (правил в 1312-1340 гг.), а также при его наместнике — правителе Хорезма Кутлуг-Тимуре. В начале XIII в. территория плотно застроенного и заселенного Гурганджа по своим размерам была даже больше, чем в предмонгольское время. Посетивший его в 1333 г. марокканский путешественник Ибн Баттута так описывал Гургандж: "Это величайший, красивейший, крупнейший город тюрков с прекрасными базарами, широкими улицами, многочисленными постройками и впечатляющими видами. В городе кипит жизнь благодаря большому числу жителей, и он кажется волнующ-

щимся морем". От Гурганджа сохранились шедевры зодчества, свидетельствующие о великолепии Хорезмской школы — мавзолей XII в. Фахраддина Рази и султана Текеша, памятники XIV в. — мавзолеем Тюрябекханым, минарет Кутлуг-Тимура и пр. Они, как другие наиболее значительные сооружения Средней Азии XII-XIV вв., будут рассмотрены нами ниже.

Определенное значение в XII-XIV вв. имел город Миздахкан. Здесь также сохранился ряд памятников архитектуры той эпохи.

В целом многие города Средней Азии того времени состояли из трех частей: крепости, древней части города — шахристана и пригородов — рабадов. Каждая из этих частей города была обнесена мощной оборонительной стеной из шахсы и сырцового кирпича. Стены шахристана и рабадов прорезали по несколько ворот, от которых основные улицы вели к ядру города, где располагались его общественные и культовые центры с монументальными строениями.

В **архитектуре** Средней Азии XII-XIV вв. в монументальном строительстве в основном применялся жженный кирпич на высокопрочных растворах, либо иногда сырец с облицовкой фасадов жженным кирпичом. В качестве гидроизоляции и повышения сейсмостойкости зданий использовали камышовые прокладки толщиной 6-10 см. При кладке отдельных конструкций и сооружений, работавших во влажном режиме (фундаментов, бань, сардоб и мостов), использовались водоустойчивые известково-зольные растворы.

В **объемной композиции** все чаще применялись портално-купольные композиции с вытянутыми и устремленными ввысь формами. Для придания большей выразительности облику и силуэту зданий с конца XII в. начали использовать высокие барабаны и двухслойные купола. Иначе говоря, купол имел более пологую внутреннюю конструктивную оболочку, а над ней — высокий внешний декоративный купол, который часто украшали декором из голубых плиток или сплошь ими покрывали. Наиболее ярко эти особенности проявлены в памятниках Хорезмской школы зодчества — мавзолеем Фахраддина Рази, султана Текеша и Тюрябекханым в Куния-Ургенче. В мавзолее Тюрябекханым купол имел даже тройную оболочку.

В **декоре** фасадов на фоне высококачественной орнаментальной кладки выделялись детали из резной терракоты с глубоким рельефом. При этом сочетание светло-желтого кирпича и прозрачных теней рельефного декора придавали кладке утонченность и ажурность, оказывая сильное эмоциональное воздействие. Детали и пояса из резной терракоты с пышным растительным, геометрическим и эпиграфическим орнаментом в предмонгольский период все чаще стали покрывать глазурью голубого и белого цветов (портал хазире Чашма Аюб в Вабкенте и др.). Эта тенденция нарастала и в период Золотой Орды, когда мавзолей Тюрябекханым в Куния-Ургенче и Мазлумхан Сулу в Миздахкане, Баянкулихана в Бухаре были украшены изысканным эпиграфическим орнаментом из резной поливной терракоты. Эпиграфический орнамент с дальнейшим развитием почерков куфи и насх играл все большую роль в декоре зданий, придавая ему особую художественность. Помимо надписей религиозного содержания (сур Корана, хадисов и др.), эпиграфика сообщала также сведения о заказчике, исполнителе и дате строительства, а в мавзолее — о личности и датах жизни тех, кто был в них захоронен.

Иногда на фасаде своды порталной ниши украшали резной ганч (Магоки-Аттори в Бухаре, Чашма Аюб в Вабкенте), либо ганчевые сталактиты (мавзолеем Фахраддина Рази в Куния-Ургенче). Интерьеры дворцов часто покрывались резьбой по ганчу разнообразного изысканного рисунка с сочетанием геометрического, растительного, эпиграфического, а иногда и зооморфного орнамента. Таким был, например, резной ганч XII в. во дворце Термезшахов.

В **архитектуре** Средней Азии XII-XIV вв. совершенствовались различные типы зданий: культовые постройки — мечети, мавзолей, медресе,

хонако, а также гражданские сооружения — жилые и торговые здания, караван-сарай, рабаты, бани, сардоба и др.

Рассмотрим эволюцию и особенности типов зданий Средней Азии XII–XIV вв., классифицируя их по функциям.

Культовое зодчество. Мечети в рассматриваемый период были трех основных типов: квартальные, соборные и праздничные. Все три вида мечетей XII в. лучше всего сохранились в Бухаре.

Квартальные мечети предназначались для ежедневных пятикратных молитв жителей определенного квартала. По местоположению и функциональному назначению к ним можно отнести квартальную мечеть *Магоки-Аттори* XII в. в Бухаре. Неординарная и монументальная по архитектуре, эта мечеть имеет весьма древнюю основу, а также уникальную и интересную историю строительства. По свидетельству автора X в. Мухаммада Наршахи, еще в IX–X вв. на месте капища огнепоклонников у базара Атторон была возведена "одна из замечательных в Бухаре" мечеть Мох, сгоревшая в 937 г. во время крупного пожара в городе. Позже, в XII в., на месте сгоревшей мечети Мох, с сохранением ее четырехстолпного плана, была сооружена новая, ныне известная как Магоки-Аттори. Она-то и функционировала в Бухаре в рассматриваемое нами время (XII–XIV вв.). От нее до нас дошел лишь южный портал, фланкированный парными полугофрами и богато украшенный уникальным рельефным декором из фигурного кирпича, резной терракоты, выделенной местами голубой поливой, и резного ганча.

В XIV в. мечеть Магоки-Аттори ремонтировалась, а в середине XVI в. была значительно перестроена.

Соборные или джума-мечети предназначались для общегородских молитв по пятницам. В XII–XIV вв. для них была характерна дворовая либо дворово-айванная композиция плана, где прямоугольный замкнутый двор по периметру обводила колонная галерея, иногда с устройством на осях двора порталных айванов. Такова была архитектура соборной мечети Бухары, возведенной в 1120 г. на территории шахристана правителем города Арсланханом. Она была разрушена монголами, но прекрасно сохранился ее минарет, именуемый ныне Калян. В XV в. на месте мечети Арсланхана с использованием ее фундаментов XII в. была возведена новая джума-мечеть Калян, дошедшая до нашего времени.

Хорезмшахи также придавали большое значение строительству богоугодных заведений. Руины одной из *джума мечетей*, выстроенной, судя по надписи на ее портале, в правление *Мухаммада хорезмшаха* (1200–1220 гг.) зодчими Абул-Хусейном ибн Мухаммедом ан-Нака и Мухаммедом ибн ал-Хусейном ан-Нака, сохранились в Дихистане (Туркмения). Прямоугольный внутренний двор мечети по периметру обводила галерея на круглых кирпичных колоннах. В глубине двора на оси был устроен портално-купольный зал мечети — макура. Портал украшал декор из резной терракоты, покрытой голубой глазурью. В их числе — пояса эпиграфики почерком насх и куфи, геометрический орнамент и др. В юго-западном углу мечети размещался минарет.

Праздничные мечети-намазгохи (мусалля, идгах) предназначались для молитв дважды в год — по религиозным праздникам Фитр и Курбан хаит для мужского населения города и его округи.

Местом первых праздничных мечетей, судя по сведениям о Мерве и Бухаре, служили городские площади. Со временем внутригородские площади стали тесными для праздничных молитв и намазгохи стали устраивать на более обширных загородных площадях.

Так, в 1119 г. Арсланхан соорудил в Бухаре новую и типичную для своего времени мечеть-намазгох у ворот Ибрагима (позже — Шайх Джалал). В ее западной части была возведена стена с михрабной нишей, выделенной декором; рядом с ней сооружен минбар — ступенчатое возвышение для имама. Перед стеной с михрабом была устроена обширная площадь для

молений, обведенная по периметру глинобитной стеной. Стена с михрабом в конце XIV в. была украшена мозаичным декором, и в XVI в. дополнена трехпролетной арочно-купольной галереей с порталом в ее центре.

Минареты были неизменным атрибутом соборной мечети и предназначались для созыва мусульман на молитву. Если первые из них возводились из сырца, то в XII в. они уже полностью сооружались из жженого кирпича. Поверхность ствола украшалась орнаментальной кладкой, а также горизонтальными поясами рельефного узора из резной терракоты. Хорошо сохранившимися можно назвать минареты XII в. в Джаркургане, Бухаре и Вабкенте, а также минарет XIV в. в Куны-Ургенче. Все они первоначально являлись частью ныне утраченных соборных мечетей, пережили их и теперь возвышаются (кроме минарета Калян) как отдельностоящие сооружения. Обычно вход в минарет устраивался с крыши прилегавшей соборной мечети и потому входные проемы в них ныне зияют на высоте нескольких (5-8 м) метров от земли.

Своеобразием архитектуры выделяется наиболее древний из сохранившихся *минарет в Джаркургане*, возведенный в 1109 г. зодчим Али ибн Мухаммедом из Серахса. Ствол минарета украшен 16 сомкнутыми полуколоннами — гофрами, перехваченными на высоте 20 м горизонтальной полосой эпитафики. Второй ярус минарета утерян, его высота ныне равна 21,6 м при нижнем диаметре 5,4 м.

Наиболее значительным был *минарет Калян в Бухаре*, возведенный в 1127 г. с большим запасом прочности и потому сохранившийся почти на всю высоту (около 50 м). Среди его эпитафики обнаружено имя мастера Бако. Согласно местному преданию, мастер, соорудив основание минарета, скрылся на три года, чтобы фундамент успел набрать прочность и затем, вернувшись, закончил начатое строительство. Минарет Калян послужил прообразом почти всех последующих минаретов Бухарского оазиса, возводившихся вплоть до начала XX в.

Наиболее ранним ему подражанием является *минарет*, сооруженный в 1197 г. при ныне утраченной соборной мечети в *Вабкенте*. По архитектуре он решен почти так же, как и минарет Калян, однако при высоте 38,7 м вабкентский минарет кажется выше и выглядит изящнее благодаря более тонкому стволу и стройным пропорциям.

От периода правления хорезмшаха Мухаммада сохранились остатки *минарета*, выстроенного на юго-западном углу упомянутой мечети в *Дихистане*. Он был традиционно декорирован парной кладкой кирпича, на фоне которой выделялись горизонтальные пояса резного декора, в том числе и рельефных надписей.

В столице Хорезмшахов Куны-Ургенче известны два минарета. От раннего *минарета*, возведенного, судя по его закладной свинцовой плите, в 1011 г. хорезмшахом Абул Аббас Ма'муном ибн Ма'муном, сохранилось лишь основание от круглоствольного минарета.

В отличие от него, в Куны-Ургенче прекрасно сохранился другой более поздний минарет, сооруженный при соборной мечети султанши Тюрябекханым. С крыши этой мечети как обычно был устроен вход в минарет, который ныне расположен на высоте около шести метров. Судя по рельефной кувинской надписи над входом, *минарет* был выстроен в правление *Кутлуг-Тимура* (1320-1330 гг.). Поверхность ствола украшают восемнадцать орнаментальных поясов резной кирпичной кладки. Устойчивость минарету также придавало сильное сужение его тулова вверх — диаметр в основании 10,85 м, в завершении под фонарем — 4 м. Минарет некогда завершал фонарь, куда вели 143 ступени винтовой лестницы внутри его ствола. Это уникальное, прекрасно сохранившееся до настоящего времени, инженерное сооружение высотой почти в 60 м было самым высоким минаретом Средней Азии.

Мавзолеи сохранились в большом количестве, так как оберегались из почитания и не разрушались завоевателями из суеверного страха. Вот по-

чему на примере сохранившихся мавзолеев XII-XIV вв. можно наиболее полно рассмотреть эволюцию и особенности архитектурных школ Средней Азии.

В то время были распространены однокамерные мавзолеи портално-купольной либо центрической композиции, а также многокамерные многокупольные мавзолеи. В последних выделялись главные более крупные помещения — зиаратхана (поминальная), гурхана — помещение с почитаемым захоронением, а также прилегавшие к ним служебные и хозяйственные помещения. Такова была структура мавзолеев Наджмиддина Кубро в Куня-Ургенче, Мазлумхан Сулу в Миздахкане и др. При общности их архитектуры и основных тенденций развития в каждом регионе Средней Азии наблюдались свои особенные черты зодческой школы.

Так, для Хорасанской школы в основном были характерны монументальные мавзолеи центрально-купольной композиции с крупными выразительными объемами, венчавшей четверик стен галереей, и двухслойными куполами. Наиболее ярко эти черты проявились в таком шедевре архитектуры, как *мавзолей султана Саиджара*, возведенный в середине XII в. зодчим Мухаммадом ибн Атсиз Серахси в Мерве. Это весьма крупное и величественное однокамерное здание центрической композиции было составной частью пекоего комплекса. Теперь это одинокий кубовидный объем со сквозной галереей в его завершении и крупным куполом, утратившим свою голубую облицовку.

Галерею мавзолея украшают кирпичные наборы и резной ганч, декор интерьеров составляют росписи геометрического и эпитафического характера синим и красным по белому фону.

Из многокамерных мавзолеев Хорасана можно назвать *мавзолей Мухаммада ибн Зейда*, возведенный, как гласит надпись в интерьере, правителем области Шарафаддином Абу Тахиром в 506 г. х. /1112-13 гг. Первоначально это был центрально-купольный мавзолей из сырцового кирпича с облицовкой шлифованным жженым кирпичом. Позже к нему примкнули поминальная мечеть и другая гурхана, отчего мавзолей приобрел многокамерную многокупольную композицию. В мавзолее XII в. поражают высокохудожественная орнаментальная кладка фасадов, живопись интерьера и великолепная резьба расположенного здесь каменного надгробия.

Своеобразны мавзолеи школы Северного Тохаристана. Из них наиболее интересны многокамерные мавзолеи со сложным планом, входящие в крупные поминальные комплексы. Таковы мавзолеи XII в. в комплексе Султан-Саодат, мавзолей и поминальная мечеть в комплексе Хаким ат-Термези и др. Определенный интерес представляет многокамерный многокупольный мавзолей *Зуль-Кифль* XI-XII вв. на острове Арал-Пайгамбар на Амударье близ Термеза.

Хорезмская школа зодчества, получившая интенсивное развитие в XII-XIV вв., стала наиболее яркой и своеобразной в рассматриваемое время. Для нее в первую очередь были присущи конусовидные или граненые шатровые купола, украшенные декором из голубых глазурованных кирпичиков или слюнь покрытые ими, а также декор фасадов, обильно украшенных резной терракотой, порой в своеобразной технике сырой глубокой резьбы.

Таков *мавзолей Фахраддина Рази* (XII в.) в Куня-Ургенче. Над его основной кубовидной частью возвышается двенадцатигранный барабан, увенчанный пирамидальным куполом. Главный фасад украшен резной терракотой глубокого рельефа и превосходного качества.

К этой же школе относится *мавзолей султана Текеша*, возведенный на рубеже XII-XIII вв. Здесь также над квадратной призмой возвышается многогранный барабан, увенчанный коническим куполом. Для обоих мавзолеев характерны шатровые купола, декорированные голубыми кирпичиками, детали из глазурованной резной терракоты, сталактиты в интерьерах.

Выразительна и весьма необычна по оформлению входная арка портала мавзолея Текеша, выполненная в виде треугольной ниши из сталактитов.

Этот единственный по оформлению в Средней Азии портал имеет ряд аналогов в сельджукской архитектуре Малой Азии конца XII-XIII вв., что отражает определенные культурные взаимосвязи этих двух регионов. Первоначально к данному зданию примыкали другие сооружения и оно главенствовало в некоем комплексе, который одни исследователи считают дворцом Хорезмшахов, другие — частью культового комплекса.

Можно отметить небольшой *мавзолей Халифа Раджаб (Калпыриджен)* на городище Миздахкан. Кубовидное здание выстроено из сырцового и жженого кирпича, возможно в XI в., и декорировано в XIII-XIV вв. Главный фасад членили три арки. Ктабу над ними и П-образную раму фасада украшал изящный эпитафический декор из резной глазурованной терракоты.

Ко второму виду, т.е. к многокамерным мавзолеям относятся три следующих сооружения Хорезмской школы.

Мавзолей хонако Тюрябекханым. Это выдающееся и самое изысканное сооружение рассматриваемого периода. В его плане выделяется крупный шестигранный зал зиаратханы, с двух сторон к ней примыкают небольшие гурхана и вестибюль с порталом. Купол зиаратханы имел тройную оболочку, из которых внешний, ныне разрушенный конический купол, был установлен на высоком барабане со световыми проемами. Исключительна по красоте облицовка внутренней чаши купола зиаратханы из резной кашинной мозаики со сложным геометрическим орнаментом, заполненным утонченным цветочно-растительным узором. На фасадах богатый майоликовый декор — забран в П-образные терракотовые рамы и архивольты. В таком количестве и изобилии совершенной техники мозаика появляется здесь впервые в Средней Азии.

В *мавзолее Мазлумхан-Сулу* (30x25 м, по местному — Назлымхан-Сулу) в плане выделяются большой крестовидный зал и смежное с ним меньшее помещение, перекрытые восьмигранным шатровым куполом и попарно расположенные небольшие боковые комнаты. Сохранились лишь фрагменты облицовки интерьеров, где светлая терракота сочеталась с голубыми глазурями. Чаша купола в интерьере украшена гладкими майоликовыми плитками с голубой поливой. В обоих залах были устроены полихромные майоликовые надгробия прекрасной работы, аналогичные надгробию Наджмиддина Кубро. Предполагают, что мавзолей возведен в XIII в., а надгробия здесь устроены в XIV в.

Наиболее почитаемый в Куния-Ургенче — *мавзолей хонако Наджмиддина Кубро* — основателя суфийского ордена кубравия. Желая разделить судьбу своих учеников и сограждан, он не согласился на предложенное ему монголами спасение и погиб при завоевании города. Это четырехкамерное четырехкупольное порталное сооружение. В его плане, помимо вестибюля и двух малых залов, выделяется крупная гурхана с великолепным надгробием Наджмиддина Кубро. Это надгробие и портал здания украшены великолепной расписной майоликой Хорезмской школы.

Позже, напротив мавзолея Наджмиддина Кубро, составляя с ним ансамбль “кош”, был сооружен мавзолей Султана Али, который по своей объемной композиции представлял стилизацию мавзолея Тюрябекханым.

Следует отметить, что яркие традиции Хорезмской школы зодчества оказывали влияние на архитектуру многих сопредельных регионов. Так, Э.В. Ртвеладзе отмечает ведущую роль архитектурной школы Хорезма на формирование портално-шатровых и центрических мавзолеев Маджара на Северном Кавказе в XIV в. в период широкого внедрения мусульманства в Золотой Орде при Узбекхане.

Зодческую школу Мавераннахра могут представить *три* одновременных *Узгенских мавзолеев* XI-XII вв. Это три примыкающих друг к другу портално-купольных сооружения, образующих композицию из трех обращенных на восток богато украшенных порталов. Самое крупное — центральное здание XI в. прежде было зиаратханой с двумя фасадами, декорированными кирпичной выкладкой и резным ганчем. В 1113 г. к его северному

фасаду был пристроен мавзолей Али-Кылыча и в 1187 г. — с юга от центральной постройки — третий мавзолей. Все они пышно декорированы облицовкой из резной терракоты.

От периода Золотой Орды в Бухаре сохранился *мавзолей Баянкулихана*, подставного монгольского хана, принявшего ислам. Он был похоронен “в ногах” рядом с мавзолеем почитаемого суфия Сайфиддина Бохарзи (1190-1261 гг.). Это небольшое портално-купольное двухкамерное сооружение, в плане которого выделяются гурхана, зиаратхана и узкий обводящий их коридор. Запоминается великолепный изысканный декор его фасадов и зиаратханы из резной терракоты с ярко-голубой, белой и синей поливкой. Это, пожалуй, наиболее яркий пример влияния Хорезмской и Самаркандской школ зодчества на Бухарскую.

Здесь можно также упомянуть *мавзолей* второй четверти XIV в. *Бобои Порадуз* в Бухаре, дошедший до нас в значительно перестроенном в XIX-XX вв. виде. Портал этого купольного сооружения смещен от оси, внутри сохранилась крупная сагана святого.

Мемориальные комплексы. Как было сказано, мавзолей Баянкулихана входил в состав поминального комплекса и это не было исключением. Часто мавзолей с захоронением почитаемого суфия или другого лица, возведенного в ранг святых, становился объектом паломничества и здесь формировался мемориальный комплекс с обителью суфиев. Часто комплекс представлял собой ряд сооружений, выстроенных поэтапно вокруг тещистого двора с водоемом и включал: мавзолей святого; хонако — ритуальный зал суфиев (сама’ или зикрхона) и небольшую мечеть, комнаты для чтения Корана и обучения; жилые кельи, странноприимные худжры с бесплатным приютом и пищей; и др. Таковы были комплексы при мавзолее Кусам ибн Аббаса в Самарканде, Сайфиддина Бохарзи в Бухаре и многие другие в Средней Азии, которые в XIV в. посетивший их марокканец Ибн Баттута называл привычным на его родине термином “завия”.

Так, по свидетельству Ибн Баттуты, выглядел *комплекс Сайфиддина Бохарзи*: “Мы остановились в предместье Бухары, известном под названием Фатхабад, где находится могила ученого шейха, благочестивого отшельника Сайфиддина а-л-Бохарзи, одного из величайших святых. Носящая имя этого шейха завия, где мы остановились, очень велика и имеет огромные вакфы (доходы), с которых питаются приезжие”. Его слова подтверждает вакуфный документ XIV в., из которого следует, что комплекс построек включал мавзолей шейха и примкнувшее к нему с юга хонако — постоянное место жительства служителей и бедняков.

В конце XIV в. впритык к облицованной голубыми глазурованными плитками платформе мавзолея Баянкулихана, взамен обветшавшим сооружениям, которые видел Ибн Баттута и отмечены в бухарских документах XIV в., была выстроена новая двухкамерная усыпальница Сайфиддина Бохарзи, где просторная зиаратхана-хонако со входами на четырех осях ведет в прилегающий мавзолей. Оба помещения весьма похожи по оформлению интерьеров: восьмигранный ярус арочных парусов и шестнадцатигранный барабан со световым проемом через грань поддерживают крупный купол. В XVI в. вход на главной оси был оформлен более монументальным порталом с мощными башнями гуддаста и аркатурой-реваком по верху портала.

В Самарканде на месте мнимой могилы *Кусам ибн Аббаса* — двоюродного брата пророка Мухаммада — возник *комплекс* мемориальных и культовых сооружений, включавший мавзолей Кусам, медресе Тамгачхана, странноприимный дом. Ибн Баттута относит мавзолей к домонгольскому времени и описывает его как купольное сооружение с мраморными колоннами: “Стены мавзолея из разноцветной мраморной мозаики с позолотой; его крыша покрыта свинцом; надгробие сделано из инкрустированного эбенового дерева, углы обиты серебром; внутри подвешены три серебряных светильни-

ка. Мавзолей устлан коврами из шерсти и хлопка". Он считался главной святыней города и рядом с мавзолеем уже в XII в. хоронили именитых особ.

В XIV в. у мавзолея Кусамы ибн Аббаса была сооружена зиаратхана, а в гурхане устроено четырехстолпчатое надгробие, облицованное рельефной майоликой с позолотой. Позже этот комплекс преобразился в знаменитый ансамбль Шахи-Зинда.

В Мавераннахре также развивался и другой тип мемориального сооружения — захоронения в хазире — под открытым небом на территории, огороженной стеной с порталным входом. Один из вариантов такого культового сооружения представляет собой памятник предмонгольского времени *хазира Чашма Аюб*, обнаруженный сравнительно недавно в 20 км от Бухары в Вабкентском районе. Здесь в XI в. у почитаемого источника, связанного с именем святого Хазрати Аюба, возникла его мнимая могила (кадам-гох). С запада от нее располагалась ныне утерянная поминальная мечеть в виде стены с михрабной нишей. От ограждавшей святое место стены сохранился портал, фланкированный башенками гуддаста и содержащий дату строительства — 1208 г. Портал насыщен великолепным декором из ганча, резной терракоты растительного и геометрического рисунка с вкраплениями голубой поливы и орнаментом в виде домусульманских символов — «свастик». Надпись на портале: «Пророк мир ему! - сказал: Сначала я запрещаю вам зиарат могил, теперь совершайте их зиарат!», объясняет и оправдывает распространение в то время культа святых могил.

Медресе XII-XIV вв. не сохранились и известны нам лишь по многочисленным упоминаниям в источниках и археологическим данным. Из древних медресе по данным раскопок и вакуфной грамоты лучше других нам известна архитектура самаркандского медресе XI в. Тамгач Бограхана. Здесь выявлено крупное (44x55 м) здание с прямоугольным внутренним двором, застроенным худжрами — по периметру и айванами — по его осям. Главный порталный вход в центре фасада вел в купольный вестибюль с боковыми проходами в угловые залы. Судя по вакуфному документу XI в., на медресе Тамгачхана изначально были предусмотрены общественные залы — мечеть, дарсхана, помещения для чтения Корана и изучения «адаба», что подтверждается выявленной археологами планировочной структурой здания.

Выстроенное у могилы Кусамы ибн Аббаса медресе Тамгачхана, вероятно, было отремонтировано в первой половине XII в. султаном Саиджаром и называлось также медресе Кусамийя.

Гражданская архитектура. Наиболее многочисленные из них — **жилые дома** строились из пахсы и сырцового кирпича с балочными перекрытиями. Для перекрытия айванов использовалась деревянная балочно-стоечная конструкция. В силу недолговечности этих строительных материалов жилая архитектура того периода плохо сохранилась и известна нам больше по историческим и археологическим сведениям.

Так, известны жилые дома Мервского оазиса XI-XII вв., которые представляли собой почти симметричные квадратные в плане сырцовые сооружения с центральным, часто двухсветным купольным залом. Перекрытия сводчатые либо купольные. Таков, например, жилой дом, расположенный в четырех километрах к западу от Султан-калы.

Дворцы Мерва и Термеза того времени строились из сырца, имели внутренний четырехайванный двор с периметральной застройкой помещениями. Так, дворец Термезшахов в Термезе представлял собой прямоугольное в плане сооружение с обширным внутренним четырехайванным двором. В XI в. сырцовые стены его зала украшал фигурный кирпич, поверх которого в XII в. был нанесен слой ганча с великолепной, разнообразной по рисунку резьбой геометрического, растительного и зооморфного рисунка. Парадная часть здания имела ганчевые решетки — панжара с цветным стеклом и роспись стен черной, синей, красной и зеленой красками.

Из бухарских дворцов XI-XII вв. упоминаются дворец караханида Шам-

сул-Мулька в местности Шамсабад с садами и зоопарком, а также дворцы Арсланхана, один из которых он отдал под медресе.

О дворцах Куня-Ургенча периода монгольского владычества и их убранстве более подробные сведения нам даст Ибн Баттута. Так, описывая дом богатого вельможи, он сообщает, что видел "приемный зал, убранный красивыми коврами, со стенами, обитыми сукном, с множеством ниш, в каждой из которых стоят серебряные сосуды с позолотой и иракские кувшины. Обычно жители той страны так убирают свои дома". Далее Ибн Баттута сообщает о дворце правителя Куня-Ургенча *Кутлуг-Тимура*: "Мы прошли в обширное приемное помещение (наверное, подразумевается здание. — Ю.М.), большинство покоев которого были деревянные. Затем мы вошли в малый зал с деревянным инкрустированным куполом; стены в нем были обиты разноцветным сукном, а потолок — златотканым шелком".

Хорезмские мастера издревле славились своим искусством резьбы по дереву. Образцы их работ можно увидеть на примере деревянных резных колонн рассматриваемого времени в хивинской джума-мечети XVIII в. Сюда они были пересены из разрушенных зданий X-XIV вв. и установлены наряду с поздними колоннами.

Караван-сарай. Развитие караванной торговли по Великому Шелковому пути обусловило возведение вдоль него многочисленных постоянных дворов — караван-сараяв и рабатов, а также сардоб — водохранилищ при них. Караван-сарай строились в основном из сырца, иногда с облицовкой жженым кирпичом либо с отдельными частями из жженого кирпича. Например, четкую структуру и богатый декор имел *караван-сарай* XII в. *Дая-Хатын*, располагавшийся на берегу Амударьи на пути из Амуля (ныне Чарджоу) в Хорезм. Это сырцовое, облицованное жженым кирпичом здание, включало внутренний двор, окруженный арочной галереей с примыкавшим к ней по внешнему периметру рядом помещений. Сводчато-купольное перекрытие караван-сарая было выполнено из жженого кирпича. Некоторые караван-сарай имели отдельные дворы жилого и служебного (грузы, фураж и животные) назначения.

В *Куня-Ургенче* сохранились лишь руины главного фасада *караван-сарая* первой половины XIV в. О его значении и богатом убранстве свидетельствует декор сохранившегося фрагмента портала, украшенного фигурными резными кирпичиками, а также гирихом, выложенным тесаным кирпичом со вставками из узорной майолики.

Такова в общих чертах архитектура государства Хорезмшахов в предмонгольский период и ее последующее развитие в дотемуровскую эпоху.

В заключении отметим, что в XII-XIV вв. одной из наиболее ярких и прогрессивных в Средней Азии была Хорезмская школа зодчества. Она во многом способствовала развитию нового стиля с крупными выразительными объемами и насыщенным глазурированным декором из резной терракоты, мозаики и др. Этот стиль достиг своего апогея в архитектуре эпохи Темуридов, когда при застройке Самарканда, Шахрисабза, Бухары и других городов участвовали также строительные мастера и зодчие Хорезма.

НАСЛЕДИЕ ХОРЕЗМСКОЙ ШКОЛЫ ЗОДЧЕСТВА В АРХИТЕКТУРЕ ХИВЫ

О дальнейшем развитии архитектурной школы Хорезма, эволюции ее прекрасных древних традиций наиболее яркое представление дают нам памятники зодчества Хивы.

Хива — один из древнейших городов Средней Азии с 2500-летней историей развития. Здесь сохранились в основном поздние сооружения, возведенные в конце XVIII—XIX вв. Город состоял из древней части — Ичан-Кала, то есть внутреннего города и, раскинутого вокруг него, внешнего города — Дышан Кала. На рубеже XVIII—XIX вв. каждая часть города была обнесена новой глинобитной стеной с башнями. В Ичан-Кале две взаимопересекающиеся осевые улицы вели к четырем воротам. Вдоль улицы соединявшей западные ворота *Ата-Дарваза* и восточные ворота *Палван Дарваза* были выстроены наиболее значительные сооружения Хивы.

Среди них — старая крепость Куны-Арк — укрепленный дворец хана, состоящая из нескольких дворов, где сохранились дворец аудиенций — Куриниш-хана, гарем, монетный двор, зимняя и летняя мечети.

Самым древним из сохранившихся зданий Хивы является скромный портално-купольный мавзолей шейха Сейид Алауддина, выстроенный известным мистиком Амиром Кулялем в XIV в. В интерьере мавзолея сохранилось великолепное майоликовое надгробие XIV в., весьма схожее по декору с надгробием Наджмеддина Кубро в Куны-Ургенче.

Своеобразные черты Хорезмской школы зодчества ярко выделялись в планировке и объемной композиции хивинских медресе. Например, перед главным фасадом медресе порой устраивали небольшой дворик (в медресе Мухаммад-Рахимхана, Мазари-Шариф, Юсуф-Ясаулбоши). Иногда перед главным входом размещали высокую суфу, по фасаду которой устраивали торговые лавки (Кутлуг-Мурад-инак и др.). Для Хивы был характерен прием расположения минарета на углу медресе. Таковы медресе *Мухаммад-Аминхана* и *Кальта-минор*, медресе и минарет *Исламходжа*, медресе и минарет Шейх-Калаандар-бобо.

Наиболее нарядным и крупным в Хиве было медресе Мухаммад-Аминхана (1852—1855), раскрытое лоджиями на всех фасадах и богато декорированное майоликой, резьбой по дереву и др. Рядом с ним возвышается мощная основа минарета Кальта-Минор (короткий минарет) со сплошной глазурованной облицовкой. Он был задуман Мухаммед-Аминханом как самый высокий в Средней Азии. Но хан погиб в сражении и минарет диаметром 14,2 м и высотой возведенной части 26 м остался недостроенным.

Среди значительных медресе Хивы, ярко отражающих традиции хорезмской архитектуры, можно назвать медресе Кутлуг Мурад Инак (1804—1812), Аллакулихана (1835—1838), Мухаммед Рахимхана (1871) и др.

Оригинальна архитектура знаменитой *Джума-мечети* Хивы (1788—1789). Ее обширный зал перекрыт плоской кровлей на 212 деревянных колоннах, часть которых перенесена сюда из пришедших в ветхость зданий X—XIX вв.

Почитаемый мемориальный комплекс сложился на протяжении нескольких столетий у могилы народного борца и поэта *Нахлаван Махмуда*, канонизиро-

171

важного как святой покровитель династии кунградских ханов и самого города Хивы. В глубине небольшого двора, обстроенного по периметру, возвышается мавзолей Пахлаван Махмуда, увенчанный самым большим в Хиве голубым куполом. Интерьеры украшены майоликовыми облицовками в традиционной для Хорезма сине-бело-голубой гамме с изысканным растительным узором.

Крупный многофункциональный ансамбль сложился у восточных ворот Хивы — Палван-Дарваза. Он включал несколько медресе, квартальную мечеть, бани, караван-сарай и крытый рынок — тим Аллакулихана (1835).

В этом же восточном районе Аллакулихан в 1830 — 1838 гг. основал свой дворец — *Таш-хаули* (каменная усадьба). Сооружение состояло из трех замкнутых дворов: михманханы — для ханских приемов и пиршеств; арзханы — двора официально-административного назначения и гарема. Необычайно богат здесь майоликовый декор двусветных айванов, изыскана роспись потолков, резьба колонн и дверей.

В начале XX в. Хива обогатилась новым высотным ориентиром. Рядом с небольшим одноэтажным медресе Исламходжа был выстроен стройный и самый высокий в Хиве (45 м) минарет Исламходжа, украшенный поясами майолики.

Таковы лишь некоторые значительные из многочисленных памятников Хивы. Целостная и живописная застройка Ичан-калы сохранила первозданный облик среднеазиатского города XVII — XX вв. Наряду с этим она донесла до нашего времени своеобразные региональные черты и оригинальные приемы древней Хорезмской школы зодчества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жизнь и полководческая деятельность Джалолиддина Мангуберди вершит собой конец правления династии Хорезмшахов — Анунтегинидов, после чего началась эпоха монгольского ига.

Если взглянуть на историю политических, экономических, культурных и международных отношений Хорезмского государства начала XIII столетия с точки зрения того, что это было одно из крупнейших держав той эпохи, то можно понять, что его история была тесно связана со Средним Востоком. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что когда монгольские полчища во главе с Чингизханом захватили Мавераннахр, в том числе и Хорезм, сражения уже велись на территориях нынешних Афганистана и Ирана и эпицентром этой борьбы стали действия Джалолиддина Мангуберди. Следовательно, история его жизнедеятельности отражает не только историю Узбекистана, но и историю Среднего Востока 20–30-х годов XIII столетия. Более десяти лет Джалолиддин Мангуберди отражал натиск монголов от их проникновения в Ирак и государства Малой Азии. Вот почему борьба, которую он вел, получила в исторических сочинениях свое героическое описание, а в устах народа — легендарное повествование.

Особую значимость среди письменного наследия прошлого представляет произведение Шихабалдина Мухаммада ан-Насави “Сират ас-султан Джалолиддин Мангуберди”, текст которого и его перевод на русский язык с полным научным комментарием были опубликованы. Однако письменных источников по этой проблеме достаточно много и все они ждут своего исследователя. Но самое главное заключается в том, что ныне в Узбекистане созданы благоприятные условия для глубокого изучения, а следовательно, дальнейшей объективной оценки жизнедеятельности Джалолиддина Мангуберди, самоотверженно боровшегося за независимость своей Родины.

Его героизм позволяет должным образом оценить нынешнюю независимость нашей Родины и наполняет наши души чувством гордости за свою отчизну. И, наконец, все пережитое Джалолиддином Мангуберди, его жизнь, посвященная борьбе за независимость, — это лишь краткий эпизод из нашей богатой истории и дальнейшая важная задача — это глубокое изучение на основе письменных источников жизни и деятельности великих исторических личностей.

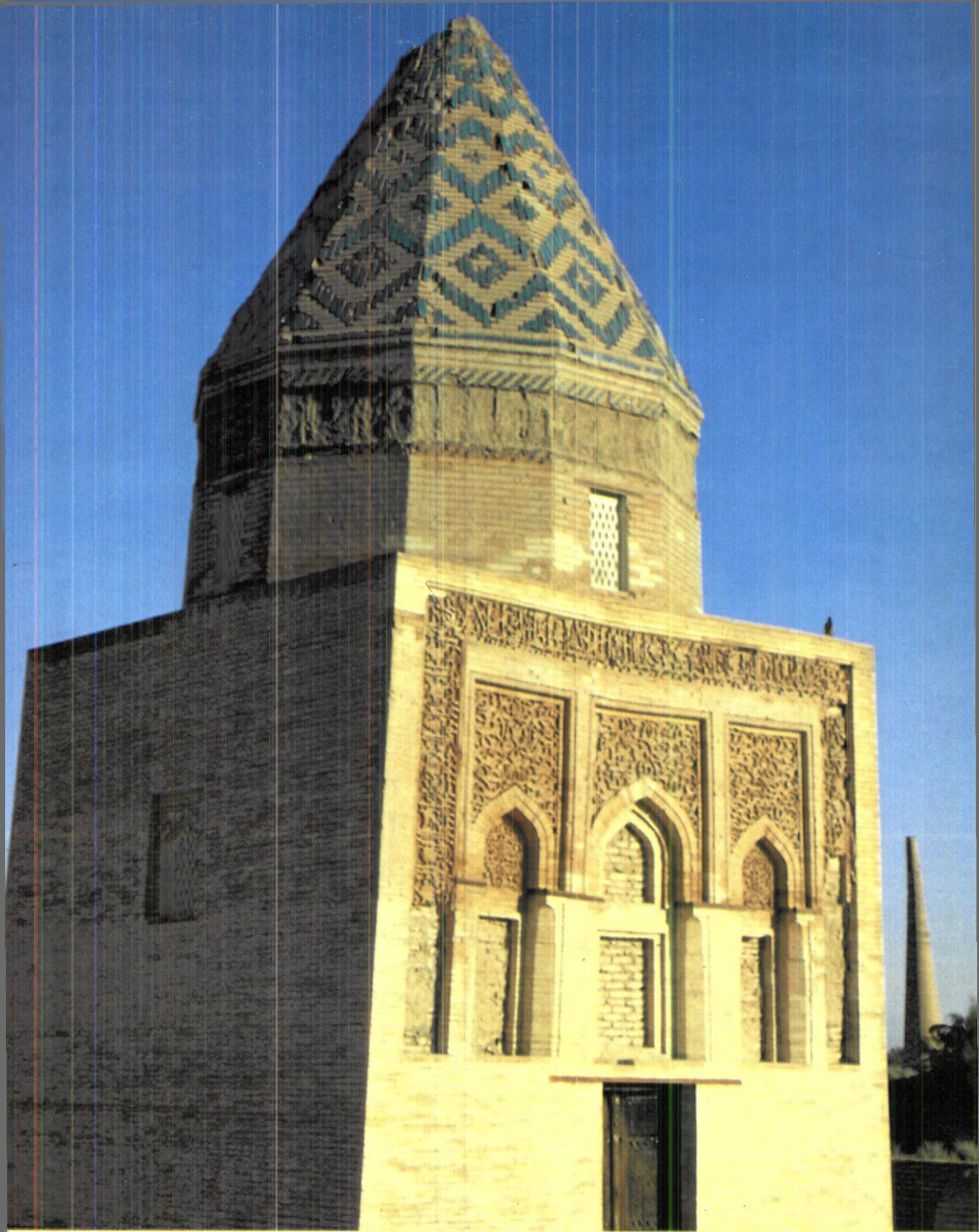
СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ислам Каримов. Наш национальный герой</i>	7
Из Постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан “О праздновании 800-летнего юбилея Джалолиддина Мангуберди”	11
Введение	122
Эпоха жизни Джалолиддина Мангуберди	
Из истории политической и культурной жизни государства Хорезмшахов в XI – начале XIII в.	123
Джалолиддин Мангуберди — национальный герой	
Государство Хорезмшахов в начале XIII столетия	
Монгольское нашествие	129
Между огнем и водой	133
Деятельность Джалолиддина Мангуберди в оценке средневековых авторов	
Письменные источники	138
Выдержки из сочинений	146
Архитектура Хорезма	
Архитектура Средней Азии в эпоху Хорезмшахов	162
Наследие хорезмской школы в архитектуре Хивы	171
Заключение	173
Иллюстрации	175

ЗАРВАРАҚ
ILLUSTRATIONS
ИЛЛЮСТРАЦИИ

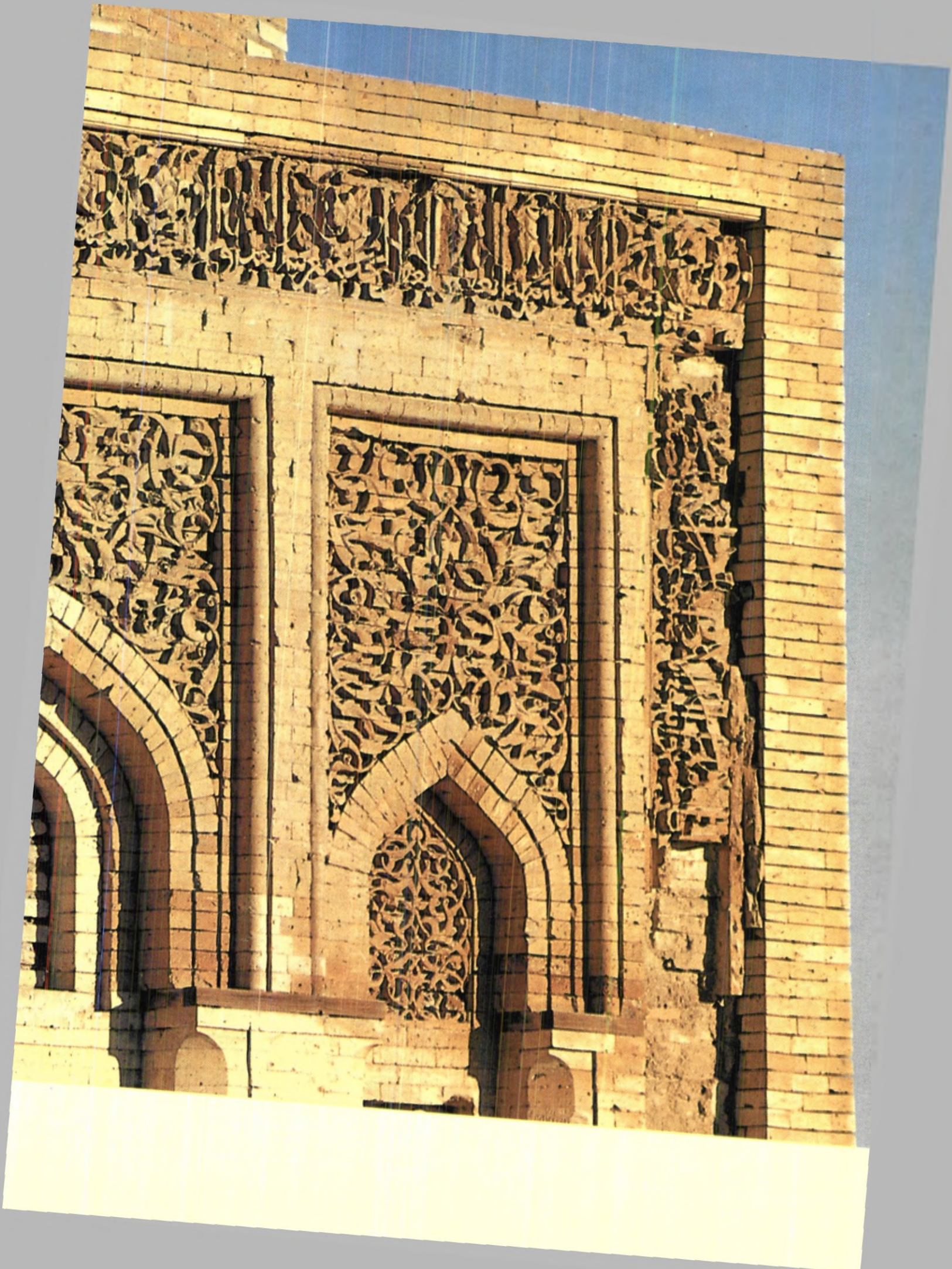

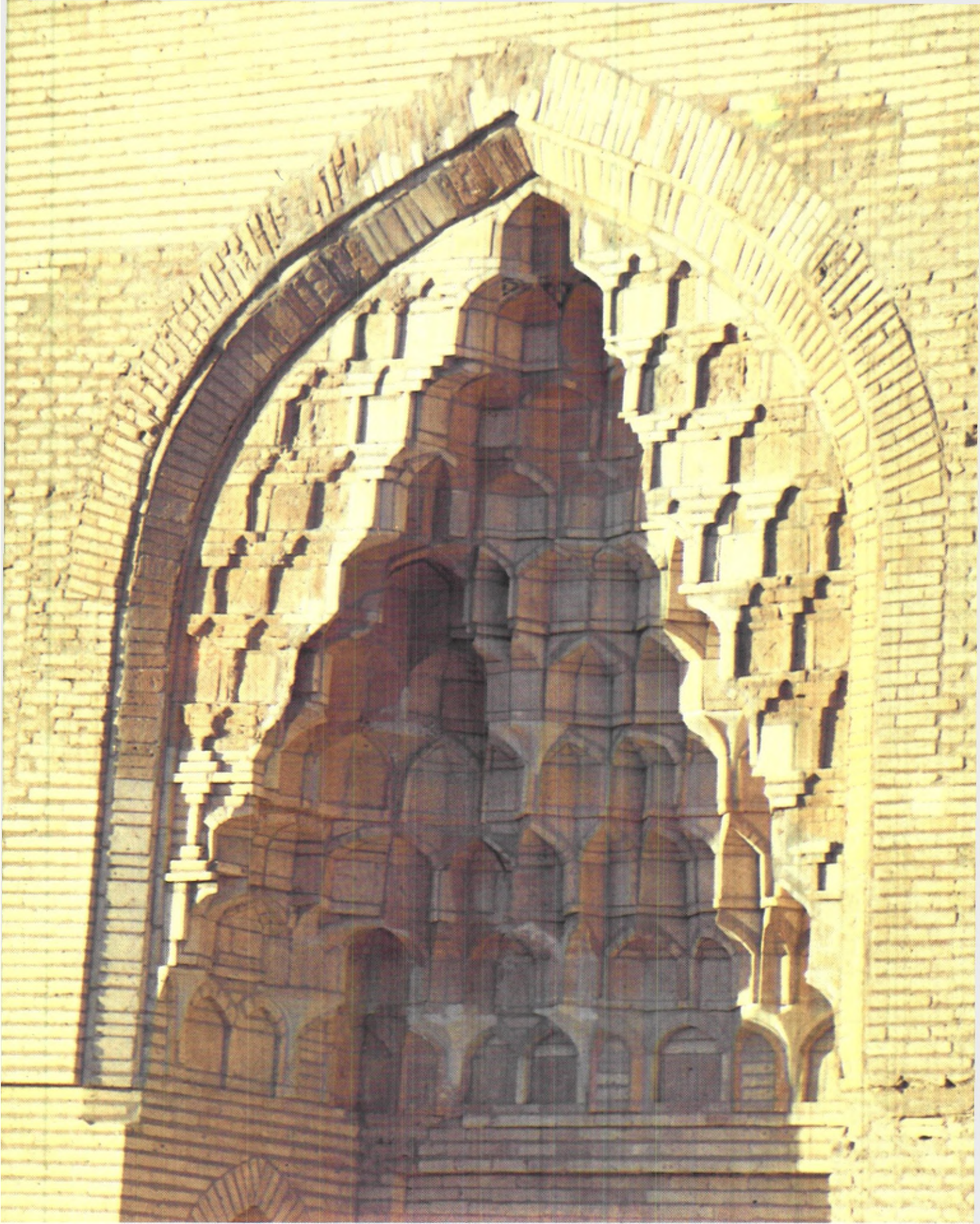

Кўҳна Ургенч. Фахриддин Розий мақбараси. XII аср.
Kokhna Urgench. Fakhraddin Roziy Mausoleum. 12th c.
Куля-Ургенч. Мавзолей Фахраддина Рази. XII в.

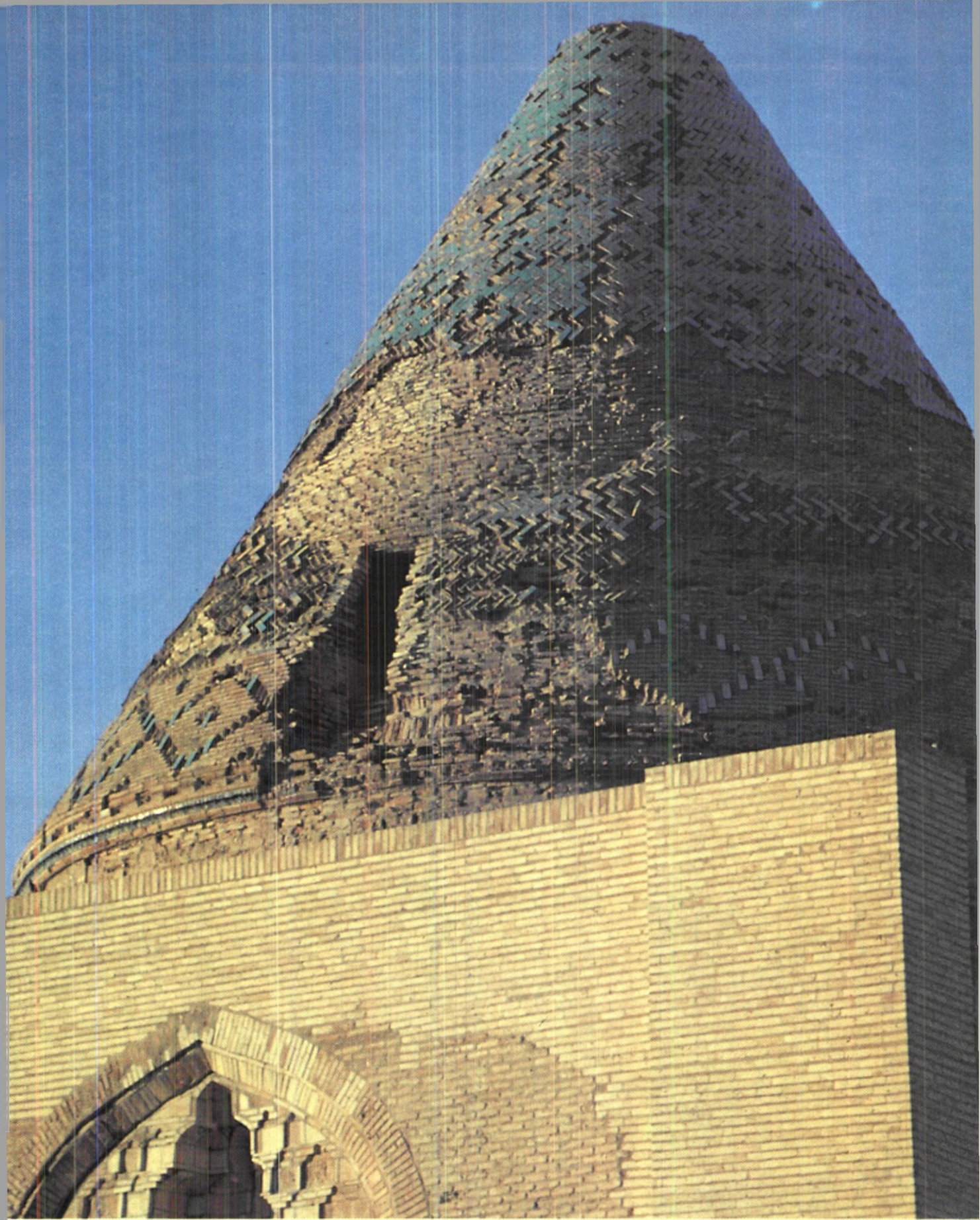

Кўҳна Урганч. Фахриддин Розий макбараси. XII аср. Олд томондаги ўйма терракота безаги.
Kokhna Urgench. Fakhraddin Roziy Mausoleum. Decor of Carving Terracotta of the Main Facade. 12th c.
Кўня-Ургенч. Мавзолей Фахраддина Рази. XII в. Декор из резной терракоты на главном фасаде.

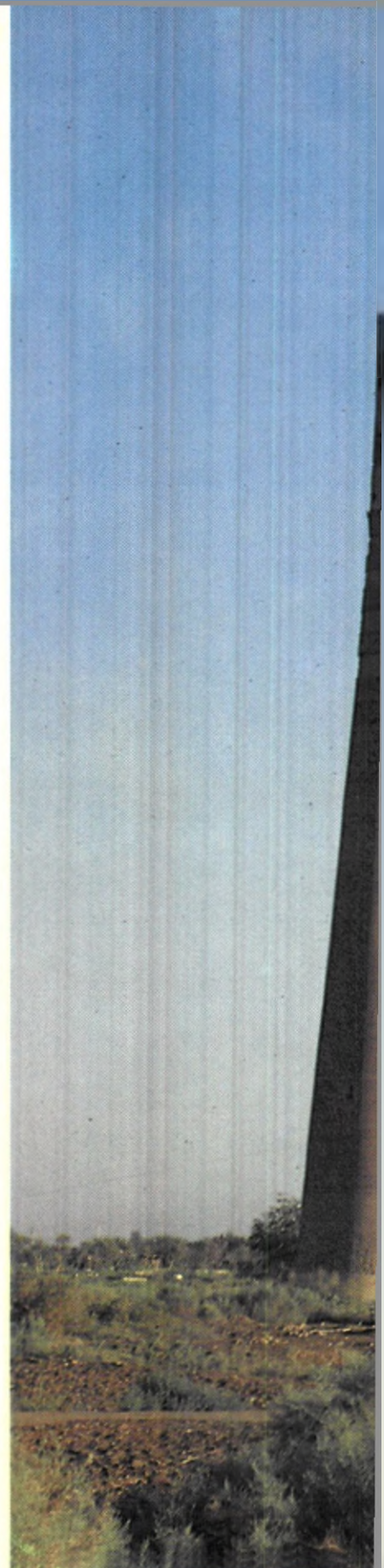
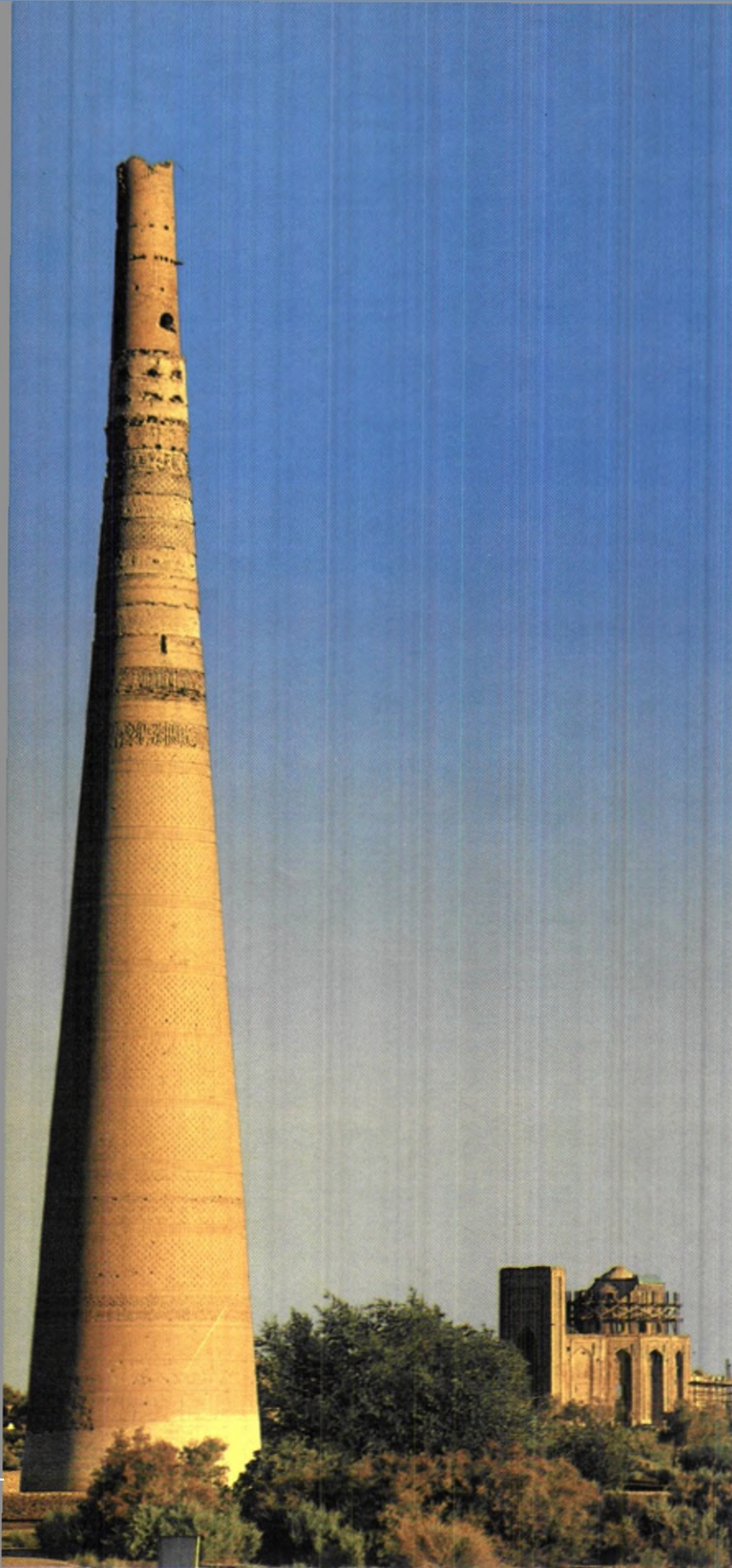

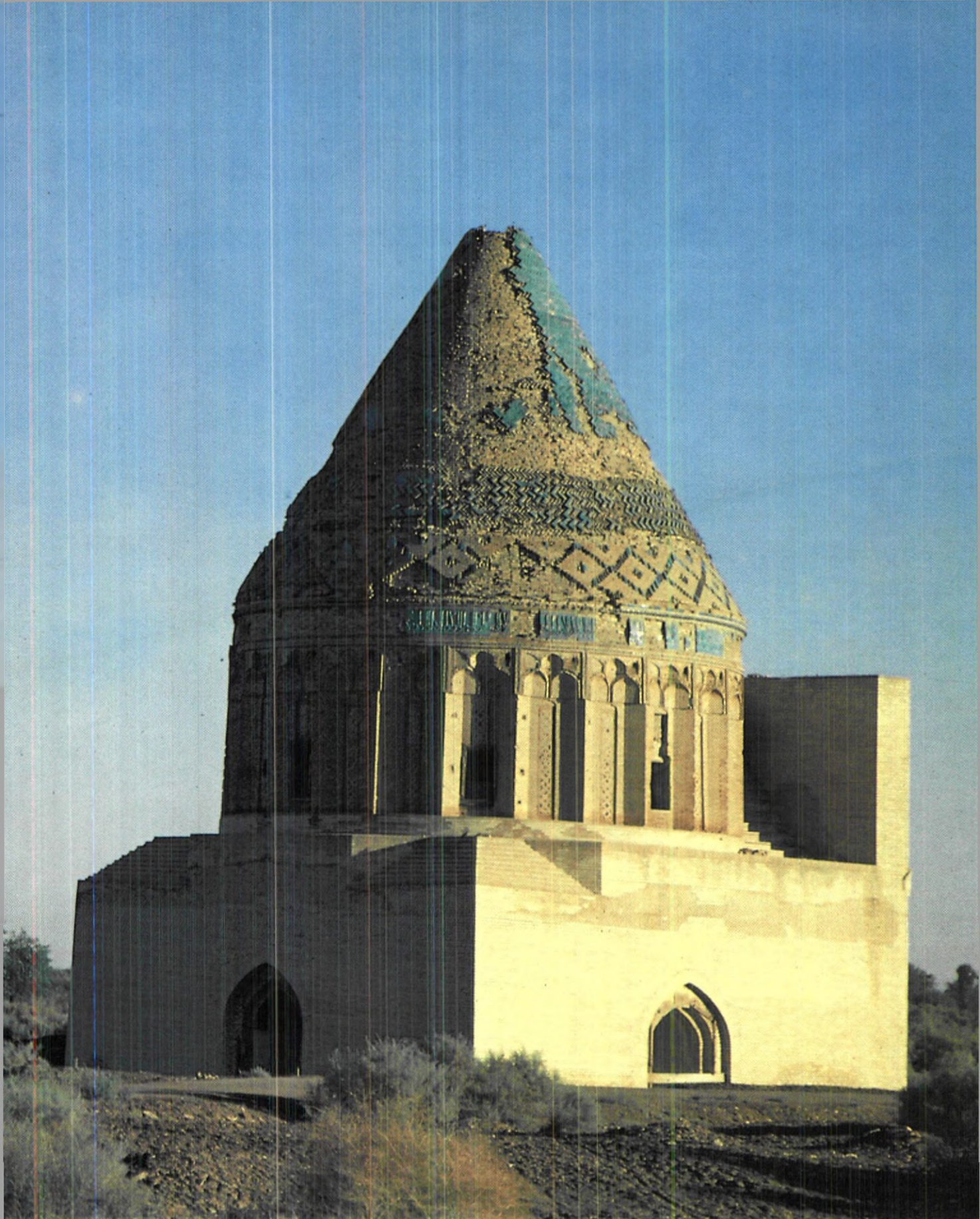
Кухна Ургенч. Султон Текеш макбараси. Тахминан 1200 йил. Олд томон. Кириш равофининг сталактитли гумбазли.
Kokhna Urgench. Sultan Tekesh Mausoleum. Main Facade. Stalactite Vault of Entrance Arch.
Куля Ургенч. Мавзолей Султана Текеша. Около 1200 г. Главный фасад. Сталактитовый свод входной арки.

Кўҳна Урганч. Султон Тақаш мақбараси. Тахминан 1200 йил. Олд томоннинг кўришларидан бири.
Kokhna Urgench. Sultan Tekesh Mausoleum. Facade. Fragment 12th c.
Кўня-Ургенч. Мавзолей Султана Текеша. Около 1200 г. Фрагмент фасада.

Кўхна Урганч. Қутлуғ Темур минараси. XIV аср.
Kokhna Urgench. Kutlugh Timur Minaret. 14th c.
Куния-Ургенч. Минарет Қутлуғ-Тимура. XIV в.

Кўхна Урганч. Султон Текеш мақбараси ва Қутлуғ Темур минараси.
Kokhna Urgench. Sultan Tekesh Mausoleum and Kutlugh Timur Minaret.
Кўхна-Ургенч. Мавзолей Султана Текеша и минарет Қутлуғ-Тимура.

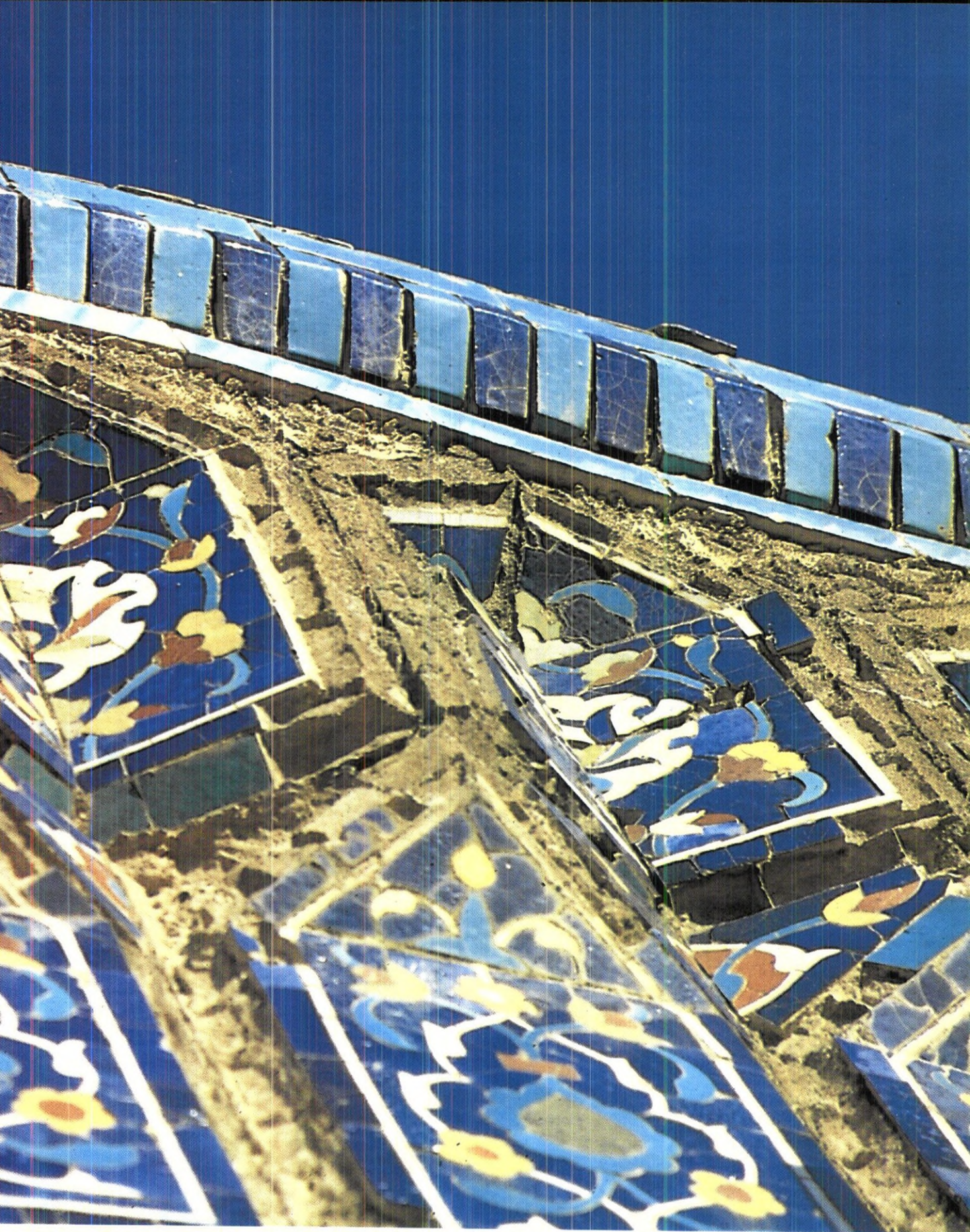
Кўхна Урганч. Кутлуг Темур минараси. XIV аср. Безакнинг бир қисми.
Kokhna Urgench. Kutlugh Timur Minaret. Decor Fragment. 14th c.
Куня-Ургенч. Минарет Кутлуг-Тимура. XIV в. Фрагмент декора.

Кўхна Урганч. Тўрабекхоним мақбараси. XIV аср.
Kokhna Urgench. Togabek-Khonim Mausoleum. 14th c.
Куня-Ургенч. Мавзолей Тюрбекханым. XIV в.

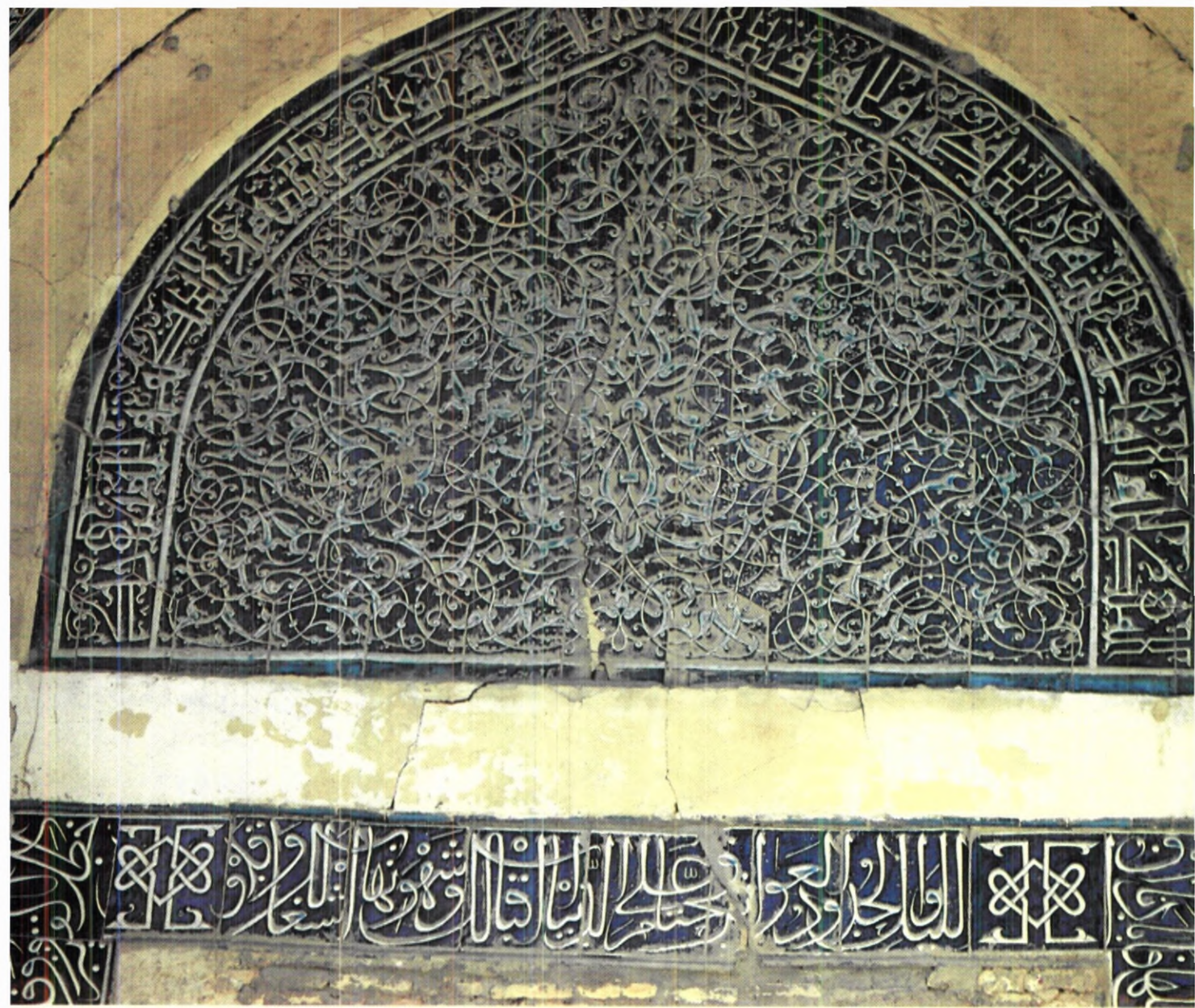

Кўхна Урганч. Тўрабекхоним мақбараси. XIV аср. Бедақнинг бир қисми.
Kokhna Urgench. Torabek-Khonim Mausoleum. Decor Fragment. 14th c.
Куния-Ургенч. Мавзолей Тўрабекхоним. XIV в. Фрагмент декора.

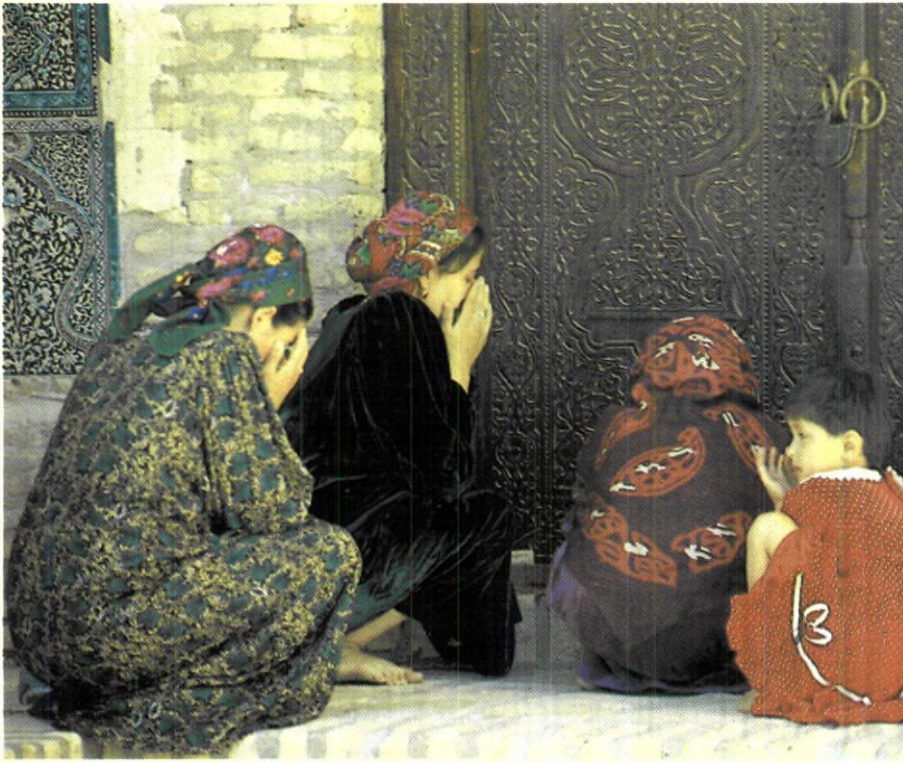

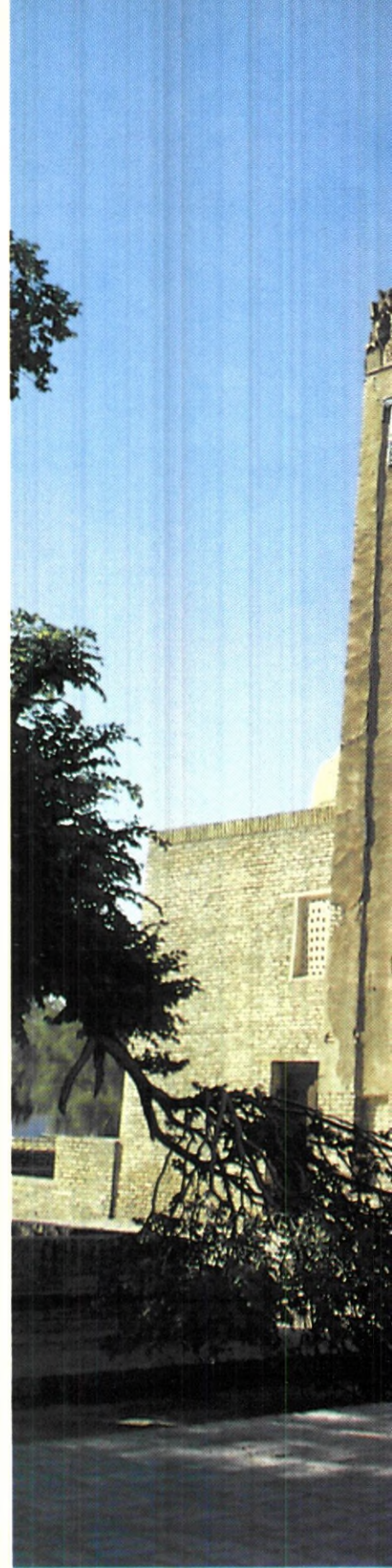
Кўҳна Урганч. Тўрабекхоним мақбараси. XIV аср. Безакнинг бир қисми.
Kokhna Urgench. Torabek-Khonim Mausoleum. Decor Fragment. 14th c.
Куния-Ургенч. Мавзолей Тўрабек-ханым. XIV в. Фрагмент декора.

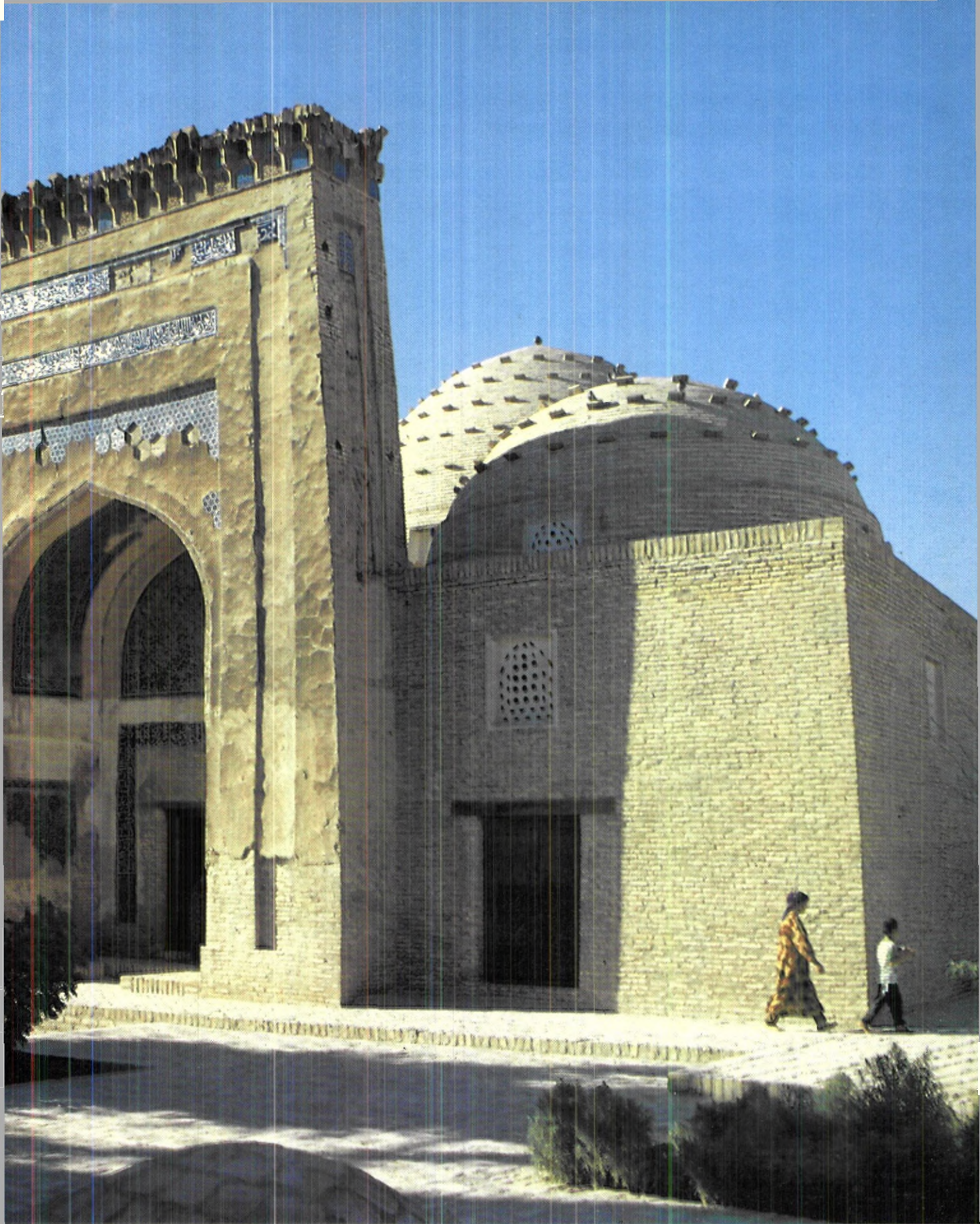

Кўхна Урганч. Нажмиддин Кубро мақбараси. XIII – XIV асрлар. Безакнинг бир қисми.
Kokhna Urgench. Naʼmidin Kubro Mausoleum. Decor Fragment. 13th – 14th c.
Куя Урганч. Мавзолей Наджмиддина Кубро. XIII – XIV вв. Фрагмент декора.

Кўхна Урганч. Нажмидин Қубро қабрини зиёрат қилиш.
Kokha Urgench. Ziyarat (Commemoration) of Saint Najmiddin Kubro.
Купя-Ургенч. Зиарат могили Наджмиддина Қубро.

Кўхна Урганч. Нажмиддин Кубро мақбараси. XIII – XIV асрлар.
Kokhna Urgench. Ziyarat of Najmiddin Kubro Grave.
Куя-Ургенч. Мавзолей Наджмиддина Кубро. XIII – XIV вв.

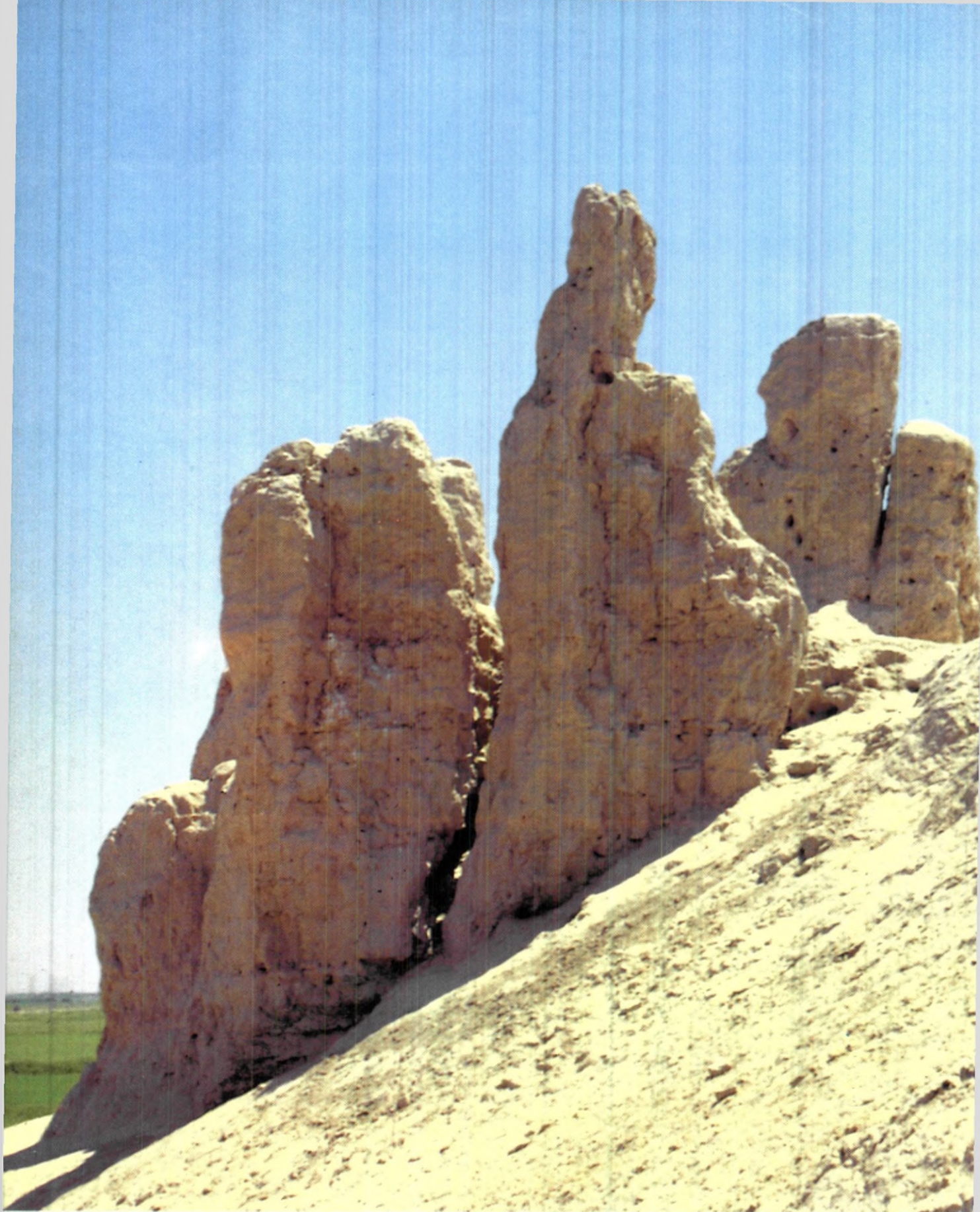
Кўхна Ургенч. «Кўш» услубида жойлашган Ҳажмиддин Кубро ва Султон Али макбаралари. XIII – XIV асрлар.

Kokhna Urgench. Ensemble of Opposite Mausoleums: Najmiddin Kubro and Sultan Ali.

Куя-Ургенч. Ансамбль из противоположащих мавзолеев Ҳажмиддина Кубро и Султана Али. XIII – XIV вв.

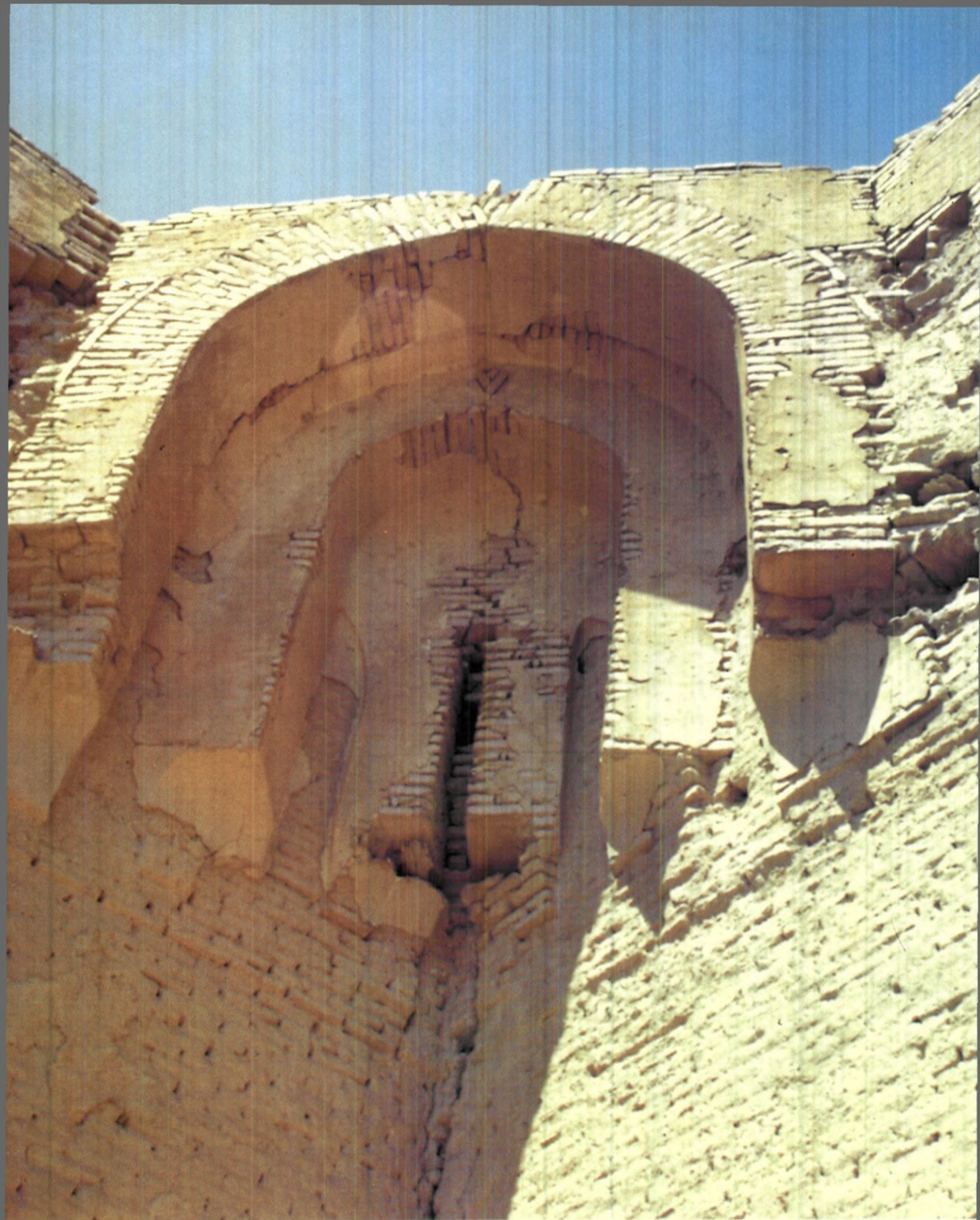
Кўхна Урганч. Султон Али мақбараси.
Kokhna Urgench. Sultan-Ali Mausoleum.
Куня-Ургенч. Мавзолей Султан-Али.

Миздахкан қадимги шаҳар харобаси. Гавр қалъа вайроналари.
Site of Ancient Town Mirdakhkan. Ruins of Gyaan-kala.
Городище Миздахкан. Руины Гяур-калы.

Мирдахкан қадимги шаҳар харобаси. Гявр калъа вайроналари.
Site of Ancient Town Mirdakhkan. Ruins of Gyar-kala.
Городище Мирдахкан. Руины Гяур-калы.

Миздахкон қадимги шаҳар харобаси. Халифа Ражаб мақбараси. Тахминан XI, XIII–XIV асрлар. Бағаллар тузилмаси.
Site of Ancient Town Mizdakhkan. Khalif Rajab Mausoleum. Design of Sails.
Городище Миздахкан. Мавзолей Халифа Раджаба. Конструкция парусов. Приблизительно XI, XIII–XIV вв.

Миздахкан қадимги шаҳар харобаси. Халифа Ражаб мақбараси вайоналари. Тахминан XI, XIII – XIV асрлар.

Site of Ancient Town Mizdahkan. Ruins of Khalif Rajab Mausoleum.

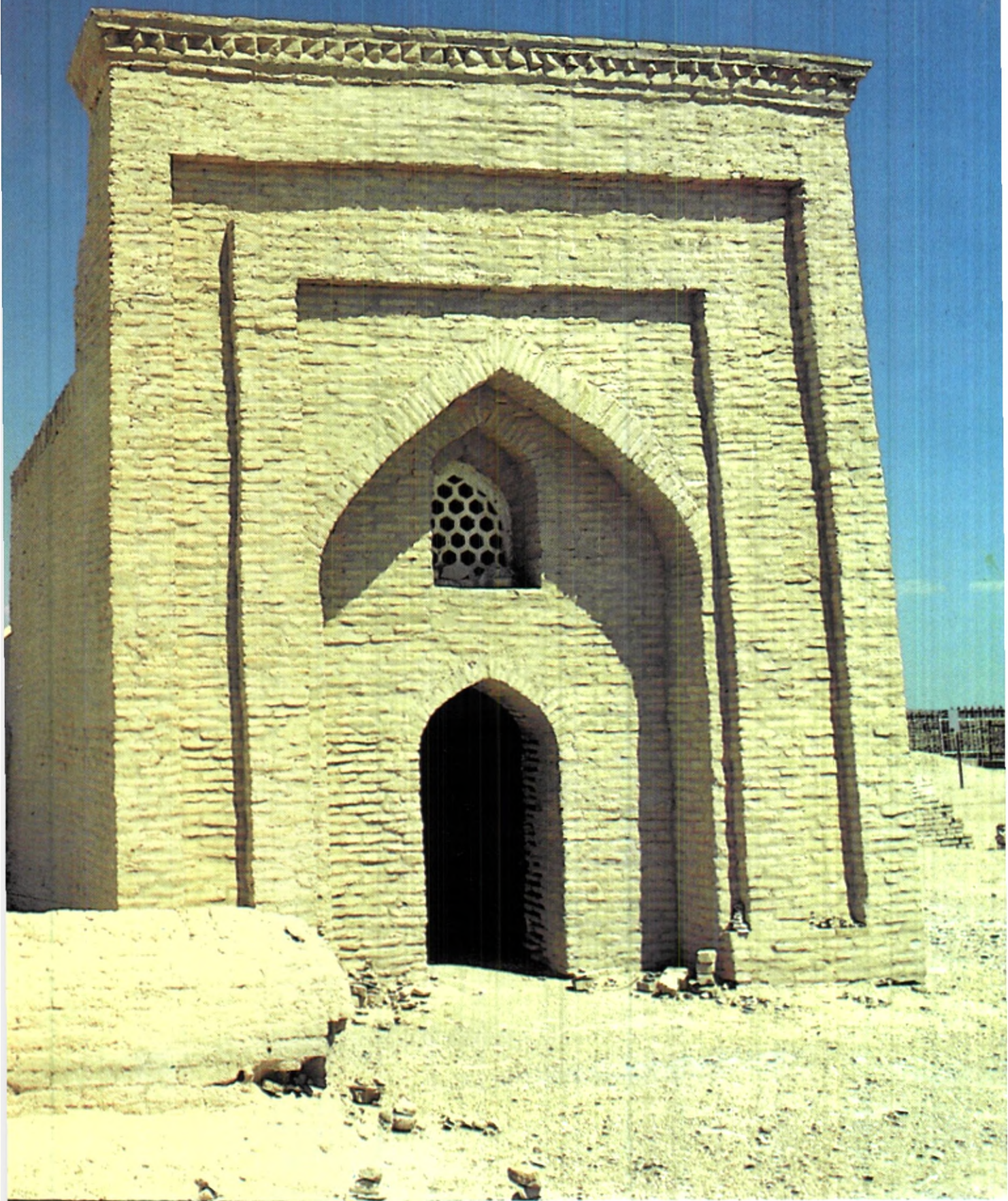
Городище Миздахкан. Руины мавзолея Халифа Раджаба. Приблизительно XI, XIII – XIV вв.

Мирдахкан қадимги шаҳар харобаси. Орқадга Халифа Ражаб макбараси.
Site of Ancient Town Mirdakhkan. At the Background Khalif Rajab Mausoleum.
Городище Мирдахкан. На дальнем плане мавзолей Халифа Раджаба.

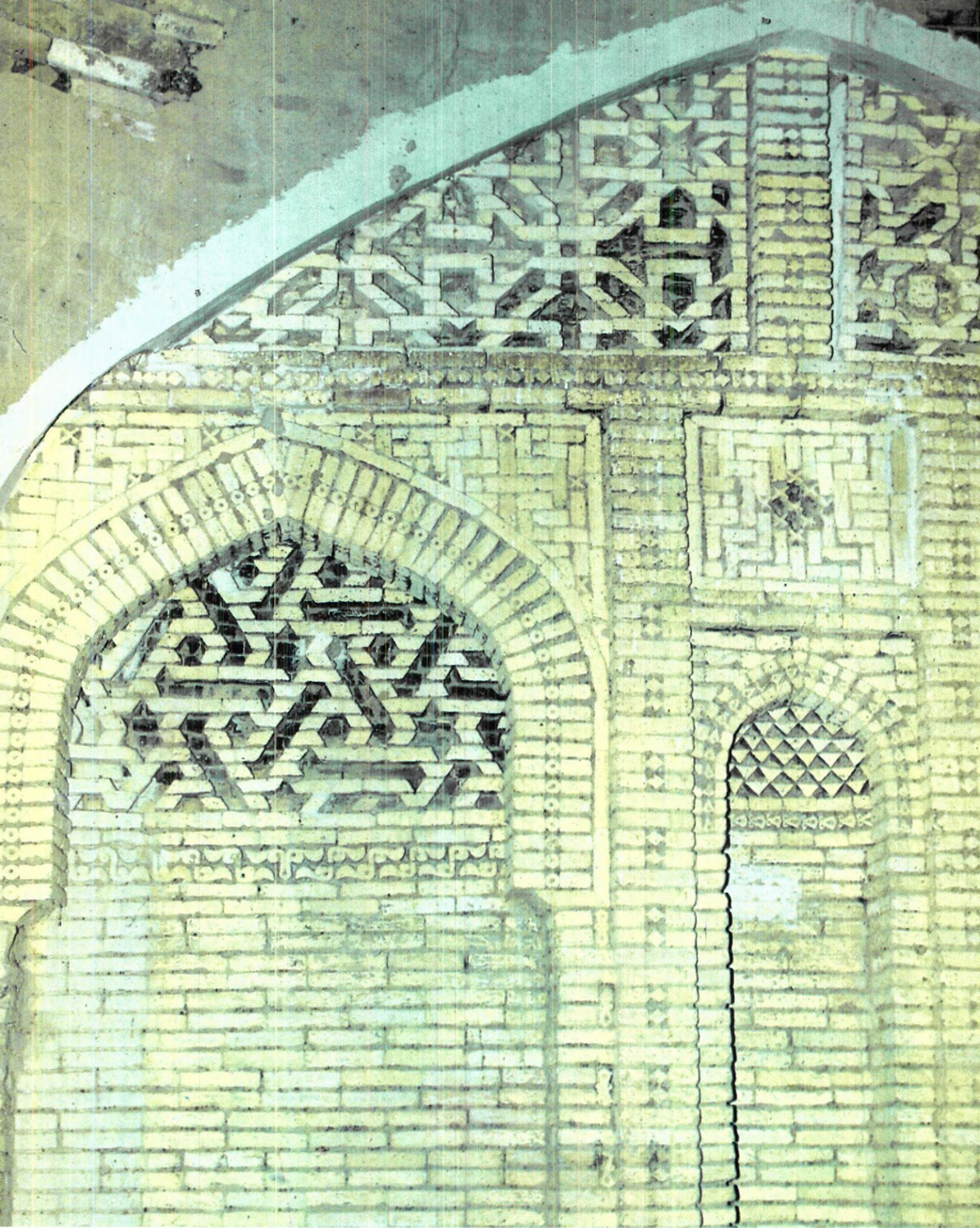

Миздахкон қадимги шаҳар харобаси. Шамун Набий мақбараси.
Site of Ancient Town Mizdashkan. Shamun Nabi Mausoleum.
Городище Миздахкан. Мавзолей Шамуна Наби.

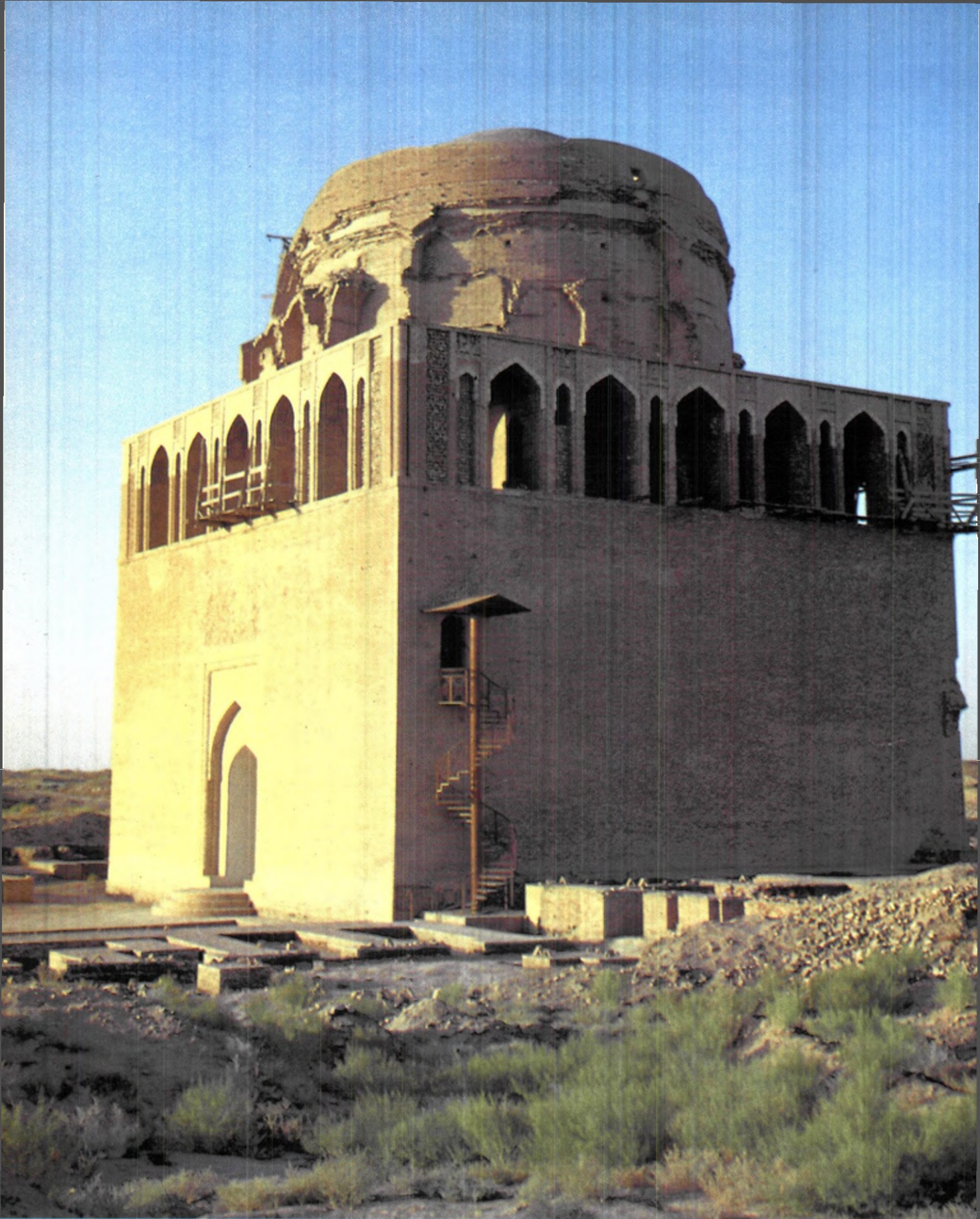

Миздахкан қадимги шаҳар харобаси. Маълумхон Сулув мақбараси. XIII аср охири — XIV асрнинг 1-чораги. Кириш қисми. Таъмирлашдан кейин.
Site of Ancient Town Mizdakhkan. Mazlumkhan-Sulu. End of 13th and Beginning of the 14th centuries. Entrance after Restoration.

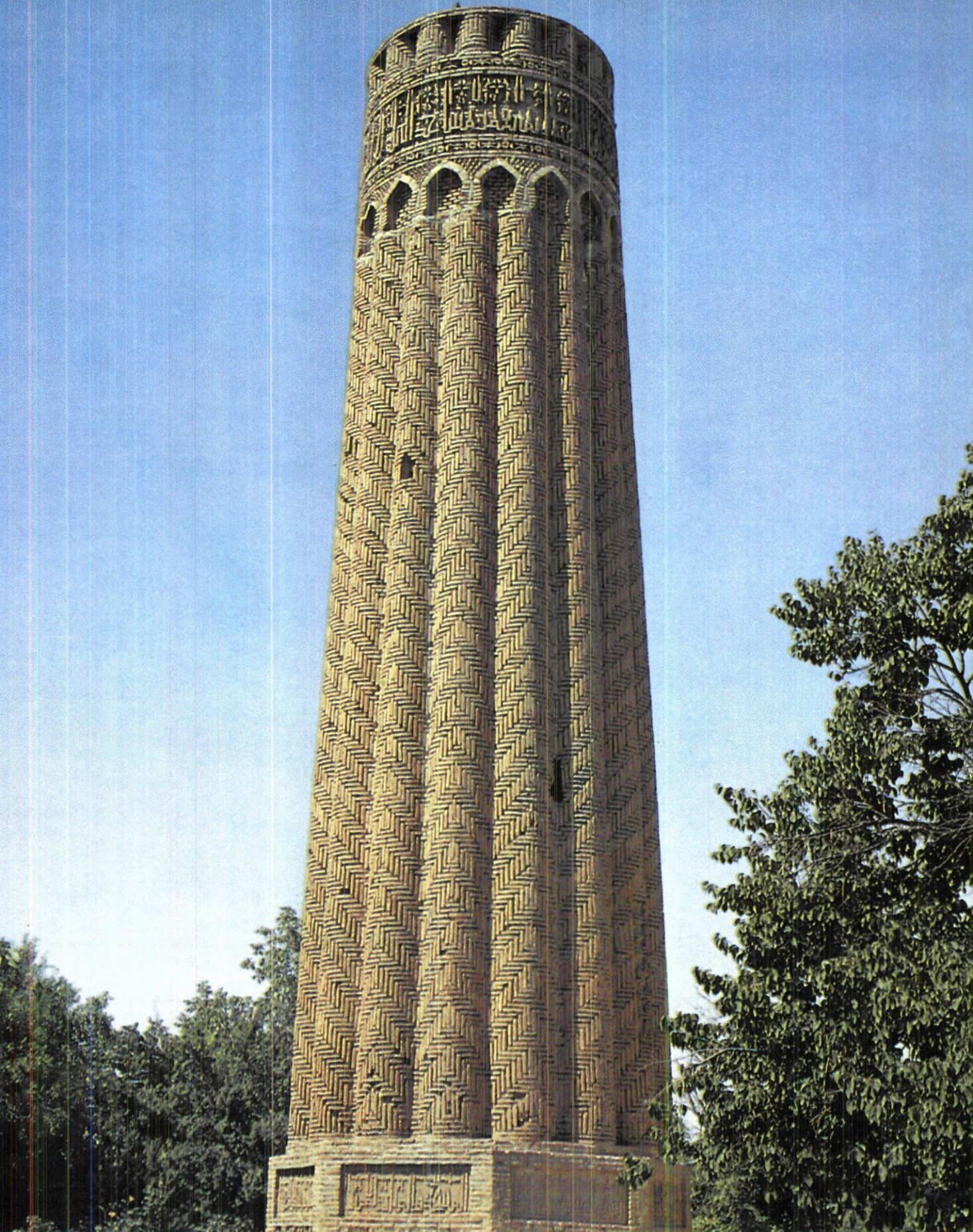
Городище Миздахкан, мавзолей Маълумхан-Сулу. Конец XIII — первая треть XIV в. Входная часть после реставрации.

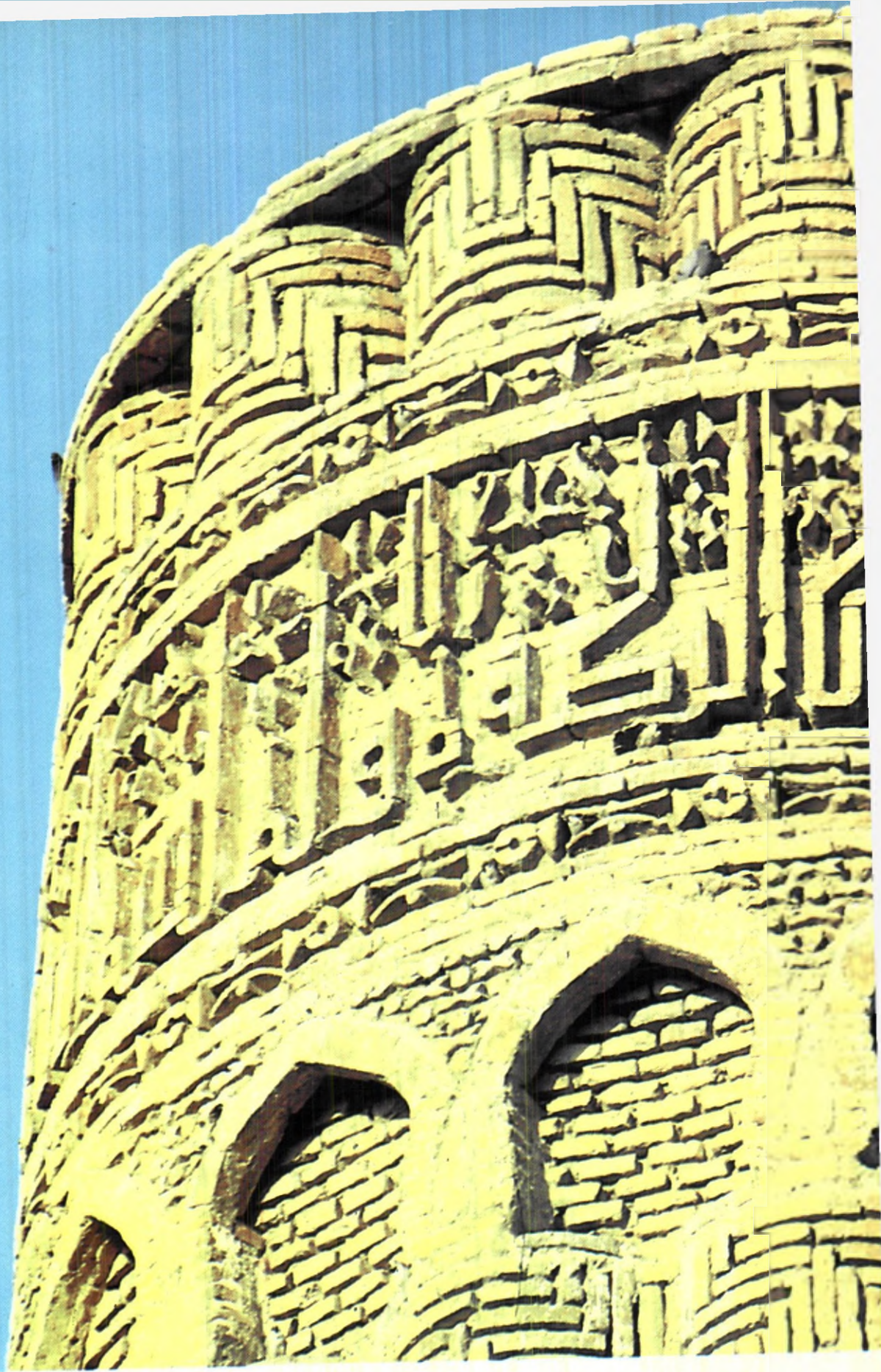
Марв. Мухаммад ибн Зайд мақбараси. XII аср боши. Қопламадан бир парча.
Marv. Mukhammed ibn Zeid Mausoleum. Fragment of Facing. Early 12th c.
Мерв. Мавзолей Мухаммада ибн Зайда. Начало XII в. Фрагмент облицовки.

Марв. Султон Санжар мақбараси. XII аср.
Mary. Sultan Sanjar Mausoleum. 12th c.
Мерв. Мавзолей Султана Санджара. XII в.

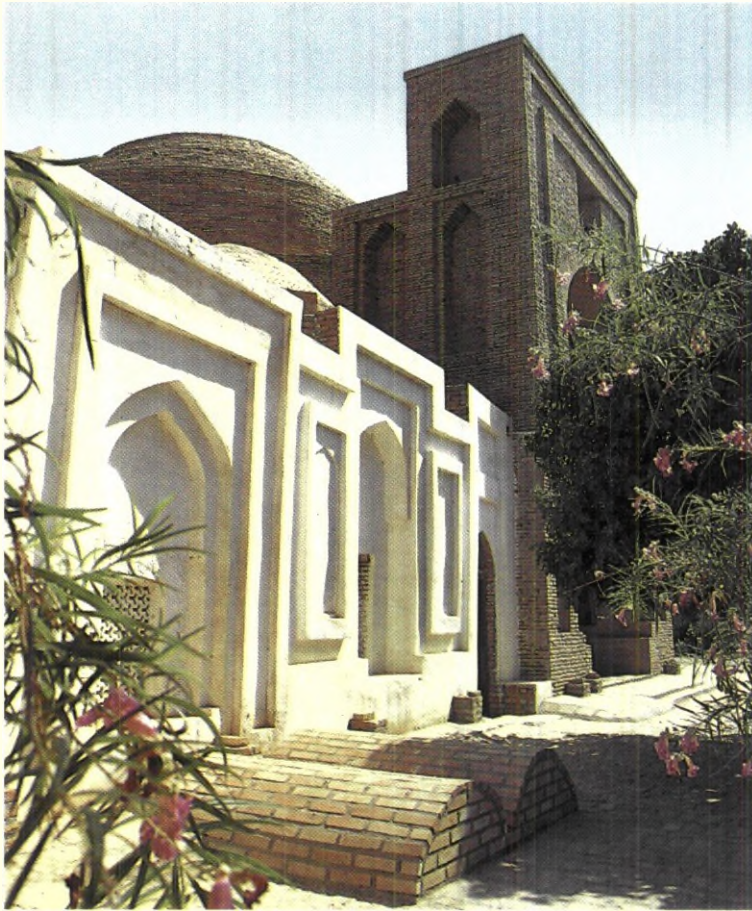

Жаркўрган. Минара. XII аср.
Jarkurgan. Minaret. 12th c.
Джаркүрган. Минарет. XII в.

Жаркўрган. Минора безагишинг бир қисми. XII аср.
Jarkurgan. Minaret Decor Fragment. 12th c.
Джаркўрган. Фрагмент декора минарета. XII в.

Термиз. Ҳақим ат-Термизий мажмуи. X – XV асрлар. Олдига мажмуанинг илк иншоотлари.
Termez. Khakim-at-Termiziy Ensemble. In Front the Initial Parts of the Ensemble. 10th – 15th centuries.
Термез. Комплексе Ҳақим ат-Термези. X – XV вв. На первом плане ранние постройки комплекса.

Термиз. Султон Саодат мажмуи. Мақбаралар. XII аср.
Termez. Sultan-Saodat Ensemble. Mausoleum. 12th c.
Термиз. Комплекс Султан Саодат. Мавзолеи. XII в.

Термиз. Хаким ат-Термизий мажмуи. Масжид биносидаги ёзувлар. XII аср.
Termez. Khakim-at-Termiziy Ensemble. Epigraphics of the Praying Mosque. 12th c.
Термез. Комплекс Хаким ат-Термези. Эпиграфика в поминальной мечети. XII в.

Термиз. Султон Саодат мажмуи. Мақбара олд томонидаги безакнинг бир қисми, XII аср.
Termez, Sultan-Saodat Ensemble. Facade Decor Fragment of the Mausoleum. 12th c.
Термеа. Комплекса Султан-Саодат. Фрагмент декора на фасаде мавзолея. XII в.

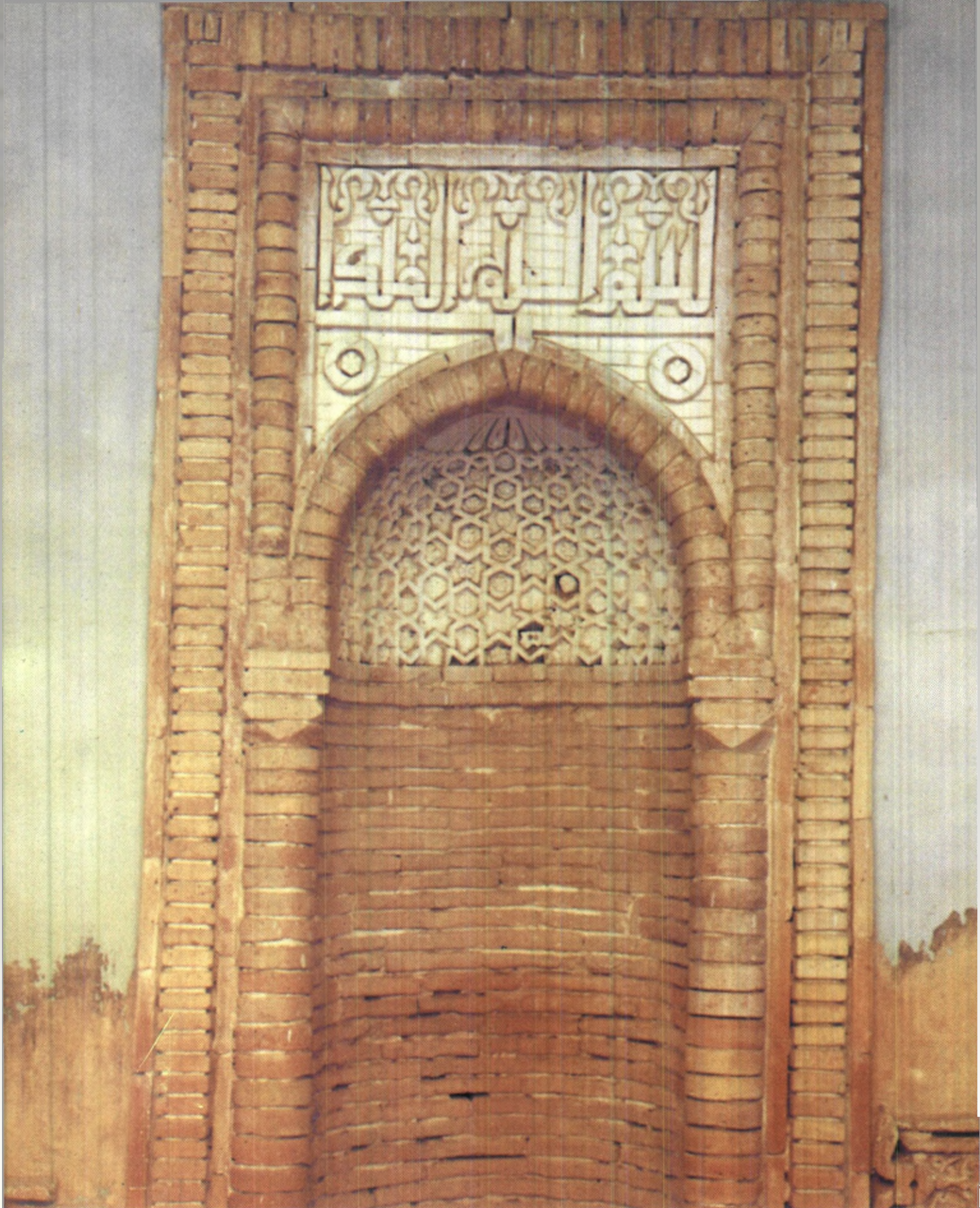

Термиз. Орол — Паighamбар ороли. Зул-Кифл мақбараси. XI—XII асрлар. Банид қолдиқлари.
Termez. Aral-Paighambar Island. Zul-Kifl Mausoleum. 11th—12th c.
Термез. Остров Арал-Паighamбар. Мавзолей Зул-Кифль. XI—XII вв. Остатки паруса.

Термиз. Орол – Пайгамбар ороли. Зул-Кифл макбараси. XI–XII асрлар.
Termez. Aral-Paighambar Island. Zul-Kifl Mausoleum. 11th – 12th c.
Термиз. Остров Арал-Пайгамбар. Мавзолей Зуль-Кифль. XI–XII вв.

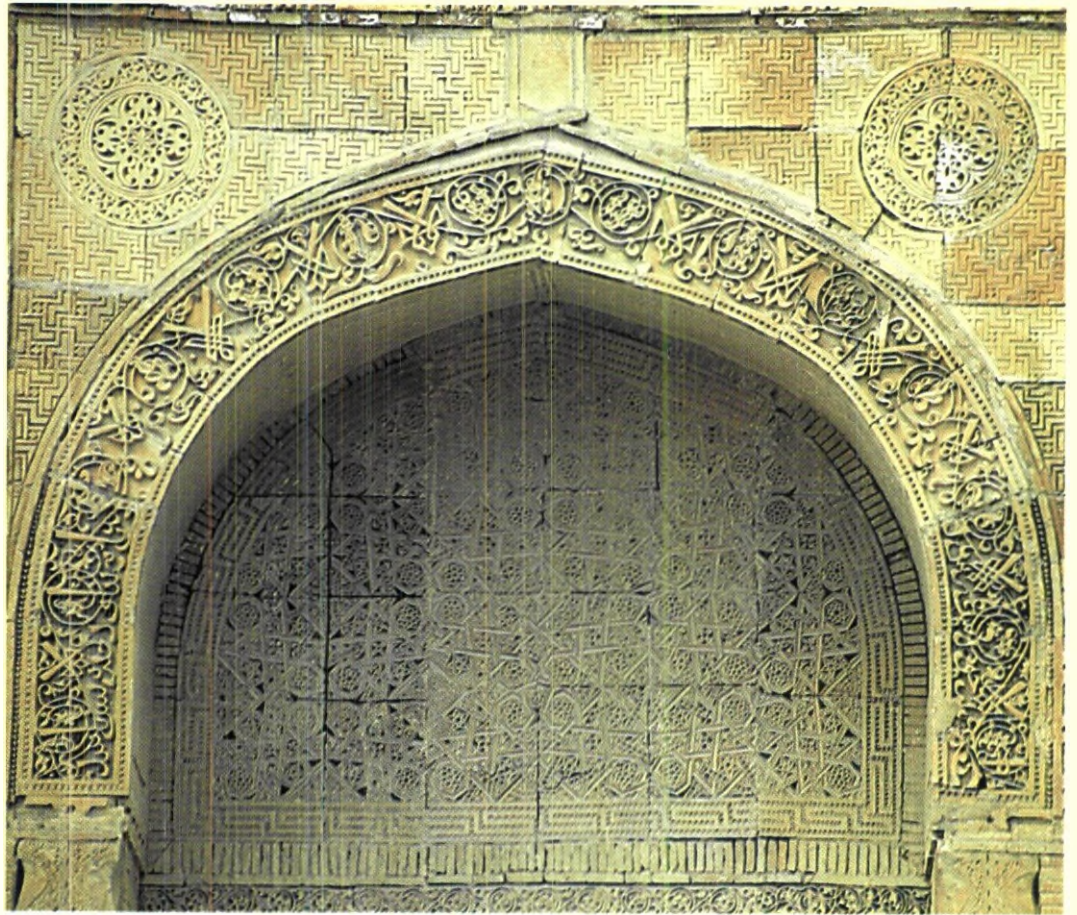
Термиз. Ҳақим ат-Термизий мажмуи. Масжид меҳроби — зиёратхона. XII аср.
Termez. Khakim at-Termiziy Ensemble. Mihrab of Ziyaratkhana. Mosque. 12th c.
Термез. Комплексе Ҳақим ат-Термези. Миҳраб мечети-зиарат. XII в.

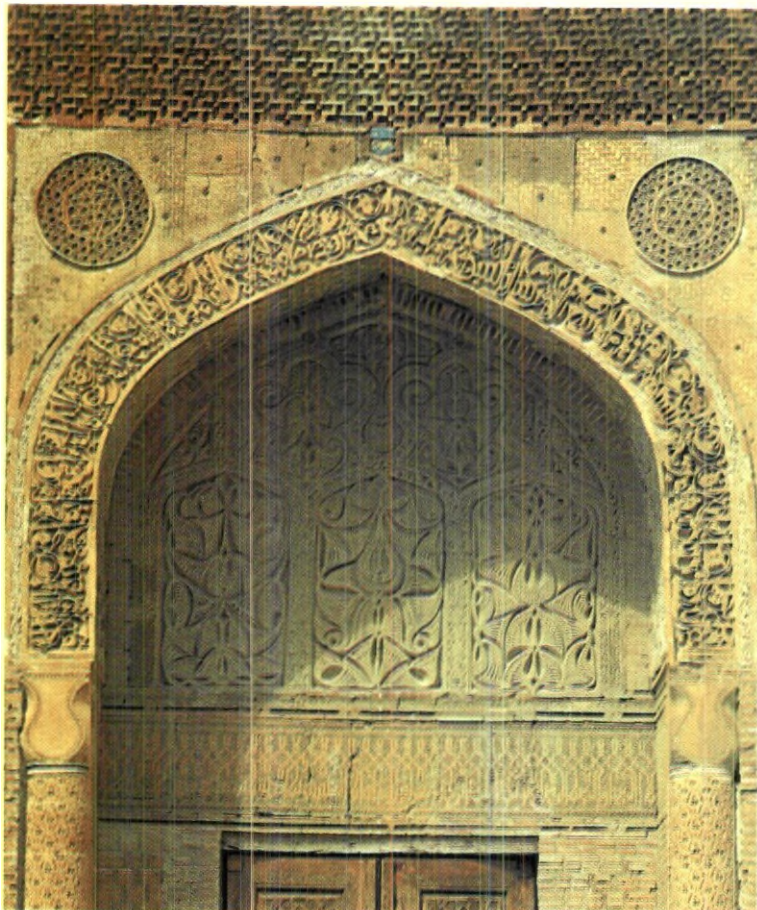
Ўзган. Қорахонийлар мақбаралари. Шимолий мақбара. 1153 йил. Олд томон муқолишидаги устун.
Uzghen. Karakhanid Mausoleum. Northern Mausoleum. Corner Column of the Main Facade. 1153.
Узген. Мавзолеи Караханидов. Северный мавзолей. 1153 г. Угловая колонна на главном фасаде.

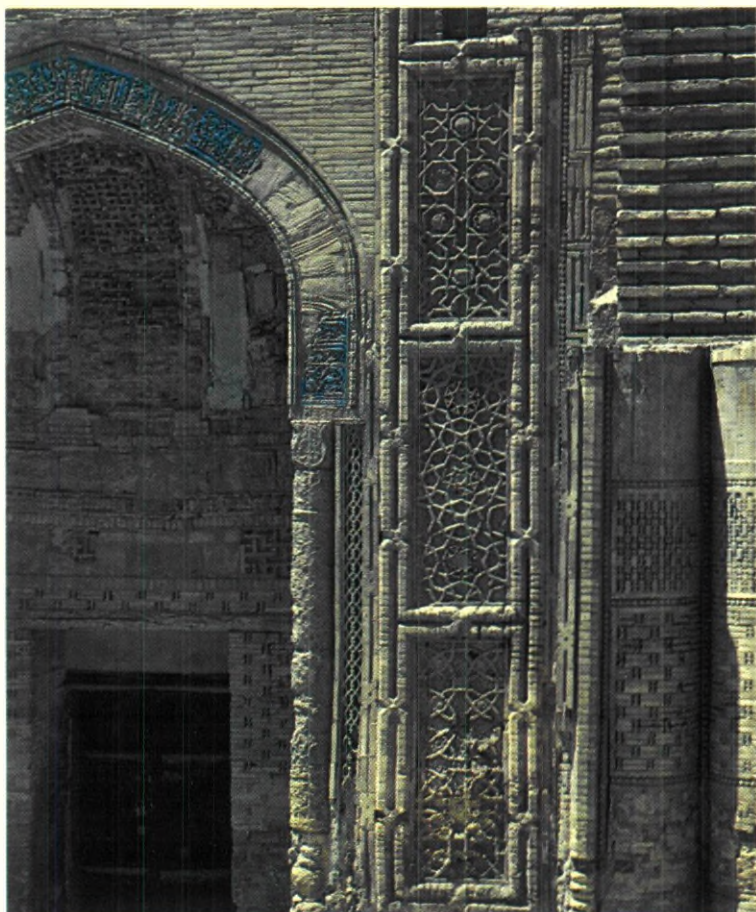
Ўзган. Қорахонийлар мақбаралари. Жанубий мақбара пештокидаги безакнинг бир қисми. XII аср.
Uzghen. Karakhanid Mausoleum. South Mausoleum Portal Decor Fragment. 12th c.
Узген. Мавзолеи Қараханидов. Фрагмент декора портали южного мавзолея. XII в.

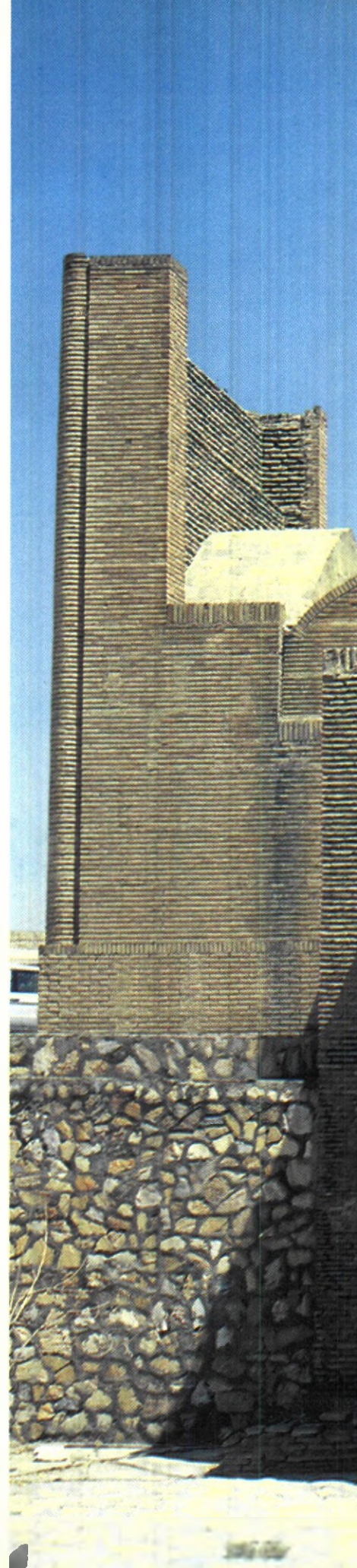
Ўзган. Қорахонийлар макбаралари. Жанубий макбара. XII аср. Олд томоннинг бир қисми.
 Uzghen. Karakhanid Mausoleum. Southern Mausoleum. Main Facade Fragment. 12th c.
 Узген. Мавзолей Караханидов. Южный мавзолей. XII в. Фрагмент главного фасада.

Ўзган. Қорахонийлар макбаралари. Шимолий макбара пештоқидаги безаклиги бир қисми. XII аср.
 Uzghen. Fragment of the Portal Decor of Northern Karakhanid Mausoleum. 12th c.
 Узген. Фрагмент декора портала северного мавзолея Караханидов. XII в.

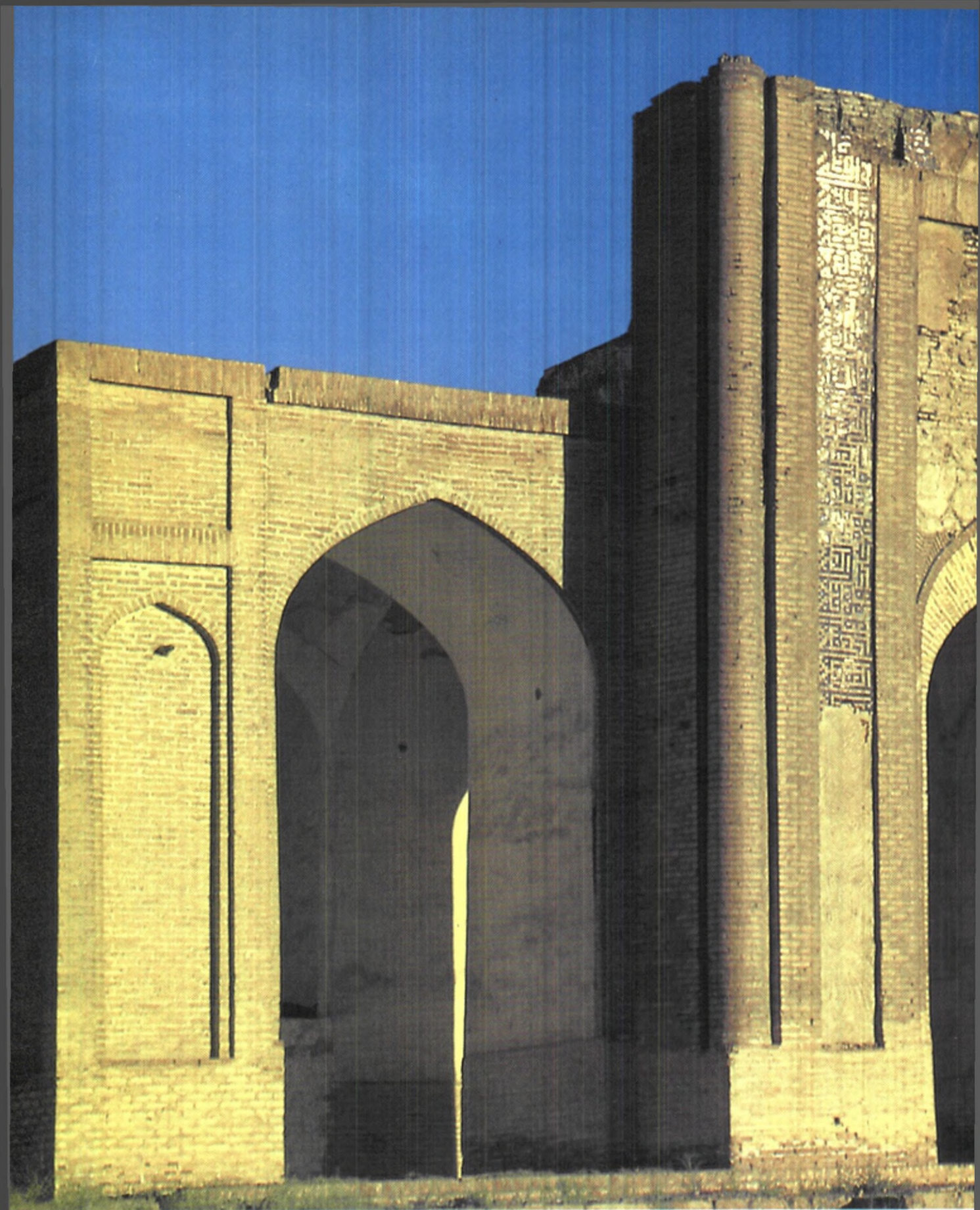

Бухоро. Магоки Аттори масжиди. Жанубий пештоқнинг бир қисми. XII аср.
Bukhara. Magoki Attori Mosque. Southern Portal Fragment. 12th c.
Бухара. Мечеть Магоки Аттори. Фрагмент южного портала. XII в.

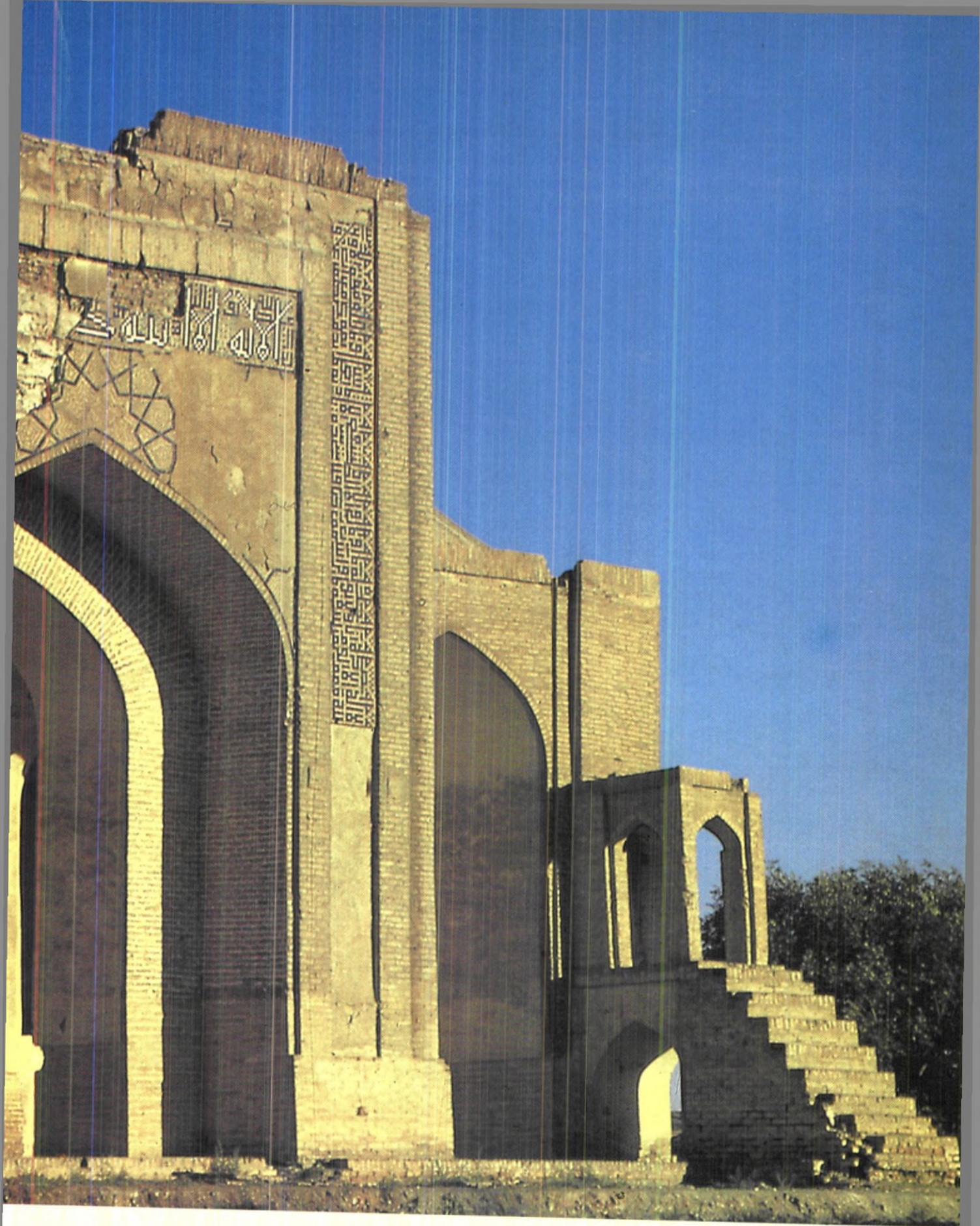

Бухоро. Магоки Аттори масжиди. Пештоқ. XII аср.
Bukhara. Magoki Attori Mosque. Portal. 12th c.
Бухара. Мечеть Магоки Аттори. Портал. XII в.

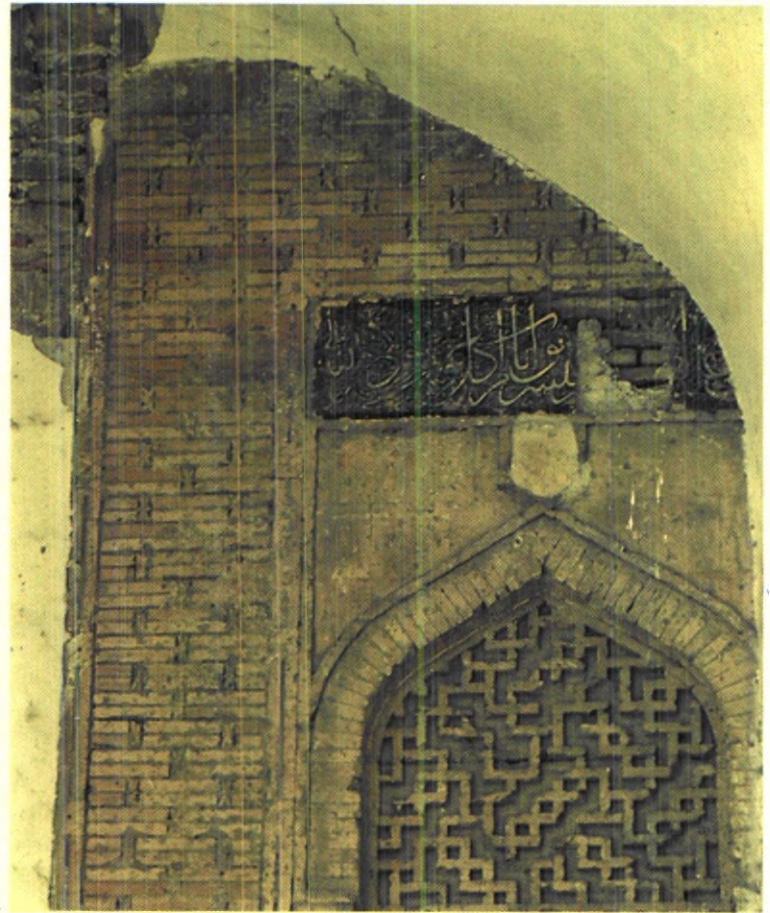

Бухоро. Намозгоҳ масҷиди. XII, XV, XVI асрлар. Олд томондан кўриниши.
Bukhara. Namazgoh Mosque. 12th, 15th, 16th centuries. The Main Facade.
Бухара. Мечеть Намазгах. XII, XV, XVI вв. Главный фасад.

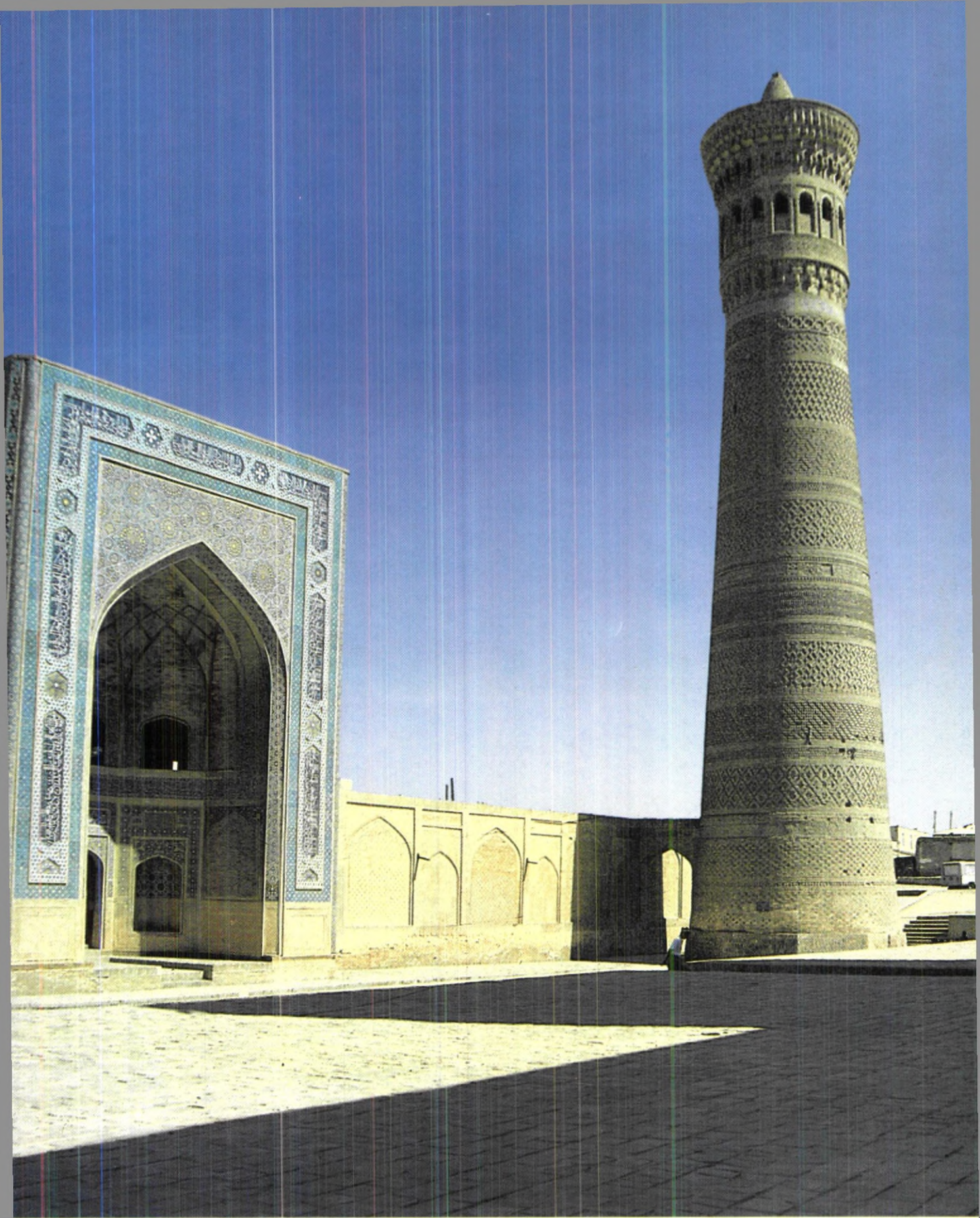
Бухоро. Намозгоҳ масжиди. XII, XV, XVI асрлар. Белакнинг бир қисми.
Bukhara. Namazgoh Mosque. Decor. Fragment 12th, 15th and 16th centuries.
Бухара. Мечеть Намазгоҳ. XII, XV, XVI вв. Фрагмент декора.

Бухоро. Намозгоҳ масжиди. Ғарбий девор безағининг бир қисми.
Bukhara. Namazgokh Mosque. Western Wall's Decor. Fragment
Бухара. Мечеть Намазгах. Фрагмент декора западной стены.

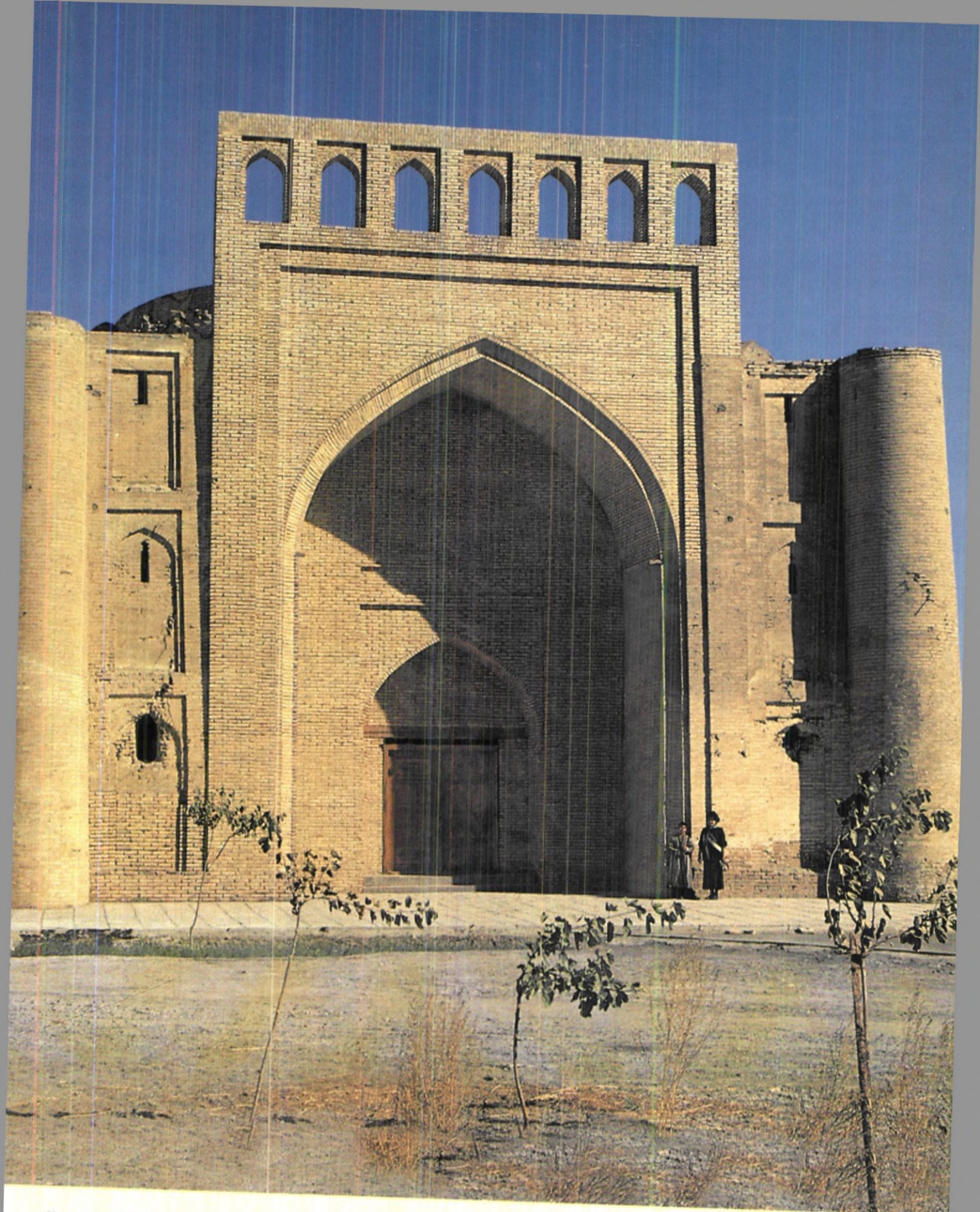
Бухоро. Минароти Калъон. 1127 йил.
Bukhara. Kalyan Minaret (Tower). 1127.
Бухара. Минарет Калъон. 1127 г.

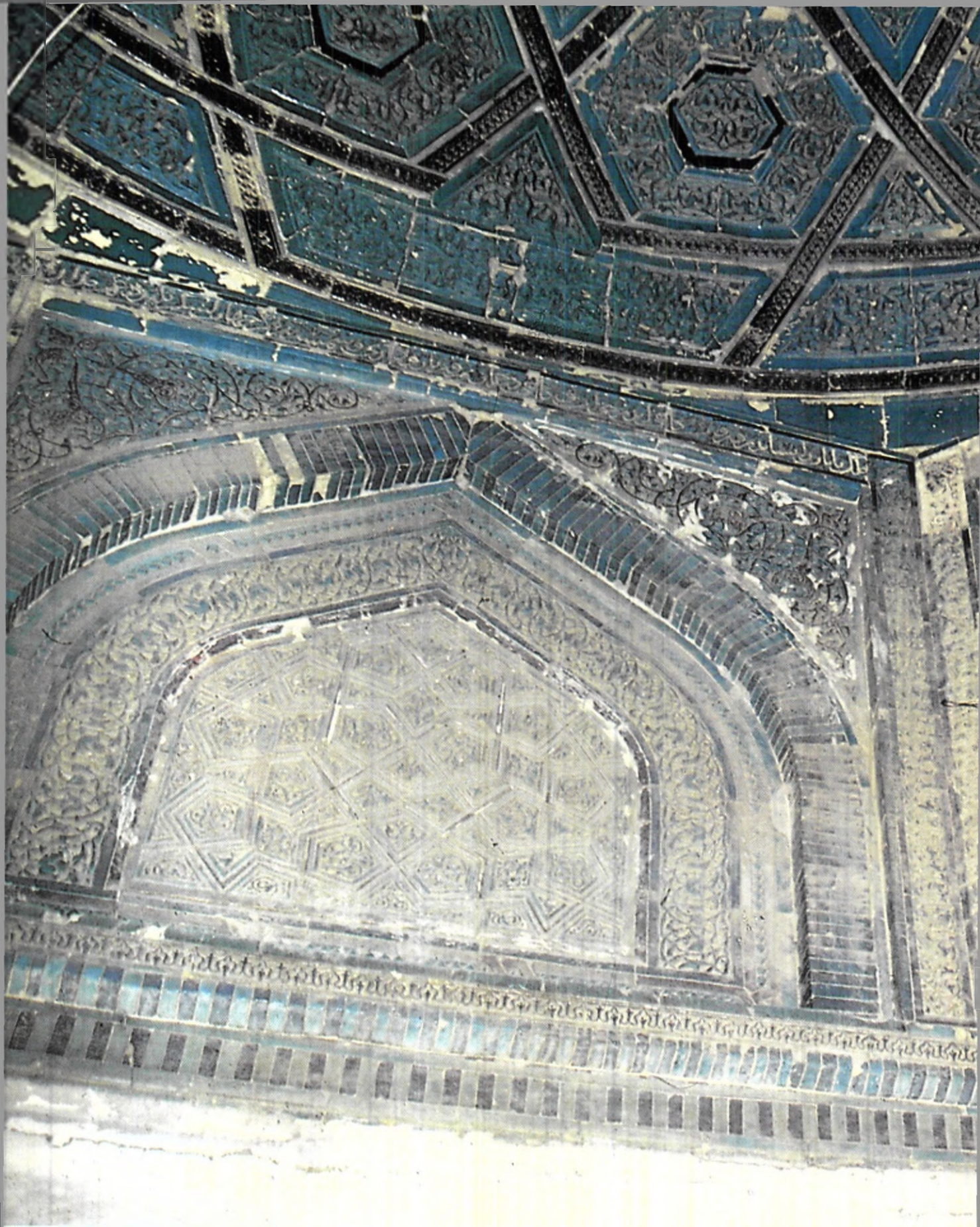
Бухоро. Минораи Калон. 1127 йил. Калон масжиди осма кўприги орқали минорага кириш.
Bukhara. Kalyan Minaret. Entrance to the Minaret via Foot-bridge of Kalyan Minaret. 1127.
Бухара. Минарет Калян. 1127 г. Вход в минарет, устроенный по перекидному мосту мечети
Калян.

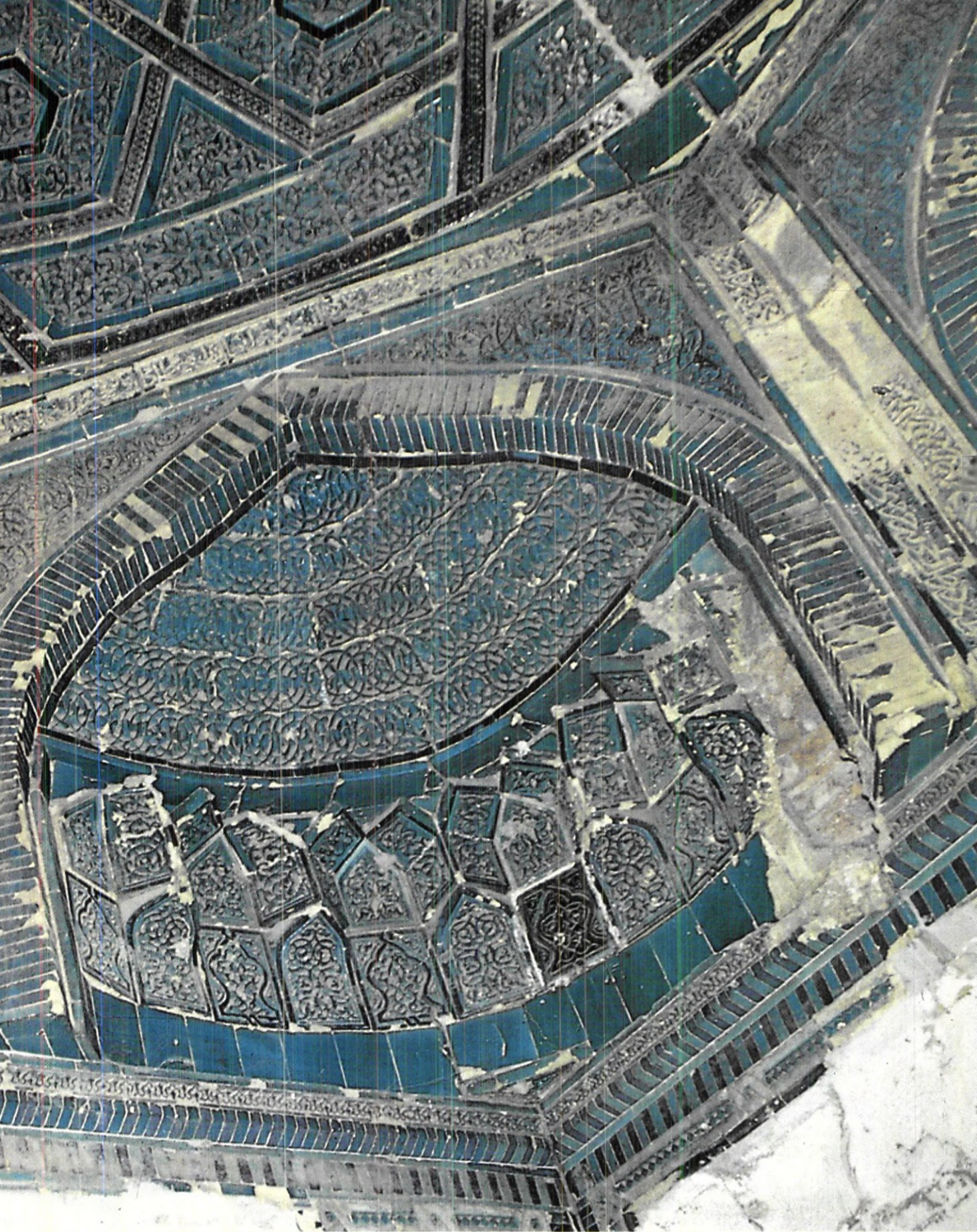
Бухоро. Байанкулихон мақбараси. XIV аср. Кириш пештоқининг бир қисми.
Bukhara. Bayankulikhan Mausoleum. Entrance Portal Fragment. 14th c.
Бухара. Мавзолей Баянкулихана. XIV в. Фрагмент входного портала.

Бухоро. Ибн Батута 1333 йилда ташриф буюрган "зовия" ўрнида XIV аср охири – XV асрда барпо этилган Сайфиддин Бохарзий макбара-хонақоси.
Bukhara. Saif-ad-Din Bokharziy Khonaqa-Mausoleum, Built at the End of the 14th – 15th centuries on the Sacred Place "zaviya" Visited by Ibn-Batuta in 1333.
Бухара. Мавзолей-хонақо Сайфиддина Бохарзи, возведенный в конце XIV – XV вв. на месте "завии" посещенной Ибн Батутой в 1333 г.

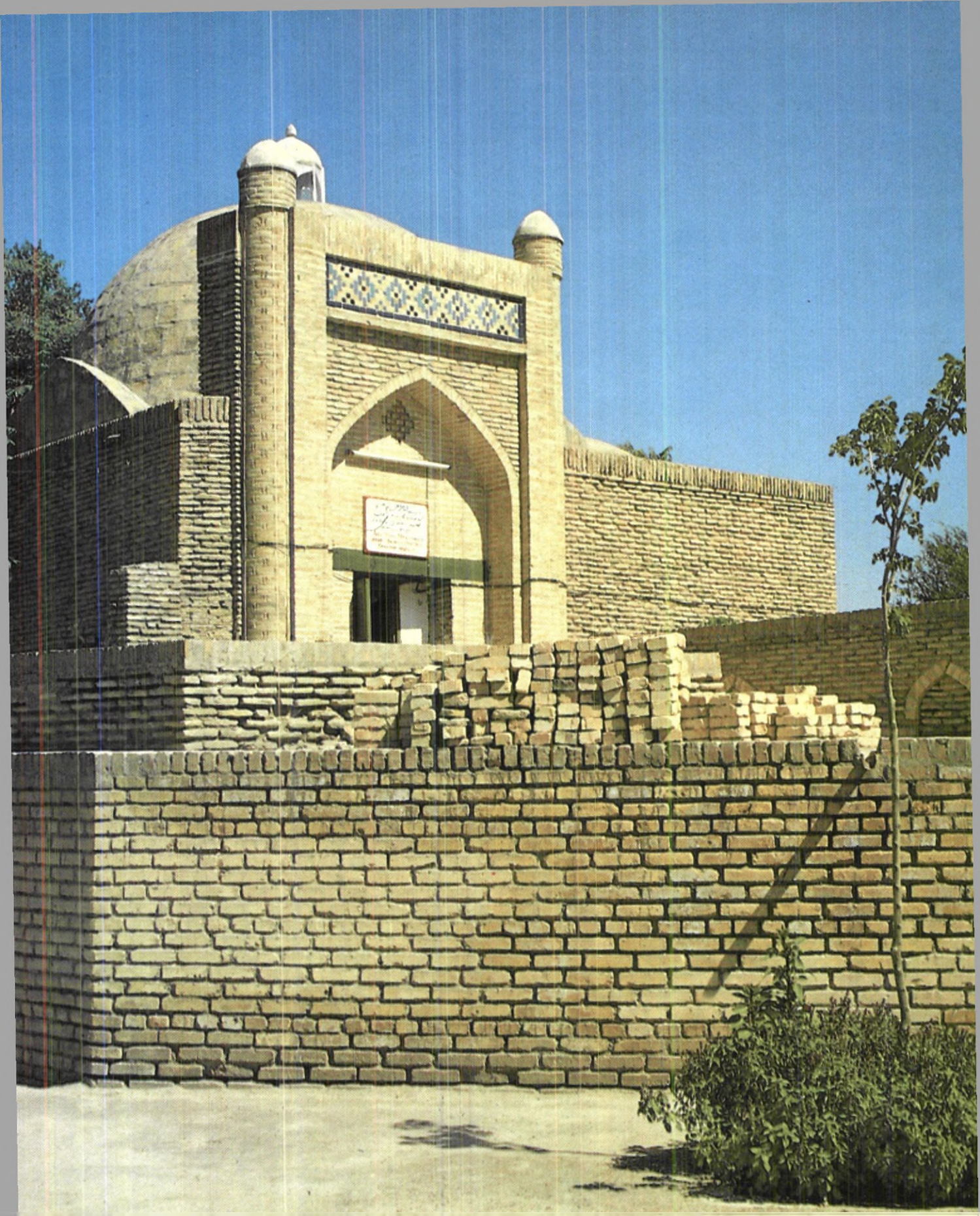

Бухоро. Байнқулихов мақбараси. XIV аср. Ичкаридаги безаквиит бир қисми.
Bukhara. Bayankulikhan Mausoleum. Interior Decor Fragment. 14th c.
Бухара. Мавзолей Баянқулихана. XIV в. Фрагмент декора интерьера.

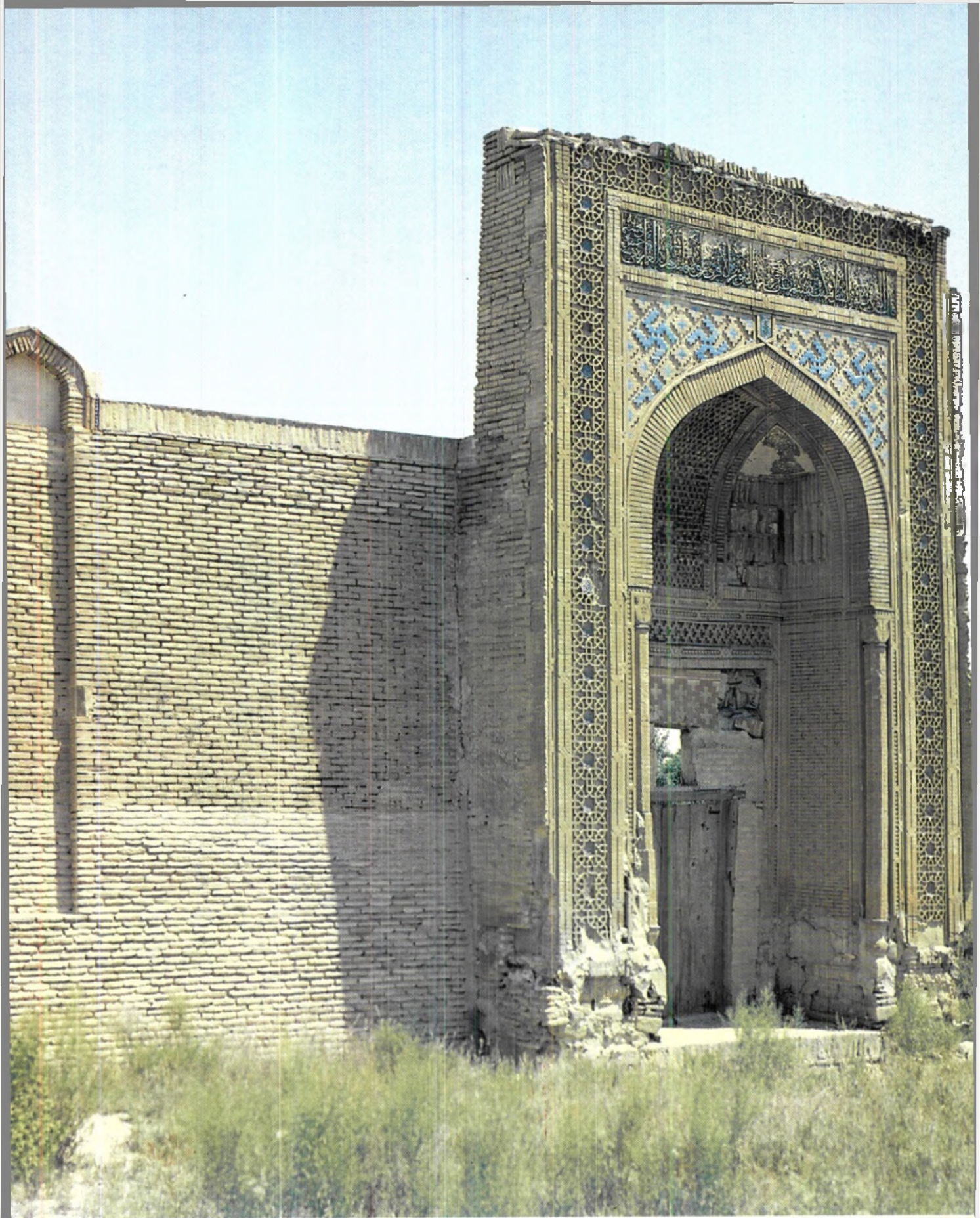
Бухоро. Авлиё Бобойи Порадӯз қабрини зиёрат қилиш.
Bukhara. Ziyarat (Commemoration) of Saint Boboyi Paraduz Grave.
Бухара. Зиёрат в мавзолею святого Бобойи Порадӯз.

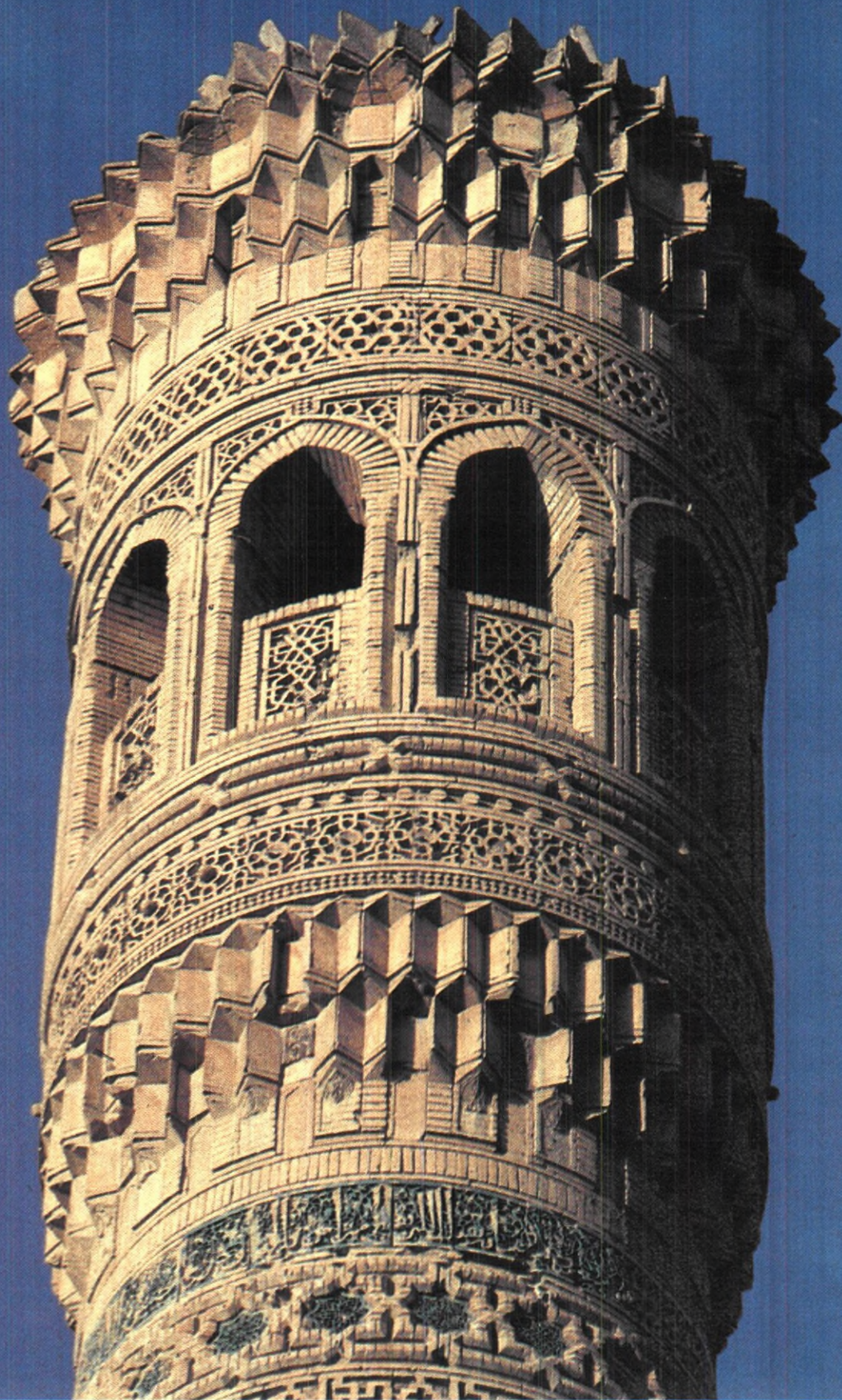
Бухоро. Бобои Парадўз макбараси. XIV аср. Олд томонишгъ тьмирлашдан кейинги кўриниши.
Bukhara. Boboy Paraduz Mausoleum. Main Facade after Reconstruction. 14th c.
Бухара. Мавзолей Бобов Парадуз. XIV в. Главный фасад после восстановления.

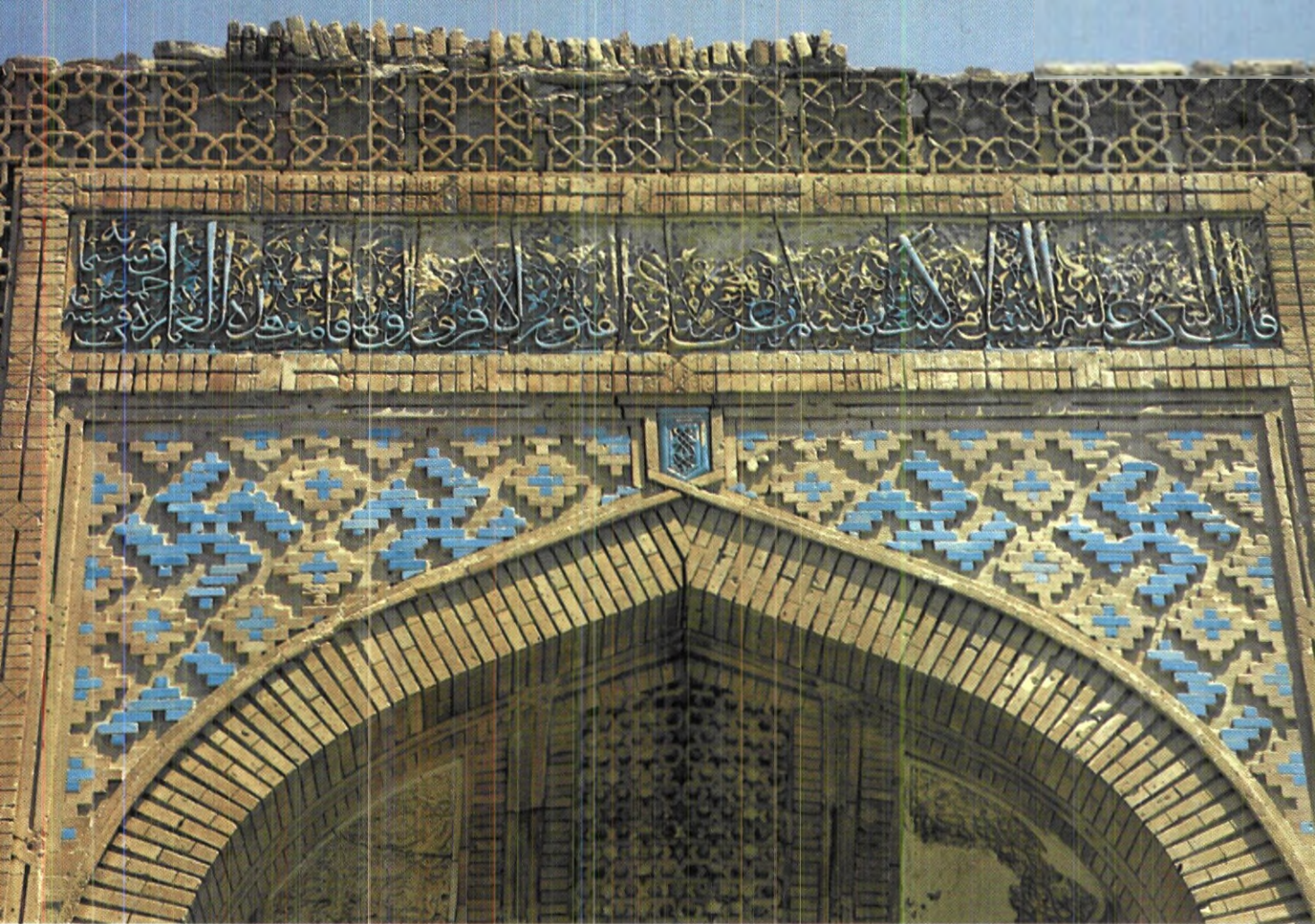
Бухоро. Сайфиддин Бохарзий мақбара-хонақоси.
Bukhara. Saif-ad-Din Bokharziy Khonaqa- Mausoleum.
Бухара. Мавзолей-хонако Сайфиддина Бохарзи.

Вобкент. Чашмаи Аюб хазираси. Кириш пештоки. 1208 йил.
Vobkent. Chashma Ayub Khazira. Entrance Portal. 1208
Вабкент. Хазира Чашма Аюб. Входной портал. 1208 г.

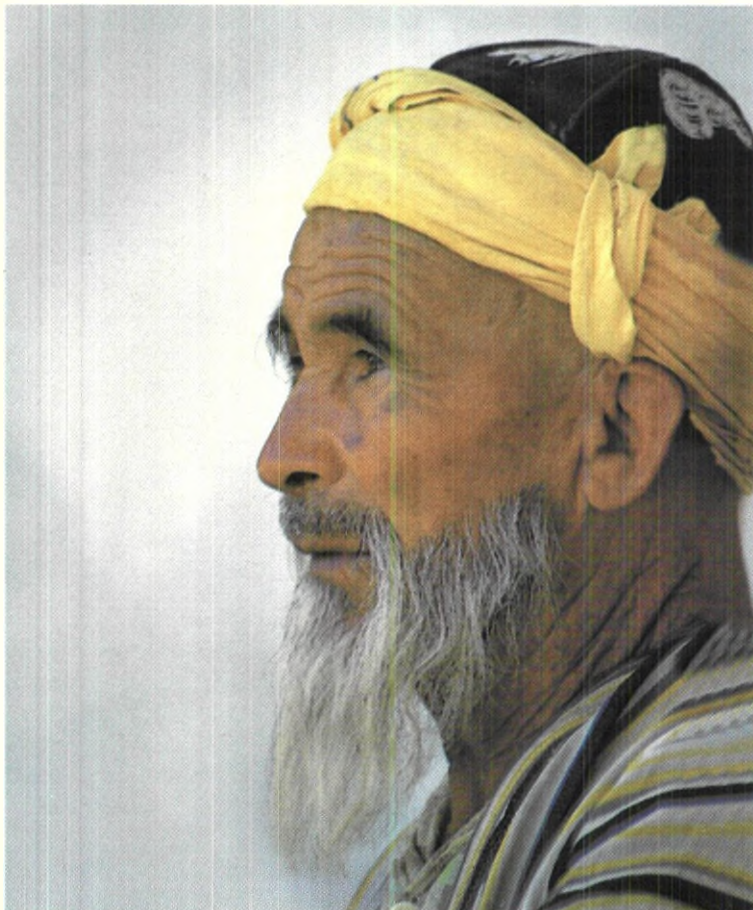
Вобкент. Миноранинг ойнабанд тўйшуқлари. XII аср.
Vobkent. Minaret Lantern. 12th c.
Вобкент. Фонарь минарета. XII в.

Вобкент. Чашмаи Аюб хазираси. Кириш пештоқидаги безагининг бир қисми. 1208 йил.

Vobkent. Chashma Ayub Khazira. Tympanum of the Entrance. Portal Decor Fragment. 1208.

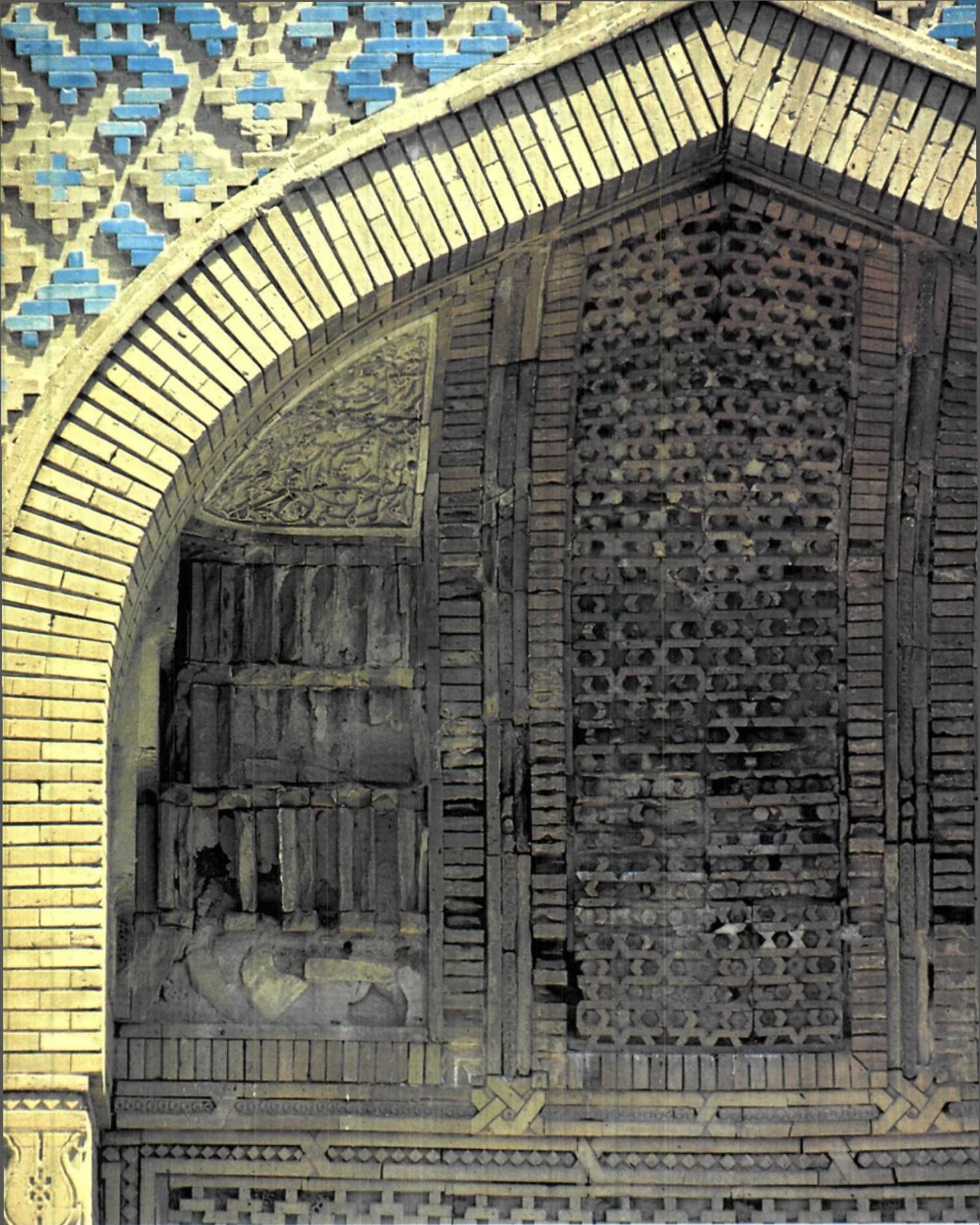
Вобкент. Хазира Чашма Аюб. Тимпан входного портала. 1208 г. Фрагмент декора.

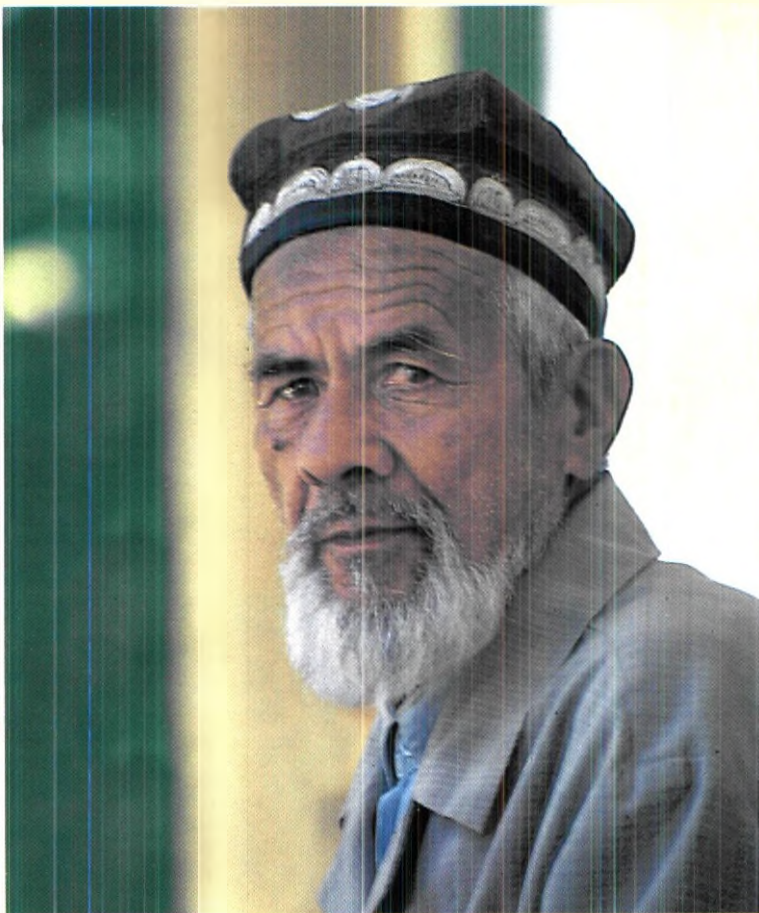
Вобкентнинг нуруний қариялари.

Old Men of Vobkent.

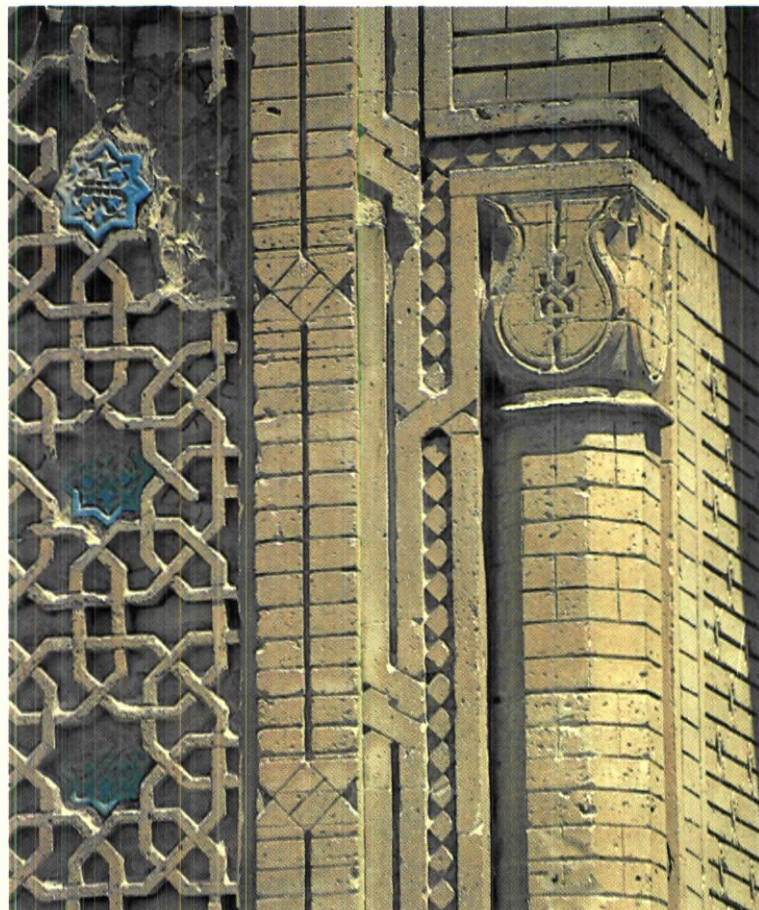
Старики Вобкента.

Вобкент. Чашмаи Аюб хазираси. Пешток
безагининг бир қисми. 1208 йил.
Vobkent. Chashma Ayub Khazira. Portal
Decor Fragment. 1208.
Вабкент. Хазира Чашма Аюб. Фрагмент
декора портала. 1208 г.

Вобкентнинг пуроний қариялари.
Old Men of Vobkent.
Старики Вобкента.

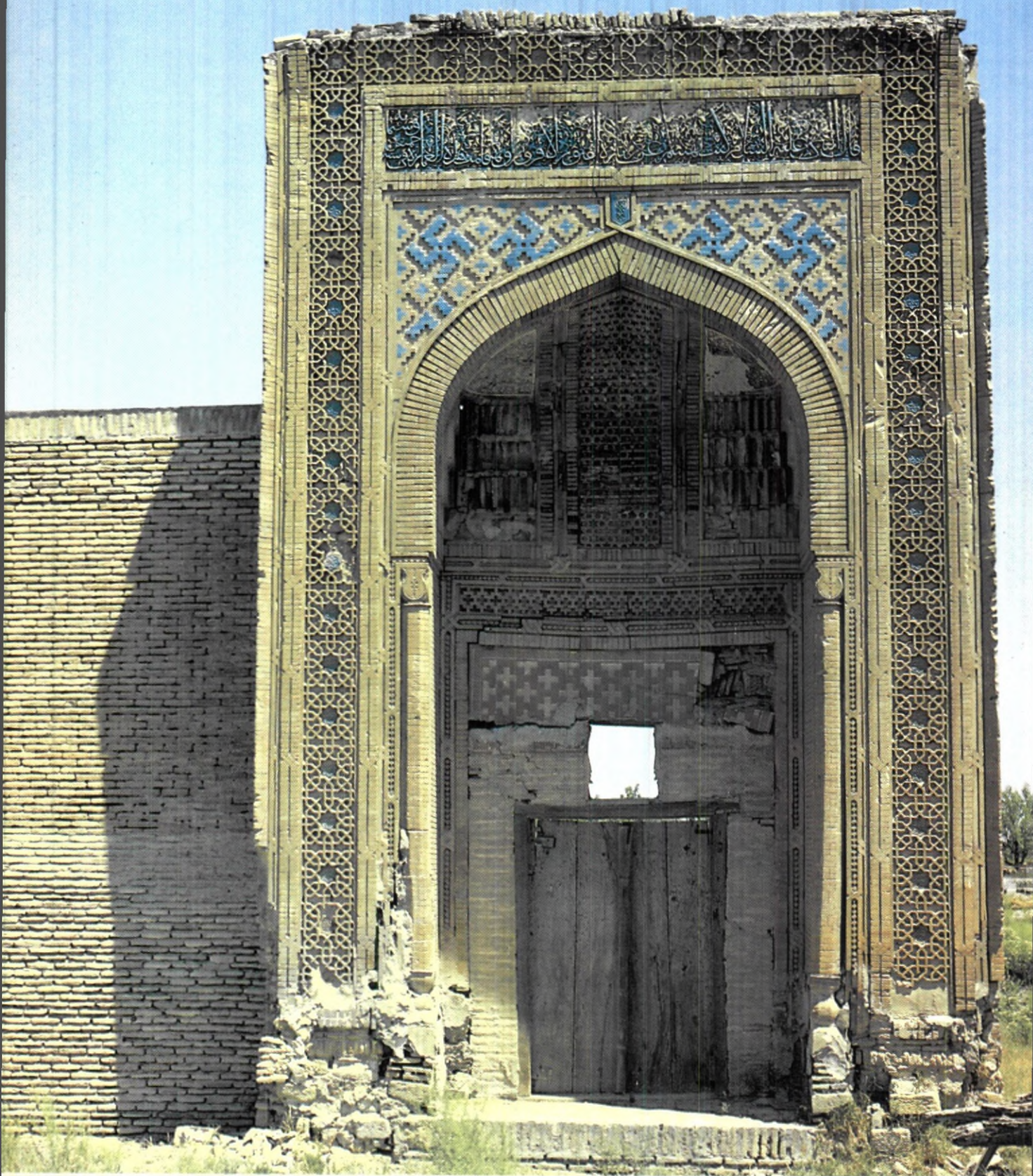
Вобкент. Чашмаи Аюб ҳазираси. Пештоқ
безагининг бир қисми. 1208 йил.
Vobkent. Chashma Ayub Khazira. Portal
Decor Fragment. 1208.
Вобкент. Хазира Чашма Аюб. Фрагмент
декора портали. 1208 г.

Вобкент. Чашмаи Аюб хазираси. Сохта қабр. Муқаддас қудук ёнидаги қадамгоҳ.
Vobkent. Chashma Ayub Khazira Imaginary Grave - "Qadamgoh" at the Sacred Well.
Вабкент. Хазира Чашма Аюб. Мнимая могила — "қадамгоҳ" у святого колодца.

Вобкентдаги Чашмаи Аюб хазираси яқинидаги масжидда намоз ўқиш.
Praying in a Mosque not Far From Chashma-Ayub. Vobkent.
Молитие в мечети вблизи хазире Чашма Аюб в Вабкенте.

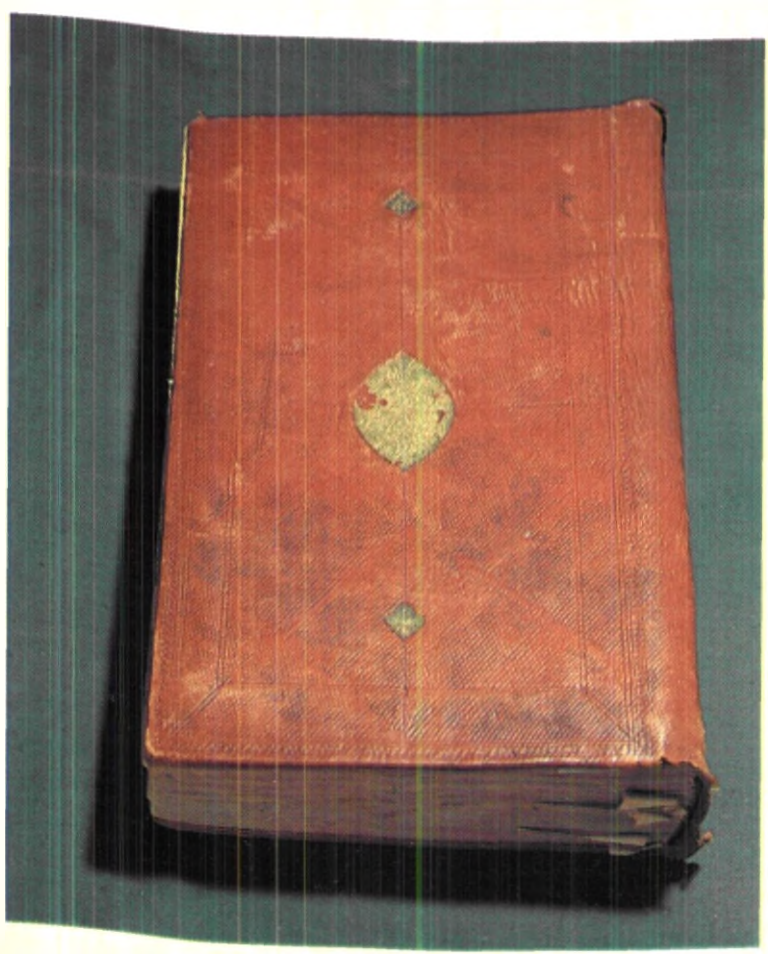

Вобкент. Чашмаи Аюб хазираси. Кириш пештоки. 1208 йил.
Vobkent. Chashma Ayub Khazira. Entrance Portal. 1208.
Вабкент. Хазира Чашма Аюб. Входной портал. 1208 г.

Handwritten text in Arabic script, likely a manuscript fragment. The text is dense and covers most of the page.

Handwritten text in Arabic script, likely a manuscript fragment. The text is dense and covers most of the page.

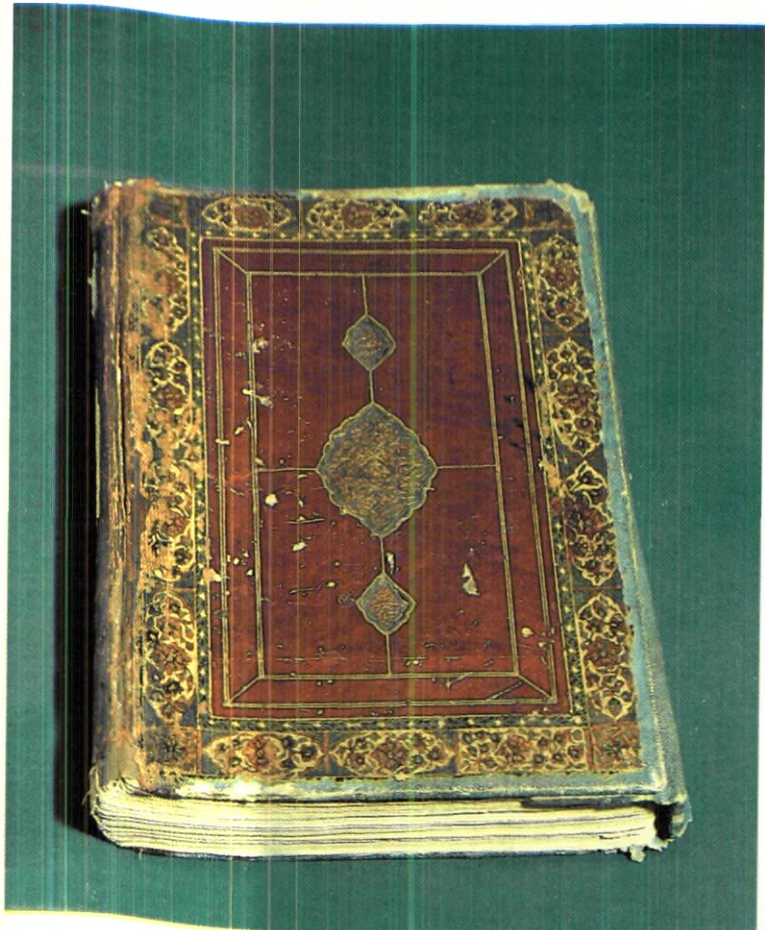
825-рақамли қўлзмадан бир парча. 693-а. ЎзР ФА Шарқшунослик институтида сақланади.
Manuscript Fragment № 825. P. 693-A. Stored at the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.
Фрагмент рукописи № 825. С. 693-а. Хранится в Институте востоковедения АН РУз.

Ибн ал-Асир. "Тарихи қомил" қўлзмасининг муқоваси. 825-рақамли қўлзма. ЎзР ФА Шарқшунослик институтида сақланади.
Manuscript Cover of Tarikh-i Komil by Ibn al-Aziz. № 825. Stored at the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.
Обложка рукописи "Ал-қомил фи-т-тарих" Ибн ал-Асир. Рукон. № 825. Хранится в Институте востоковедения АН РУз.

یافت یکبار و شیشه رحمتش و فریضه گشت و او را بخودش خود نزدیک و شغول
 مگردانید. و حجاب حیفا ناپدید و چون کبودی بر آن بگذشت و در ادب حضرت
 و رسوم آن مامور گشت و ذاتی ملک شرف بدی تمام او را در حق و در داد و داد او را
 و در داد او را آنچه و سبب ملازمت استخوان تمام او را بدی سبب یکی از سیاهی بد
 و علم جسته را آنچه از خطاط و سیلما و جمال او بدی با خطاط لعل و معلوم است
 کی محاسن امردان مانند و قاتلان و شبیه داد ناما بدید و بدین
 در دایم کل خفت از نور بر او ناما و این دلش که در حیرت زینار ناما
 و عشق شطانی و سوابق است که در و در حال در پیش قتل با مادر و آتش آن
 سوسن با ملک انانته ابی اظفار بدید و چون مادر بر کز بدیدت
 عشق آن اشک کلمه بکشد در : "با باشد انان تمام نکند در
 میلان ملک چون امتلا حرا خانت علت شه و بدی بلالت لغاید و بدنت
 کلمات کشید شکر گشت افش جوهه انید ادا ما از دلاسی
 ا نمان الشیب مشربا و فوق سنی
 خفت ان بر من عسی فاذا الهع اضر سخته
 با بودت که از حضرت زمان و سبب کی جسته بود اشک خود از دم غریبان در
 و آن بلاد در خدمت موافقت جور با خون سپه سر و جسته در تیره و تیره
 سبب معصومی نسبت آن سفر بکشد از دو وجه یکی که تصدیک و حبیب لایلاط
 بود و دوم که با کلمه تمام کلمی بود که آخر کار بگویند خواهد نشست ملک خاندان
 سرف العین ما الزم بکشد و سبب در خدمت او روان شعر
 اوجه المرد میسه و سام شمس و لم دل وضع و شفاعات توبه
 فاذا الشربانی صخر الیه الرحمة : فرق الامین الملائک کفر و التوبه

610-рақамли қўлёзма. 189 а-варақ. ЎзР ФА Шарқшунослик институтида сақланади. Manuscript 610. P. 189-A. Stored at the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. Рукон. № 610. С. 189-а. Хранится в Институте востоковедения АН РУз.

1620-рақамли қўлёзма. Рашидадин. "Жомеъ ат-таварих". ЎзР ФА Шарқшунослик институтида сақланади. Manuscript 1620. Jomiy at-Tavarikh by Rashid ad-Din. Stored at the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. Рукон. № 1620. "Джаме' ат-таварих" Рашидадина. Хранится в Институте востоковедения АН РУз.

أهل البيت في الحوزة الحضرية: ما عرفت في كتابنا الذي
إلى حضرة الملكة العظيمة عالمنا العالم الذي كثر فيه
الشريعة العظيمة بحسب الشريعة المحمّدية المعروفة بالفائدة للبنة
على الباقية المتوجهة بشرط كعبه وطوبى له من وجد حبه عظمته
بعناية فيض الفخر والجود عمت حرمته عظمة الدنيا والدين بعينته
الإسلام ومدينة المسلمين عظمته كان بنت السلطان
السعيد الشهيد كن المينا والدين أسوة سلاط العالم ان الله به
أردت ان تحفظ ذلك الحوزة تحفة تناسب فما واهها كهدية
تلايم عظمة ما فلو رتحفة اعلى زينة ولا هدية لجل زينة من
للإحاديث النبوية التي هي ثمرة شجرة في منبت القدس والركا
أصلها ثابت وفعها في السماء ذات بلاغتها في من المطامع والآيات
لنصاحتها معاشر العرب الفصاح قال باسم عن الفاضل ما فر ليام وترج
مخس نعلم ما صال له فام تبيين الشهدا بنيناها وتبلغ الحق بياناها وملك

في روى

في روى هذا في تعريف كماله المسمى بجميع الحقائق والأصول
في معرفة إحداهن الرسول على ما التمس طائفة من أكابر الزمان
من العلماء والمشايخ وغيرهم اذ لم الله توفيقهم وما أوردت في ذلك
الجانب في ابواب الأيمان في الباب الخامس من الأحاديث الواردة
في النيات والصفات والتوحيد والمعارف وغير ذلك من
الاشارة إلى الهيمته مما قد نعدرا وتعرض على أكثر الخلق بيانها
وتحقيقها الأمر كشف الله عن عين بصيرته فان هذا العلم
لبنها على طرفه مما يقع نورانه في قلبه انه وتفاوتها بين
اشواطه يتعد بفسانه عن غايته والاطلاع عليه بعد تحقيق
القواعد العظيمة والأصول العميقة واللبان العزيمية يتوقف على
الوهب والهي والكشف الرباني الذي هو نتيج الحيافة وفائدة
العوض في فحار المجاهدين ولا يسعد كما المصطفون بل نور
المشاهدات فإنه كما لا يدخل الملائكة الجالسة للبركات شيئا

في روى

13347-рақамли қўлёзма. 2 а ва 6-варақлар. ЎзР ФА Шарқшунослик институтида сақланади.
Manuscript № 13347. P. 2. B and A. Stored at the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.

Рукоп. № 13347. С. 2 а, 6. Хранится в Институте востоковедения АН РУз.

13347-рақамли қўлёзма. 2 б-варақ. ЎзР ФА Шарқшунослик институтида сақланади.
Manuscript № 13347. P. 2-B. Stored at the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.
Рукоп. № 13347. С. 2 б. Хранится в Институте востоковедения АН РУз.

مقصودا على ذكر اللبن مع ان المراد منه اللبن فالاشارة
 كثير ما تعتبر عنها بامور حسوسة تقرب من انعام احكام الحرف
 فانه التي ضرب من الخيل تربيها للفهم وعلى اي وجه حال
 من الوجوه المذكورة في مرتبة في اسم الجارة حقيقة
 ومجازا انما في الفدرة الالهية وان كان بصرفه كفي
 مقابيس الحقول القاصرة والاشارة للجادة المحجوبة عن كل
 وارضها من العجايب الغيبية والاشارة الى الهية والاشارة
الربيع في بيان قوله عليه السلام
 انه لا يستشع بالله على احد وقوله عليه السلام
 ما الله ان عرشه على سماءه هكذا مثل القبة وانما عليه
 به ابيض الرخايا الركب وقوله انه فوق عرشه وقوله كتب
 كتابا في رعد على عرشه وقوله لو دليت الى الارض السفل
 لم يط على الله وما يتعلق بك قوله عليه السلام انه لا يستشع
 بالله

13347-рақамли қўлёзма. 54 б-варақ. ЎзР
 ФА Шарқшунослик институтида сақла-
 нади.
 Manuscript № 13347. P. 54-B. Stored at
 the Institute of Oriental Studies of the
 Academy of Sciences of the Republic of
 Uzbekistan.
 Рукон. № 13347. С. 54 б. Хранится в
 Институте востоковедения АН РУз.

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
 الحمد لله المتفرد بالبقاء والبقاء المتبدي والبقاء والبقاء
 العظيم الذي ليس له منتهى ما يمتد في الابد الجبر الذي ليس
 له منتهى ما يمتد في الابد الجبر الذي ليس له منتهى ما يمتد في الابد الجبر
 صفة اقل من الابد والابد والابد والابد والابد والابد والابد والابد
 احاطة ولا سعة ولا سعة ولا سعة ولا سعة ولا سعة ولا سعة ولا سعة ولا سعة
 وطاعت ذرية الاشياء والاشياء والاشياء والاشياء والاشياء والاشياء والاشياء
 عن قوته والسيطرة والسيطرة والسيطرة والسيطرة والسيطرة والسيطرة
 ساطعة اطلت على الارض والارض والارض والارض والارض والارض والارض والارض
 يخرجهم ومومعه انما كشم والله كما يقول بصير من الخلق
 من اصول

13347-рақамли қўлёзма. 1 б-варақ. ЎзР
 ФА Шарқшунослик институтида сақла-
 нади.
 Manuscript № 13347. P. 1 b. Stored at the
 Institute of Oriental Studies of the Aca-
 demy of Sciences of the Republic of Uz-
 bekistan.
 Рукон. № 13347. С. 1 б. Хранится в Ин-
 ституте востоковедения АН РУз.

13347-рақамли қўлёзма. "Жомеъ ал-хаккойк". 16. 2 а-варақлар. ЎзР ФА Шарқшунослик институтида сақланади.
 Manuscript № 13347. Jomi al-Khokoik. P. 1 b, 2-a. Stored at the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.
 Рукоп. № 13347. "Джаме' ал-хакайк". С. 16, 2 а. Хранится в Институте востоковедения АН РУз.

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

الحمد لله المتكبر بالقدرة القائم المتدبر في القدر والقدرة
 العظيم الذي ليس له منتهى ما يقدرونه الهة الكفرة الذين ليس
 لهم باليه غاية لخلقهم كما أن صنعة في الموجودات علم
 متصور بها وأولها خلق الله عن الخلق في غير عالمها ما كان
 صفة من قبلها في أولها وما كان في ذاته ذات جلال لا
 احتاطة ولا نسبة حيث هذه البهائم التي هي في القاطنة
 وطاعت خدوتها في الآيات التي أدت إلى هذه الخلق في
 عز وجله والبسطة صفة وتضع الخلق بحكمته والخلق في
 ساحتها في العلم بالخلق في الأرض والخلق في السماوات وما
 يخرج منها وهو علم الله الحكيم والقدرة ما لا يحصى من الخلق

من اصول

من اصول تصانيف مؤلفه وهو ما في تراجمه تبانيد في
 الجنة مني في مختلف الأوقات المتأخره من قبله وتقدر في الأوقات
 استخرج الإنسان وجوده الطيب إلى وجوده النقي والآن
 هو امر عليه والسرار حكيم ثم خلق بعد وبصره وادع كذا
 في العالم كثر فيه ودره حكمة بالعلم في خلقه في التقريب
 ولعمرة، مداعة السرار الملكوت وما خلقه بغير المعبور وهو في
 تقربه ثم غيره والوالمشهور في اعتبار وجوده وحده في
 الصغار لهذا ما الخلق في هذه هي الإنسان الكفرة في خلقه
 ما دون الخلق من الخلق في خلقه من سببها في خلقه في
 والنام بالدرجة العليا والنام في وفي واسرته في الأوقات
 الحرة إلى السبب في الخلق من حكام إلى المال الذي تم خصه في
 في الزيادة غيره وفي غيره في وشبهه المنصفين في المعارف في
 في الحكمة عند الخلق في سبب العالم في ذكره في

Жалолиддин Мангубердининг жанг манзараси тасвирланган миниатюра. 99089-рақамли қўлёзма. Абулхайрхон тарихи. XIV аср. ЎзР ФА Шарқшунослик институтида сақланади.

Miniature Depicting Manguberdi in Battle. Manuscript 99089. Abu Khairiron History. 14th c. Stored at the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.

Миниатюра со сценой битвы Джалолиддина Мангуберди. Рукоп. № 99089. История Абул Хайрхана. XIV в. Хранится в Институте востоковедения АН РУз.

Жалолиддин Синд дарёсидан сузиб ўтмоқда. 99089-рақамли қўлёзма. Абулхайрхон тарихи. XIV аср. ЎзР ФА Шарқшунослик институтида сақланади.

Jaloliddin is Crossig the Ind River. Manuscript 99089. Abu Khairiron History 14th c. Stored at the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.

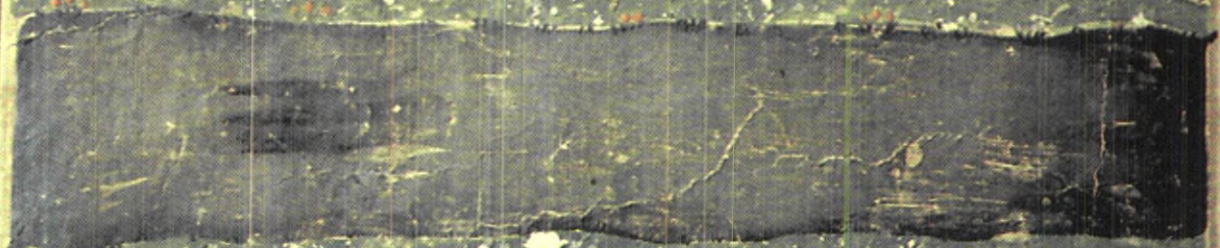
Джалолиддин переплывает через реку Синд. Рукоп. № 99089. История Абул Хайрхана. XIV в. Хранится в Институте востоковедения АН РУз.

با امرا و نروندگان خود گفتی که یه سوز میان ما و شما شیره در میان است روی با بران کرد

صورت

صورت

صورت

و گفت از بد دلبه خن اید از دو در ما خا... شکر من است زگر می آید کسی که

Жалолиддин мўғул қўшинларига қарши жанг қилмоқда. Ўзбекистон Давлат Тарих музейида сақланади.

Jaloliddin's Fight against Mongols. Stored at the State Museum of History of Uzbekistan.

Джалолиддин сражается против монгольских воинов. Хранится в Государственном музее истории Узбекистана.

Темур Малик. Расм. Ўзбекистон Давлат Тарих музейида сақланади.

Temur Malik. Picture. Stored at the State Museum of History of Uzbekistan.

Темур Малик. Картина. Хранится в Государственном музее истории Узбекистана.

Мухаммад бин Такаш. Танга. Ўзбекистон Давлат Тарих музейида сақланади.
Mukhammed bin Tekesh. Coin. Stored at the State Muzeum of History of Uzbekistan.
Мухаммад ибн Текеш. Монета. Хранится в Государственном музее истории Узбекистана.

Мухаммад бин Такаш. Танга. 650 х. й./1213 й. Ўзбекистон Давлат Тарих музейида сақланади.
Mukhammed bin Tekesh. Coin. 1213. Stored at the State Muzeum of History of Uzbekistan.
Мухаммад ибн Текеш. Монета. 650 г. х./1213 г. Хранится в Государственном музее истории Узбекистана.

Мўғул пайзаси. Ўзбекистон Давлат Тарих музейида сақланади.
Mongolian Arrow-head. Stored at the State Museum of History of Uzbekistan.
Монгольская пайза. Хранится в Государственном музее истории Узбекистана.

Мухаммад бин Текеш. Танга. Самарқанд. 616 х. й. / 1219 й. Ўзбекистон Давлат Тарих музейида сақланади.

Mukhammed bin Tekesh. Coin. Samarkand. 1219. Stored at the State Museum of History of Uzbekistan.

Мухаммад ибн Текеш. Монета. Самарқанд. 616 г.х. / 1219 г. Хранится в Государственном музее истории Узбекистана.

Мухаммад бин Текеш. Ўзген. Танга. 650 х. й. / 1213 й. Ўзбекистон Давлат Тарих музейида сақланади.

Mukhammed bin Tekesh. Uzghen. Coin. 1213. Stored at the State Museum of History of Uzbekistan.

Мухаммад ибн Текеш. Ўзген. Монета. 650 г. х. / 1213 г. Хранится в Государственном музее истории Узбекистана.

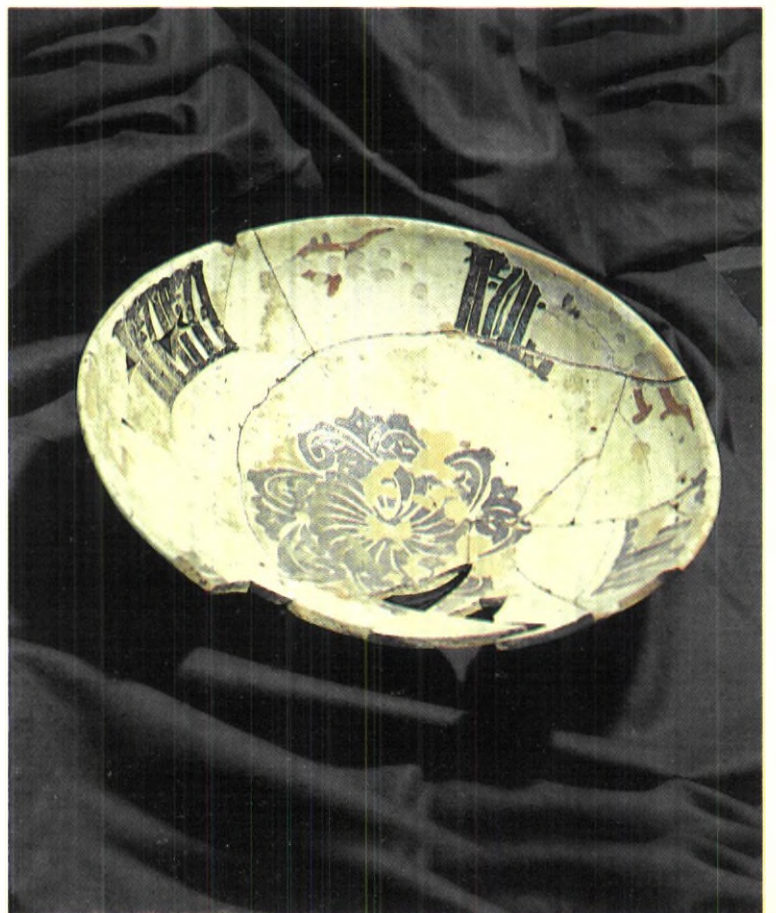
Жантовар ўк-ёйнинг учлари. Ўзбекистон Давлат Тарих музейида сақланади.
 Fighting Arrow-head. Stored at the State Museum of History of Uzbekistan.
 Наконечники боевых стрел. Хранятся в Государственном музее истории Узбекистана.

Овчилик ўк-ёйнинг учлари. Ўзбекистон Давлат Тарих музейида сақланади.
 Hunting Arrow-head. Stored at the State Museum of History of Uzbekistan.
 Наконечники охотничьих стрел. Хранятся в Государственном музее истории Узбекистана.

Ўймакор нақшли сопол идиш. Пойканд. Бухоро вилояти, XI–XII асрлар. Ўзбекистон Давлат Тарих музейида сақланади. Ceramic Flask with Carvings. Paikent, Bukhara, 11th – 12th centuries. Stored at the State Museum of History of Uzbekistan. Керамическая фляжка с резным орнаментом. Пайкент. Бухарская обл. XI–XII вв. Хранится в Государственном музее истории Узбекистана.

Сопол коса. XI–XII асрлар. Тошкент вилоятидаги Қавардон қадимги шаҳар харобаси. Ўзбекистон Давлат Тарих музейида сақланади. Ceramic Cup. Tashkent, 11th – 12th centuries. Stored at the State Museum of History of Uzbekistan. Керамическая чаша. XI–XII вв. Ташкентская обл. городище Кавардан. Хранится в Государственном музее истории Узбекистана.

**ХОРАЗМ МЕЪМОРЛИК МАКТАБИ МЕРОСИ
ХИВА АРХИТЕКТУРАСИДА**

**HERITAGE OF KHOREZM SCHOOL OF CONSTRUCTION
ART IN ARCHITECTURE OF KHIVA**

НАСЛЕДИЕ ХОРЕЗМСКОЙ ШКОЛЫ В АРХИТЕКТУРЕ ХИВЫ

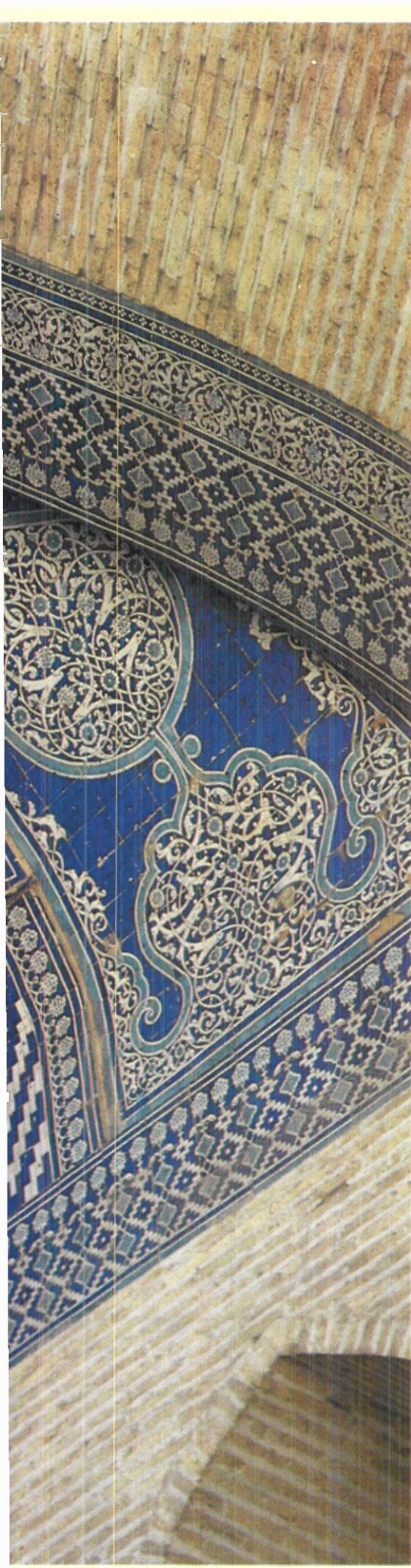
Хи́ва. Шаҳарнинг умумий курашиси.
Khiva. The Panorama of the City.
Хи́ва. Панорама города.

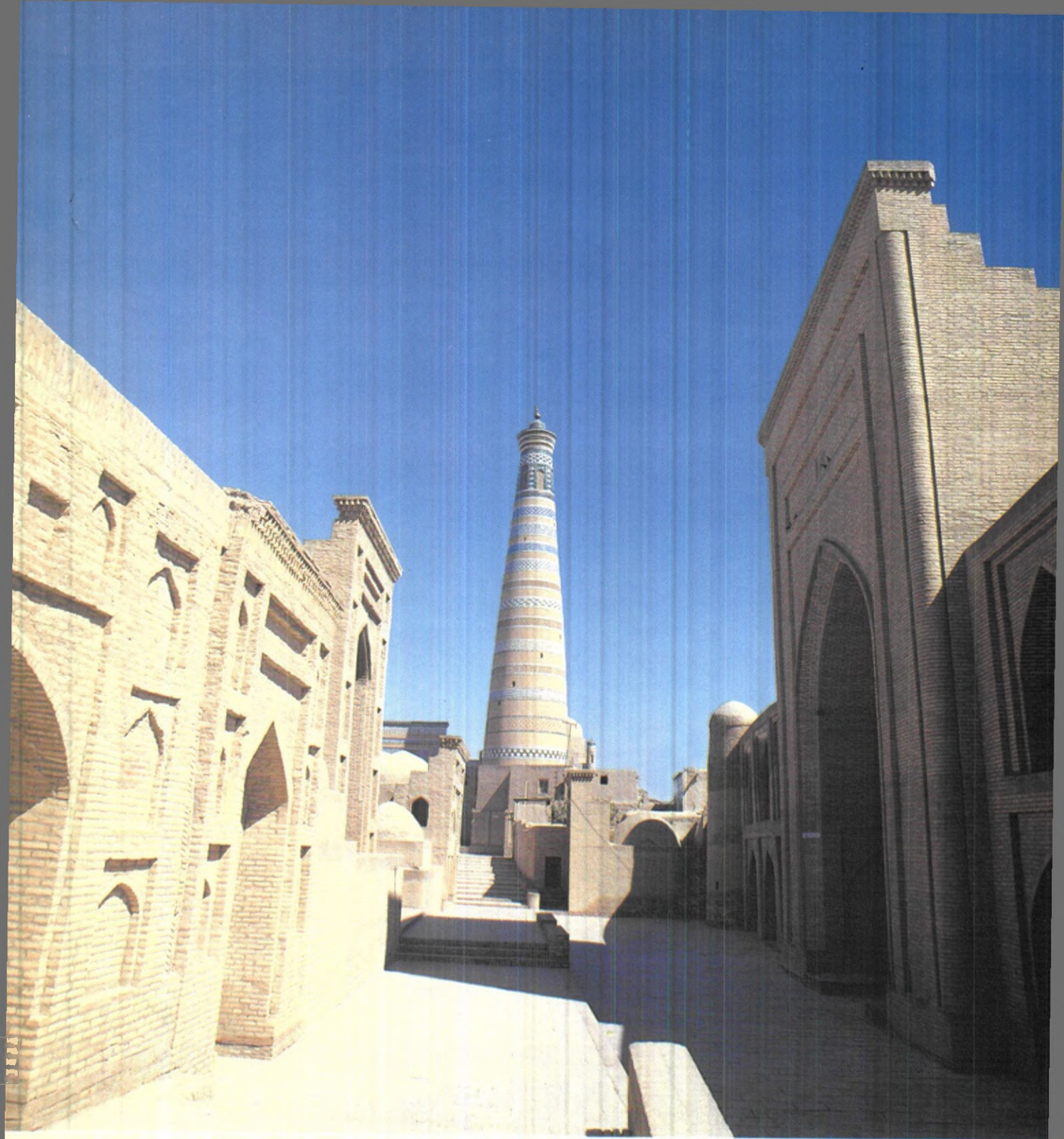
Хива. Жума масжид. Орқада қадимий йўғон ёғоч устунлар.
Khiva. Juma-Mosque. At the Background of the Massive Ancient Columns.
Хива. Джума-мечеть. На дальнем плане массивные древние колонны.

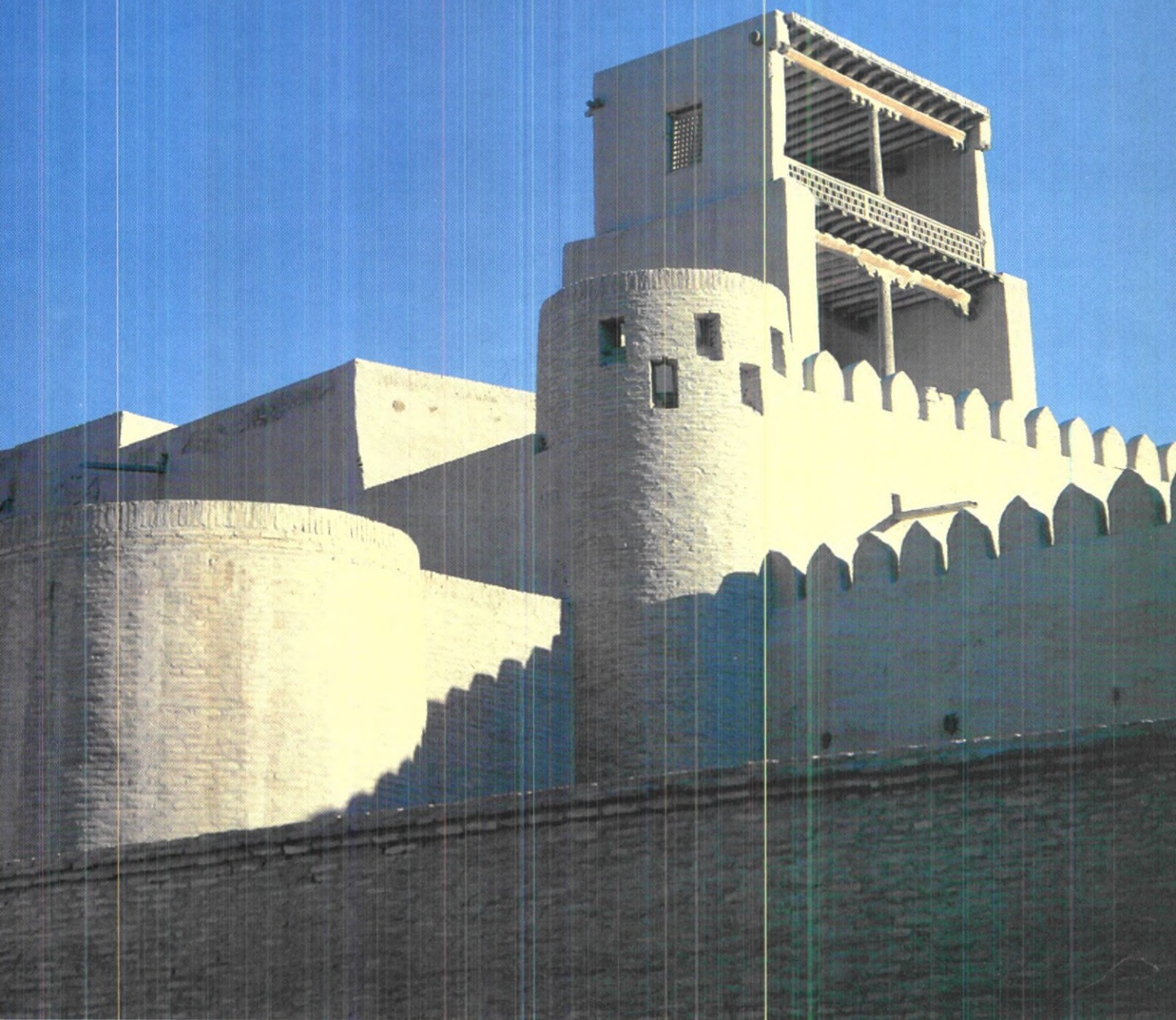

Хива. Мухаммад Раҳимхон мадрасаси. Пенгток нақшларидан лавҳа. 1871 йил.
Khiva. Madrasah Muhammad Rahimhan. Fragment of the Port Decor. 1871.
Хива. Медресе Мухаммад Раҳимхона. Фрагмент декора порталя. 1871 г.

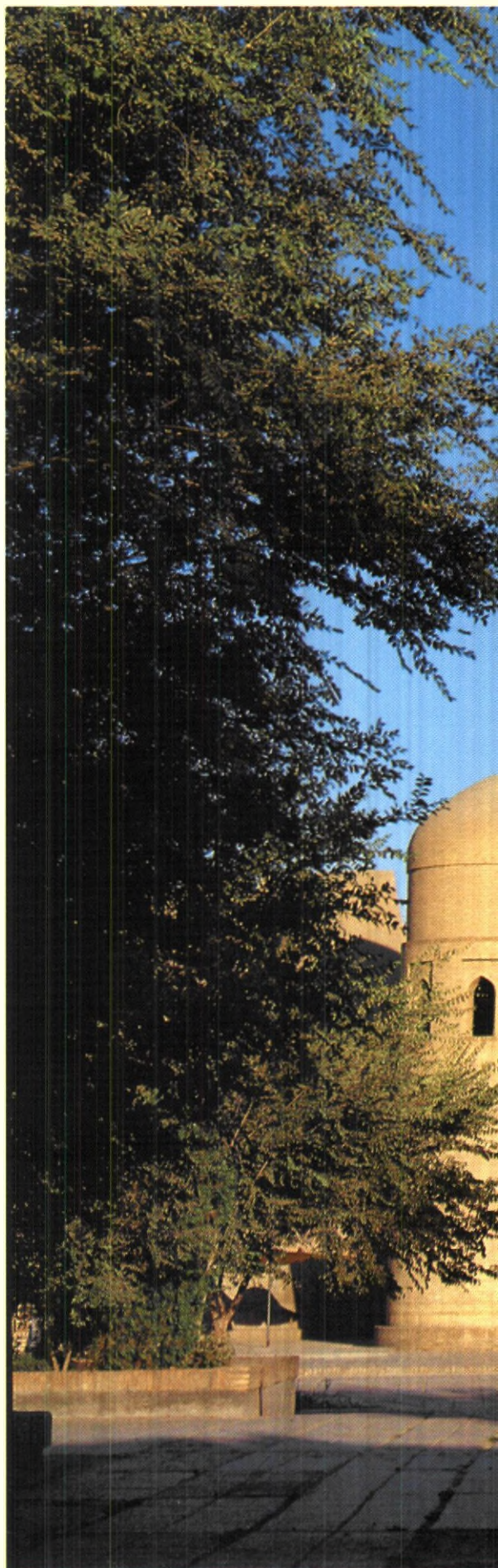

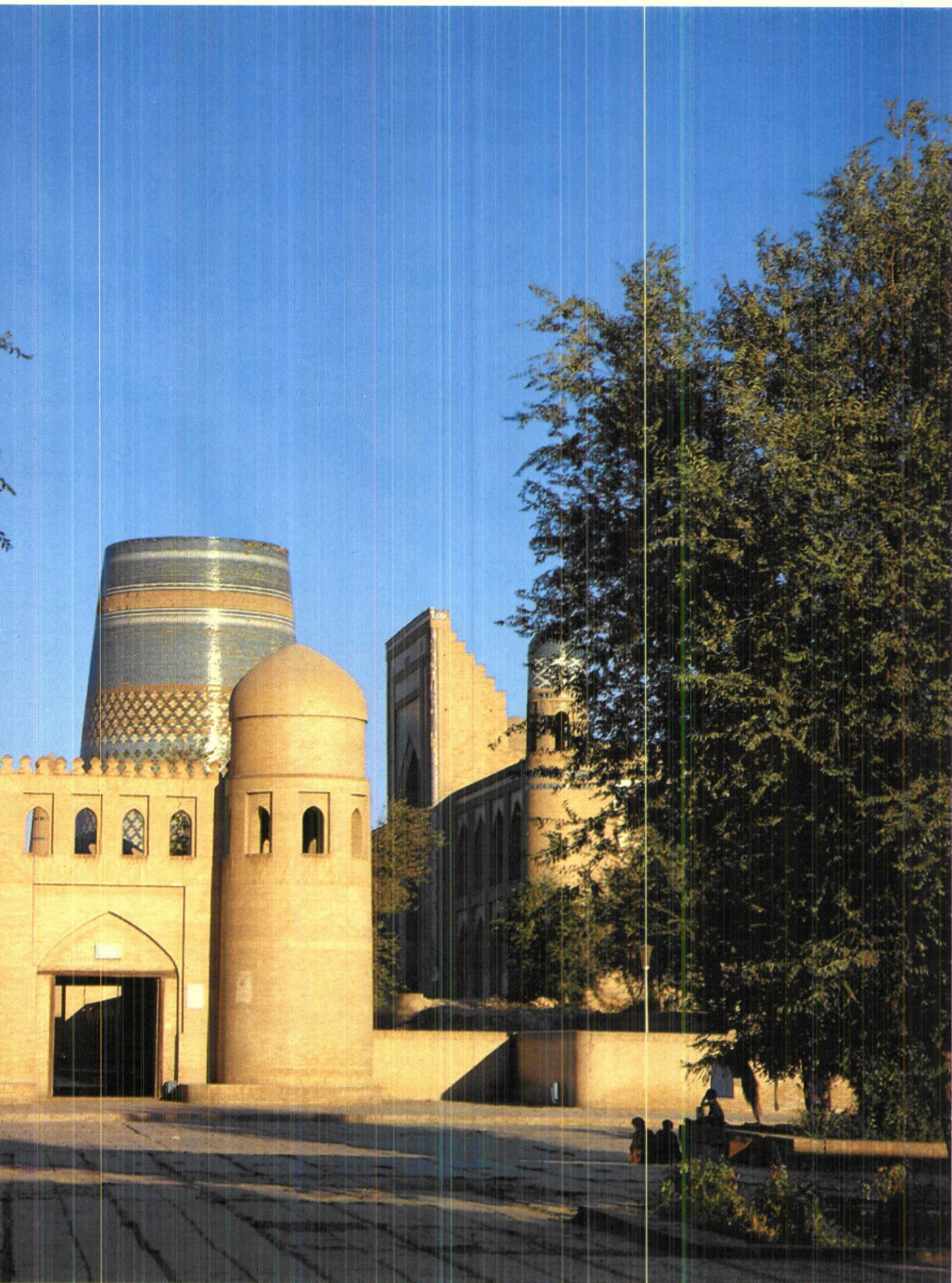
Хива. Исламхужа минараси. 1908 йил.
Khiva. Minaret Islamkhaja. 1908.
Хива. Минарет Ислам-ходжа. 1908 г.

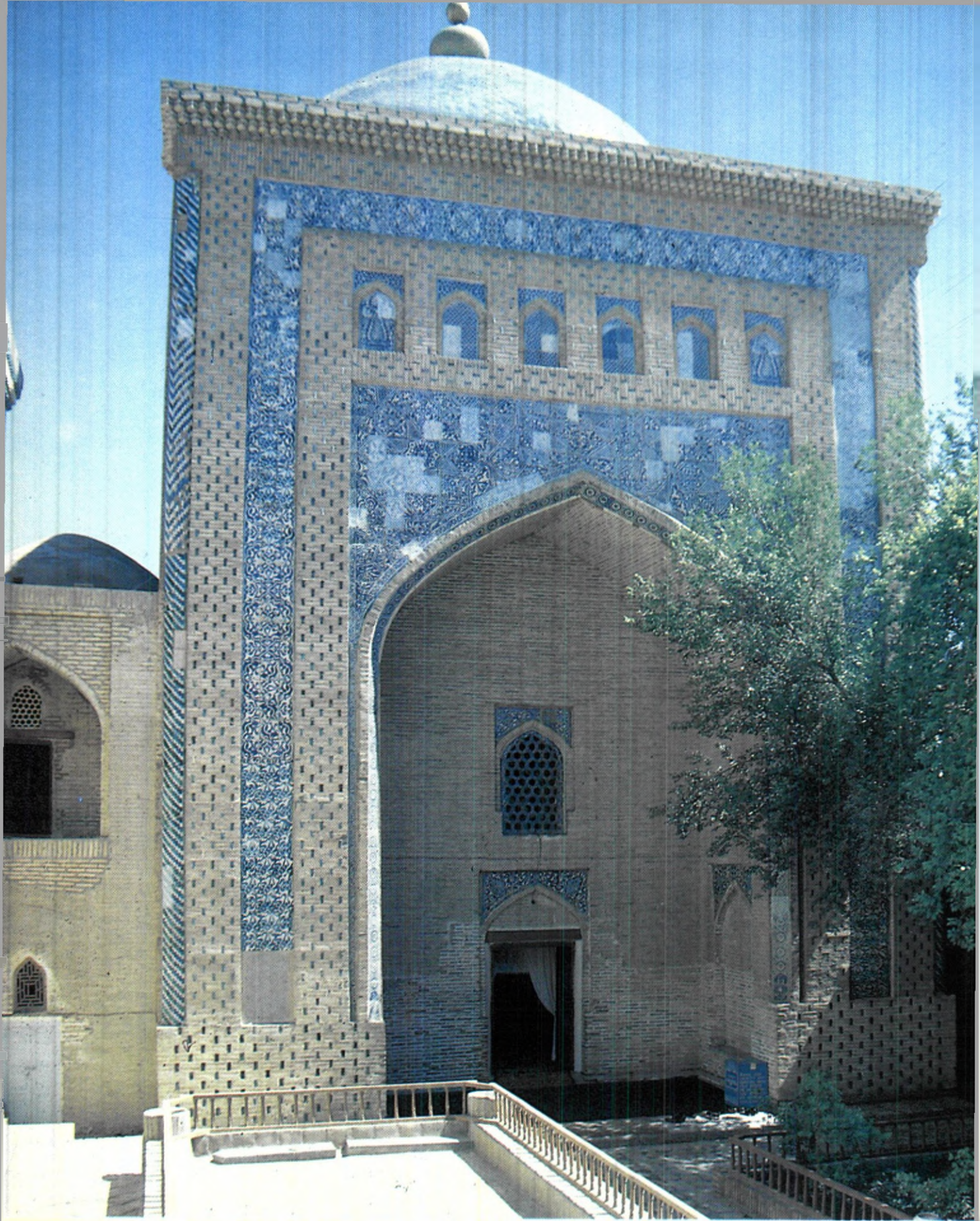

Хива. Кухна Арк. Оқшайх бобо айвони. XVII – XVIII асрлар. XX асрда қайта тикланган.
Khiva. Kokhna-arch. Aivan Akshikh-Bobo. 17th – 18th c.
Хива. Кухна-Арк. Айван Ак-Шейх бобо. XVII – XVIII вв. Восстановлен в XX в.

Хива. Ота дарвоза. XX асрда қайта тикланган.
Khiva. Ata-darvaza Gates.
Хива. Ворота Ата-Дарваза. Восстановлены в XX в.

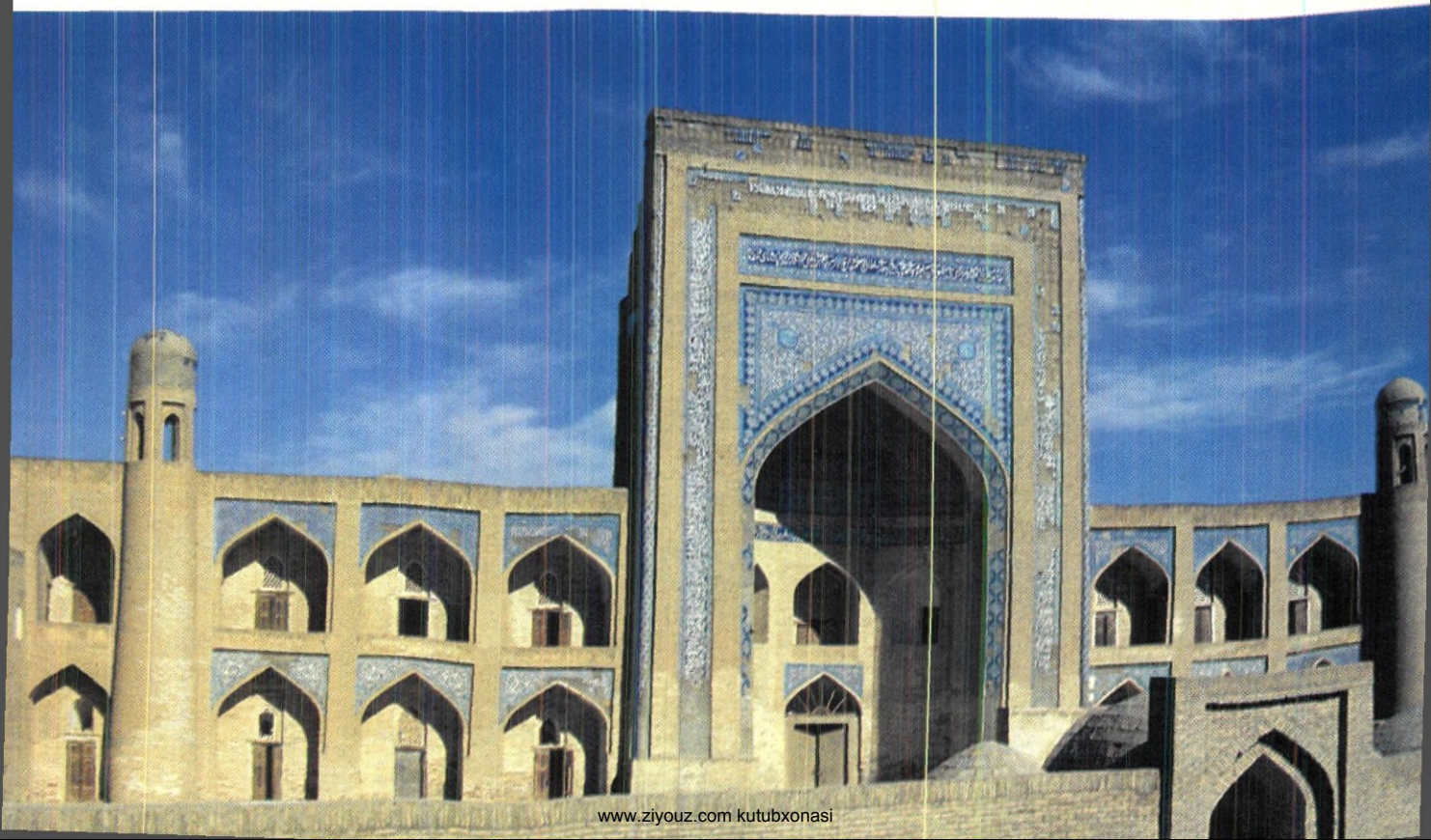

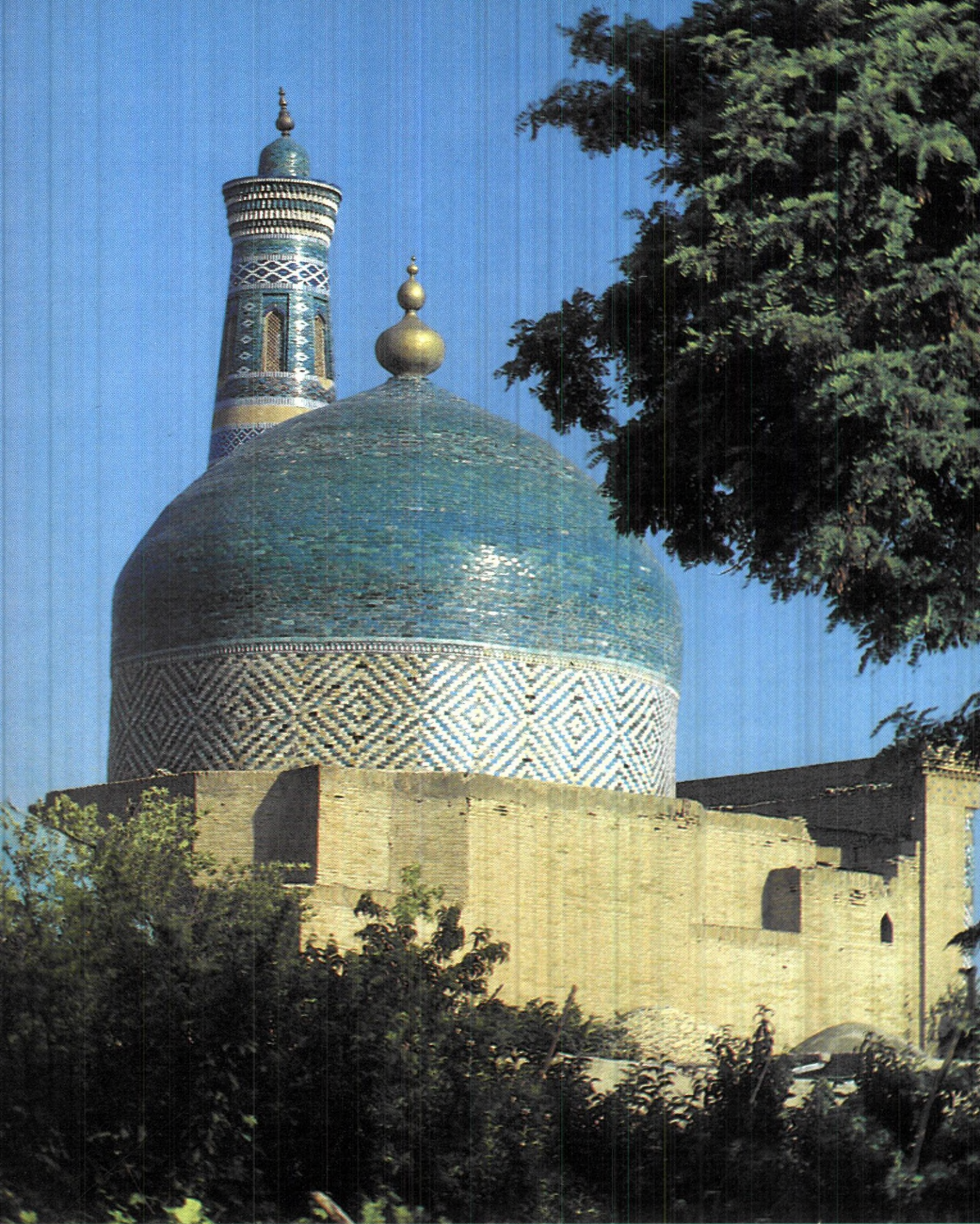
Хива. Пахлавон Махмуд мақбараси. 1810 – 1913 йиллар.
Khiva. The Mausoleum of Rakhlavon Makhmud. 1810 – 1913
Хива. Мавзолей Пахлавон-Махмуда. 1810 – 1913 гг.

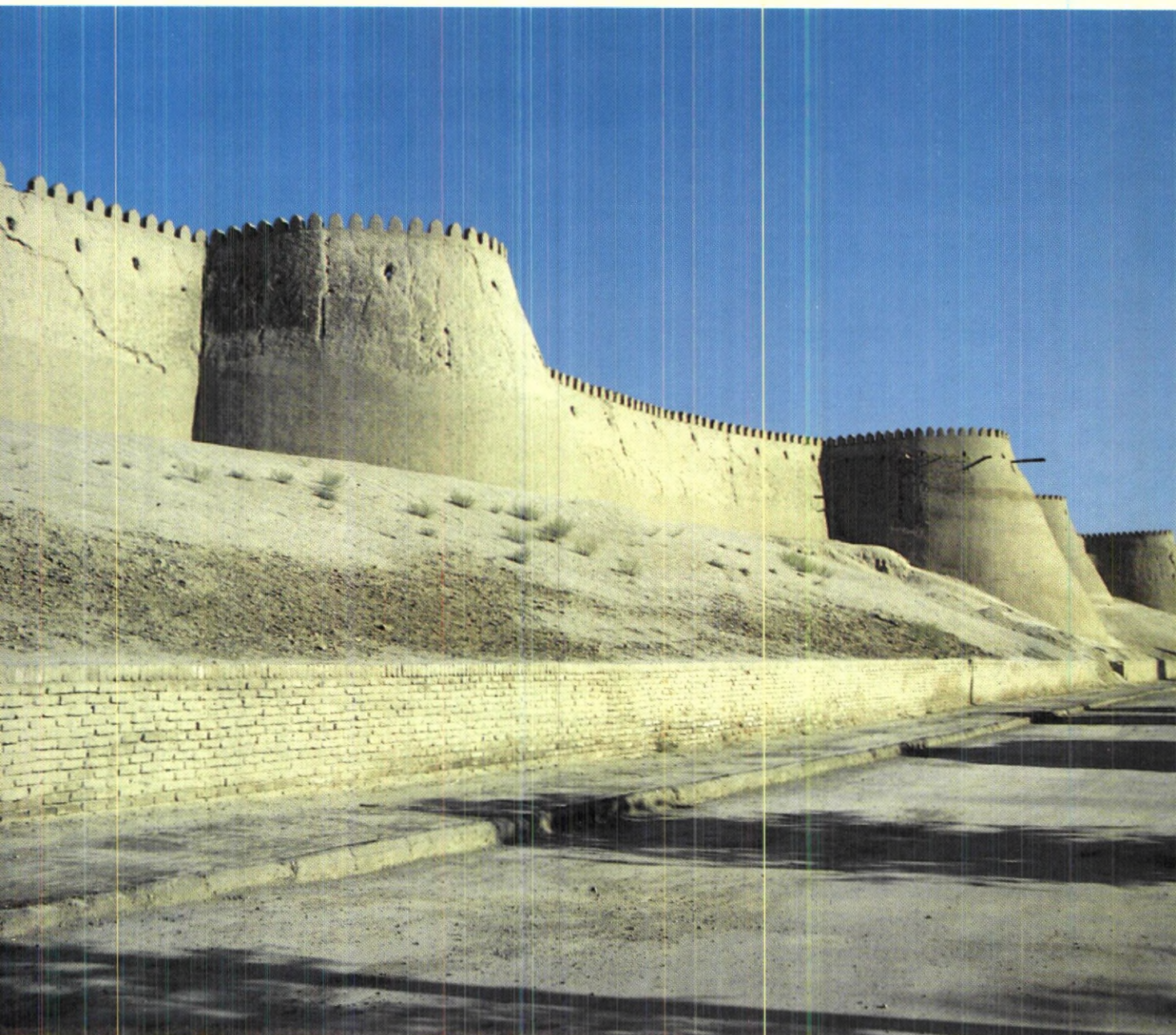
Хива. Тошхонли саройи. Харам айвоии. 1830 – 1832 йиллар.
Khiva. The Palace Rash-khadli. The Aivans of the Haram. 1830 – 1832.
Хива. Дворец Таш-хауди. Айваны гарема. 1830 – 1832 гг.

Хива. Оллоқулихон мадрасаси. 1834 – 1835 йиллар.
Khiva. Madrassah Allakulihan. 1934 – 1835
Хива. Медресе Алла-Кулихана. 1834 – 1835 гг.

Хива. Шахлавон Махмуд мақбарасининг гумбази.
Khiva. The Panorama of the City.
Хива. Қунол мавзолея Шахлавон Махмуда.

Хива. Ичанкалта шаҳар деворлари.
Khiva. The Ichan-kala City Walls.
Хива. Городские стены Ичан-Калы.

Масъул муҳаррир: *Хамидулла КАРОМАТОВ*

Таҳрир хайъати:

Тўхтанулат РИСКНЁВ, Назрулла ЖЎРАЕВ, Тўхтамурод ЖЎРАЕВ, Тоҳир ОРНШОВ, Мирзоян КОМИЛОВ, Бўрибой АҲМЕДОВ, Эдвард РТВЕЛАДЗЕ, Бахтиёр НАЗАРОВ, Асомиддин ЎРИНБОЕВ, Нозим ХАБИБУЛЛАЕВ, Мирсодиқ ИСҲОКОВ, Турсунали ҚЎЗНЁВ

Илмий муҳаррирлар: *Эдвард РТВЕЛАДЗЕ, Асомиддин ЎРИНБОЕВ*

Адабий муҳаррир: *Хусниддин ИУРМУХАМЕДОВ*

Муаллифлар жамоаси: Бахтиёр Назаров ("Мукаддима"); Омонullo Ёўриев ("Хоразмишохлар давлатида сиёсий ва маданий ҳаёт", "Адибшарҳлар-хоразмишохлар тарихига оид ёзма манбалар", "Мавбалардан лавҳалар", "Хулоса"); Нурегли Тошев ("Хоразмишохлар давлати XIII аср бошларида"); Мавлуда Юсупова ("Хоразм меъморлиги").

Китоб – альбомни тайёрлаш ишларида мувофиқлаштирувчи илмий гуруҳ: Нозим ХАБИБУЛЛАЕВ (раҳбар), Мавлуда ЮСУПОВА, Болтабой ШОДИЁВ, Бобур АЛИМОВ

Компьютер таъминотида: Саодат САИДХОНОВА

— * —

Editor - in - Chief *Khamidulla KARAMATOV*

Editorial Board *Tukhtapulat RISKIYEV, Nazrulla JURAYEV, Tokhtamurad JURAYEV, Mirzayan KOMILOV, Tokhir ARIPOV, Buriboi AKHMEDOV, Edward RTVELADZE, Bakhtiyor NAZAROV, Mirsodiq ISKILAKOV*

The Scientific Editors *Isa JABBOROV, Nozim KHABIBULLAYEV*

The Literary Editor *Khalima RAUPOVA*

Translators *M. IRISKOULOV* (chief), *T. IKRAMOV, M. AKHMEDJANOVA, Y. KUSHAKOV, R. MIRZAYEVA*

Editor of English Version *M. IRISKOULOV*. Authors *Bakhtiyor NAZAROV* ("Introduction") *Amanulla BURIEV* ("Political and Cultural Life in the State of Khorezmshahs", "Written Sources", "Conclusion") *Nuregdi TOSHEV* ("The State of Khorezmshahs in the Beginning of the 13th century") *Mavluda YUSUPOVA* ("Architecture of Khoresms")

The Scientific group to prepare the book for printing

Nozim KHABIBULLAYEV (chief), *Mavluda YUSUPOVA, Boltaboi SHODIYEV, Bobur ALIMOV*

Computer Operators

Olga USHAKOVA, Saodat JALILOVA, Sevara BAKHRAMOVA, Nargiza MIRZAYEVA

— * —

Ответственный редактор: *Хамидулла КАРАМАТОВ*

Редакционная коллегия: *Тўхтанулат РИСКНЁВ, Назрулла ДЖУРАЕВ, Тўхтамурод ДЖУРАЕВ, Мирзоян КАМИЛОВ, Тоҳир ОРНШОВ, Бўрибой АҲМЕДОВ, Эдвард РТВЕЛАДЗЕ, Бахтиёр НАЗАРОВ, Асом УРУНБАЕВ, Нозим ХАБИБУЛЛАЕВ, Мирсодиқ ИСҲАКОВ, Турсунали ҚЎЗНЁВ*

Авторский коллектив: Бахтиёр НАЗАРОВ ("Введение"); Аманулла БУРИЕВ ("Из истории политической и культурной жизни государства Хорезмшахов в XI — начале XII в.", "Письменные источники", "Заключение"); Нурегли ТОШЕВ ("Государство Хорезмшахов в начале XIII столетия"); Мавлуда ЮСУПОВА ("Архитектура Средней Азии в эпоху Хорезмшахов", "Наследие хорезмской школы в архитектуре Хивы").

Научные редакторы: *Эдвард РТВЕЛАДЗЕ, Асом УРУНБАЕВ*

Научная группа по подготовке к изданию книги-альбома:
Нозим ХАБИБУЛЛАЕВ (руководитель), *Мавлуда ЮСУПОВА, Болтабой ШОДИЁВ, Бобур АЛИМОВ*

Литературный редактор: *Халима РАУПОВА*

Компьютерное обеспечение: *Ольга УШАКОВА*

**Альбомни нашрга
тайёрловчи нашрлар ва
матбаачилар гуруҳи**

Ислом ШОГУЛАМОВ —
раҳбар
Одилжон РАҲИМОВ
Тўхтасин БОБОЖОНОВ
Омонудла ЮНУСОВ
Адхам ЗОХИДОВ
Бобур АЛИМОВ
Отабек ГУЛАМОВ
Ибодудла
ШОЙМАРДОНОВ
Музаффар АЪЛАМОВ
Равшан ЖУМАБОЕВ
Евгений ГОРШЕНИН
Светлана ЦХАЙ
Зилъара АСАДУЛИНА
Баходир ТУЛАМЕТОВ
Махмуд МИНОВАРОВ
Абдугаффор АЗИЗОВ
Татьяна БУХАРЦЕВА
Борис ЦОЙ
Александра АВЕРКИЕВА
Ольга БЛОХИНА

**Publishing and printing
group on preparation of the
album for issue**

Islom SHAGULAMOV —
leader
Odiljon RAHIMOV
Tuxtasin BABADJANOV
Omonulla UNUSOV
Adkham ZOHIDOV
Bobur ALIMOV
Otabek GULAMOV
Ibodulla
SHOYMARDONOV
Muzaffar ALAMOV
Ravshan JUMABOEV
Evgeny GORSHENIN
Svetlana TSHAI
Zilyara ASADULINA
Bakhodir TULAMETOV
Makhmud MINOVAROV
Abdugappar AZIZOV
Tatyana BUKHARTSEVA
Boris TSOY
Alexandra AVERKIEVA
Olga BLOHINA

**Надательско-полиграфиче-
ская группа по подготовке
альбома к выпуску**

Ислом ШОГУЛАМОВ —
руководитель
Одилжон РАҲИМОВ
Тўхтасин БАБАДЖОНОВ
Омонудла ЮНУСОВ
Адхам ЗОХИДОВ
Бобур АЛИМОВ
Отабек ГУЛАМОВ
Ибодудла
ШОЙМАРДАНОВ
Музаффар АЪЛАМОВ
Равшан ЖУМАБОЕВ
Евгений ГОРШЕНИН
Светлана ЦХАЙ
Зилъара АСАДУЛИНА
Баходир ТУЛАМЕТОВ
Махмуд МИНОВАРОВ
Абдугашир АЗИЗОВ
Татьяна БУХАРЦЕВА
Борис ЦОЙ
Александра АВЕРКИЕВА
Ольга БЛОХИНА

ЖАЛОЛИДДИН МАНГУБЕРДИ

Ўзбек, инглиз, рус тилларида

«Шарқ» нашриёт-матбаа концерни
Бош таҳририяти
Тошкент — 1999

Мухаррирлар: *Б.Эшпўлатов, Э.Иргашева*
Мусаввир: *Ф.Башарова*
Техникавий муҳаррир: *Д.Габдрахманова*
Саҳифаловчилар: *Е.Горшениш, Р.Баязитова*
Мусаххичлар: *Ю.Бизаатова, Д.Пенаева*
Сувратчи: *К.Минайченко*

Теринга берилди 3.09.1999. Чоп этишига руҳсат берилди 5.10.1999. Бичими 60x90¹/₈ „Петербург“ гарнитураси. Оффсет босма. Шартли босма табоғи 16,0. Нашриёт-ҳисоб табоғи 15,8+8,3 рангли зарв. Буюртма № 4279. Адади 4.000 нусха. Баҳоси шартнома асосида.

«Шарқ» нашриёт-матбаа концерни босмаҳонасида чоп этилган.
700083, Тошкент шаҳри, Буюк Турон кўчаси, 41.

Отпечатано в издательско-полиграфическом концерне «Шарқ».
700083, г. Ташкент, ул. Буюк Турон, 41.

Publishing and Printing Concern «Sharq». 41. Buyuk Turon St. Tashkent. 700083.